

76201
6.70
ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА
ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ НА 1997–2000 ГОДЫ

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

XVI – первая половина XIX века

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

XVI – первая половина XIX века

МОСКВА «НАУКА» 2000

УДК 947.0
ББК 63.3(235.54)
И 90

Редакционная коллегия:

П.С. КАБЫТОВ (главный редактор),
И.Б. ВАСИЛЬЕВ (зам. главного редактора),
Э.Л. ДУБМАН, Ю.Н. СМИРНОВ, Л.В. ХРАМКОВ

Редакторы книги:

Э.Л. ДУБМАН, Ю.Н. СМИРНОВ

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. – М.: Наука, 2000. – 287 с., ил.

ISBN 5-02-008719-X

Книга даст представление об этапах заселения и хозяйственного освоения территории края, в ней показана широкая панорама участия в этом процессе русского крестьянства, украинцев, татар, мордвы, чувашей, башкир, немцев-колонистов и представителей других народов России, рассматриваются вопросы общественно-политической и культурной жизни.

Для историков, краеведов, студентов и школьников, для всех, кто интересуется историей России.

Без объявления

ISBN 5-02-008719-X
ISBN 5-02-008708-4 (общий)

© Центр “Интеграция”, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПОВОЛЖЬЯ К РОССИИ. САМАРСКИЙ КРАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА	10
--	----

Утверждение России на Средней Волге (<i>Ю.Н. Смирнов</i>)	10
Кочевая степь (<i>Э.Л. Дубман</i>).....	17
Волжско-яицкое казачество (<i>Э.Л. Дубман</i>)	24
Самарская крепость (<i>Э.Л. Дубман</i>)	34
Смутное время (<i>Ю.Н. Смирнов</i>).....	41

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОРУБЕЖНЫЙ КРАЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ (XVII – СЕРЕДИНА XVIII ВЕКА)	72
--	----

Мероприятия правительства по закреплению края в составе России (<i>Э.Л. Дубман</i>)	72
Калмыки на Средней Волге. Основание Ставрополя (<i>Э.Л. Дубман</i>)	81
Освоение новых земель (<i>Э.Л. Дубман</i>).....	89
Землевладение и землепользование (<i>Э.Л. Дубман</i>)	97
Сельское хозяйство (<i>Э.Л. Дубман</i>).....	109
Рыболовные промыслы (<i>Э.Л. Дубман</i>).....	114
Солеварение и производство серы (<i>Э.Л. Дубман</i>)	120
Город, промышленность, торговля (<i>Л.М. Артамонова</i>).....	128

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ (XVII–XVIII ВЕКАХ)	143
---	-----

Антикрепостнические выступления в XVII – начале XVIII в. (<i>Э.Л. Дубман</i>)	143
Участие жителей края в Уложенной комиссии Екатерины II (<i>Л.М. Артамонова</i>).....	151
Восстание под предводительством Е.И. Пугачева (<i>Ю.Н. Смирнов</i>).....	160

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОСВОЕНИЕ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	170
Органы управления и города (<i>Ю.Н. Смирнов</i>).....	170
Население и землевладение в эпоху Генерального межевания (<i>Ю.Н. Смирнов</i>).....	177
Крепостная деревня (<i>Ю.Н. Смирнов</i>).....	184

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ЦЕНТРЕ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ЖИТНИЦЫ (САМАРСКИЙ КРАЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА)	196
Освоение Заволжья (<i>Ю.Н. Смирнов</i>).....	196
Административное деление и образование Самарской губернии (<i>Ю.Н. Смирнов</i>).....	204
Многоликая деревня (<i>П.И. Савельев</i>).....	214
Поместья и помещики (<i>П.И. Савельев</i>).....	232
Социальные конфликты в деревне (<i>П.И. Савельев</i>).....	234
Городская, уездная, губернская жизнь (<i>П.И. Савельев</i>).....	239

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАЧАЛА ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, ПОПЕЧЕНИЕ О ЗДРАВЬИ	254
Народное просвещение и научные исследования (<i>Ю.Н. Смирнов</i>).....	254
Литература, книга, периодика (<i>Л.М. Артамонова</i>).....	261
Здравоохранение (<i>Л.М. Артамонова</i>).....	265
ПРИМЕЧАНИЯ	273

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! Представляем Вам многотомное издание “История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней”, подготовленное учеными Самарского государственного университета, педагогического университета, других вузов Самары и Тольятти. В нем мы стремились восстановить все многообразие и яркость процесса освоения края, особенности его заселения, хозяйственного, социального и культурного развития. Описываемые события подтверждены достоверными источниками и подлинными документами. В этой связи было осуществлено новое прочтение документальных источников и предпринята попытка переосмыслить историческое прошлое нашего края. Нами был также учтен громадный опыт в краеведческой работе, который накопили дореволюционные историки. Как известно, краеведением, или, по образному выражению известного историка С.О. Шмидта, “краелюбием”, занимались не только в столицах Москве и Петербурге, но и в провинции. Что касается истории Самарского края, то много ценного можно почерпнуть из трудов выдающихся представителей русской науки В.Н. Татищева, П.С. Палласа, И.И. Лепехина. Не потеряли научной значимости работы Н.А. Архангельского, И.А. Второва, А.Ф. Леопольдова, Г.И. Перетятковича, П.П. Пекарского, Н.Н. Фирсова, В.А. Градского, П.А. Преображенского, А.Г. Елшина.

Своеобразными энциклопедическими справочниками, не имеющими аналога в самарском краеведении, стали книги видного общественного деятеля и просветителя, почетного гражданина городов Вятки, Самары и Софии Петра Владимировича Алабина: “Двадцатипятилетие Самары как губернского города” и “Трехвековая годовщина Самары”, в которых воссоздана широкая и объемная панорама исторического прошлого нашего края. Эти работы легендарного самарца оказали мощное воздействие на развитие краеведения в Самаре. В конце XIX – начале XX в. изучением истории края занимались земские служащие: статистики, агрономы, врачи. Ценные сведения по истории Самарского края содержатся в земских статистических справочниках и сборниках, сельскохозяйственных обзорах, подворных переписях крестьянских хозяйств, адрес-календарях Самары, в журналах “Земский агроном” и “Самарский земледелец”.

Традиции дореволюционных историков не были преданы забвению и в первое десятилетие советской власти, когда в Самаре возникло и весьма плодотворно работало краеведческое общество, издавался бюллетень “Краеведение”, была опубликована книга-справочник “Вся Самара на 1925 год”.

Краеведческая проблематика стала одним из направлений в научной работе многих преподавателей Самарского университета. Одними из первых, активно включившихся в нее, были профессор В.В. Гольмстен, организатор и вдохновитель широкомасштабного изучения археологического прошлого нашего края; будущий академик М.Н. Тихомиров, организовавший археографические экспедиции в степные уезды края, где находились староверческие скиты, хранившие уникальные рукописные и печатные издания XIV–XVIII вв.

В 1920-е годы Н.Н. Сперанский, И.И. Блюменталь, В.В. Троцкий проделали огромную работу по выявлению документального материала, сбору воспоминаний участников событий, изданию сборников, книг и хроник по истории трех революций на территории Самарского края.

Роспуск краеведческих обществ под давлением власти (1929) привел к тому, что краеведческая проблематика попала в число непрестижных, а внимание профессиональных историков сосредоточивалось на революционной теме. Если и появлялись отдельные краеведческие работы, то они были написаны на узкой источниковой базе, страдали схематизмом, а самое главное – перед читателем предстало полотно в двухцветном изображении, где действовали классы и партии, но не было живых творцов истории – людей. К тому же история края, как и в целом отечественная история, обрастала мифами и легендами. Вплоть до 1950-х годов не предпринималось серьезных попыток написать научную историю Самарского края.

Первая реабилитация “хрущевской оттепели” способствовала возрождению интереса к истории Отечества и истории малой родины – к историческому краеведению. Появился целый ряд исследований по краеведческой проблематике. Работы профессиональных историков Е.И. Медведева, К.Я. Наякшина, Н.Н. Яковлева, Г.Н. Рутберга, С.Г. Басина оказали существенное воздействие на развитие самарского исторического краеведения. Тогда же явственно стали прослеживаться новые тенденции в краеведческой работе: увеличилось число краеведов, возросло количество их публикаций. Наряду с книгами и монографиями издавались сборники документов и воспоминаний по таким проблемам, как революция 1905–1907 гг., революции 1917 г. и гражданская война, культурное строительство. Ценные фактические материалы по истории трех революций и гражданской войны объединил в четырехтомной хронике Ф.Г. Попов. Существенно расширилась проблематика исследований. В частности, были опубликованы: книга К.Я. Наякшина “Очерки истории Куйбышевской области”, социально-экономический очерк “Куйбышевская область”, книги архитектора Е.Ф. Гурьянова “Древние вехи Самары”, В. Володина “Из истории художественной жизни города Самары–Куйбышева”, В. Молько “Путешествие по одной улице” и др.

В 1970-е годы началась разработка истории самарских фабрик и заводов. Появились книги, в которых освещалась история таких крупных предприятий, как заводы имени В.И. Ленина, А.М. Тарасова, А.А. Масленникова, 4-го подшипникового завода. К числу достижений

следует отнести и книги о городах Сызрани, Тольятти, Жигулевске, Новокуйбышевске, Чапаевске, Октябрьске, Отрадном. В меньшей мере изучалась история сел, колхозов и совхозов. Из наиболее значительных публикаций отметим лишь книги И.И. Титова об Алакаевке и П.Я. Русаева о Большой Глушице. Двумя изданиями вышла книга “Памятники истории и культуры Куйбышевской области”.

Предпринимались попытки создания краеведческих учебников для средних школ. Авторами этих изданий были преимущественно преподаватели университета и педагогического института (Е.И. Медведев, Л.В. Храмков, Н.П. Храмкова, Г.И. Матвеева, Г.Е. Налитова). Исключение составляла книга “Край родной – навек любимый”, написанная Е.И. Медведевым и методистом областного института усовершенствования учителей М.П. Видановым. Известный вклад в развитие краеведения внесла деятельность Самарского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Вместе с тем в изучении истории края продолжали сохраняться негативные тенденции в связи с общим застоём в исторической науке. К тому же до последнего времени краеведение развивалось в основном стихийно. Лишь в 1990 г. в Самаре вновь возникло краеведческое общество, которое призвано объединить усилия специалистов разных научных направлений в изучении истории Самарской области.

Три книги по истории освещают освоение Самарского края с конца XVI в. по настоящее время.

С 1586 г. крепость Самара, а затем и Самарский уезд находились в составе территории, которая управлялась Казанским дворцом. Наиболее трудное время для Самары – XVIII в., когда существенно изменилась внутрисполитическая обстановка в России. Это привело к падению роли многих поволжских городов-крепостей как оборонительных центров. В 1708 г. Самара с землями вошла в Казанскую губернию, в составе которой с небольшими перерывами находилась до 1780 г. 15 сентября 1780 г. Екатерина II учредила Симбирское наместничество из 13 уездов, одним из них оказался Самарский; с 1796 г. Самара становится уездным городом Симбирской губернии. В 1851 г. на левом берегу Волги была образована Самарская губерния. Ее составляли: Бугульминский, Самарский, Ставропольский, Бугурусланский, Бузулукский, Николаевский и Новоузенский уезды. Северные и центральные уезды – Бугульминский, Ставропольский, северные части Самарского, Бугурусланского и Бузулукского – входили в лесостепную зону. Естественной границей между лесостепью и степью (на территории которой находились Николаевский, Новоузенский и южные части Самарского, Бугурусланского и Бузулукского уездов) была река Самара. Правобережная часть современной Самарской области осталась в составе Симбирской губернии. Неоднократно менялось административно-территориальное деление Самарского края в первой половине XX в., пока наконец в годы Великой Отечественной войны окончательно не сложилась территория современной Самарской области. Как видим, формирование Самарского края прошло определенные этапы, обусловленные расширением территории России и проведением областных реформ.

История Самарского края неразрывно связана с историей великорусских губерний и с историей Поволжья, таких городов, как Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Сызрань, Оренбург, Саратов, Царицын, Астрахань. Для многих районов, входящих в состав Поволжья, общими были особенности заселения и хозяйственного освоения, культурные традиции, многонациональный состав населения. Эти и другие факторы, прежде всего рыночные связи, позволяють сделать вывод о том, что территория Самарского края представляла собой единый, целостный организм. Здесь, кроме русских, чувашей, мордвы, татар, башкир, жили украинцы, немцы, эсты, поляки и представители других национальностей. В освоении края принимали участие народы Поволжья, а также переселявшиеся на новые земли крестьяне из центральных уездов страны и с Украины. По данным Первой всеобщей переписи 1897 г., сельское население в крае составляло 2593,4 тыс. человек, городское – 158,8 тыс. человек. Промышленное производство в Самарской губернии носило очаговый характер и было представлено в основном предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья. Они функционировали в губернском центре, а также в уездных городах и торгово-промышленных селах. Некоторое ускорение развития промышленного производства произошло в конце XIX–начале XX в., когда были основаны первые предприятия по металлообработке и химические производства. Но в целом Самарский край оставался окраинным земледельческим районом России. “Живые реликты” крепостничества сохранялись в северных и центральных уездах губернии. В степном Заволжье, где в 1870-е годы возникла новая российская житница, поставлявшая на внутренний и внешний рынок огромные партии товарной пшеницы, наоборот – быстрыми темпами развивался аграрный капитализм.

Одной из примечательных особенностей истории Самарского края является отсутствие межнациональных конфликтов и столкновений. Мирное сожительство, использование всего ценного в быте и хозяйстве соседей оказывало благотворное влияние на создание прочных культурных и экономических связей между русским населением и другими народами Поволжья. Именно на этой основе возникала общность интересов и единение в годы тяжких испытаний, которыми так богата российская история.

Авторами ставилась цель показать основные направления хозяйственного освоения края. И в этой связи большое внимание уделено анализу культурологических аспектов проблемы: рассказывается о становлении земледельческого производства, развитии промыслов, торговли, отмечены особенности быта и культуры самарцев и их участие в общественной и политической жизни России – крестьян, посадких людей, жителей сел и городов. Тем самым мы пытались преодолеть схематизм, представив широкую панораму событий, в которых участвуют не классы и партии, а живые люди с их чаяниями, чувствами и настроениями.

При освещении истории Самарского Поволжья в XX в. основное внимание уделено сложным и противоречивым процессам, протекав-

шим на территории края в период революционных потрясений и гражданской войны. Дано новое прочтение исторических источников, относящихся к истории Комуча, крестьянских восстаний. В научный оборот вводятся материалы по истории 20–30-х годов, Великой Отечественной войны, а также послевоенному периоду. Предпринята попытка показать ход социально-экономических и политических процессов в период перестройки и становления новой российской государственности.

Издание подготовлено на основе документального материала, извлеченного из центральных и областного государственных архивов, официальной и земской статистики, периодической печати, воспоминаний участников событий. Авторский коллектив не претендует на полное освещение всех проблем истории Самарского края и считает свою задачу выполненной в том случае, если это издание сможет побудить читателей к дальнейшему изучению историко-культурного наследия Самарского края.

П.С. Кабытов

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПОВОЛЖЬЯ К РОССИИ. САМАРСКИЙ КРАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII века

УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ

Ослабление Золотой Орды. В XIII–XIV вв. земли Среднего и Нижнего Поволжья находились под властью Золотой Орды, которая даже в период наивысшего могущества не была прочным централизованным государством. Она членилась на полусамостоятельные улусы и юрты потомков Чингисхана, других представителей монгольской или тюркской аристократии. Улусом называлось подвластное определенному хану или иному владельцу население, а юртом — территория данного улуса. Эти термины также приобрели обобщающее значение “государство”, как и слово “орда”, в исходном смысле означавшее всего-навсего ставку кочевого правителя.

В состав Золотой Орды входили территории с различными хозяйственными укладами: кочевая степь с отдельными очагами земледелия, обширные земледельческие страны (например, Волжская Болгария), причем эти районы были экономически почти не связаны друг с другом. Через обширные ордынские владения проходили важные водные и караванные торговые пути, главным из которых являлся путь по Волге. На нем было известно поселение Самар, отмеченное на итальянской карте 1367 г., но отождествить его с конкретным археологическим памятником и установить точное местоположение не удастся. По этим путям шла в основном транзитная торговля, очень мало способствовавшая объединению эклектичных частей самой Орды. Неустойчивость золотоордынского государства определялась и насильственным характером включения в его состав различных народов, покоренных завоевателями.

Единство Золотой Орды до поры до времени поддерживалось заинтересованностью кочевой аристократии в сильной ханской власти для осуществления грабительских походов, проведения политики террора по отношению к поработанному и обложенному тяжелой данью населению самой Орды или подвластных ей стран. Такое единство могло существовать только при недостаточно развитых общественных отношениях. Золотая Орда осмыслялась общим родовым владением потомков старшего сына Чингисхана, Джучи (отсюда другое название этого государства – Улус Джучи). Улусы отдельных аристократов в ее составе считались ханскими пожалованиями, условными держаниями, что препятствовало их обособлению. Однако к концу XIV в. они превратились по сути в наследственные владения¹. Среди аристократии усиливаются сепаратистские настроения, стремление закрепить авто-

номию своих улусов, а при удачливой возможности захватить или подчинить улусы соседей. Это ослабляло верховную власть ханов, даже ближайшее окружение которых, состоявшее из крупных феодалов, не столько стремилось к усилению своего “хозяина”, сколько пыталось превратить его в марионетку. Закономерным следствием стали непрерывные междоусобные войны и дворцовые перевороты в Орде в 60–70-е годы XIV в., названные в русских летописях “великой замятней”: “Много нестроения бываше в Орде, и мнози князи Татарстыи избивахуся, не имуще главы, и острием меча умираху, и помале оскудеваша Орда от великия силы своея”².

Внутреннее разложение Золотой Орды ускорялось внешнеполитическими неудачами, еще более подрывавшими авторитет верховной власти. Первый серьезный удар по военной мощи Золотой Орды был нанесен в 1380 г. на Куликовом поле. Поражение, которое нанесли русские воины объединенным силам западной части Улуса Джучи, предводимым ханом Мамаем, заставило ордынцев временно прекратить междоусобицы, чтобы восстановить свою власть над русскими землями. Последним ханом, которому удалось собрать под своей властью распадавшуюся Золотую Орду, был Тохтамыш, выходец из знати восточных районов Улуса Джучи. Во время “великой замятни” он нашел убежище у среднеазиатского правителя Тимура, который рассчитывал с его помощью подчинить Улус Джучи, своего опасного северного соседа. При поддержке Тимура Тохтамыш вначале утвердился в восточных улусах Золотой Орды, а в 1380 г. разбил на реке Калке ослабленного после Куликовской битвы Мамаю и распространил свою власть на западные улусы³.

Через два года Тохтамыш внезапно напал на русские земли, не готовые к отражению нового набега, обманом взял и разграбил Москву, заставил русских князей возобновить выплату ордынцам дани. Путь Тохтамыша на Русь шел “по левобережью в район Самарской излучины”, переправа состоялась “против устья реки Сызрани”, а затем войско двинулось по долине этой реки и далее на запад. Весь этот маршрут традиционно являлся одним из главных путей–“сакм” ордынских набегов⁴.

Дальнейшее усиление нового хана и активизация внешней политики Золотой Орды привели его к конфликту с бывшими союзниками, ордынскими аристократами и Тимуром. Во главе феодальной оппозиции находился зять Тохтамыша Едигей, князь большого и влиятельного в Орде племени мангитов, кочевавших между Волгой и Яиком. Мангиты вели свою родословную от одного из монгольских племен державы Чингисхана, но в рассматриваемый период, как и все монголы Улуса Джучи, уже полностью тюркизировались. Едигей был типичным и вместе с тем наиболее ярким представителем знати эпохи распада Золотой Орды. Он примкнул к Тохтамышу, когда тот еще скрывался во владениях Тимура. После прихода Тохтамыша к власти Едигей был назначен главным эмиром “левого крыла” Золотой Орды, т.е. ее восточных районов. Властолюбие Едигея этим не ограничивалось. Не будучи потомком Чингисхана, он не мог претендовать на ханский престол, но

стремился, во-первых, посадить на него послушного себе хана, а во-вторых, обеспечить свою безраздельную власть над собственным улусом. Для достижения этих целей тщеславный Едигей, как, впрочем, и другие аристократы, готов был поступиться даже самим существованием Золотой Орды. Вначале мангитская знать стала натравливать Тохтамыша на Тимура. Неудачи походов хана в Азербайджан и Среднюю Азию использовались Едигеем и другими противниками Тохтамыша для организации заговора. В конце концов Едигей со своими сторонниками бежал к Тимуру и помог тому организовать ответный удар по владениям Тохтамыша.

Битва на Кондурче и ее последствия. В январе 1391 г. Тимур с 200-тысячным войском выступил из Ташкента. Преодолев степи Казахстана, Западной Сибири, Южного Урала, грозный завоеватель приближался к Волге. Тохтамыш надеялся задержать противника на Яике, но не успел собрать войска и помешать переправе⁵. Ордынцы отступали в глубь своих владений, на северо-запад, и рассчитывали, что утомленные многомесячным переходом войска Тимура окончательно истощат свои силы. Но случилось иначе: после того как армия правителя Средней Азии вышла на реку Самару и приблизилась к Волге, дальнейшее отступление Тохтамыша стало невозможным. Во-первых, Тимур мог прижать войско Золотой Орды к Волге и истребить его. Во-вторых, открывался заманчивый путь к богатым городам Волжско-Камской Болгарии. В-третьих, в междуречье Самары, Кинеля и Сока располагались великолепные летние пастбища, которые в засушливое время года были особенно ценны для конного войска и всего кочевого населения Орды, и оставлять их Тимуру хан Тохтамыш, разумеется, не собирался.

18 июня 1391 г. противники сошлись в решающей битве на реке Кондурче, правом притоке Сока (на территории современного Красноярского района Самарской области). По численности обе армии были примерно одинаковы, но Тимур показал себя более опытным и талантливым полководцем. Тохтамыш руководствовался старыми принципами монгольской тактики, согласно которым исход полевого сражения решал мощный фланговый удар конницы, Тимур же применил сложный боевой порядок из семи корпусов—“кулов”, успешно противостоявших такому удару с фланга или обходу с тыла. Кроме того, Тимур навязал сражение, препятствовавшее маневру ордынской конницы, — по берегу Сока был создан рубеж обороны, а также выделил из состава своих войск резерв, которого в решающий момент у Тохтамыша не оказалось. В военном отношении поражение ордынцев на Кондурче было обусловлено примерно теми же причинами, что и в Куликовской битве, которая, как оказалось, их мало чему научила. Сыграл определенную роль и переход некоторых аристократов Улуса Джучи на сторону врага в ходе самой битвы. Разбив Тохтамыша и обратив хана с остатками войска в бегство, победители подвергли грабежу его ставку, ордынские кочевья и земледельческие поселения на Средней Волге. В течение 26 дней находились войска Тимура в самом центре ордынских владений, безнаказанно опустошая их⁶.

Закрепить свой успех в политическом отношении победителю не удалось. Мятежники во главе с Едигеем, сопровождавшие Тимура, не собирались менять одного сильного правителя на другого. После битвы на Кондурче они попросили отпустить их в улусы, чтобы привести тех в подчинение Тимуру. Завоеватель согласился, допустив тем самым серьезную ошибку. Едигей и его сторонники, прибыв в свои улусы, срочно начали откочевку подвластного населения на недоступные окраины Орды и отказались вернуться к Тимуру. Вдогонку за Едигеем, уходившим с мангитами, Тимур послал гонцов с напоминанием о клятвах и обязательствах, но Едигей заявил: “Сроку нашего обещания тут конец”⁷.

В течение 1391–1393 гг. Тохтамыш восстановил свою власть над Ордой и стал готовиться к новой войне с Тимуром. Едигей и прочие противники хана заняли откровенно выжидательную позицию, скрываясь в дальних кочевьях и открыто пренебрегая государственными интересами Золотой Орды...

С битвы на Кондурче началась агония Золотой Орды как государства. Это не могли не видеть на Руси. Московский князь Василий I, сын Дмитрия Донского, в 1391 г. находился в Орде и, вероятно, стал свидетелем побоища у Самарской Луки. Русские летописи говорят, что “князь Василий Дмитриевич утече у царя за Яик”⁸ и лишь оттуда вернулся в Москву. Такой странный на первый взгляд маршрут можно объяснить только одной причиной: князь со своей свитой оказался непосредственно в зоне военных действий в Самарском Поволжье, где отряды Тимура перерезали все дороги, ведущие на Русь по Волге и через степь. Чтобы не попасть в плен, пришлось возвращаться окольным путем. Затруднения Тохтамыша были использованы Василием I для укрепления позиций Московского княжества. Из новой поездки в Орду в 1392 г. Василий Дмитриевич возвратился “многуу честь прием от царя, яко же ни един от прежних князей”⁹. Кроме торжественного приема, московский князь получил от хана, всячески добивавшегося исправного поступления русских даней и лояльности Москвы в период подготовки новой войны с Тимуром, нечто более существенное — грамоты—“ярлыки” на ряд русских княжеств, в том числе на Нижегородское. С присоединением Нижнего Новгорода владения Московского государства достигли Среднего Поволжья: создавался плацдарм для будущего присоединения этого региона к России.

В 1395–1396 гг. Тимур разгромил Тохтамыша на Кавказе и Нижней Волге. Его отряды вновь достигли Среднего Поволжья, грабя и разоряя все на своем пути. Это привело к голоду, гибели и запустению городов, нарушению торговых путей, обусловило общий упадок хозяйства в Улусе Джучи. Ограбленные захватчиками, угонявшими после каждого похода сотни тысяч голов крупного скота, овец, лошадей, рядовые кочевники в поисках пропитания отдавались в “покровительство”, а точнее, в кабалу к крупным феодалам. В связи с упадком ханской власти, дальнейшим укреплением материального и политического могущества знати центробежные силы в Золотой Орде усилились.

После ухода армий Тимура начались бесконечные усобицы между Тохтамышем (а затем его потомками), с одной стороны, и Едигеем и его сторонниками — с другой. При этом обе группировки не отличались единством: тохтамышичи не останавливались перед убийством друг друга, Едигей конфликтовал со своими же ставленниками — ханами. Насколько успешно удавалось ему расшатывать в свое время золотоордынскую государственность, настолько безнадежными оказались его попытки сколь-нибудь прочного объединения осколков Орды под своей властью. В 1419 г. могущественный и тщеславный временщик погиб, а через два года в различных частях раздробленного Улуса Джучи восседали одновременно шесть ханов.

Распад Золотой Орды. В это время на Средней Волге происходит заметное передвижение населения. Спасаясь от нападений иноземных войск, набегов кочевников, которые ослабевшая ханская власть не могла предотвратить, земледельческое население оставляет давно обжитые земли Волжской Болгарии к югу от Камы. Запустевают в этот период и северные районы Самарского края, примыкавшие к болгарскому Закамыю. Здесь, на левобережье Волги, безраздельно господствовали кочевники — ногайцы. Имя ногайцев, или ногаев, закрепилось за населением улуса потомков Едигея. Ногайское государство являлось одним из крупнейших осколков Улуса Джучи. Однако экономика, основанная на экстенсивном кочевом скотоводстве, предопределила политическую децентрализацию и аморфность Ногайской Орды. В ногайском обществе были сильны патриархально-родовые пережитки.

На более высокой ступени социально-экономического развития стояло другое государство Среднего Поволжья — Казанское ханство. Южная его граница с Ногайской Ордой очерчивалась весьма неопределенно, но подвластные Казани (хотя бы номинально) земли на левом берегу Волги доходили до Большого Черемшана, а на правом берегу — до реки Сызрань, т.е. включали крайние северо-западные районы нынешней Самарской области.

Образование самостоятельного Казанского ханства относится к 1437–1445 гг., когда на Средней Волге обосновался один из потомков золотоордынских ханов, Улу-Мухаммед, откочевавший сюда со своим улусом после поражения в усобицах. Пришельцы из степи свергли в Казани местную княжескую династию и провозгласили город столицей нового ханства. Его рождение сопровождалось опасными набегами на русские земли. Так, в 1445 г. сыновья Улу-Мухаммеда захватили под Суздалем великого князя московского Василия II Васильевича и взяли с него огромный выкуп. Хотя в хозяйственном и культурном отношении население Казанского ханства сохранило наследие Волжской Болгарии, во внутрисполитическом устройстве и во внешней политике это государство являлось прямым потомком Золотой Орды. Многонациональное население ханства, занимавшееся пашенным земледелием и бортничеством, охотой и рыболовством, ремеслом и торговлей, было обложено большим количеством податей в пользу хана и его окружения. Огромный аппарат чиновников, скопированный с золотоордынского, грабил народ как официальными, так и самовольными

ми поборами и вымогательствами. Однако казанской знати и этого казалось мало, за легкой добычей и наживой она устремлялась в набеги на чужие, прежде всего русские, земли. На Руси однозначно оценивали возникновение Казанского ханства. “И нача укреплятися вместо Золотыя Орды Казань — новая Орда, кровию русской кипя. И пройде царская слава с старыя матери ордам всем — на преокаянную дщерь младую Казань... От злаго дерева ветвь презыде — Казань и горький плод изнесе”¹⁰.

В 1440–1460-е годы распад Золотой Орды завершился. В качестве самостоятельных государств, кроме названных, выделились Астраханское, Крымское и Сибирское ханства.

Присоединение Поволжья к России. В противовес феодальному дроблению Улуса Джучи в XIV–XV вв. происходит усиление Московского княжества, собирание им русских земель, централизация государственной власти в формирующемся едином Российском государстве. Московские князья смогли активизировать внешнюю политику по отношению к наследникам Золотой Орды, и прежде всего к ближайшему соседу — Казанскому ханству. При этом в Москве принимали во внимание наличие среди казанской знати сторонников сближения с Россией, считавших, что доходы от эксплуатации зависимого населения ханства и от торговли с русскими землями представляют более надежный источник богатств, чем бесконечная череда военных авантур. Московские правители охотно принимали на службу и щедро раздавали жалованье казанским аристократам, по разным причинам покидавшим Казань, надеясь использовать их в дальнейшем как проводников московской политики в ханстве, т.е. политики прочных мирных отношений между двумя соседями.

Начиная с 1467 г. Иван III Васильевич неоднократно пытался утвердить на казанском престоле своего ставленника. Наконец двадцать лет спустя, 9 июля 1487 г., русские полки овладели казанской цитаделью и великий князь всея Руси “из своея руки поставил” нового хана. Казань попала под протекторат Москвы, на восточных рубежах России после долгого периода почти постоянных столкновений наступило спокойствие. Однако московско-казанский союз оказался непрочным. Крупные казанские аристократы, наживавшиеся на войне, грабеже чужих территорий, торговле рабами из числа пленных, не оставляли попыток испортить отношения с Москвой. В 1497 и 1499 гг. они пытались с помощью ногайских и сибирских войск организовать дворцовые перевороты в Казани, а после их неудачи втянули самого хана в антирусские акции. В 1518 г. на ханский престол был возведен находившийся на русской службе татарский царевич Шах-Али (в русских источниках Шигалей). Спустя три года произошел переворот, промосковски настроенный Шигалей был изгнан, правителем в Казань местная знать призвала родного брата крымского хана.

Как и все прочие антимосковские выступления в Казани, свержение Шигалея сопровождалось избиением и грабежом русских купцов. Узнав о погроме в городе, из ханства бежали тысячи русских рыбаков, которые летом приходили на Волгу, а осенью со своим уловом возвра-

щались в Россию. Одно из богатейших мест лова рыбы находилось “под горами девичьими” (т.е. Жигулевскими)¹¹. Рыбакам пришлось бросить все имущество, в том числе ладьи, и уходить на родину пешком через пустынную степь, без запасов продовольствия. Тот же долгий, изнурительный путь проделал и Шигалей со своими приближенными. Изгнанный хан не решился отправиться в Москву прямой дорогой сквозь владения своих противников из татарской знати, а предпочел более безопасную круглую дорогу через временные поселки русских рыбаков в Самарском Поволжье.

1521 год резко изменил ситуацию на Средней Волге. Пришедшая к власти в Казани крымская династия совершенно игнорировала коренные интересы поволжских народов, заключавшиеся в установлении мирных отношений и развитии экономических связей с Русским государством. Вновь возобновились ежегодные набеги на русские земли, часто согласованные с вторжениями из Крыма. Обобщенную картину этих нашествий рисует русская летопись: “Воевали Казанцы в те годы по украинам государя нашего... и много христианства погубиша и грады пусты сътвориша: Новгород Нижней, Муром, Мещеру, Гороховец, Балахну, половину Володимеря, Шую, Юрьев Вольский, Къстроуму, Заволжье, Галич со всем, Вологду, Тотьму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы и в многие лета”¹². Если эти действия и обогащали верхушку казанских феодалов, то основная масса населения страдала от постоянно увеличивавшихся поборов в пользу хана, его многочисленной приведенной из Крыма родни и свиты, от ответных ударов русских ратей по казанским владениям. Несколько раз в Казани вспыхивали восстания горожан, к которым примыкали феодальные группировки, оппозиционные крымской династии (1531, 1545–1546, 1549, 1551 гг.). Московское правительство пыталось использовать эти выступления для возвращения на ханский престол Шигалея, но тому не удавалось удержаться у власти достаточно долгий срок.

Наличие промосковских настроений среди части казанской знати было обусловлено реальными потребностями сближения народов Поволжья и России, содержало здоровое зерно мирного их объединения, но долгое время эти настроения не приносили плодов. Агрессивная политика казанских правителей, фактическое прекращение торговли по Волжскому пути, угроза собирания остатков Золотой Орды под эгидой турецкого султана (Крым и Казань признали вассальную зависимость от Османской империи) потребовали незамедлительно включить Поволжье в состав Российского государства вооруженным путем. Несмотря на явный перевес сил Москвы в начавшейся с середины 40-х годов XVI в. новой большой войне, казанские феодалы раз за разом отвергали компромиссные варианты урегулирования, заключавшиеся в передаче престола дружественному России хану или в провозглашении ханом самого царя Ивана IV. Закономерным итогом авантюристской политики правителей ханства стала его полная ликвидация после похода русских войск и “казанского взятия” 2 октября 1552 г.

Падение Казани предопределило исход борьбы за Волгу. Под впечатлением этого события и вопреки грубому военному и дипломатиче-

скому нажиму Крыма и Турции Ногайская Орда признала зависимость от России. С помощью ногаев в августе 1556 г. к Русскому государству была присоединена Астрахань. Таким образом, все Поволжье вошло в состав многонациональной Российской державы.

Историческое значение присоединения Поволжья к России трудно переоценить. Прекратились непрерывные войны, разрушавшие хозяйство, экономику русского и поволжских народов, мешавшие торговле по великому волжскому пути. Утихли кровавые усобицы татарских ханов и князей разных орд и улусов. Обороняя свои новые границы, Россия положила конец набегам степных кочевников на сельскохозяйственные районы Среднего Поволжья. Постепенно были созданы условия для хозяйственного освоения новых территорий в этом регионе, продвижения на свободные земли русских переселенцев, которые принесли с собой более совершенные приемы земледелия и ремесла, в свою очередь обогащаясь производственным и культурным опытом коренного населения Поволжья.

КОЧЕВАЯ СТЕПЬ

Ногайская Орда. Государственный строй. На протяжении столетий подлинными хозяевами Самарского Заволжья были кочевники. Во второй половине XVI — первых десятилетиях XVII в. южнее рек Самара и Кинеля находились окраинные кочевья и охотничьи угодья ногаев, севернее — башкир. Для этих народов земли Самарского края были дальними летними пастбищами.

Ногайское государство, являвшееся одним из осколков Золотой Орды, возникло в конце XIV — начале XV в., а окончательно сформировалось в 40-е годы XVI в. Его территория раскинулась на огромном пространстве — от Аральского моря на востоке до Волги на западе и от Каспийского моря на юге до лесов Башкирии на севере. В “Книге Большому Чертежу”, первом систематическом описании России конца XVI столетия, говорилось, что “от верху реки Бузувлук на полях и до синего моря [Каспийского] кочевья все Больших нагаев”¹³. Население Ногайской Орды составляли кипчаки, или, как их еще называли, половцы или куманы. Они появились в восточноевропейских степях в середине XI в., были покорены монголами и образовали основной этнос Золотой Орды. В конце XIII в. часть половцев, среди которых большинство принадлежало племени мангытов, обособились под руководством одного из потомков Чингисхана, князя Ногая. По всей видимости, антропоним “Ногай” был не собственным именем их предводителя, а клановым. Слово “ногай” у половцев означает собака, и можно предположить, что собака была тотемным животным у мангытов. Отсюда и их имя, которым мангытов называли обычно половцы из других кланов. Так, например, спустя столетие окружение хана Тохтамыша именovalo приверженцев другого влиятельного хана половецкой степи — Едигея. Сами же ногаи называли себя мангытами, а государство свое — Мангытским Улусом.

Слияния всех этнических групп — кочевых орд в единую народность у ногаев так и не произошло. Образовался лишь весьма непрочный союз из 18 различных тюркских и монгольских племен — мангытов, найманов, кипчаков, киятов. Английский путешественник Дженкинсон, посетивший Ногайскую Орду в 1577 г., писал: “Они распределялись на отдельные группы, называемые ордами. Каждая орда имеет своего правителя, называющегося мурзой, которому они повиновались как своему королю. Каждый мурза, или король, имел около себя орду как своих подданных, с их женами, детьми и скотом”¹⁴.

Громадное по территории, весьма значительное по населению — орда могла выставить до 200 тыс. воинов, а всего мужчин насчитывалось не менее 350 тыс. человек, — это государственное образование являлось аморфным, раздробленным, отсталым. Крайне примитивно был организован государственный аппарат управления. Во главе государства находился князь — бий, ему помогали избираемые на съезде всех мурз высшие правительственные чиновники — нурадин (обычно родной брат князя), кековат, тайбуга. В случае смерти князя его преемником на престоле становился нурадин. У правительства Орды практически не было постоянной резиденции. Единственный город Сарайчик представлял собой полупустынное, незастроенное место, где находились только мечети, несколько зданий, тюрьма и кладбище. Избранные на высшие должности мурзы считали себя равными своему князю, самостоятельными государями.

Все важнейшие вопросы решались на съезде мурз, предводителей отдельных орд. Последние, признавая князя “старшим братом”, клялись слушаться “дядено слово”, по существу же на территории кочевий, в своих ордах, они проявляли неограниченную власть. Недаром ногайские князья и нурадины так часто жаловались Москве на своеволие своих мурз. Например, Измаил, ставший князем в 1555 г., из года в год просил Ивана IV поставить городки-крепости у волжских переправ для того, чтобы непокорные мурзы не могли уходить за Волгу, принимая подданство Крымского ханства.

Ногаи и Россия. История государства ногаев после окончательной консолидации оказалась недолгой и небогатой на события. Традиционно связанная с Казанью и Астраханью, ногайская знать не могла остаться равнодушной к крушению своих давних союзников, в ее среде произошел раскол. Часть мурз, кочевавшая в заволжских степях и возглавляемая нурадином Измаилом, решила покориться Москве. Мнение этой промосковски настроенной знати наиболее четко выразил один из ногайских князей, писавший позже турецкому султану: “Чтобы турецкий султан на Уруса князя и на всех мурз не пенял, что учинились в воле государя московского, чья будет Астрахань, Яик и Волга, того будет и вся Ногайская Орда”¹⁵. Князь Юсуф, более связанный с Бухарой, и мурзы, кочевавшие за Яиком, решили активно противостоять русской экспансии. Два родных брата избрали путь открытой конфронтации, опасно расшатывавшей и без того непрочное государственное образование, но в 1555 г. Юсуф внезапно умер и ногайским князем стал Измаил. Перелом в отношениях между Ордой и Россией наступил спустя три

года, когда ногаи окончательно признали свое подданство; изменилась и формула обращения в грамотах Измаила к Ивану Грозному: ранее русский царь именовался “братом”, хотя и старшим, после 1558 г. появился новый титул — “государь”.

И все же Измаилу не удалось сохранить в единстве свои обширные владения. Страшный голод 50-х годов привел многие кочевья в запустение, а мурзы со своими ордами бежали куда глаза глядят из высохшей степи. Необычайно суровые зимы этого времени, морозы и метели не позволили скоту добывать корм из-под снега, а стойлового скотоводства ногаи практически не знали. Князь А. Курбский писал: “Улусы ногайские, прежде многолюдные, богатые, опустели в жестокую зиму 1557 г., скот и люди гибли от несносного голода”. На месте одного государства возникли сразу три: Алтыулский улус, кочевавший за Яиком у берегов Аральского моря, Казыев улус, или государство Малых Ногаев, обосновавшийся в Прикубанье, и Большая Ногайская Орда, занявшая степи между Волгой и Яиком.

Тин-Ахмет, сын Измаила, княживший после смерти отца с 1563 по 1578 г., прежде всего был озабочен тем, чтобы хоть в какой-то мере восстановить былое могущество теперь уже Большой Ногайской Орды. Он избегал конфликтов с могучим западным соседом и остерегался от этого своих мурз.

Более независимую политику по отношению к Москве проводил преемник Тин-Ахмета, его брат Урус. Ко времени его вокняжения Орда оправилась от тяжелых испытаний, численность населения начала увеличиваться. Вдобавок к Урусу поступали сведения о сложной ситуации, в которую попали русские войска в Ливонии и на западных границах.

В конце 60-х — начале 70-х годов XVI столетия Турция и Крым предприняли попытку восстановить Казанское и Астраханское ханства и даже ликвидировать самостоятельность Российского государства. Над страной нависла вполне реальная угроза потери национальной независимости. Практически с этого времени, несмотря на поддержание дипломатических отношений с Москвой, кочевая знать переходит в ряды ее противников и начинает необъявленную войну против русских окраин. Потому-то ногайский князь так гордо вел себя, встречаясь с русскими послами. В 1578 г. на приеме московского посольства Урус без лишней дипломатии заявил: “Государь твой на Москве, а яз государь в ногаях, на свои земель”¹⁶. В 1579 г., когда русские войска потерпели тяжелейшее поражение на западе от армии польского короля Стефана Батория, ногайский князь обратился к “черемисе” с призывом, чтобы она “подымалась” на войну, и сам готовился к нападению на мещерские и рязанские места.

В 1580 г. Урус собрал своих мурз и открыто обсуждал вопрос о нападении всей Ордой на окраинные земли Московского государства. Однако мурзы заняли гораздо более реалистичную позицию. По словам русских послов, «ногайские мурзы его с лошадей ссадили, говоря между собой: “Только дай государям воевати, в их земли будет во всем

убыток»¹⁷. Единый поход на запад так и не состоялся, хотя отдельные отряды изредка предпринимали стремительные набеги на “Алатырские и Темниковские окраины” или ходили на южнорусские и украинские земли вместе с крымскими ханами. Еще более обострились русско-ногайские отношения в 1581 г., когда только из улуса мурзы Тинбая ходило на Русь до 8 тыс. человек, а всего в нападениях участвовало, судя по царской грамоте, до 25 тыс. ногайских всадников.

И все же попытки Крыма организовать единый с ногаями поход на Москву, чтобы сокрушить Россию, восстановить ее зависимость от кочевников, не встретили одобрения у местной ногайской знати.

До середины 1580-х годов основной помощью в усмирении и “устраниении” непокорных мурз у Москвы были волжско-яицкие казаки. О вольном казачестве, специфике его “государевой службы”, способах “давления” на кочевников будет рассказано ниже. Здесь же выделим главное — волжская вольница вполне справлялась со своими обязанностями. Крайне редко регулярные русские войска предпринимали походы против ногаев.

И все же московское правительство старалось поддерживать мирные, добрососедские отношения с ногайскими феодалами, с помощью подарков и льгот использовать их вооруженные силы на своей стороне. Москва выступала как бы посредником между казаками и ногаями, лицемерно заявляя, что она прежде всего стремится оградить ногайские кочевья от казачьих набегов. С этой же целью, заверяли русские послы Орду, в 1586 г. были построены на реках Волге и Белой крепости Самара и Уфа. Прошло то время, когда Измаил сам просил строить городки на волжских берегах. По мнению же Уруса, сторожевые укрепления ставились прежде всего с целью отнять у ногаев Волгу и Самару. Ногайский князь в гневе грозился сжечь городки, но далее запугивания дело, к счастью, не пошло; позже ногаи не раз пытались опереться на воевод новопостроенных крепостей в своей затяжной борьбе с казачьими станицами. Строительство крепостей на Волге, казачьего Кош-Яицкого городка на Яике и сокрушительное поражение ногайских отрядов под стенами казачьей крепости осенью 1586 г. окончательно поставили Орду в зависимость от России, подорвав последние остатки сепаратизма.

Влияние Москвы еще более упрочилось в конце XVI в. По сообщениям московских послов, ногайские князья и мурзы были “во всей государеве воле, служили государю и на службу дети своих и братьев посылали, куда государь велит посылати”¹⁸. К концу XVI в. Большая Ногайская Орда настолько признала свое подданство России, что в 1600 г. бия Больших Ногаев Иштерека не избрали, как это полагалось по традиции, мурзы, а посадил на престол воевода Астрахани.

Ситуация изменилась в эпоху Смуты. Гражданская война в России привела к тому, что контроль над Волжским Понизовьем на долгие годы был утерян. Фактически враждебную позицию России заняла Большая Ногайская Орда. В 1614 г. князь Иштерек обратился к Турции с просьбой о подданстве. Набеги ногаев на русские окраины не прекращались до 1617 г. По мнению историков, Орда вернулась в подданство

России только осенью 1616 г. (в 1617 г. набегов кочевников уже не отмечалось).

Ногайская государственность в заволжских степях рухнула в первой трети XVII в., когда в междуречье Волги и Яика пришли с востока, из Монголии, новые кочевые орды, на сей раз калмыков. В поэтапных сражениях они наголову разбили ногаев, часть из которых бежала за Волгу, в Причерноморье, а остатки подчинились новым завоевателям. С этого времени ногаи Большой Ногайской Орды практически перестают упоминаться в русских источниках.

Общественные отношения. Религия. На всем протяжении своего формирования ногайское общество находилось на довольно примитивной стадии развития. Оно не вышло за рамки раннего феодализма, причем в общественном устройстве наблюдались значительные пережитки родоплеменного строя. Подавляющее большинство ногаев принадлежало к категории “черных людей” (кара халик), которые представляли собой нечто вроде полусвободного феодального крестьянина. Они во всем подчинялись “лутчим людям”, должны были нести две основные повинности — натуральную и служебную. Какаш и Тектандер так описывали эти повинности черных людей: “...поочередно снабжают своих мурз или князей всем необходимым, доставляют им все изобилия продуктами скотоводства”¹⁹. Определенной монолитности, единству внутри отдельных орд способствовала неразвитая общественная дифференциация. Более низкая категория населения “кул”, нечто вроде крепостных или полупатриархальных рабов, была сравнительно невелика и не оказывала какого-либо серьезного влияния на хозяйственную и общественную жизнь.

В середине XIV в. население Золотой Орды, в том числе и ногаи, приняло в качестве государственной религии ислам. Однако, насколько он укоренился среди ногаев, трудно сказать. По всей видимости, они исповедовали суннитскую ветвь ислама. Как писали об их религиозных обрядах иностранные путешественники, “они исполняли обряды не персов, а турок”.

Хозяйство, собственность. Образ жизни. Основу хозяйства ногаев составляло кочевое скотоводство, а основным видом собственности являлись скот и кочевья. Обширная степь была поделена между ногайскими ордами и их властителями мурзами на строго ограниченные участки площадью в десятки тысяч квадратных километров. Суровое время года орды проводили в низовьях Волги, в прикаспийских степях, а “летовать” поднимались на север — к Самаре, Кинелю, Большому Иргизу. Например, в непосредственной близости от будущего Самарского города, “на реке Самаре, Кениле и на Кенильчеке”, в середине 50-х годов XVI в. находились кочевья ногайского мурзы Белик-Булата. По-видимому, русских послов трудно было удивить ногайскими обычаями. А вот западноевропейцев они настолько поразили, что те оставили многочисленные описания. Тот же Дженкинсон писал: “У ногаев нет ни городов, ни домов, живут они в открытых степях, когда скот съест всю траву, они перекочуют в другое место. Это народ пастушеский, владеющий множеством скота, составляющего все его богатство.

Они едят много мяса, главным образом конину, пьют кумыс”²⁰. И действительно, из всех народов, входивших в Золотую Орду, ногаи более других оставались верными завету Чингисхана “везде кочевать, никогда не сделаться оседлыми”. На вопрос путешественников, почему у них нет городов, ногаи отвечали: “Башню строит тот, кто труслив”.

Основным мерилom богатства ногаев являлся скот — лошади, овцы, верблюды. Еще один внимательный наблюдатель, Жан-де-Люк, писал: “Скота у них было много. Когда я был у них, меня повел в дом один мурза, у него я спросил, и из ответа оказалось, что у него более 40 000 голов скота”²¹. Скотоводство выступало также поставщиком продукции, полуфабрикатов для всех остальных отраслей, вплоть до ремесла. Ногаи не занимались земледелием, не сеяли и не жали, многие из “черных людей” никогда не пробовали хлеба, а на далеких окраинах Орды даже не слышали о нем. Скотоводство давало кожу и шерсть для одежды и обуви, шкуры и войлок для домов, предметов домашнего обихода и вообще служило главным предметом торговли и обмена.

Ежегодно на Русь из ногайской степи направлялись десятки тысяч голов лошадей и овец. Частично табуны распродавались у пограничных городков — Астрахани и Казани, но в основном отправлялись в Москву, на специальное место для ногайского скота. Коммерция с русскими оказалась для ногаев жизненно необходимой. Желая наказать ногайских мурз за очередной набег, московское правительство запрещало торг с ними в пограничных городках — Самаре, Царицыне, Саратове. Тогда ответные ногайские посольства везли в Москву слезные просьбы и жалобы на оскудение, на местных воевод, запрещавших продавать скот, и т.д.

Если со стороны Орды основным предметом реализации был скот, то из России привозили в “подарки” сукно, панцири, олово, ртуть, шафран, “платья всякие”, холсты, “крашеные”, пищали, пушки и “всякого железного медного товара”. Кочевники предпочитали в основном натуральный обмен, деньги не имели широкого хождения, а золото и серебро использовали обычно для украшений. Велико было значение “подарков”, причем, как правило, с одной стороны, из России. Потому что ногаи требовали ежегодных посольств из Москвы, да не только к князю или нурадину, но и персонально к каждому мурзе. Поток “подарков” можно сопоставить с определенными откупными платежами — за послушание, за посылки воинских людей на государеву службу и т.д. Россия, ведя изнурительную войну на западе, особенно нуждалась в использовании ногайской конницы. Несмотря на раскол единого государства, даже одна Большая Ногайская Орда могла выставить в конце 1570–1580-х годов до 100 тыс. конных воинов.

Любопытно снаряжение ногаев, собиравшихся в поход. По приговору князя и мурз “лучшим людям имати на голову по три верблюды, а иным по два, а худым лудем имати всякой человек по три овцы старых, да крупу на всякую человеку, как мочно человеку поднять”²².

За всю вторую половину XVI в. неизвестно случая, когда бы Орда выставляла разом всю огромную массу своих вооруженных сил. Даже во время известного сражения 1586 г. под стенами Кош-Яицкого го-

рода Урус смог привести с собой лишь нескольких мурз с их воинскими людьми. На запад же, на русскую службу, обычно каждую весну отправлялись сравнительно небольшие отряды из отдельных орд, составлявшие малую часть боепособного населения. Одним из мест на Волге, где эти отряды переправлялись на западную правобережную сторону, являлись “перелазы” Овечьего брода у Соснового острова, неподалеку от современного Хвалынска. Воеводы новопостроенных волжских городков были в курсе всех таких посылок и давали своих сопровождающих для ногайских отрядов, посольств, торговых караванов.

Башкиры. Ногайские летние пастбища, как правило, не заходили выше рек Самары и Кинеля, поскольку севернее раскинулись кочевья и охотничьи угодья другого тюркоязычного народа — башкир. Основная область расселения башкир находилась северо-восточнее, на лесных и лесостепных пространствах собственно Башкирии. Пределы же Самарского края башкирское население использовало как свои пастбища, охотничьи угодья, места “бобровых гонов”; как территории, природные богатства которых эксплуатировались “наездом”, время от времени. Постоянных поселений башкир на территории края во второй половине XVI–XVII в. не существовало. Однако в документах того времени сохранился целый ряд известий о закрепленных за башкирами в качестве вотчинных угодьях по рекам Соку, Большому Кинелю, Самаре.

Башкиры в отличие от ногаев не смогли создать свою государственность. Имея сравнительно небольшую численность — в конце XVII в. все мужское население башкир составляло 25–30 тыс. человек, — они к моменту присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России пребывали в вассальной зависимости от Ногайской Орды. Поэтому переход в подданство Москвы полупатриархально-полуфеодальной знатью Башкирии рассматривался как освобождение от подчинения ногаям.

Согласно преданиям, после присоединения Казани в башкирские селения приехали царские послы с жалованной грамотой Ивана IV. В грамоте говорилось: “...пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи”²³. Видимо, миролюбивая “агитация” послов и возможность найти более сильного покровителя сделали свое дело. Весной 1557 г. воевода П.И. Шуйский сообщал, что к нему в Казань “башкирцы пришли, добив челом и ясак заплатили”²⁴.

Как и в отношениях с ногаями, русская администрация поначалу вела себя с башкирами крайне осторожно. Гарантировались собственность башкир на их земли и кочевья, внутреннее самоуправление, защита от более сильных соперников, “свобода” вероисповедания. Башкиры, в свою очередь, использовались для борьбы с другими кочевыми ордами, их отряды постоянно уходили на царскую службу. Только во второй половине XVII в., когда началось активное наступление на башкирские промысловые угодья, отношения между башкирами и русской администрацией стали портиться.

Казачество в средневековой истории России. Распад Золотой Орды, запустение бывших кочевий создали на обширном лесостепном пространстве межграницы между Московским государством и отдельными ханствами (Крымским, Казанским, Астраханским, Ногайской Ордой) широкую, в сотни километров, полосу ничейной земли, на которую не простиралась власть ни московских воевод и приказных людей, ни многочисленных татарских ханов и их мурз. В этих относительно безопасных районах скапливались “беспокойные” люди, уходившие от феодального гнета, излишней государственной регламентации.

Казачество не было порождением чисто русского (или украинского) общественного быта. Только значительно позднее, не ранее середины XVII в., классические казачьи сообщества становятся заметным явлением русской и украинской жизни, с особо выраженными специфическими чертами. А в первой половине — середине XVI в. о казаках Дикого Поля едва ли можно было сказать точнее, чем московские власти, отвечавшие на упреки ханов Ногайской Орды: “...на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы, и иные баловни казаков, а и наших украин казаки, с ними, смешавшись, ходят”²⁵. Поначалу, большую часть этих вольных людей составляли отколовшиеся от своих орд крымцы, ногаи, казанцы... Сами термины “казак”, “есаул”, “атаман” тюркские по происхождению.

Значительно позже, с середины XVI в., поток беглых с севера, “из Руси”, начал преобладать, и вскоре подавляющее большинство казаков оказалось выходцами из России и Украины. Соответственно и казачьи станицы стали “прижиматься” ближе к пограничным русским землям, прятаться на речных островах, лесистых мысах, в относительно труднодоступных местах. Заниматься привычным по прошлой жизни земледелием беглые не могли: засеянное поле, постоянное жилье находились под непрерывной угрозой нападения кочевников. Поэтому приходилось ловить рыбу, охотиться, а зачастую заниматься набегами, грабить своих кочевых соседей, торговые караваны. Суровая, полная лишений и опасностей жизнь способствовала воспитанию свободолюбия, высоких воинских качеств. Казачьи сообщества оказались настолько невосприимчивыми к “нормальному” огосударствленному строю жизни, настолько солидарными и упорными в защите своих порядков, что смогли уцелеть до начала нашего века.

Самые ранние казачьи общины состояли из одних мужчин. Однако постепенно, видимо уже с XVII в., холостая жизнь для казаков перестала рассматриваться как обязательная. На Дону, Яике и Тереке в казачьих общинах начали появляться семьи.

Как правило, в дореволюционной отечественной литературе казак XVI—XVII вв. рисовался совершенно анархической фигурой, чьей всепоглощающей потребностью было стремление к разгулу, грабежу и насилию²⁶. Появление вольного казака на государевой земле обязательно приводило к беспорядкам. Примером этого, по мнению историков XVIII—XIX вв., явились Смутное время, Разинщина и Пугачевщи-

на. Вряд ли это мнение полностью соответствует исторической действительности. В силу своего положения и образа жизни казачество гораздо острее чувствовало любое социальное насилие и как могло сопротивлялось ему. Вольные казаки всеми силами защищали свою независимость и внутреннее самоуправление, но практически во все времена не могли жить без сотрудничества с представителями правительственной администрации, без присылок из Москвы “хлеба, свинца, зелья”. По справедливому замечанию современного историка Н.И. Никитина, на протяжении всего периода, по крайней мере до второй половины—последней четверти XVII в., внешняя сторона сношений русского правительства и казаков выражалась в форме более похожей на отношения между независимыми самостоятельными государствами. Однако это была только внешняя сторона отношений. Казачество, хотя и завуалировано, едва ли не с самого своего появления состояло на государственной службе. Но служба была вольная, со своими особенностями²⁷. Хотел — служил, хотел — воевал, не желал — уходил в свою станицу домой. Отголоски этой вольности были живы у казаков еще в конце XVII в. Именно за самовольный уход с “царской” службы казнили старшего брата знаменитого Степана Разина — Ивана.

Уже в конце XVI — начале XVII в. казачество резко разделилось на две группы. Первая — вольные казаки, вторая — служилые, ставшие одной из традиционных групп служилого военного населения “по прибору”. По свидетельству француза Жака Маржерета, число служилых казаков по всей стране составляло от 5 до 6 тыс. человек, в то время как “настоящих” на Волге, Дону и Днепре насчитывалось никак не менее 8—10 тыс.²⁸

Современные представления об облике типичного вольного казака во многом не соответствуют реалиям второй половины XVI — первой половины XVII в. Казачество того времени крайне редко садилось на коня. Состязаться в конном строю с хозяевами степей кочевниками, с детства привыкшими к управлению лошадьми, не имело никакого смысла. В первой же открытой стычке казаки потерпели бы сокрушительное поражение. Основным средством передвижения для них считались струги, челны, чайки, а все основные пути сообщения пролегали по рекам. Именно Дон, Днепр, Волга, Яик, Терек приютили на своих берегах казачьи ватаги.

Исследователи считают, что во второй половине XVI в., когда крупные казачьи сообщества на Волге, Дону и Яике только-только начали формироваться, такого обособления, как в более поздние времена, на донское, волжское, яицкое казачество не существовало²⁹. Соединенные целой сетью волоков-переволок, как их тогда называли, эти три речные системы в пределах степи и лесостепи оказались колыбелью для возникновения единой казачьей области, единого сообщества. До конца XVI в. московские приказные люди постоянно путались в терминологии, чаще всего употребляя для казаков такие названия, как “волжские” и “донские”. Да и сами казаки считали все обширное лесостепное пространство от Яика до Дона своей единой родиной. Только в самом конце века, когда правительство, обеспокоенное столкновения-

ми и грабежами на Волге, поставило в ее среднем и нижнем течении городки-крепости Самару, Царицын и Саратов, эта цельная казачья область оказалась насильно разорванной. Формирование крайних ее крыльев на Дону и Яике пошло обособленно, на Волге вольное казачество вскоре прекратило свое существование. Но еще долго казачьи станицы “ходили” друг к другу в гости, а Волга оставалась всеобщим излюбленным местом для поиска добычи. Порой сюда даже забредали отряды черкас — украинских казаков.

Возникновение волжской вольницы. Казаки на Волге в 1570-е — начале 1580-х годов. Территория Самарского Поволжья во второй половине XVI в. являлась одним из центров складывания русского казачества. Этому способствовали, помимо политических и экономических причин, природные условия — Самарская Лука с ее глухими лесами и горами, укромные пойменные острова, волжский торговый путь. Чрезвычайно важным условием явилось наличие двух речных систем — Самары и Большого Иргиза, по которым через волоки можно было легко добраться с Волги на Яик и обратно. В одном из документов того времени так описывается дорога с Яика на Волгу: “...с Еика на Иргизские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левые стороны”³⁰. Исследователь А.Мякутин писал в начале XX в., что на территории нашего края как бы замыкаются два громадных водных кольца, позволявшие казакам легко уходить от погони и внезапно появляться для новых набегов³¹. Одно из этих колец — вокруг Самарской Луки, где в районе современного села Переволока можно было без особых усилий перебраться из Волги в реку Усу, через нее в Волгу у северной оконечности кольца, и наоборот. Недаром письменная и устная традиция напрямую связывала Переволоку и устье Усы с постоянными действиями казачьих отрядов. Второе кольцо объединяло в единую водную систему среднее — через реки Большой Иргиз и Самару — и нижнее — через Каспийское море — течение Яика и Волги. И наконец, то, чего не заметил Мякутин: притоки Большой Иргиз и Самара соединялись с волжской и яицкой акваториями еще в одну замкнутую систему.

До середины 80-х годов на территории Самарского края не было ни крепостей-городков, ни постоянных гарнизонов. “Летование” же правительственных войск в устьях Самары, Большого Иргиза, “плавные рати” и редкие карательные экспедиции не могли полностью обезопасить волжский путь от нападений вольницы. На излюбленные места стоянок казачьих отрядов в устьях Большого Иргиза и Самары указывают прежде всего жалобы ногайских биев и нурадинов в Москву. В делах Посольского приказа в связи с действиями казаков постоянно упоминается переправа через Волгу под названием “Овечий брод” “в тихих водах у Соснового острова” (рядом с современным Хвалынском); в летописях, записках путешественников, народном фольклоре фигурирует Самарская Лука³². И наконец, учитывая топонимику, можно с высокой долей вероятности определить места стоянок виднейших атаманов волжских казаков — Барбашину поляну, Ермакову поляну. До настоящего времени в Самарской Луке бытуют такие географические названия, как “Казачий подъем”, “Казачье зимовье” и т.д.

Одно из самых ранних упоминаний о появлении казачьих отрядов на территории Самарского края относится к 1551 г., когда руководитель русского посольства сообщал в Астрахань, что на его караван “против Иргизского устья, в стругах пришел князь [?] Василий Мещерский да казак Личюга Хромой, путивлец”³³. Первые же сведения о действительно волжских казаках, т.е. избравших берега этой реки в виде постоянного пристанища, зимовавших в укромных местах, относятся только к концу 1560-х годов. В 1569 г. московский посланник С. Мальцев видел на Волге неподалеку от Переволоки два казачьих городка. О том, что казачество прочно обосновалось на Нижней и Средней Волге, свидетельствуют дошедшие от этого времени постоянные жалобы кочевников — ногаев. Например, в 1570 г. их мурзы жаловались русским послам: “...только государь велит де казакам у нас Волгу и Самару и Яик отняти и нам де на сем от казаков пропасти: улусы наши и жон и детей поемлют”.

По всей видимости, интенсивность действий казачества на Средней Волге шла по нарастающей и достигла своего пика во второй половине 70-х — начале 80-х годов XVI в. Уход многих виднейших волжских атаманов вместе с Ермаком Тимофеевичем в Сибирь, чему в немалой степени способствовала активизация карательных экспедиций, на некоторое время сделал волжский путь более безопасным. С 1584—1585 гг. казачьи ватаги все чаще и чаще вновь начали появляться на волжской акватории, но строительство Самары, Царицына и Саратова окончательно лишило всякой перспективы возможность формирования в Среднем и Нижнем Поволжье казачьей области. Со Средней Волги казачьи отряды в основном перешли на Яик, с Нижней — на Дон, где и происходило дальнейшее складывание яицкого и донского казачества.

Следует отметить две особенности пребывания казаков на Волге. Во-первых, казачество практически не пыталось основать на волжских берегах постоянные поселки и городки. Упоминание о двух городках, увиденных Мальцевым, было едва ли не единственным. Атаманы признавали, что Москва не позволит им установить столь действенный контроль над волжским путем, какого они смогли добиться на Дону и Яике, недаром в среде казачества того времени родилась присказка: “На Волге быть — ворами слыть”. Даже в годы наивысшего разгула казачьей вольницы на волжских просторах свои зимовья казаки устраивали все-таки на Дону и Яике. Волга же была прежде всего летней кратковременной стоянкой, местом для государственной службы, удачных предприятий, а то и разбоев. И во-вторых. Строительство крепостей во второй половине 80-х — начале 90-х годов XVI в. не смогло в полной мере обезопасить волжскую акваторию. Недаром шертные грамоты ногаев в конце XVI — начале XVII в. постоянно напоминают Москве о необходимости предотвращения казачьих разбоев на волжских берегах. В записках Адама Олеария и даже Я. Стрейса (1630—1660-е годы) постоянно сквозит тревога — как бы не напали казаки, то и дело описываются места, где очевидцы наблюдали наибольшее скопление казачьих отрядов, — устье Усы, Казачьи горы, район будущей Сызрани и т.д.³⁴

Пик казачьей активности на Средней Волге в конце 70-х — начале 80-х годов XVI в. связан с именами таких талантливых предводителей, как Иван Кольцо, Богдан Барбоша, Матвей Мещеряк, Никита Пан, Савва Болдыря (или Болдырь), Митя Бритоусов, Иван Юрьев. Московские послы, оправдываясь перед князем Ногайской Орды за разбой этих атаманов, так писали о них: "...беглые казаки, которые, бегая от нас, живут на Тереке и на море на Яике, и на Волге, казаки донские пришед с Дону"³⁵. Как бы то ни было, но во всех известных источниках того времени эти имена постоянно связывались с Самарским Поволжьем, Яиком и приицкой степью. Вряд ли возможно восстановить родословную первых героев вольницы. В отличие от крупнейших деятелей казачества XVII—XVIII вв. Иван Кольцо, Богдан Барбоша и их окружение вышли из русских и литовских земель, татарских кочевых орд: с них, собственно, и начинался казачий род. Никого, кроме самых близких сотоварищей, не интересовало прошлое атаманов, более того — у многих были все основания скрывать его. Судя по прозвищам-кличкам, Никита Пан вышел из земель, принадлежавших Польше или Литве, Матвей Мещеряк был родом из мещерских мест, Савва и Ортюха Болдыри родились от смешанного русско-татарского брака, Нечай Шацкой появился из-под Шацка.

Среди волжско-яицких атаманов признанными лидерами были Иван Кольцо и Богдан Барбоша. По-разному сложились судьбы этих людей. Иван Кольцо навечно вошел в русскую историю как ближайший сподвижник Ермака Тимофеевича, одно из главных действующих лиц "Сибирского взятия". Имя Богдана Барбоши оказалось фактически забытым. В сибирском походе прославились Никита Пан и, особенно, Матвей Мещеряк. Последний, вернувшись на Волгу и Яик, вместе с Барбошей руководил решающим разгромом ногайских отрядов в яицкой степи (1586 г.). По-разному погибали атаманы. Митя Бритоусов, Иван Юрьев, Матвей Мещеряк сложили буйные головы на царской плахе. В Сибири от татарской стрелы и сабли погибли Иван Кольцо, Никита Пан...

Долгое время ни ногаи, ни русские приказные люди не пытались локализовать действия казаков, связать их с конкретными лицами; первостепенное внимание уделялось событиям на Нижней Волге. Обычно в царских грамотах 50-х — начала 70-х годов XVI в. звучали фразы типа: "А которые казаки на Волге гостей ваших грабили, били и мы тех казаков пред вашими послы велели казнить. А которые впредь учнут на Волге стояти и послом и гостем лихо делати и мы тех также велели казнить..."³⁶ И все же в ногайских посланиях то и дело встречается фраза о том, что "казаки отняли у них Волгу, Яик и Самару"³⁷. Вряд ли кто мог "отнять" у кочевников реку Самару, кроме казачьих ватаг, постоянно прочесывавших Самаро-Яицкий регион.

Первые упоминания о крупномасштабных действиях "нашего" казачества в заволжских степях относятся к 1577—1578 гг., когда казачьи станицы под руководством Мити Бритоусова, Ивана Юрьева, Ивана Кольца и Богдана Барбоши разгромили столицу Большой Ногайской Орды Сарайчик³⁸. Поход этот, как и многие другие предприятия

вольницы, вышел за пределы той роли, которую обязывала играть ее Москва, нанес большой ущерб русско-ногайским отношениям, и поэтому русским дипломатам пришлось приложить максимум усилий для того, чтобы загладить инцидент. Ногаев заверили в том, что на Волгу пошлют карательные отряды, а руководителей нападения казнят. В трудные годы Ливонской войны правительство делало все возможное, чтобы избежать обострения отношений с таким сильным юго-восточным соседом, каким являлась Большая Ногайская Орда, тем более что ее отряды принимали участие в боевых действиях на стороне русских войск.

Волжско-яицкие казаки, по мнению центральных властей, в оплату за боевые припасы, снаряжение и продовольствие должны были беречь перевозки на Волге, служить проводниками и разведчиками, не допускать кочевников на русские окраины. Обычными для взаимоотношений центра и казачества были грамоты, в которых предписывалось последним перевозить через Волгу ногайских послов, гонцов и даже воинских людей³⁹. Казачество в глазах Москвы являлось беспокойной, трудно, но все же управляемой силой, которая могла надежно сдерживать агрессивные намерения кочевников. Однако Барбоша и его друзья то и дело выходили за отведенные им рамки поведения, считали себя полностью самостоятельными, свободными людьми. В Посольском приказе дипломаты постоянно делили казаков на “прямых” — послушных и “пришлых” — чинивших разбой. Но так уж получалось для ногаев, что даже “прямые” казаки не так, так эдак выходили из-под московского контроля.

Излюбленным занятием казачьих отрядов были нападения на ногайские улусы для отгона лошадей. Например, один из ногайских мурз, Умагмет-мурза, жаловался летом 1581 г.: “...наперед сего Ермак отогнал с Волги шестьдесят лошадей моих. А летось отогнали с Волги тысячу лошадей”⁴⁰.

Конец 1570-х — начало 1580-х годов были отмечены резким обострением русско-ногайских отношений. В “усмирении” кочевников активнейшую роль сыграло вольное казачество. Судя по сохранившимся документам, особенно урожайным на столкновения с ногаями стал 1581 г. Весной в Москве узнали, что некоторые из ногайских мурз решили принять участие в крымском набеге на окраины Российского государства. В ответ 5 мая русское правительство постановило послать грамоты к казакам на Волгу с указанием не давать перевозов ногаям, идущим с русским полоном, и нападать на их отряды. Однако “ходить” войной на улусы было категорически запрещено. Создается впечатление, что вслед за указом московские власти предприняли тайные шаги и неофициально разрешили волжским атаманам вести активные действия в степи. В грамоте князю Урусу от 26 мая 1581 г. говорилось, что стоит только царю приказать — и казаки начнут громить ногайские улусы. Особенно любопытна одна из фраз грамоты, сообщавшая князю, что “нам уже нынче казаков своих унять не мочно”⁴¹. Казачество восприняло боярский приговор и секретные “инструкции” к нему как разрешение полной свободы действий. Последовали нападения на улусы

сы. Ногайский князь в августе 1581 г. жаловался Москве, что все мурзы со своими кочевьями отошли далеко на восток от Волги, за Яик, “оттого, что у Волги боятца жити от волских казаков войны”⁴². Волжские перевозчики и в это лето исправно выполняли свои обязанности у “Соснового острова”, но при этом увлекались грабежами перевозимых.

Одним из самых шумевших дел, вызвавших длительный обмен посланиями между Москвой и Сарайчиком, оказалось знаменитое ограбление на переправе в начале августа 1581 г. русского и ногайского посольств, а также бывших с ними ногайских и среднеазиатских купцов. Один из очевидцев и невольных участников этого события — руководитель русского посольства В. Лобанов-Пелепелицын оставил следующее описание случившегося: караван пришел “под Сосновый остров на Волгу, на перевоз, и на перевозех и на Волге казаки Иван Кольцов, да Богдан Барбоша, да Никита Пан, да Сава Болдыря с товарищи почали нагайских послов и тезиков перевозить по прежнему обычаю...”. Богдан Барбоша и Иван Кольцо объявили русскому послу: “наперед перевезут татарскую рухлядь и татар половину”. Считая, что их просят добром, русские и ногайские послы согласились. После того как силы ногайского эскорта (до 300 человек) были разделены, на него с обеих сторон Волги из засад напали казаки. Ударившихся в панику ногаев преследовали на протяжении нескольких десятков верст. На просьбы Пелепелицына пощадить ногайских послов и среднеазиатских купцов-тезиков казаки отвечали: “...Урусов посол жив”, а до остальных и дела нет.

Это побоище случилось в августе, а несколько дней спустя атаманы подстерегли на том же “перелазе” ногайский отряд в 600 всадников, возвращавшийся с богатой добычей из-под Темникова и Алатыря. Надеясь заслужить прощение за предыдущую выходку, казаки отправили пленных в Москву. Однако центральные власти распорядились иначе. Пленных ногаев отпустили в Орду, а сопровождавших их казаков, в том числе известного волжского атамана Ивана Юрьева и не менее известного Митю Бритоусова, повесили перед ногайскими послами. Остальных руководителей нападения на “перелазе” — Барбошу и Кольцо велели сыскать и казнить ⁴³.

Но и после подобных чрезвычайных случаев московские власти не переставали проводить дифференцированную политику по отношению к волжским казакам. Отправленному в Орду послу Павлову наказали найти среди вольницы казаков “прямых” Москве и нанять их для охраны посольства. Из отрядов же Барбоши и Кольца было велено вешать мятежников, а пожитки их отдавать казакам, которые “прямят”⁴⁴. По-видимому, в этот год на Волгу были посланы карательные отряды.

После шумных событий на волжских перелазах пути предводителей казачьей вольницы разошлись. Иван Кольцо, Никита Пан, Сава Болдыря и с ними около 500 человек (в документах чаще всего упоминается цифра 540) ушли вверх по Волге и Каме к Строгановым, где под предводительством Ермака Тимофеевича составили костяк “сибирской дружины”. Барбоша решил переждать опалу в зимовьях на

Яике. Известия о действиях казачества на Средней Волге на некоторое время пропадают из документов или встречаются лишь эпизодически.

Возникает вопрос: а был ли сам Ермак Тимофеевич участником волжских предприятий и одним из атаманов волжско-яицкой вольницы? Версий о его происхождении, начальном периоде жизни предостаточно. Среди волжских атаманов конца 70-х — начала 80-х годов XVI в. имя Ермака упоминается несколько раз. Самарские краеведы считают, что село Ермаково (Ермакова поляна) на Самарской Луке получило свое название от старинной стоянки на этом месте отряда Ермака. Думается все же, что Ермак Тимофеевич если и бывал на территории нашего края, то лишь эпизодически. В противном случае известия о столь заметной фигуре среди местного казачества наверняка отодвинули бы на второй план Кольцо, Барбошу и их сотоварищей. В заволжских степях действовал его тезка атаман Ермак Петров, сподвижник Кольца и Барбоши. Он не ушел в Сибирь, остался на Яике. Последние упоминания о действиях станицы Ермака Петрова относятся к 1586—1587 гг.⁴⁵ Сам же Ермак Тимофеевич в 1581 г. принимал участие в качестве “атамана казацкого” в Ливонской войне⁴⁶.

Волжско-яицкое казачество в конце XVI — начале XVII в. После событий 1581 г., в течение последующего пятилетия дошло крайне мало сведений о деятельности вольницы на Волге. Возможно, в этом повинна плохая сохранность документов, а возможно, испуганное действиями карательных отрядов и значительно ослабленное казачество гораздо реже стало появляться на волжских берегах.

Временное затишье в заволжской степи было нарушено в 1585 г. Вновь ногаи начали то и дело жаловаться на разгулы казачьих отрядов. В конце лета 1585 г. в Среднем Поволжье появился последний “великий атаман” Сибири — Матвей Мещеряк. Остановившись после долгого перехода в Самарском урочище, около 600 казаков во главе с Матвеем долго решали, что им делать дальше⁴⁷. А вскоре после этого ногаи сообщили в Москву, что Мещеряк отогнал у них табун в пятьсот лошадей.

Есть основания предполагать, что весной—летом 1586 г. вольные волжско-яицкие атаманы получили какие-то тайные инструкции из Москвы. Согласно этим инструкциям, казачьи отряды должны были усилить натиск на ногайские кочевья для того, чтобы отвлечь внимание кочевников от новопостроенных городков. Наиболее шумевшим из казачьих походов было нападение отряда “казаков человек с пятьсот” под руководством Матвея Мещеряка в конце июля — начале августа 1586 г. на ногайские улусы. Уцелевшие кочевники рассказывали в Астрахани местному воеводе Ф.М. Лобанову-Ростовскому о том, что казаки разгромили несколько улусов и взяли большой полон. По всей видимости, это были те самые столкновения, о которых осенью этого же года в Самаре перед ногайскими послами и воеводой Г.О. Засекиным М. Мещеряк простодушно заявил, что все они производились с санкции Москвы.

И все же былая свобода, вольная жизнь на волжских берегах доживала последние дни. После начала строительства Самары Барбоша и

объединившийся с ним Мещеряк поняли: на Волгу теперь можно приходить только украдкой, воровски. В поисках новой постоянной базы они обратили внимание на удобное место на Яике, рядом с устьем реки Илек. Здесь, на острове Кош-Яик, около 700 человек в течение летних месяцев построили земляные и деревянные укрепления, дома и землянки, конюшни для лошадей. Это не напоминало прежние временные зимовья. “Городок крепок, — сообщали сами казаки, — взять им [ногаем] города нельзя”. Крепость ставилась в глубине вражеской территории, практически без тыла. Оборонявшиеся знали, что иного выхода, кроме верной гибели в случае сдачи городка, у них нет.

Как в Сибири хан Кучум и сменивший его Карача, так и в ногайской степи князь Урус всеми силами обрушился на ненавистных пришельцев. Первые нападения на Кош-Яицкий городок случились уже летом, а в начале осени к крепости подступил со многими мурзами сам Урус. К этому сражению ногаи подготовились, как никогда. Они привезли с собой много дерева и приступили “к городку с приметом, а хотели, приметав лес, да городок зажечь: тут же де было нагай двести человек с рушницами...”. Длительная осада притупила бдительность кочевников, и казаки во время внезапной вылазки смогли разгромить отряд с огнестрельным оружием, захватив все “рушницы”. Воодушевленные этой победой, казаки бросились на основные силы ногаев и обратили их в бегство. Сильный дождь не позволил последним быстро уйти из-под крепости, и, как описывают схватку дела Посольского приказа, казаки “пришли на них тиском и... побили”⁴⁸.

Так была выиграна битва за степь, битва, после которой Большая Ногайская Орда так и не смогла оправиться. Известный советский историк Р.Г. Скрынников писал: “...поражение Уруса имело такое же значение для судеб Южного Приуралья, как разгром Кучума для судеб Западной Сибири”⁴⁹. Казачество смогло окончательно утвердиться на Яике и уже в конце XVI в. заложило основу для становления будущего Уральского казачьего войска.

Сооружение Самары, Царицына, Саратова позволило русскому правительству установить более действенный контроль за Понизовым Поволжьем. Однако еще долгое время волжские просторы оставались излюбленным местом для разбоев казачьей вольницы. Например, в 1589 г. на Волге в “Змеевых горах”, неподалеку от будущего Саратова, было разгромлено несколько отрядов “воровских” казаков. В 1591 г., когда русскому правительству нужны были крупные воинские силы для организации похода на Северный Кавказ, оно в грамоте к казакам пригласило на службу 1000 (?) волжских и 500 яицких казаков. Интересно и то, что в конце XVI — начале XVII в. в своих шертях, т.е. грамотах о верности, ногаи постоянно жаловались на действия казаков⁵⁰. Таким образом, перенесение центра формирования крупной казачьей области на Яик не прекратило деятельности казаков на Волге. Но это уже были действия не столько волжского, сколько донского и яицкого казачества.

Благоприятные условия для возрождения волжского казачества сложились в начале XVII в. — в годы Смутного времени. Государствен-

ная власть в Понизовье ослабла и не могла контролировать происходившие здесь события, ногаи фактически вышли из подданства России. Поволжье стало ареной бесконтрольной деятельности донских, терских и яицких казаков, беглых из внутренних областей страны. К концу Смуты из городов между Тетюшами и Астраханью уцелела только Самара. Саратов и Царицын были разгромлены. В этих “благоприятных” условиях волжское казачество смогло на короткий период вновь возродиться.

По данным известного саратовского историка А.А. Гераклитова, в 1613 г. по всей Волге от Самары до Царицына (до Вязовки, лежащей в 150 км ниже) находилось восемь казачьих городков, в которых в совокупности насчитывалось до 600 казаков⁵¹. Не совсем ясно, были ли эти городки зимовьями или временными летними стоянками.

Характерно, что в Москве весной 1614 г., когда рассылали грамоты, призывавшие к борьбе с казачьим атаманом Иваном Заруцким, обосновавшимся в Астрахани, обращались к волжскому казачеству как к совершенно самостоятельной силе. Его ставили в тексте грамот впереди яицких и терских казаков и именовали: “...на Волгу атаманом и казакom всему великому войску” или “всему вашему Волскому великому войску”⁵². Руководители армии, спускавшейся вниз по Волге, должны были привезти казакам “царское жалованье, денги, и сукна, и хлебные запасы, и вино...”. Думается, что такое обращение к разрозненным ватагам волжских казаков было прежде всего дипломатической уловкой, попыткой разделить возможных противников. Необходимо учитывать чрезвычайно сложную ситуацию, в которую попало правительство Михаила Федоровича в первой половине 1614 г. В Астрахани разгоралась авантюра И.Т. Заруцкого, западные районы России были оккупированы поляками и шведами, вынашивавшими планы новой интервенции, центральные уезды (Белозерский, Пошехонский, Вологодский, Каргопольский, Ярославский и др.) охватило широкое казачье движение, предводители которого планировали идти в Понизовье на соединение с отрядами Заруцкого.

Но все же эти обращения свидетельствуют и о той роли, какую вольное казачество играло в то время по всей Волге от Самары до Астрахани.

Окончательно русское правительство смогло восстановить свой контроль над Понизовьем во второй половине 1610-х годов, когда вновь были отстроены Саратов и Царицын. В результате возможности для второго рождения волжского казачества были утрачены на этот раз уже навсегда.

Дальнейшее же развитие яицкого казачества происходило примерно по тому же пути, что и донского и терского. Во второй половине XVII в. на Яике возникла единая войсковая организация, избирался атаман всего войска. Волга же по-прежнему оставалась привлекательной для действия небольших казачьих отрядов. Примечательно в этом отношении описание путешествия голштинского секретаря Адама Олеария в 1630-е годы, который красочно рассказал об опасностях, поджидавших хорошо вооруженное судно на этой реке от рассеянных повсю-

ду казачьих отрядов. Автор, по всей видимости, несколько преувеличил реальную опасность, но все же она действительно существовала. Не менее красноречиво сообщает об угрозах, подстерегающих путешественника на Средней и Нижней Волге, западноевропеец Э. Кемпфер, рассказывающий о своей поездке по этой реке в 1683 г.⁵³

В 20—30-е годы XVI в. среди населения волжских городов появляется казачество, но уже оседлое, служилое. В Самаре, например, это были юртовые, т.е. промысловые, казаки, в других крепостях — городовые, несшие военную службу наравне со стрельцами и другими представителями гарнизона.

САМАРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Предыстория города. Идея строительства русских городков-крепостей на великом волжском пути между Казанью и Астраханью появилась фактически сразу после присоединения края к Русскому государству, когда Волга стала основной торговой артерией страны. Этот путь необходимо было укрепить, обезопасить, и лучшего способа, чем поставить крепости в наиболее уязвимых пунктах реки, правительство не знало.

О том, что волжские городки предполагалось строить уже в середине 50-х годов XVI в., свидетельствует переписка между правительством Ивана Грозного и одним из властителей Ногайской Орды — Измаилом. В 1555 г. Измаил просил царя, чтобы тот велел поставить “на всех перевозех [через Волгу] по двести человек”, дабы враги “не пришли водяным путем”. В числе “перевозов” подразумевалось и “Самарское урочище”, и устье Иргиза, и междуречье между Волгой и Доном, так называемая “Переволока”.

В ответ на многочисленные просьбы ногайских мурз сообщалось, что царь “в тех местах учиня крепости, велит многим людям стояти и беречи беглых мурз накрепко”. Однако для такого строительства нужны были дополнительные средства, а их в то время у России не хватало. Страна погружалась в опричный террор, ввязалась в изнурительную Ливонскую войну. Все ресурсы изрядно опустошенной казны тратились на западный театр военных действий. И все же, хотя и небольшими средствами, правительство пыталось поддерживать безопасность волжского пути с помощью “плавных ратей”, посылок сезонных отрядов в наиболее стратегические места между Казанью и Астраханью.

Только после завершения тяжелейшей Ливонской войны, воцарения на русском престоле Федора Иоанновича была принята и стала осуществляться обширная программа строительства новых городков-крепостей на южных и юго-восточных окраинах государства. Под 1584 г. “Пискаревский летописец” сообщал: “Того же году великий государь и великий князь Федор Иванович... приказывает... города ставить на Поле и в Сивере и к Астрахани, которые за много лет запустеша от безбожных агорян и от междуусобных брани: Елецких князей вотчина Ливны, Койса, Оскол, Валуйка, Белгария, Самара, Кромь,

Монастырев и иныя многия польския и северския”⁵⁴. Самара, упомянутая в этом перечне, скорее всего, означала сторожевое поселение на юге России, на реке Самаре, притоке Северского Донца. Среди “иныя многия” правительство намечало сооружение крепости и в “Самарском урочище” — при впадении реки Самары в Волгу. Эту крепость было поручено строить алатырскому воеводе Григорию Осиповичу (часто встречается вариант — Осифович) Засекину.

Существовала исстари сложившаяся практика подготовительных и строительных работ⁵⁵. Сооружением пограничных крепостей в конце XVI в. занимался в основном Разрядный приказ, а на территории Среднего и Нижнего Поволжья — приказ Казанского Дворца. Предложение о строительстве того или иного городка или системы оборонительных сооружений предварительно, в общих чертах, разрабатывалось “специалистами” Разрядного приказа и направлялось в Боярскую Думу или для доклада непосредственно государю. После его утверждения на выбранное место будущего строительства направлялись служилые люди для составления точного плана местности, привязки типового проекта крепости, определения необходимого количества материалов и средств — вплоть до каждого бревна. Накануне предварительных работ обязательно проводился опрос “знающих людей”. С чертежом и сметой разбирались опытные “горододелщики” в самом приказе, а затем окончательный проект с предложениями по кандидатуре “строителя” отправляли вновь в Боярскую Думу. Здесь утверждался проект “Наказа”, в котором определялись основные требования к будущему городку.

Строительство крепости. Фрагмент копии такого наказа сохранился и по Самаре⁵⁶. Он был адресован Г.О. Засекину, назначенному руководителем строительства и первым воеводой. В соответствии с документом проектировщики должны были определить, будет ли “в городе бесстрашно от ногайских татар и сколь далече ногаи кочуют от Самары [реки] от того места, в котором ныне город станет и впредь теми людьми мочно ли в городе сидеть, а сметя и расписав те места и всякие крепости и скольким людям впред в том городе быта и как их мочно устроить о всем подлинное расписав в роспис тот час ко государю роспис прислать...”. Далее в тексте говорилось, что, после того как “роспис”, т.е. чертеж и смета, были составлены и “ко государю ... присланы”, обсуждены и поправлены, их передали в Алатырь князю Засекину: “...государь по тому указ велит учинить да память воеводе князю Григорию как город на Самаре поставить и укрепить”.

Подготовительные работы, по всей видимости, продолжались как минимум полтора, а то и два года. В конце 1584 — начале 1585 г. были сделаны предварительные приготовления в приказе, летом 1585-го в “Самарское урочище” выезжали приказные проектировщики, к осени или к началу зимы они составили окончательный проект и смету, утвердили их, и зимой 1585/86 г. указ и необходимые средства для его исполнения были доставлены в Алатырь к Засекину. Зимой в приволжских лесах, ближе к речным берегам, рубили лес, вывозили его к реке, на место, заливаемое вешними водами. Одновременно собирали рат-

ных и работных людей, готовили запасы продовольствия, оружейные припасы, суда. К началу половодья все было под парусами, и уже в конце апреля — начале мая караван судов и плот направились вниз по Волге к месту будущего строительства.

Экспедиция Засекина должна была прибыть в “Самарское урочище” примерно в середине — второй половине мая. Князь Григорий и его “товарищ”, т.е. заместитель, Федор Елизарович Елчанинов обладали весьма значительными полномочиями. В пределах установленной сметы они могли вносить свои изменения в ход строительства, вплоть до перемены места сооружения укреплений. Неизвестно, какую площадку выбрали приказные проектировщики при составлении чертежа Самарской крепости, ибо территория “Самарского урочища” не давала очевидного однозначного решения. Сам термин “Самарское урочище” возник довольно рано, судя по “Степенной книге”, не позднее XVI в., и подразумевал обширные пойменные земли, находившиеся в нижнем течении реки Самары при ее впадении в Волгу.

Дело в том, что до середины XVII в. Самара впадала в Волгу основным своим руслом на 20—25 км ниже современного устья, напротив возникших в XVII в. деревень Ермаково и Кольцово. Значительно выше от главного русла Самары отделялся небольшой рукав и впадал в Волгу, фактически совпадая с современным течением реки. Тогдашнее русло самой Волги напротив нынешнего города было смещено западнее и проходило там, где сейчас расположено село Рождествено⁵⁷.

Местность между старым руслом Самары, ее рукавом и Волгой почти вся заливалась в половодье, была занята лесами и лугами, труднодоступна для кочевников и являлась надежным укрытием для многочисленных казачьих ватаг. В “Самарском урочище” стояли и временные летние отряды русских войск, охранявшие волжский путь. В старом устье Самары существовала пристань с зимовьем, где останавливались экипажи судов, которые не успевали до морозов пройти мимо Самарской Луки и здесь “вмерзали” в лед. О существовании пристани и поселения в окрестностях урочища в золотоордынскую эпоху свидетельствуют старинные карты и портоланы западноевропейцев, относящиеся к XIV—XV вв.

По всей видимости, при впадении в Волгу основного русла Самары и предполагалось возвести Самарскую крепость. В данном случае ее гарнизону было бы сравнительно легко наблюдать и охранять передвижение судов по Волге, тем самым становясь перевалочным пунктом для торгового потока, перекрывающим дорогу казачьим отрядам.

И все же Засекин — неизвестно, наперекор ли первоначальному проекту или соглашаясь с ним, — начал строить город в совершенно неожиданном месте (некоторые очевидцы называли его горой), в 2 км от Волги, на правом берегу реки Самары, где она разделялась на два рукава, за пределами “Самарского урочища”. Воеводы решили не прятать крепость за протоками и озерами, а поставить ее на самом видном месте, откуда гарнизон мог успешно контролировать передвижение кочевых орд и полностью закрывал дорогу казакам с Яика (по обоим самарским рукавам) на волжские просторы.

В середине XVII в. Волга пробила себе новый путь, ее русло сдвинулось на восток — прямо под городские стены, топография окружающей местности резко изменилась, и тогда-то, почти век спустя, в полной мере выявилась фантастическая дальновидность и точность выбора места под крепость!..

Пограничные городки строились в основном по своеобразным типовым проектам. Обычно в Москве предварительно регламентировался размер городка, причем за расчетную единицу в сметах принималось поселение, вмещающее примерно тысячу жителей мужского пола. Существовало несколько наиболее оптимальных вариантов таких городков, и служилым людям, составлявшим предварительные чертежи и сметы, требовалось наиболее удачно привязать один из этих вариантов к соответствующей местности. Поэтому при удачном выборе места для устройства городка, правильной увязке его основных элементов с особенностями рельефа, при тщательном профессиональном проведении подготовительных работ само строительство городка-крепости занимало сравнительно немного времени: от 2—3 недель до 1,5—2 месяцев. Первые известия о построенном Самарском городе появились в конце лета 1586 г.⁵⁸, а в начале сентября крепость уже принимала многочисленных гостей — послов, стрельцов, свиту крымского царевича.

После высадки на берег воеводы и “горододельщики” начали сверять с чертежами реальную местность. Пока воеводы окончательно определяли место строительства, а мастера-горододельщики размечали участки под будущие сооружения, служилые и работные люди разобрали плоты, вытащили на берег материалы. Начало закладки города сопровождалось особым ритуалом — молебном и освящением места закладки сооружений. Прежде всего горододельщики сосредоточили внимание на строительстве собственно “города”, или “кремля”. На размеченной рабочей площадке сооружались стены с башнями. Внутри кремля устроили усадьбы воеводы и “начальных” людей, здания съезжей избы, тюрьмы, осадных дворов, складов — “анбаров” для припасов, житниц и т.д. Площадь кремля вряд ли составляла более 5 га. По мнению самарского краеведа Е.Ф.Гурьянова, в плане крепость являла близкую к квадрату прямоугольную фигуру с размерами сторон 213 на 245 м. Желавшие обосноваться своими дворами воинские люди вряд ли могли разместиться под укрытием стен и вынуждены были устроиться за кремлем, в его предместье. Самарский город занял самую возвышенную, примыкающую к обрывистому самарскому берегу часть междуречья. Доминантой крепости выступала церковь, сооружение которой началось параллельно с городом. Выбор духовного патрона — покровителя горожан определяла Москва одновременно с выбором названия крепости. В Самаре решили строить храм Пресвятой и Живоначальной Троицы⁵⁹. А вот как назывался придел храма, обычно носивший имя покровителя города, неизвестно. Возможно, он сразу получил имя святого Алексия, будущего духовного заступника Самары. Пространство за стенами кремля — посад или острог — осваивалось так же целенаправленно и планомерно. На территории, отведенной под расселение личного состава гарнизона и первых посадских жителей, разме-

чались участки под усадьбы, скорее всего, создавалась даже общая планировочная структура улиц и кварталов. Усадебные постройки сооружались в индивидуальном порядке каждым владельцем участка. После определения территории острога сразу же началось сооружение второй, внешней системы обороны крепости.

Самара по устройству оборонительных сооружений, административных, церковных и частных зданий мало чем отличалась от десятков подобных городков-крепостей, построенных тогда же на безбрежных пограничьях Российского государства.

Первый год Самары. Историю первого года существования Самарской крепости, поступков ее воеводы Засекина, хотя бы фрагментарно, позволяют прояснить сохранившиеся материалы русских посольств. Впервые действия самарской администрации упоминаются в делах военно-политической миссии Мурад-Гирея, одного из бежавших в Россию крымских царевичей. Летом 1586 г. он с пышной свитой и многочисленным отрядом стрельцов был отправлен в Астрахань. Сопровождавшим царевича воеводам Р.М. Пивову и М.И. Бурцеву поручалось по пути следования приглашать на службу волжско-яицких казаков. В Самару к Засекину караван пришел 11 сентября. Долго оставаться в недостроенном и неудобном городке не имело смысла, и на третий день утром струги продолжили путь к Астрахани. Во время стоянки в Самаре Пивов, Бурцев и Засекин обсудили царскую грамоту, в которой Григорию Осиповичу приказывалось вызвать с Яика и Волги всех “виновных” казаков на царскую службу. Грамота адресовалась не только самарским воеводам, но и казакам. На Волге, в окрестностях Самары, вольных казаков не было, и на совете трех воевод решили послать на Яик самарского голову Семейку Кольцова и одного из “воровских казаков” с царской грамотой. Необходимость привлечения вольных казаков на государеву службу для урегулирования конфликта в крае отчетливо осознавалась в Москве, и поэтому, не дожидаясь ответа Засекина, 1 ноября ему прислали еще одну грамоту, в которой срочно требовалось привлечь всеми силами казачество, и в первую очередь атаманов Барбошу и Мещеряка, к службе. Однако грамота эта запоздала.

Отвечая столице, Засекин так описывал случившиеся события: “...октября, Государь, в 23 день пришли ко мне... на Самару с Яика Матюша Мещеряк, да Ермак Петров, да Ортюха Болдырев, да Тихон П-шь [весьма неблагозвучное прозвище], а с ними казаков 150 человек, а на Яике остались атаманы Богдашко Барбоша, да Нечай Щацкой... а с ними казаков полтретья [250] человек”⁶⁰. В Самаре казаки Мещеряка пробыли недолго, всего пять дней, а затем их отпустили вниз, к Астрахани, вслед каравану Мурад-Гирея. Однако и за эти дни произошли серьезные события, едва не повлиявшие впоследствии на судьбу крепости. Перед уходом казаков в Астрахань воевода Засекин, руководствуясь указаниями из Москвы, потребовал от них вернуть ногаям пленных и захваченное имущество. Для центрального правительства и местных властей это было делом политического принципа. Как раз в конце ноября в Самару прибыло русское посольство, направляв-

шеся к князю Урусу. Входившие в его состав дети боярские Ф. Гурьев, И. Страхов и Р. Норов должны были убедить ногаев в необходимости признания Самарской и Уфимской крепостей, а затем уговорить их прислать весной следующего года свои отряды для усиления русских армий на западе. Вместе с русскими послами через заволжскую степь возвращалось бывшее в столице ногайское посольство “Тонказю с товарищи”⁶¹. Для того чтобы наглядно доказать ногаям, какую играет роль Самара в защите их интересов, в частности от яицких казаков, и должен был перед ними разыгаться эффектный спектакль по возвращению награбленного.

Но для части казаков, включая атаманов Мещеряка и П-ша, условия политической игры оказались явно неприемлемы. Они никак не могли взять в толк, зачем возвращать то, что честно добыто на поле брани. Тем более, по их же словам, “царь... [казаков] ... нарочно послал нагаи воевати”. В присутствии русских послов казаки перед жалобщиками-ногаями начали “придуриваться... всякие непригожие дела говорить... как жен их соромотили”, за полон требовали “немеренные цены” и в конце концов там же попытались их попросту ограбить ⁶². Чтобы как-то разрядить обстановку перед ногайскими послами и доказать серьезность своих намерений, Засекину пришлось схватить пять наиболее вызывающе “придуривавшихся” казаков, в том числе Мещеряка и П-ша. Всех остальных удалось спровадить в Астрахань, причем в наказе тамошним воеводам вменялось, чтобы в Астрахани казаки ни в каком случае “не сказывалися бы яицкими казаками, а говорили б, что они туто [в Самарском городе] и не бывали”.

Отправив казаков, Засекин был обязан позаботиться и о посольствах. Для их сопровождения до Астрахани самарские воеводы выделили 50 стрельцов. Если же караван с послами “замерзнет” ниже Самары, то ногайских послов следовало отпустить степью “с провожатыми стрельцами, чтоб от казаков оберечь”. Действительно, посольский караван не успел далеко уйти из-за непогоды и остановился двадцатью верстами ниже, в “Шелехмецких горах”, в зимовье рядом с устьем реки Самары. Русские послы всю зиму и весну наблюдали события, происходившие в городе, и благодаря их отпискам исторические сведения сохранились до наших дней.

В долгую первую зиму Самары 1586/87 г. в крепости оказались весьма опасные постояльцы. В любой момент на помощь сидевшим в тюрьме Матвею Мещеряку и его товарищам могли прийти с Яика казаки. Без указа из Москвы Засекин опасался что-либо предпринять против своих пленников. Меж тем созрел заговор. Заточенные в тюрьме казаки вступили в “сговор” с частью самарского гарнизона — “литвой”. О том, что самарские служилые люди “шатки”, свидетельствуют многие факты, например доносы начальных людей, “что стрельцы и казаки ставили на Самаре город и живучи проели и запасу у них не стало”⁶³. Заговор раскрыли “в роспросе... и на пытке твоему государю воеводе... сказали атаманы и литва, что послали весть на Волгу, и на Увек, и на Яик к атаманам и к их товарищам, а вел[ели] быт всем нынешняго 95 году [1587] к твоему государеву городу к Самарскому на

Олексеев день человека Божия или на Благовещенье день, а не будут на те сроки и ино как вода расколица, да воеводу и всех людей побить и город жжечь и нас холопей твоих и нагайских послов побити и казна твоя... взять”⁶⁴.

Засекин немедленно сообщил в Москву о раскрытом заговоре и принял дополнительные меры: казаков изолировали от “литвы”, русским и ногайским послам приказали вместе с казной переехать из зимовья в крепость. Ногаям и здесь отдали предпочтение: в то время как русские “казну на себе перенесли в город”, к ногаям “для бережения” и перевозки послали стрельцов.

Наконец из Москвы прибыл с указом царя гонец Постник Косяговский. Государева грамота гласила: “Матюшу Мещеряка да Тимоху П-ша, да иных их товарищей пущих [государь] велел казнити перед ними послы смертною казнию”. Видимо, в марте 1587 г. в Самаре была совершена первая казнь. Вместе с товарищами на городской площади повесили одного из известнейших волжских атаманов — Матвея Мещеряка. Все имущество, награбленное казаками у ногаев, передали ногайским послам.

Русские и ногайские послы отправились из городка восвояси со своими поручениями только в конце апреля — начале мая. К этому времени, как и добивалась Москва, вопрос о признании Самары со стороны Уруса и мурз практически был решен. В Астрахани Мурад-Гирей смог доказать послам Уруса, что крепость возведена прежде всего в интересах ногаев.

К весне у Засекина и его гарнизона прибавилось много новых забот. Что ни день встречали и провожали послов и купцов, перевозили их через волжские “перелазы”. Например, 1 мая 1587 г. по указанию самарского воеводы через Волгу были перевезены послы от нескольких мурз, а с ними 137 “ордобазарцев” — торговых людей из Средней Азии и до 2 тыс. лошадей на продажу. Засекину разрешили устроить небольшой торг под стенами крепости, где продавалось все, кроме “заповедных товаров”.

Кочевья ногаев, с наступлением тепла поднимавшиеся все выше и выше по левобережью Волги, наконец-то достигли Самары. Засекин сообщал в Москву, что по мере появления отдельных ногайских кочевий вблизи крепости он отпускал зазимовавших в городке ногайских и русских послов с “государевым жалованьем” к тому или иному мурзе. Характерно, что сами мурзы — Кучук-мурза и другие — просили, чтобы с отпускаемыми послами Засекин давал разрешение “летовать на Сомаре и на Волге бесстрашно”. Таким образом, самарские воеводы утверждались как бы общепризнанными гарантами безопасности ногайских кочевий в Среднем Поволжье. Целенаправленная последовательная политика правительства на юго-востоке дала себя знать и в том, что весной 1587 г., как и добивалась Москва, мурзы начали вновь посылать свои отряды в русскую армию. Эти отряды следовали через Самарскую крепость, переправлялись на правую сторону Волги и с провожатыми Засекина доходили до “мещерских окраин” под Рязанью. Видимо, после волжского речного этот сухопутный путь со Средней

Волги степью до “мещерских окраин” и далее до Шацка был в то время самым оживленным.

Основателя Самары князя Г.О.Засекина сменили в начале лета 1587 г. Грамоты, датируемые концом июня, адресовались уже Федору Елчанинову.

О более поздней истории городка сведений сохранилось крайне мало. По всей видимости, в конце XVI столетия он играл более значительную роль в истории Поволжья, чем его соседи — Саратов и Царицын. Недаром такой внимательный наблюдатель русской жизни, как француз на царской службе Жак Маржерет, среди прочих крепостей, построенных в то время в юго-восточных степях, главными считал Самару и Терки⁶⁵.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Начало Смуты. Поход “царевича Петра”. В начале XVII в. в России разразилась гражданская война, названная современниками “Смутой”. Причиной катастрофы, угрожавшей стране гибелью, стал острый внутренний кризис, осложненный вмешательством извне и прямой иностранной интервенцией. Население, не оправившись до конца от разорения, вызванного Ливонской войной и опричным террором Ивана Грозного, стало жертвой страшного голода 1601—1603 гг. Рост помещичьего землевладения и закрепощение крестьян усилили конфликты между отдельными слоями самих феодалов. Устои монархии пошатнулись из-за пресечения московской правящей династии потомков Ивана Калиты. Последний царь из этого рода Федор, сын Ивана Грозного, умер бездетным в 1598 г. Еще раньше, в 1591 г., в Угличе погиб при таинственных, до сих пор не выясненных обстоятельствах его младший брат, Дмитрий. Могущественная аристократия, ослабленная, но не изведенная Грозным, подняла голову и не собиралась склонять ее перед занявшим трон Борисом Годуновым и последующими правителями. В течение 1603—1618 гг. страну потрясали многочисленные восстания, заговоры, мятежи, терзали интервенты, авантюристы, разбойники.

Не обошла Смута и Самарский край, тогда еще малолюдный и удаленный от основных театров военных действий. В 1605 г., когда власть на Москве захватил самозванный царь “Дмитрий Иванович”, якобы чудом спасенный в Угличе, а на поверку сказавшийся беглым монахом Григорием Отрепьевым, на далеком Тереке объявился “племянник” нового московского “государя”. Тамошние казаки велели своему товарищу беглому холопу Илейке Коровину, прозванному также по месту рождения Муромцем, впредь именоваться “царевичем Петром”, сыном покойного царя Федора Ивановича.

Весной 1606 г. рать “царевича Петра” пришла с Терека на Волгу и двинулась вверх на стругах. К ней присоединялись волжские казаки и простонародье, численность ее достигла 4 тыс. человек. Лжедмитрий I, растерявший в столице свой авторитет и сторонников, отправил в ап-

реле к казакам своего доверенного дворянина Т. Юрлова, надеясь, что отряд Лжепетра “в крайней нужде мог оказать ему помощь”⁶⁶. Когда те “дошли до Самары и тут де их встретили от ростриги [Г. Отрепьева] под Самарою с грамотою, и Третьяк Юрлов велел им идти к Москве наспех”. Однако около Свияжска казаками было получено известие о том, “что на Москве Гришку Ростригу убили миром всем, и... все казаки... поворотились назад на Волгу, на реку на Камышенку”⁶⁷, а по ней ушли в верховья Дона.

О каком-либо нападении на Самару, мимо которой этот отряд проследовал дважды, источники не сообщают. Но известно, что во время похода по Волге казаки во главе с “царевичем Петром” “всяких служилых людей побивали до смерти”, грабили купцов. Среди “служилых” особую ненависть казаков вызывали бояре и дворяне — владельцы холопов и крепостных, из числа которых вышло большинство повстанцев. Впоследствии, присоединившись к Ивану Болотникову, казаки Лжепетра отличались особой жестокостью и беспощадностью в расправах со сторонниками царя Василия Шуйского, посаженного на престол боярами после убийства Лжедмитрия I⁶⁸.

Сильно пострадало и купечество. Поход Илейки Муромца, действия других казачьих предводителей, волнения в волжских городах, активизация кочевников — ногаев вконец расстроили торговлю по великой реке. Голландский коммерсант сообщал о злключениях своих собратьев по занятию: “Купцы, бывшие в Саратове, Самаре и других местах, претерпевая бедствия, блуждали по стране, и каждый бежал своей дорогой...”⁶⁹ Иноземные торговцы боялись появляться в беспокойных городах и крепостях на Волге. А среди хивинских и бухарских купцов многие и гораздо позже отказывались от поездок в Самару, где в Смутное время несколько среднеазиатских торговцев были убиты и ограблены местными жителями⁷⁰.

Самара в 1613—1614 гг. Воевода Д.П. Пожарский. После освобождения Москвы в 1612 г. от интервентов и избрания на царство в 1613 г. Михаила Романова обстановка на юго-восточных границах России, восстановившей свою независимость и государственную власть, не только не стабилизировалась, но и еще более осложнилась. В Поволжье была предпринята последняя попытка сохранить в качестве политической реальности призрак “царя Дмитрия Ивановича”. Организаторами этой попытки стали Марина Мнишек и Иван Заруцкий. Марина, дочь польского магната, была супругой обоих наиболее известных самозванцев — Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. После гибели того и другого она возложила свои надежды на русский престол на своего малолетнего сына “царевича Ивана Дмитриевича”, которого официальные московские власти называли просто “воренком”, так как его отец, Лжедмитрий II, именовался “тушинским вором”. Атаман Заруцкий за годы Смуты был и сподвижником Ивана Болотникова, и “боярином” Лжедмитрия II, и одним из вождей Первого ополчения против засевших в Москве поляков, опирался на верные ему казачьи отряды, заигрывал с крестьянами, горожанами и служилыми людьми. На самом же деле интересы этих общественных слоев ему были в равной степени

чужды. Он мечтал стать правителем государства, поэтому в 1612 г. вступил в конфликт с Д.М. Пожарским, в следующем году не признал избрание Михаила Романова царем.

В конце весны — летом 1613 г. войска московского правительства вынудили Заруцкого и находившуюся под его покровительством Мнишек с сыном покинуть Рязанскую землю и Верхний Дон, где они пытались закрепиться. Беглецы укрылись в Астрахани. Там Заруцкий захватил власть, убив воеводу Хворостинина и многих горожан⁷¹. Крупнейший город в низовьях Волги рассматривался им как база для организации нового похода в центр страны. При этом он был готов получить поддержку со стороны Ирана и Турции, даже ценой передачи под их власть Астрахани.

У московских правителей не хватило сил для скорого устранения угрозы, исходившей от Заруцкого, так как продолжалась тяжелая война против польско-литовских интервентов и их пособников, не были погашены очаги крестьянских восстаний. Требовалось время для подготовки похода правительственных войск, местом сбора которых определили Казань. В этих условиях Самарский городок приобретал стратегическое значение, поскольку между Казанью и Астраханью не оказалось волжских крепостей: Саратов и Царицын были в Смутное время уничтожены. Основные силы самарского гарнизона составляли 300 самарских стрельцов и 205 саратовских, пришедших сюда после гибели своего города⁷². Население, не относившееся к военно-служилым, было на Самаре немногочисленным и не могло существенно пополнить число защитников крепости. Для сравнения укажем, что Заруцкий в благоприятных обстоятельствах мог повести до 30 тыс. ратных людей — русских жителей Астрахани, тамошних татар и ногаев, волжских казаков. При таком соотношении сил непростая задача удержания города до подхода правительственной армии была возложена на нового самарского воеводу князя Дмитрия Петровича Пожарского-Лопату.

Воевода доводился троюродным братом герою освобождения Москвы Д.М. Пожарскому, сам командовал передовым отрядом ополчения в 1612 г. Сражаясь против польских интервентов, Д.П. Пожарский под Москвой не раз вступал в конфликт с казаками Заруцкого как в военных действиях, так и за столом переговоров. Так что своего противника воевода представлял хорошо. Дальнейшие события показали, что выбор князя Дмитрия на воеводство в Самару весьма удачен.

Первым из известных нам шагов нового воеводы стала отправка 23 сентября 1613 г. донского атамана И.Онисимова к волжским казакам, чтобы побудить тех признать власть царя Михаила Федоровича и отойти от астраханских мятежников. Склонить казаков к повиновению московским властям полностью не удалось, однако споры о том, чьей стороны держаться, раскалывали волжское казачество, мешая Заруцкому вовлечь его в свои планы. Кроме того, вернувшись весной 1614 г. в Самару, Онисимов привез важные сведения о положении на Нижней Волге.

В январе самарский воевода уведомил Москву о своем намерении послать человека к ногаям с теми же предложениями, что и к волж-

ским казакам. Столичные чиновники сочли, что они разбираются в обстановке на волжских берегах лучше, чем воевода передовой крепости, стали убеждать Пожарского, что от ногаев “не чаяти никакого дурна”, и сделали ему выговор за проявление инициативы “без государева указа”⁷³. А в то самое время, пока из Москвы шли утверждения о лояльности ногаев, их князь и мурзы присягнули Заруцкому, втянувшись в его авантюру. Недоверие, оказанное столичными бюрократами князю Дмитрию, обернулось нападением степняков на русские селения. Ущерб от ногайского набега оказался не очень значительным: благодаря предупреждениям самарского воеводы о нем стало заранее известно в пограничных со степью городах. У налетчиков удалось отбить пленников, “мужиков и женок и робят”, скот.

Все сообщения, поступавшие в Москву зимой и весной 1614 г. о ситуации в низовьях Волги, шли в Россию через Самару. Они собирались воеводой в допросах астраханских перебежчиков, торговцев или, как в случае с И. Онисимовым, специально посланными людьми. Воеводы крепостей, находившихся под угрозой нападения Заруцкого и его союзников, часто, не дожидаясь официальных сообщений из Самары, посылали туда разъезды (“станции”) своих разведчиков для скорейшего получения новостей. Так, 11 апреля от Свияжской засеки послали к Пожарскому “станцию для вестей, вожа Атиша Абакова с товарищи”, а привезенные сведения передали свияжскому воеводе⁷⁴.

Астраханский мятеж способствовал преграждению традиционного волжского пути. Единственной дорогой, связывавшей Россию со странами Средней Азии и Переднего Востока, осталась караванная тропа от Самары на Ургенч в Хивинском ханстве. При Пожарском удалось обеспечить безопасность торговли и доверие купцов. Поэтому в его воеводство, несмотря на военное время, поступления из Самары в государственную казну значительно возросли. Регулярное прибытие караванов в Самару не только соответствовало торговым интересам России, но и позволяло находиться в курсе обстановки на Нижней Волге и в прикаспийских степях, знать о положении и взаимоотношениях Хивы, Бухары, Ирана, Турции, кочевых народов Казахстана и Средней Азии.

Этот путь через степь использовали и для дипломатических целей. В декабре 1613 г. самарский воевода получил указ расспросить бухарских и хивинских купцов в Самаре, возможно ли возвращавшемуся в Иран шахскому посольству и ответному посольству русского царя “с ними вместе пройти, которыми местами они на Самару шли”. Впервые Посольский приказ в Москве вынужден был искать маршрут до персидских владений, минуя Астрахань, и посол шаха предложил отправить его “зимним путем на санях до Самары” и далее “на вьюках” через Хиву в иранскую провинцию Хорасан. Но московские дьяки боялись, что за Самарой послов могут не пропустить кочевники — казахи, туркмены, каракалпаки или еще кто-нибудь.

Из Самары воевода прислал утешительные известия. Хивинские и бухарские купцы обещали безопасный проезд зимой, поскольку “от Самары... до Юргечи [Ургенча]” нет степняков, которые в это время года откочевывали в другие места. Необходимо было только успеть,

пока лед “на реках не прошел и покаместа конский корм под копытом не будет”. Когда же вскроется лед и сойдет снег, тогда “без людей [кочевников] в степи не будет... дорогою будет не проехать”⁷⁵.

22 февраля 1614 г. русское и персидское посольства прибыли в Самару почти на месяц. Появление в маленькой крепости более 100 человек и 200 лошадей до крайности обострило ситуацию с продовольствием и фуражом. Воевода извещал, что в “государевых житницах хлебных запасов нет”, купить их у жителей невозможно, многие женщины и дети сами “по миру ходят”. Если же люди, в том числе и стрельцы, не убегают из голодного городка, то только потому, что “держит их зимней путь”, а весной “удержати их з голоду будет не можно — разбредутца розно”. Но послы требовали обеспечения их провизией для предстоящего пути. Иранец привел на площадь усталых и больных лошадей, подлежащих замене, и бросил их на попечение воеводы, пригрозив: если не дадут овса, он выведет и остальных лошадей сюда же. Требования послов подкреплялись царскими указами из Москвы, предупреждавшими воеводу, “чтобы твоим оплошеством нашему такому великому государственному делу порухи не было, а тебе б от нас за то в великой опале не быти”. Но и Пожарский понимал, что будет с Самарой и с ним самим, если с шахом договорятся не московские посланцы, а люди Заруцкого, которые уже выехали в Персию просить помощи. Понимал он и правоту слов иранского посла: “На такую дальнюю степь на худых лошадех ити нельзя... Лошеди потерять — и самому погинути”⁷⁶.

Действительно, ни на какую помощь в безлюдной степи рассчитывать не приходилось. Каким-то чудом воевода собрал послам необходимый фураж и продовольствие. Обеспечил конвой, выделив 30 конных стрельцов, по паре коней на каждого. Часть находившихся в Самаре купцов присоединилась к посольскому каравану, часть была задержана в городе до получения известий о благополучном исходе этого путешествия. Раз ручались “головой” за безопасность дороги, пришлось оставаться заложниками своего поручительства.

22 марта послы выехали из Самарского городка, без приключений пересекли степь. Не столь мирным оказался обратный путь стрелецкого конвоя, который на реке Эмбе оставил посольство и повернул назад. Возвращавшиеся в степь кочевники, “калмыки ль, турхменцы”, атаковали самарский отряд. В схватке стрельцы потеряли двух человек убитыми, пятерых ранеными и 33 лошади, с таким трудом собранные в Самаре. Нападавшие поплатились жизнями 20 человек и 40 коней.

Важнейшая внешнеполитическая акция нового московского правительства, направленная на восстановление дружественных отношений с Ираном, была успешно осуществлена. Однако обеспечить невмешательство могучего южного соседа в русскую Смуту одними дипломатическими шагами было нельзя. Многое зависело от того, насколько быстро Россия восстановит контроль над всем волжским путем до Каспия, сумеет ли подавить мятежников, упредив возможную интервенцию на этом направлении.

Разгром атамана Заруцкого и его сторонников. Поздняя осень и зима 1613/14 г. отодвинули непосредственную угрозу нападения Заруц-

кого на Самару, но уже 5 марта Пожарский сообщил: “На весну ждем под Самарской снизу воровских людей”⁷⁷. 11 марта трое астраханских перебежчиков подтвердили намерение Заруцкого и ногайских мурз весной “итти под Самар”. 30 марта эти планы раскрыл беглец из Астрахани Г. Омелянов. Заруцкий со своими астраханскими сторонниками собирался двинуться “Волгою противу льду в стругах”, а татар и ногаев убеждал, чтобы “деи шли на конех степью под Самарской и под Казань и Самарской бы деи осадили, покаместа деи он, вор, подоспеет Волгою в стругах с нарядом [артиллерией] и с вогненными пушками”. Не оставлял он надежды привлечь к походу на Самару волжских казаков, обещая: “я де вас пожалую тем, чего де у вас и на разуме нет”. Пытаясь обнадежить своих сторонников, Заруцкий добавлял: “Знаю де я московские наряды [порядки], покаместа деи люди с Москвы пойдут, я деи до тех мест Самару возьму да и над Казанью промысел учиню”⁷⁸.

По мнению Д.П. Пожарского обстановка требовала присылки подкреплений самарскому гарнизону из числа войск, стянутых в Казань под команду воевод И.Н. Одоевского и С.В. Головина. Однако Одоевский принял другое решение. Его, как командующего правительственными войсками в Поволжье, беспокоила не столько судьба Самарской крепости, сколько возможность соединения Заруцкого с отрядами казаков и разных авантюристов, возобновивших военные действия и грабежи на Верхней Волге и в Пошехонье. В половодье силы Заруцкого могли пройти незаметно, минуя Самару и Казань, вверх по Волге, а верхневолжские отряды мятежников мелкими группами – в Астрахань. 15 апреля Одоевский отдал распоряжение стрелецкому голове Г. Пальчикову отправиться с пятью сотнями стрельцов из Казани к устью реки Усы, построить там небольшую крепость – “острожек” и воспрепятствовать возможной попытке противника пересечь Самарскую Луку по Усе. В случае необходимости Пальчикову предписывалось “Самарскому городу помогати”, но основными задачами ставились наблюдение за движением по Волге, запрет на передвижение по ней мимо устья Усы, а также охрана рыбных промыслов.

Узнав о посылке Пальчикова, Пожарский стал требовать перевода этого отряда в Самарский городок, приводя соображения как военного, так и политического характера. Он указывал, что действенной помощи друг другу отдаленные на 60 верст гарнизоны оказать не смогут. Запретив движение по Волге мимо своей заставы, Пальчиков перекрыл подвоз хлеба в Самарский городок, где “всякие люди бедны и голодны и хлебных запасов продажного нет у них”. В городе расплозились слухи, что казанские воеводы хотят самарских жителей “голодом поморить”, а потому на Самаре “смута и в людех сумнение великое”. Пожарский предупреждал Одоевского и его помощников: “В Самарском служилые люди и всякие ружники и оброчники бедны и голодны, а воров ожидаем вскоре... а которая, господа, над Самарским городом поруха учинится, и то, господа, не от меня, от вас”. Еще сдерживаясь в официальных донесениях, самарский воевода устно, видимо, высказывался более круто. В Казань шли доносы, будто он грозил: “Пойду де я на Усу и острожек де велю скрыть”, и пуще того: “Когда де воровские

люди Самарской возьмут, и я де умею воровать, и от меня де многие города подрожат". Разумеется, подобные реплики воевода отрицал, объясняя их появление клеветой недругов⁷⁹.

При всех неурядицах в правительственном лагере время работало не на Заруцкого. Споры из-за острожка на Усе прекратились сами собой, когда из Казани по Волге двинулась вниз вся рать князя Одоевского, который 17 мая прибыл в Самару. В тот же день Пожарский и Одоевский получили очень важные сообщения из Астрахани. Там против Заруцкого и его приспешников вспыхнуло восстание русского и татарского населения. Эти известия подтвердили справедливость расчетов Пожарского на внутренние раздоры в пестром по своему составу лагере Заруцкого. Астраханские вести ускорили продвижение правительственных войск в низовья Волги. После совещания с Одоевским самарский воевода передал ему часть своих "ратных людей с головами стрелецкими, с Михаилом Соловцовым да с Лукою с Вышеславцовым, два приказа стрельцов с вогненным боем"⁸⁰.

Бежавший из Астрахани с частью казаков Заруцкий засел "на Яике на Медвежьем острове". Оттуда посылались разведчики "проведыти, что на Самаре вестей"⁸¹. В планы казачьего отряда в 600 человек входил прорыв на Волгу по реке Самаре. Вновь на предполагаемом пути мятежников оказывался Самарский городок. Стрелецким головам, преследовавшим Заруцкого, приказали не дать казакам уйти к Самаре сухим путем или переволочиться с Яика на Самару на стругах. Основным силам засевших на Медвежьем острове мятежников осуществить свой план не удалось. Они были окружены и 24 июля выдали царским воеводам Заруцкого, Марину и ее сына, которых срочно отправили в Москву. Конвоем, в состав которого входила и сотня самарских стрельцов М. Соловцова, Одоевский приказал умертвить пленников, если по дороге их попытаются отбить. Опасения оказались напрасными — пленных доставили в столицу. Заруцкий и малолетний "воренок" были казнены, "царица" Марина вскоре умерла (или была тайно убита) в тюрьме.

Часть казаков все же бежали с Яика на Волгу, но не по реке Самаре, так как не решались теперь из-за своей малочисленности двигаться мимо укрепленного городка, а степью. К тому времени новые воеводы В.И. Туренин и М.В. Белосельский сменили на Самаре Пожарского. До Волги казаки не дошли, ибо напали на след "сакмы" — дороги, по которой хивинские купцы "с корованы прошли на Самару, и стали те воры их на степи ждати и стеречь, как они пойдут с Самары назад степью, а на Самаре про то ведомо не было". Когда же купцы, "исторговався, пошли с Самары степью назад в Юргенчи, и те воровские казаки... пришли на них на стан, на сонных"⁸².

Из-за внезапности нападения в руки казаков попали добыча и пленные. Придя в себя, купцы настигли грабителей, благо те были пешими, отбили пленных и часть своего товара. Но казаков ждала и еще большая неприятность. Не успели они разделить остатки награбленного, как из Самарского городка на конях подоспела погоня. Стрелецкий голова С. Есипов со служилыми людьми "побили" их в степи, доставив в Самару трех плененных атаманов и 42 казака.

Этот эпизод наглядно свидетельствовал о том, что опаснейшее антиправительственное движение окончательно выродилось в обычный казачий разбой на Волге и в завожских степях. Было у данной истории и дипломатическое продолжение. В 1616 г. хивинский посол на переговорах в Москве поднял вопрос о возвращении купцам тех денег и товаров, которые попали сначала к казакам, а от них к ратным людям самарского гарнизона. При этом выяснилась подробность, характерная для взаимоотношений торговцев и воеводской администрации. Иноземные купцы по закону не имели права вывозить из России деньги — все вырученное от продажи серебро требовалось потратить на покупку русских товаров. Однако воевода Белосельский хивинцев “с Самары с теми деньгами выпустил, а взял от того 200 рублей денег да 20 лошадей”, освободив за это купцов от таможенного досмотра. После пленения казаков Белосельский уверил купцов, что отбитые деньги и товар взяты “в государеву казну”.

Хивинские купцы исхлопотали у своего хана грамоту царю Михаилу Федоровичу с просьбой вернуть из казны то, что принадлежало им. Думные дьяки московского Посольского приказа могли только усмехнуться по поводу столь наивных представлений о порядках на русском пограничье. Они объяснили хивинскому послу: “А что будет царского величества самарские ратные люди... рухляди [товары] какие и отгромили [отбили], и воинские люди по себе и розделили, потому что взяли у воровских людей... да того уж не поднята и ни на ком не взята”. После такого объяснения обещание, данное послу, — ради добрососедских отношений Москвы и Хивы про купеческие “животы и рухлядь на Самаре... сыскивати, да будет что... сыщется, и государь велит, сыскав, им отдати”⁸³, — выглядело не более чем уловкой дипломатического этикета.

По поводу же денег московские представители на переговорах не без поучающей интонации заявили: “В государевой казне тех погромных [награбленных] денег нету, да и не надобно государю в казну такие погромные деньги”. Эти деньги самарские воеводы если и собрали сначала, то лишь для того, чтобы опять раздать “ратным людям” как военную добычу. Правоту таких действий под сомнение не ставил никто...

Самарский гарнизон выполнил свое предназначение в самое трудное не только для города, но и для страны время. Он активно участвовал в разгроме мятежа атамана Заруцкого, обеспечении дипломатических и торговых связей России со странами Востока, охране ее рубежей. Все это было достойным вкладом в возрождение российской государственности, в предотвращение интервенции со стороны южных соседей — Турции и Ирана. Наконец, оказался восстановлен на всем протяжении великий волжский путь, вновь по нему спокойно путешествовали и торговцы и дипломаты.

В начале 1615 г. в Самару прибыл русский гонец с грамотой к шаху, и городским воеводам предписывалось решить, как его направить — “Волгою или степью”. Воевода Белосельский рассудил за лучшее дожидаться вскрытия реки, после чего с чистым сердцем отправил гонца на струге в Астрахань...

Смута кончилась. Жизнь входила в обычное русло.

*Татарин.
Малоизвестный рисунок
Альбрехта Дюрера начала XVI в.*

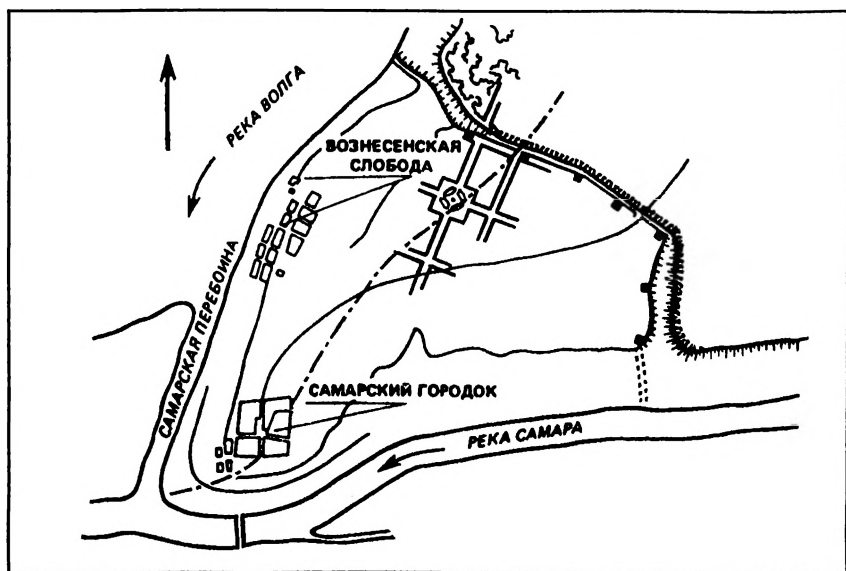
*Река Самара
на карте английского
путешественника А. Дженкинсона
1562 г.*

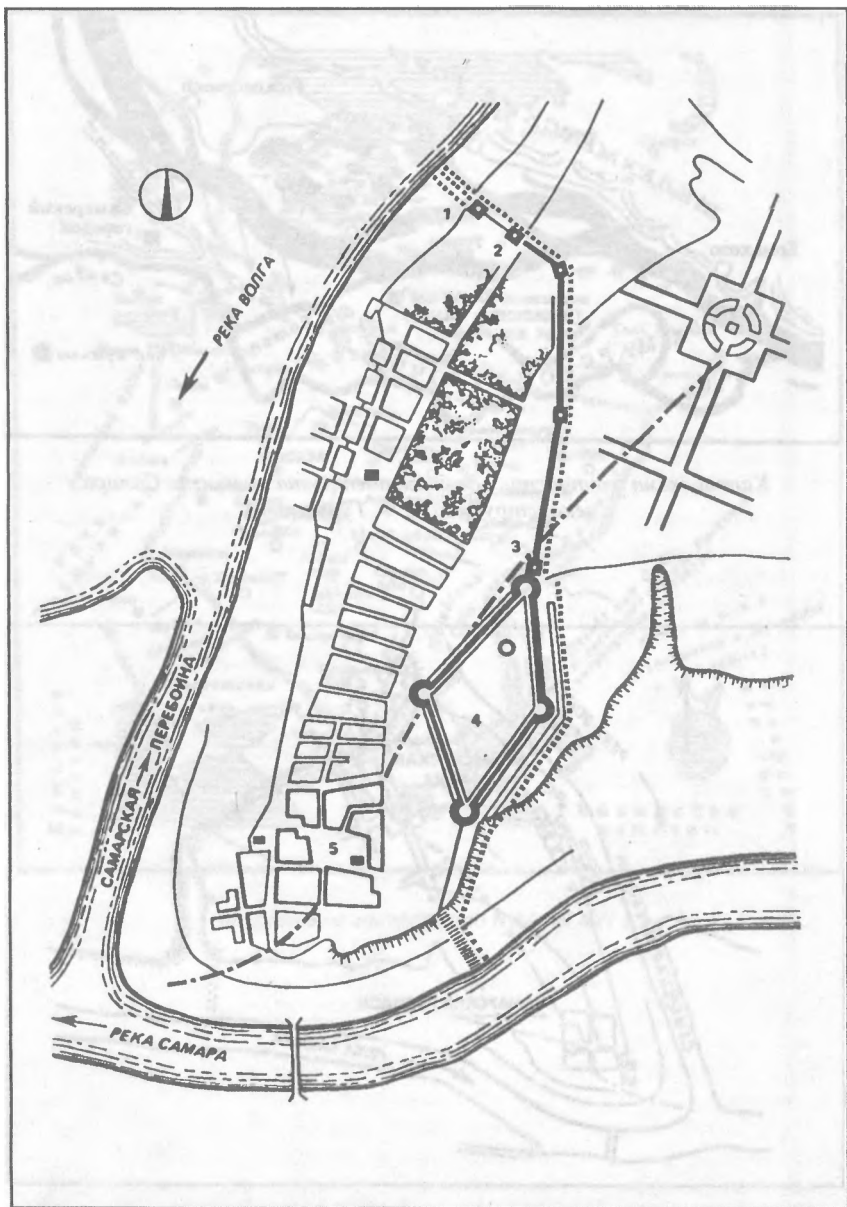
Московское государство в конце XVI в.

Карта-схема местности, где была построена крепость Самара
(реконструкция Е.Ф. Гурьянова)

Самара. Полевые укрепления второй половины XVII в.
(реконструкция Е.Ф. Гурьянова)

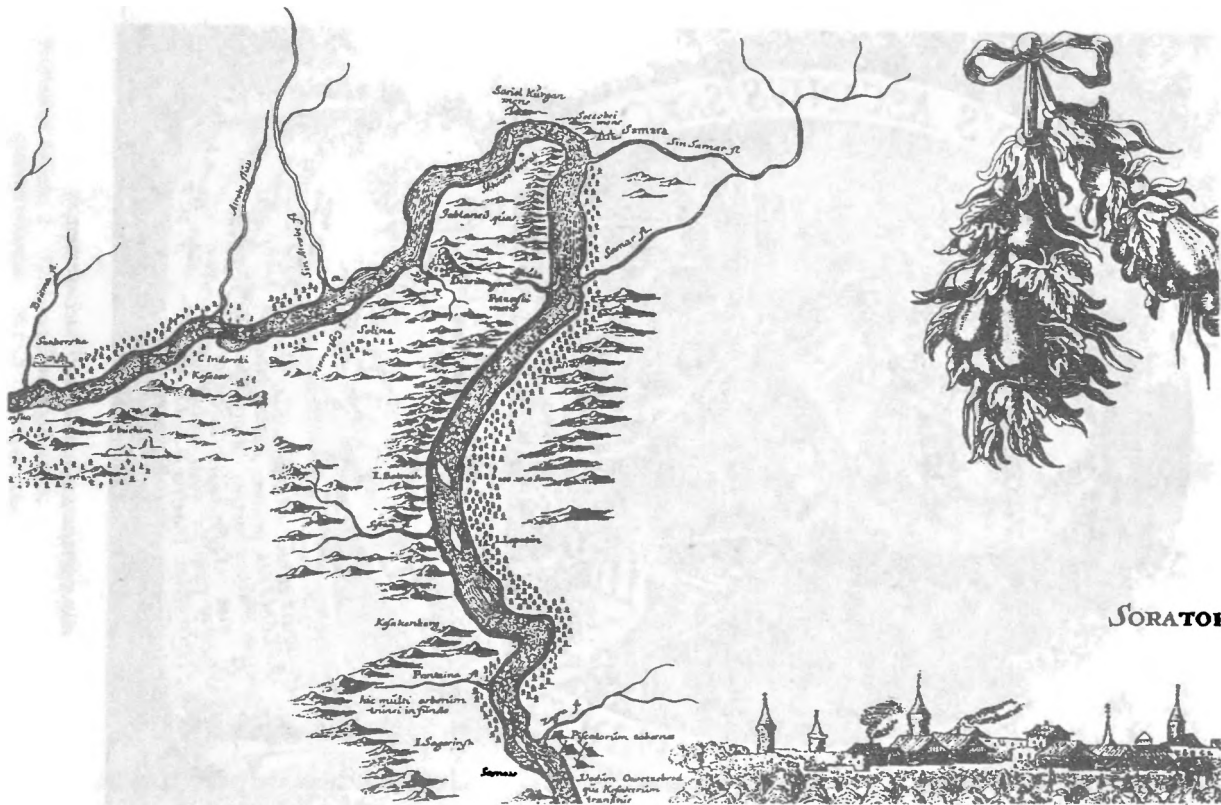

Самара. Система укреплений 1706–1742 гг. (реконструкция Е.Ф. Гурьянова)

1 – Волжская башня; 2 – Вознесенские ворота; 3 – башня обер-вахты; 4 – земляная крепость-замок 1706 г.; 5 – бывший самарский городок 1586 г

Секретарь голишинского посольства
Адам Олеарий

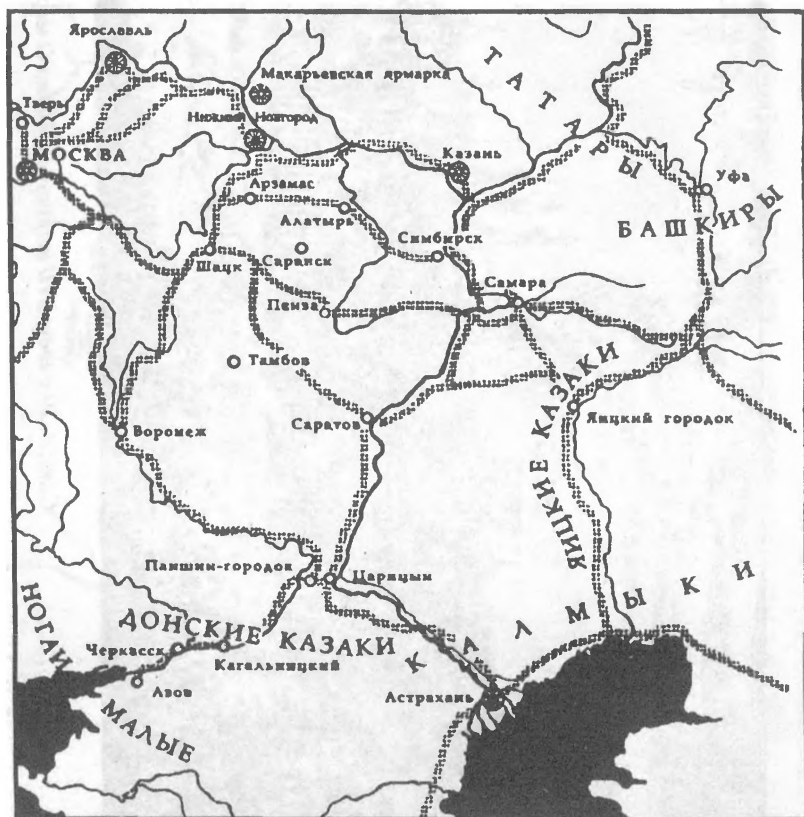
Фрагмент карты р. Волги Адама Олеария

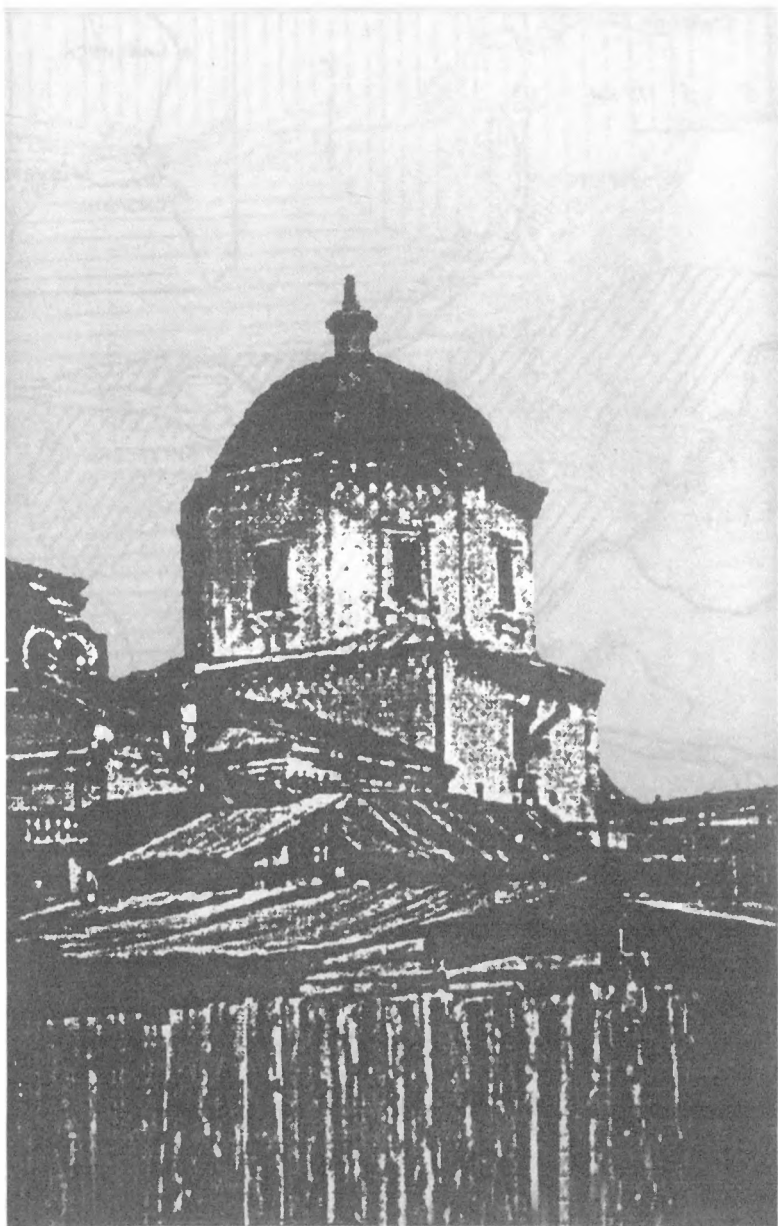
Самара. 30-е годы XVII в. (рисунок Адама Олеария)

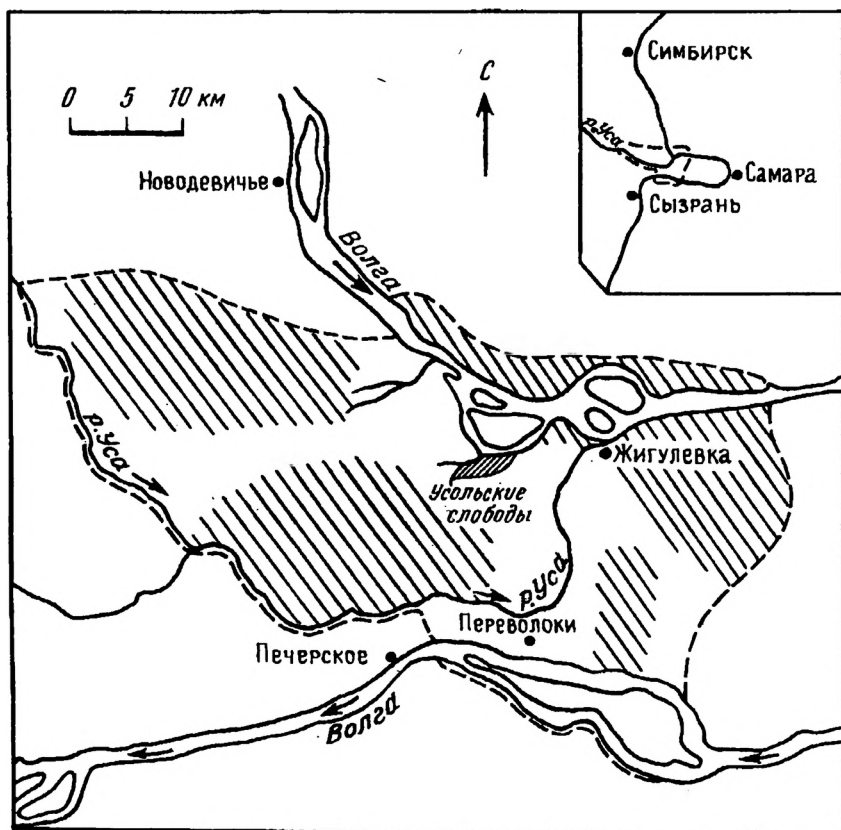
Степан Разин.
Английская гравюра XVII в.
Фрагмент

Торговые пути России XVII в. Юго-восточная часть

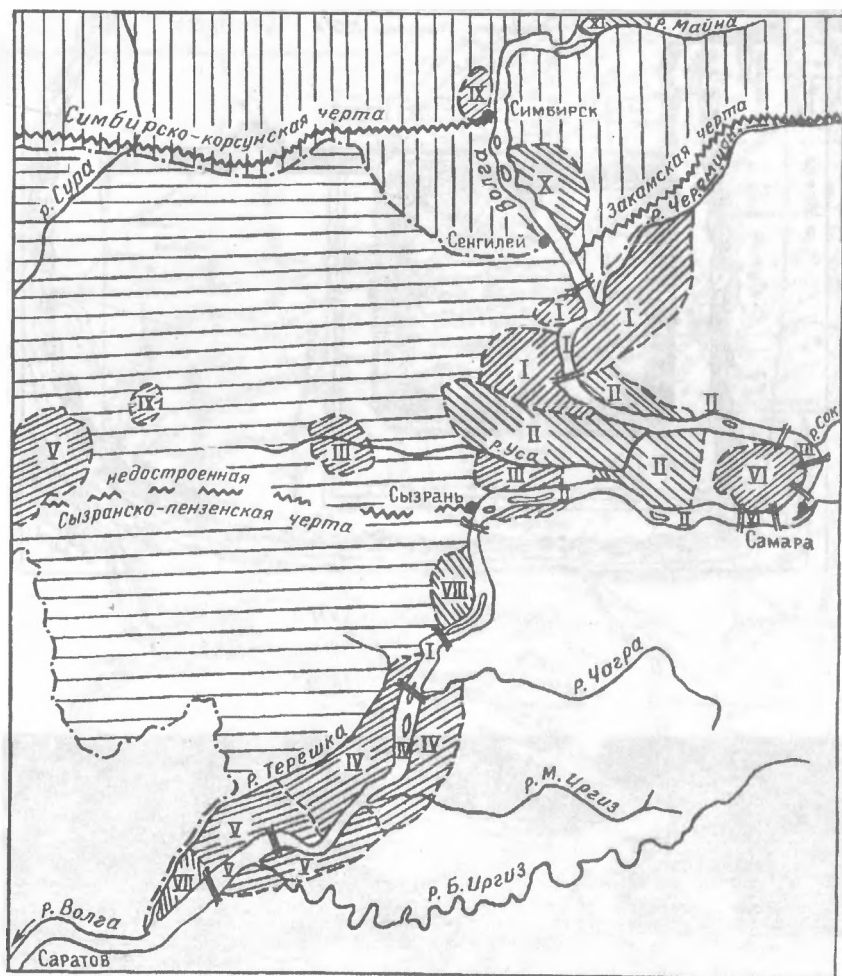

*Церковь женского Спасо-Преображенского монастыря.
Конец XVII в. (до сноса в 1952 г.)*

- — граница Надейнского Усоля
- — населенные пункты
- — леса
- — район солеварения

Схематический план местности Надейнского Усоля в XVII в.

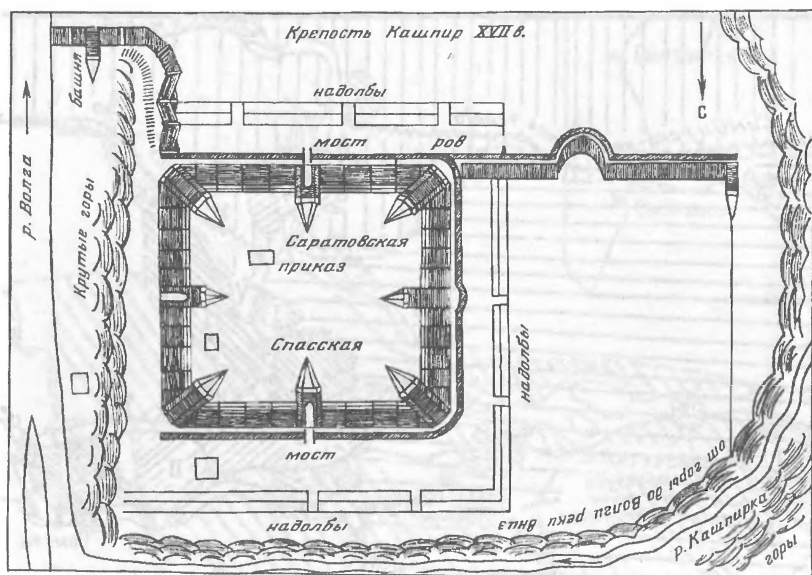

- I-Новодевичий монастырь
 II-Савво-Сторожевский монастырь
 III-Московский Вознесенский монастырь
 IV-Чудов монастырь
 V-Новоспаский монастырь
 VI-Самарский Спасо-Преображенский монастырь
 VII-Воскресенский монастырь

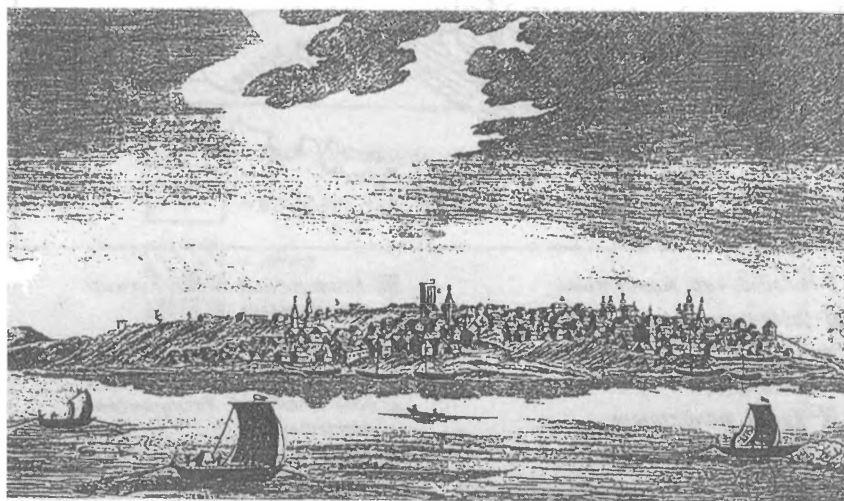
- VIII-Кашпирский Вознесенский монастырь
 IX-Ипатьев Костромской монастырь
 X-Богоявленский Костромской монастырь
 XI-Патриаршие:

[Штрихованный квадрат] районы, заселенные с 1648 по 1683 г.
 [Горизонтально-полосатый квадрат] « » с 1683 г. по начало XVIII в.

Схема-карта расположения церковно-монастырских владений на территории Симбирско-Самарского Поволжья в XVII – начале XVIII в. (реконструкция Э.Л. Дубмана)

Крепость Кашпир XVII в.

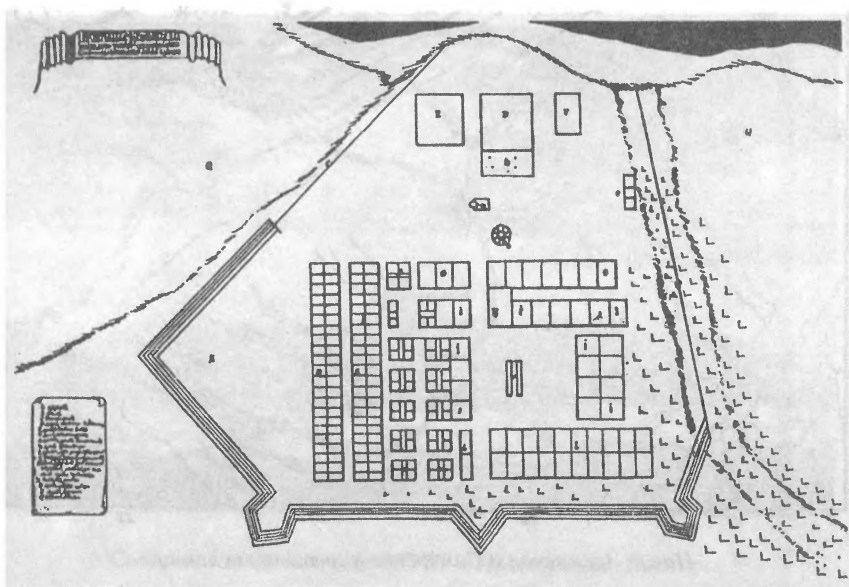

Самара в конце 30-х годов XVIII в. (гравюра Дж. Кастля)

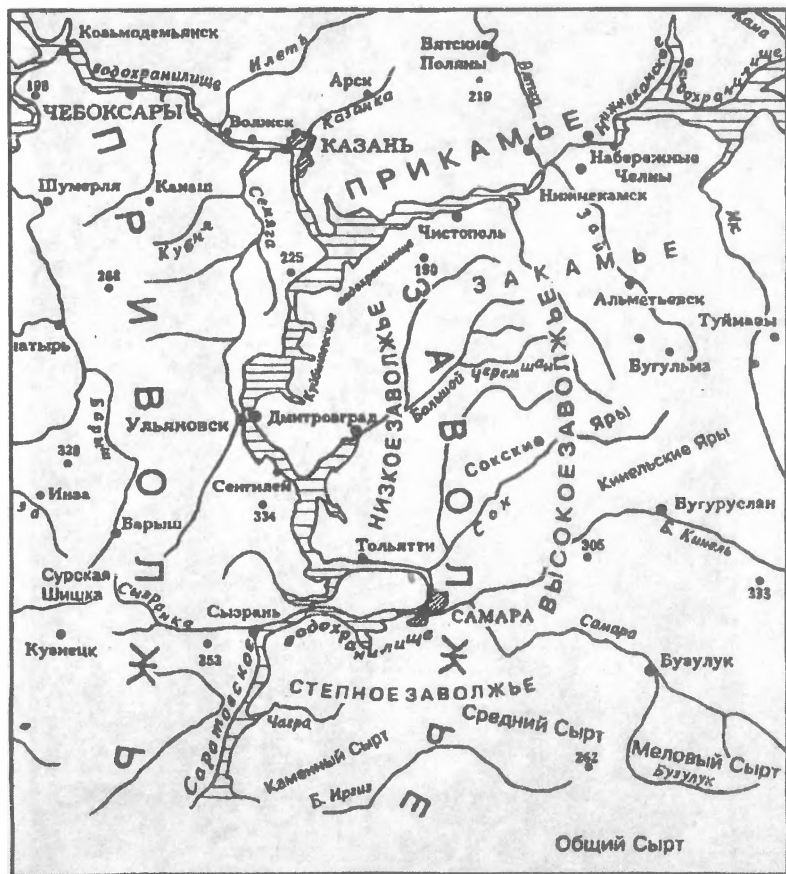
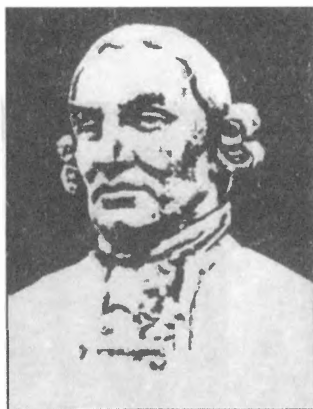
*Портрет И.И. Неплюева
П.А. Трезини*

Проект собора в г. Ставрополе. 1744 г.

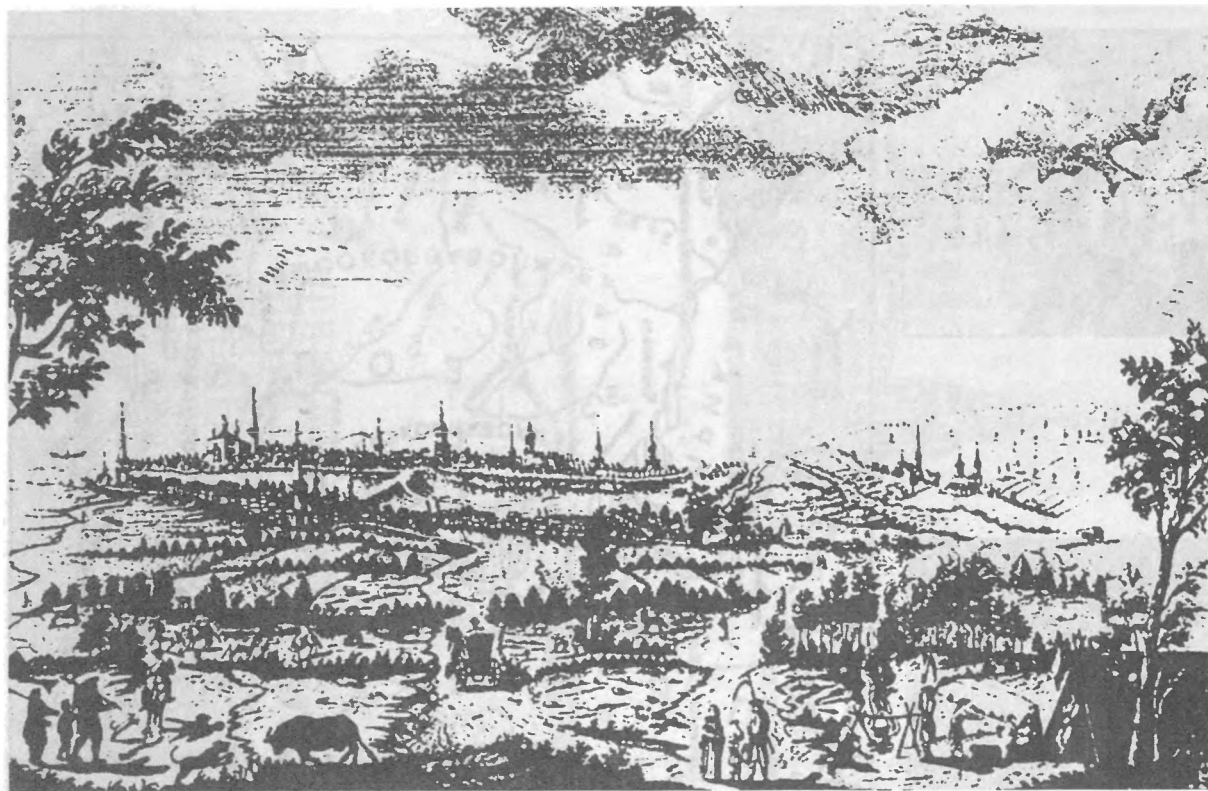

*План крепости г. Ставрополя. Середина XVIII в.
(из фондов Тольяттинского краеведческого музея)*

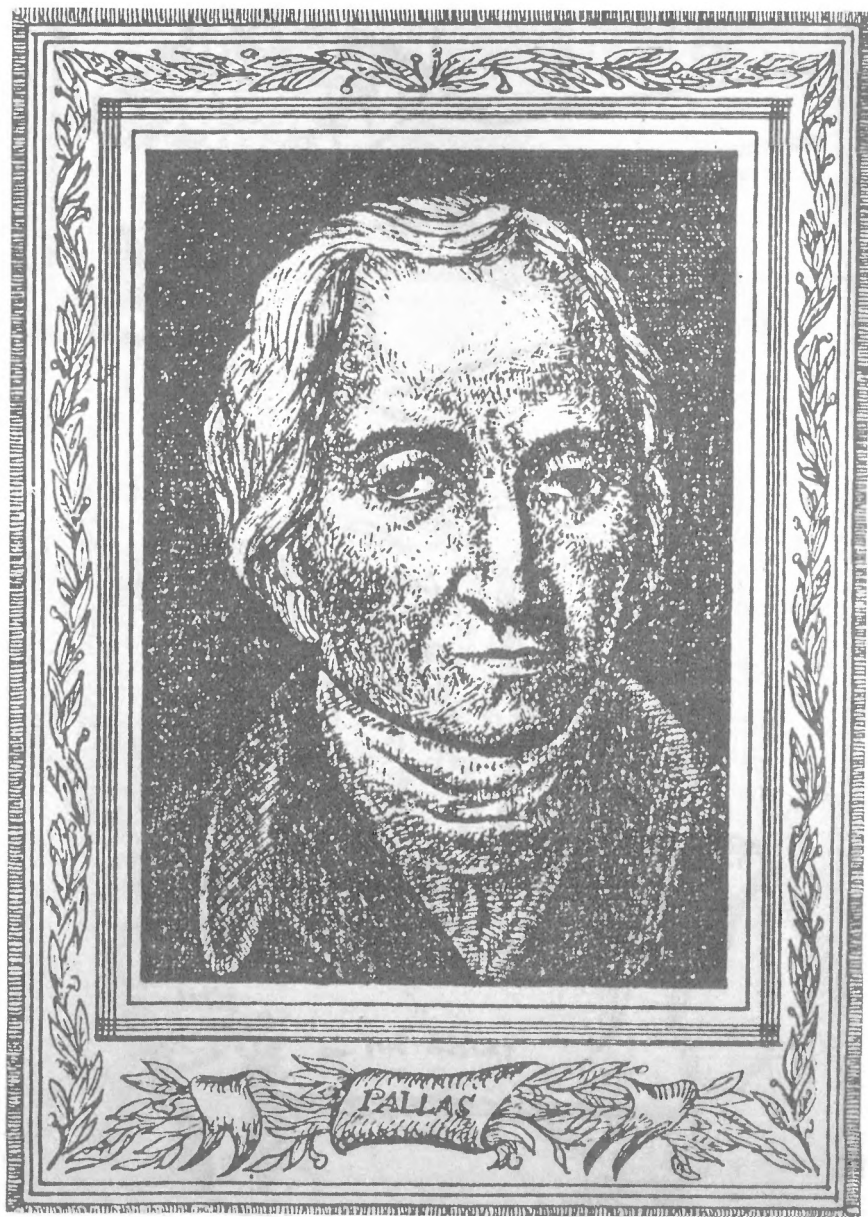
П.И. Рычков
(скульптор Н.Н. Осокин,
музей в г. Бугульме).

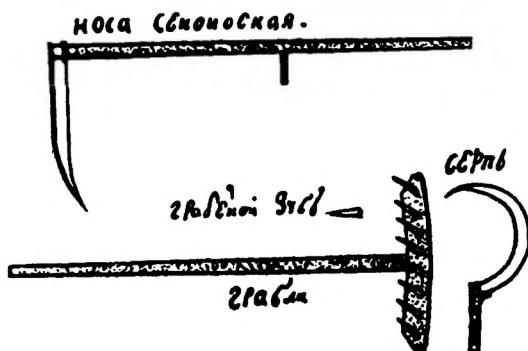
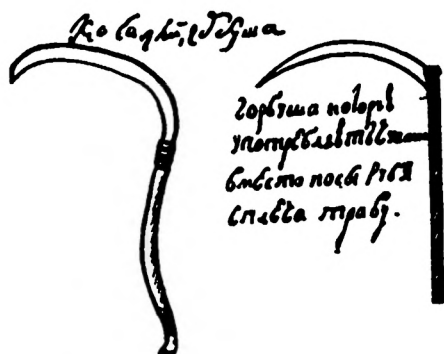
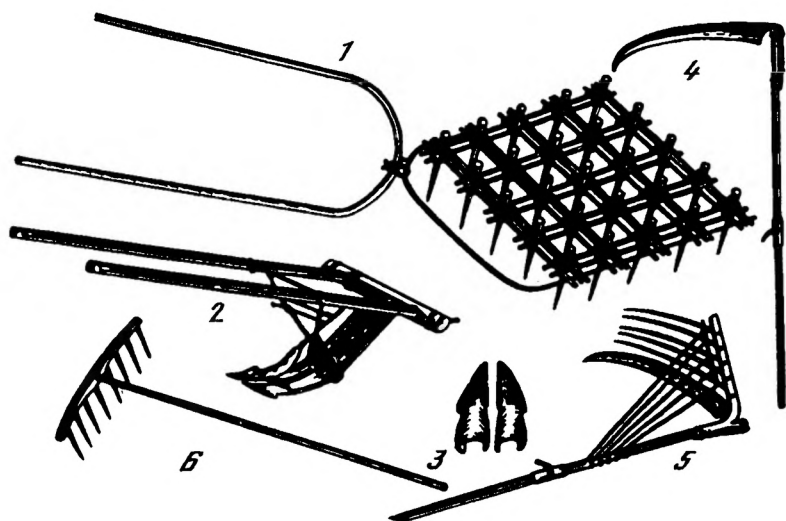
Географические ландшафты Самарского Поволжья
(современное состояние по И.Х. Салимову)

Сызрань. Вид города в первой половине XVIII в. (по гравюре М. Махаева)

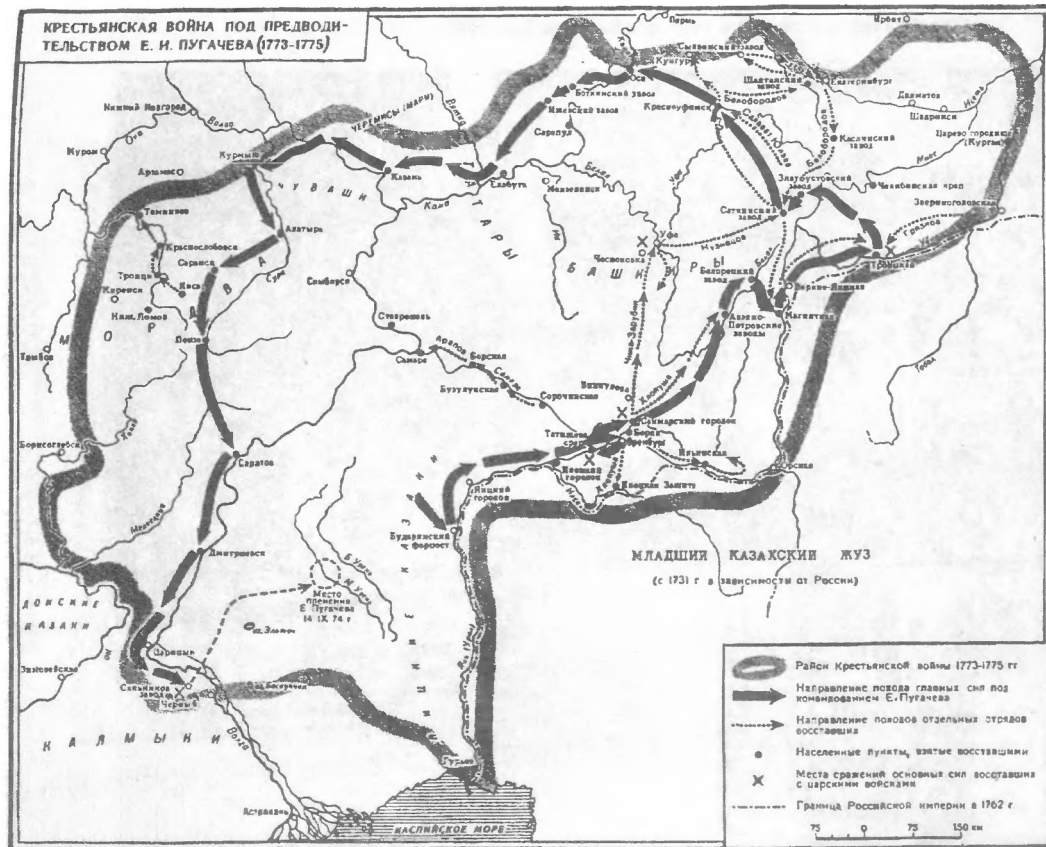
Петр Симон Паллас

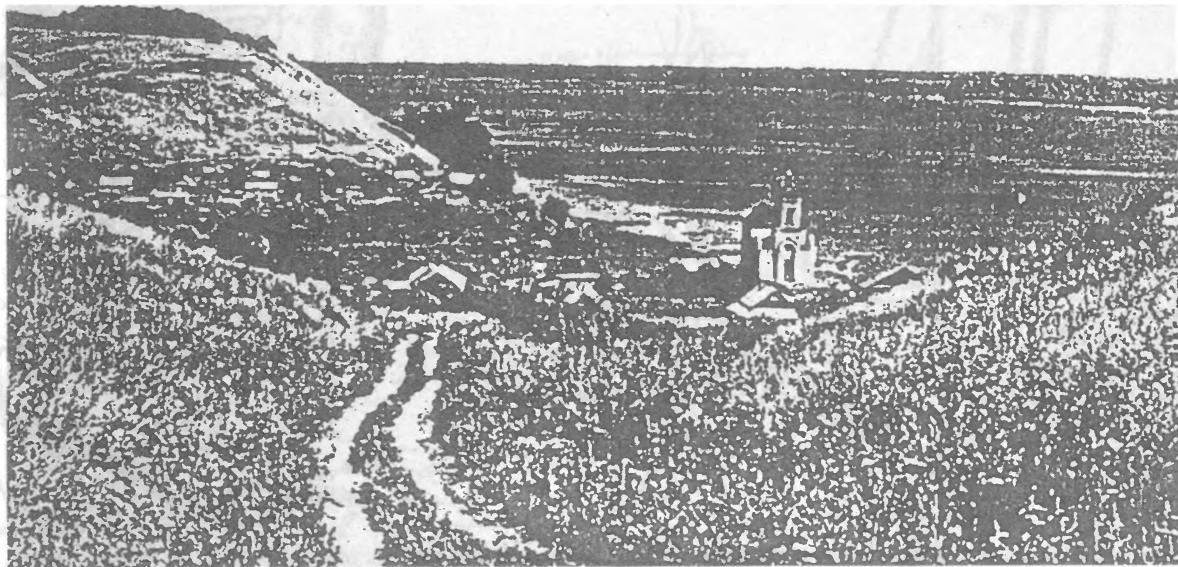
Сельскохозяйственные орудия второй половины XVIII в.

1 - борона; 2 - соха с полицей; 3 - сошники; 4 - коса; 5 - коса с крюком; 6 - грабли.

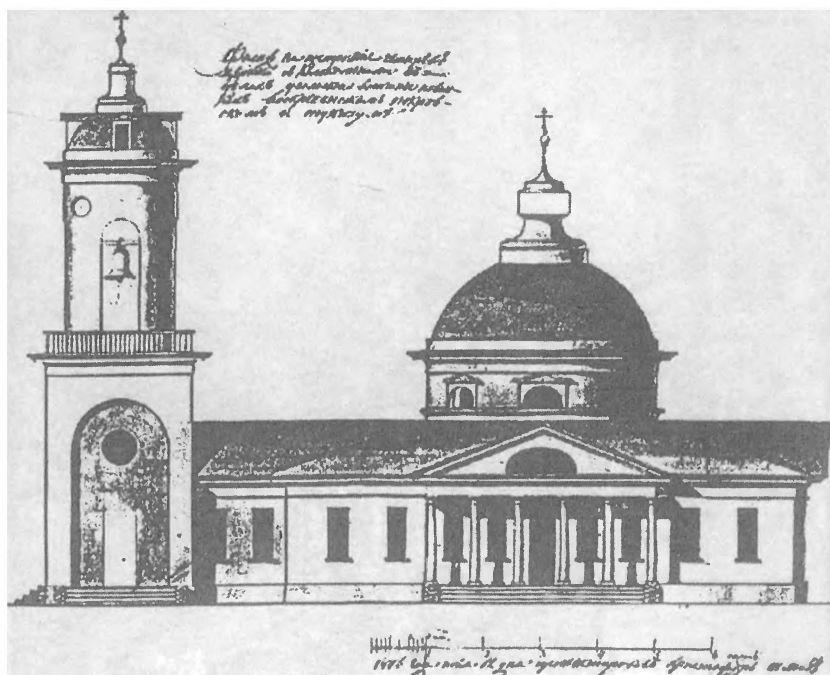
Разновидности косы-горбуши, косы сенокосной, грабли и серп. Рисунки 1766 г.

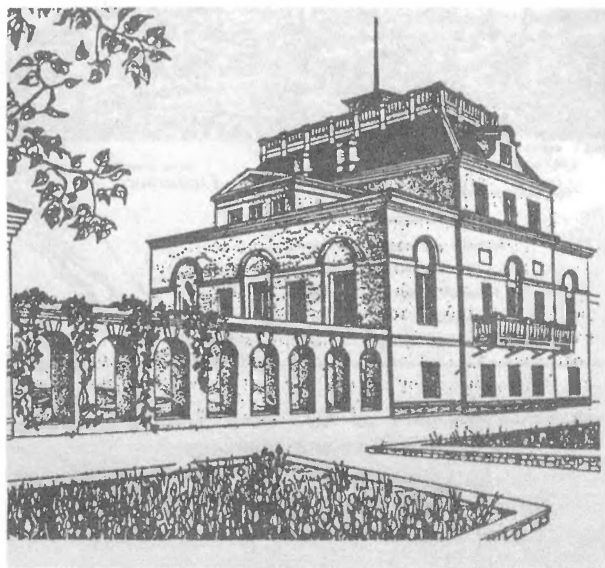
*Крестьянская война
под предводительством
Е.И. Пугачева
(1773-1775)*

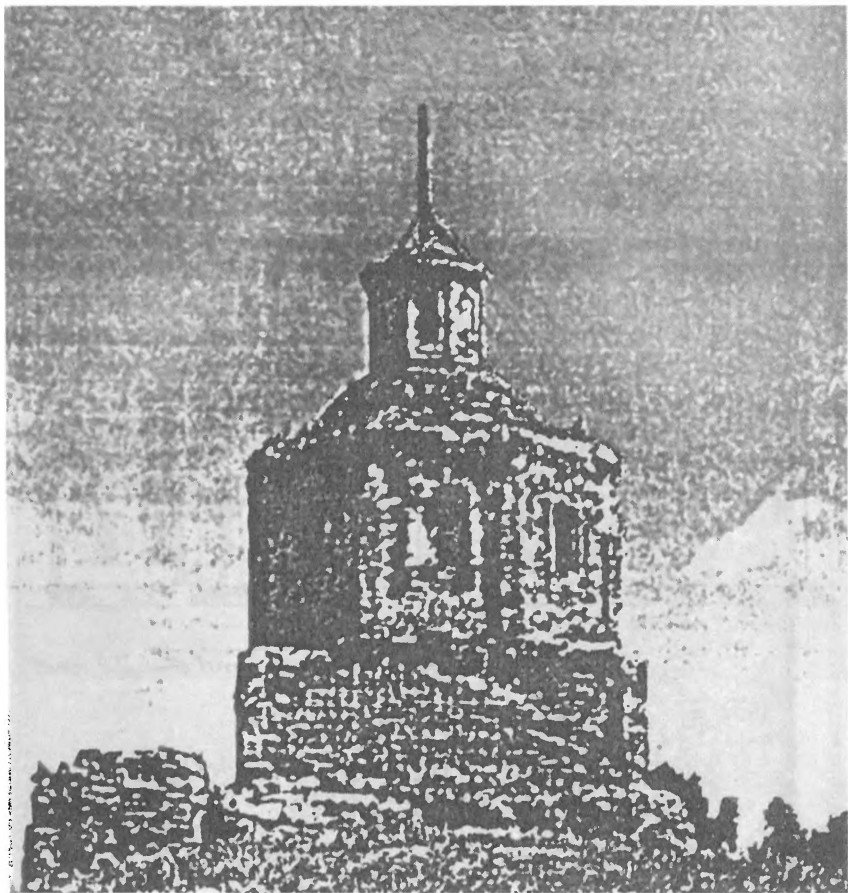
Казанско-Богородицкая церковь в с. Винновка

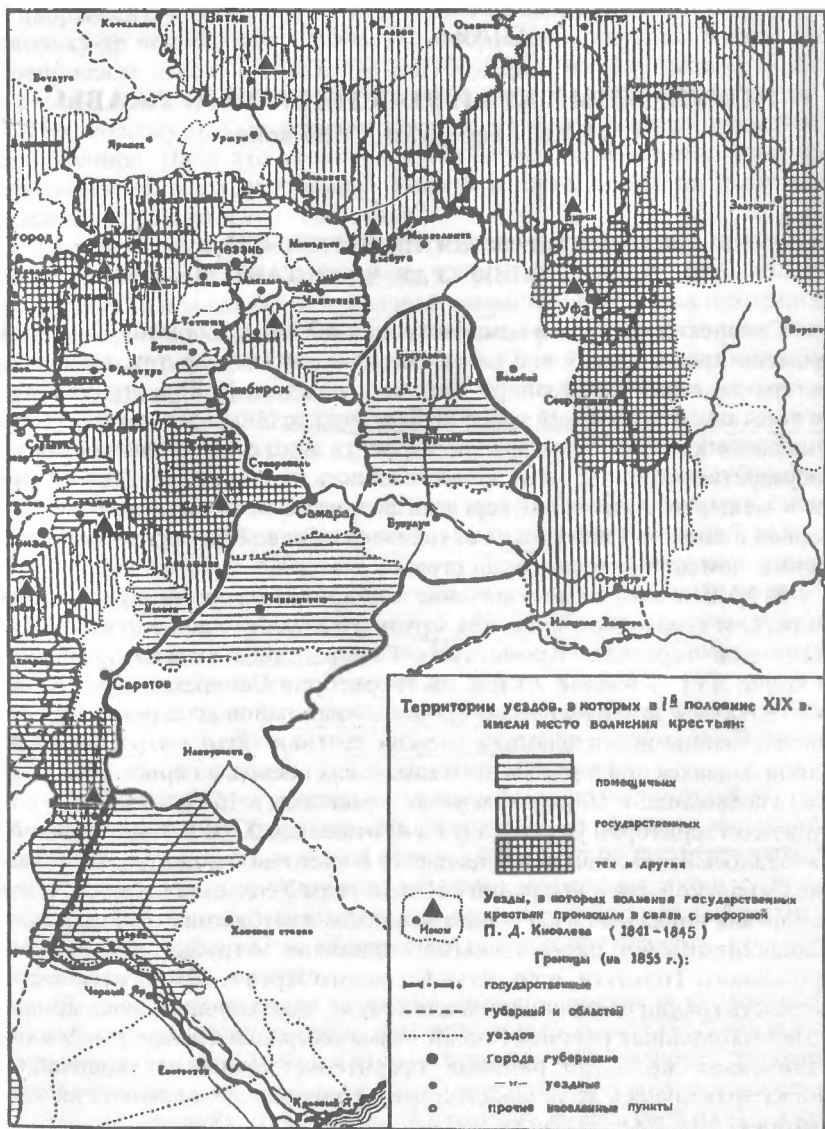
Проект церкви для с. Новинки. 1806 г.

Дворец в усадьбе Орловых в с. Усолье
(реконструкция Е.А. Ахмедовой)

Никольская церковь в с. Осиновка

Самарская губерния в 50-х годах XIX в. Районирование территорий крестьянских волнений

ПОРУБЕЖНЫЙ КРАЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ (XVII – середина XVIII века)

МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ЗАКРЕПЛЕНИЮ КРАЯ В СОСТАВЕ РОССИИ

Самарский уезд и его администрация в XVII в. События Смутного времени нанесли глубокие раны Российскому государству, хозяйство потерпело невиданный ущерб. Только к середине XVII в. страна смогла восстановить прежний уровень производительных сил, выйти из финансового кризиса, воссоздать и укрепить мощный административно-государственный аппарат и армию. Область приказа Казанского Дворца в меньшей степени подверглась потрясениям Смуты и поэтому в первой половине 1600-х годов находилась в более благоприятном положении, чем другие территории страны.

В XVII в. возрастает значение Самары как городка-крепости на волжском судоходном пути, как крупного перевалочного пункта юго-восточной торговли. Кроме того, Самара стала уездным городом. В конце XVI — начале XVII в. на территории Самарской Луки начал складываться земледельческо-промысловый район со своими оседлыми постоянными жителями, возникли селения. Этот правобережный район оказался под юрисдикцией самарских воевод, а первое известное нам упоминание о Самарском уезде появилось в 1630-е годы. Трудно судить о территории уезда. На всем протяжении XVII в. “под Самарой” находилось население, размещавшееся в восточной и центральной частях Самарской Луки, до границ с Надеинским Усольем. Но вместе с тем самарская приказная изба ведала волжскими рыбными ловлями и примыкающими к ним незаселенными землями от “Атрубы”, напротив современного Тольятти, и до устья Большого Иргиза. Такая неупорядоченность границ была обычной для уездов, находившихся в окраинных и малозаселенных районах России. Администрация Самары, хотя и ограниченная жесткими рамками правительственной регламентации, могла практически полновластно распоряжаться на вверенной ей территории.

В пограничных городках-крепостях вся административная и военная власть сосредоточивалась в руках воевод. Постоянно меняя воевод, правительство пыталось ограничить их произвол. Через год-два прежнего воеводу отправляли в другой город, а на его место ставили нового. Самара считалась захудалым, окраинным городком, воеводствовали здесь представители низших и средних слоев русского дворянства, чином не выше стольника. Лишь однажды в крепость попал боярин Б.М.Салтыков, да и то в опалу. Но все же и в пограничной крепости должность воеводы считалась прибыльной, выгодной. Характерно, что

в дворянских челобитных на имя царя попадались такие просьбы: по-скольку-де челобитчик “оскудал на государевой службе” и чтоб ему “непропасть совсем... послал бы его государь... на воеводство... покор-миться”. В истории Самары известен только один случай, когда в 1671 г. воеводу В.Я.Эверлакова послали в город в порядке служебной дисциплины. Да и это назначение случилось после Разинщины, ибо предыдущего воеводу утопили¹. Иногда в город посылали сразу двух воевод — первого и его “товарища”.

Административным центром городка и уезда являлась приказная, или, как ее еще называли, съезжая, изба. В ней заседали воеводы, городничий, но прежде всего приказные подъячие. В их руках находилось все делопроизводство; они выступали перед просителями от лица мест-ной администрации. В первой половине XVII в. подъячих в городке бы-ло сравнительно немного — один-два. Присылались они на тот же срок, как и воеводы. С ростом значения Самары увеличилось количе-ство подъячих. В 80-е годы их было уже четверо. Судя по разнице ок-ладов, от 3 до 20 руб., между ними существовала жесткая субордина-ция². О размерах Самары, развитии в ней деловой активности свиде-тельствует появление в городе площадных подъячих — людей, выпол-нявших письменные работы по заказу. Первые упоминания о самар-ских площадных подъячих появились только в последней четверти XVII в. Интересно, что по количеству деловых бумаг, сведения о кото-рых сохранились в записных книгах Печатного приказа, Самара опере-жала Саратов, Царицын и Черный Яр, вместе взятые³.

Для переговоров с ногаями, калмыками, чувашами и т.д. при при-казной избе постоянно находились переводчики — толмачи. В начале 1680-х годов их было два — чувашский и татарский.

Непосредственно население Самары было подведомственно горо-довым приказчикам (городничим). Эта должность являлась весьма пре-стижной и приносила немалый доход. Потому-то на нее претендовало обычно по несколько человек из местного дворянства, а то и из других городов. Городничии занимались как правило вопросами внутригород-ской жизни, надзором за оборонительными сооружениями, организа-цией общественных работ.

Полицейские функции в городке, надзор за порядком первоначаль-но выполняли воевода и городовые приказчики, а позднее (первое упо-минание в середине 1650-х годов) — пристав. Он отвечал за предупре-ждение возможных преступлений, розыск преступников, организацию судебного процесса. Для наказаний в городке имелся свой палач, в кре-мле находилась тюрьма, а при ней сторож.

Гарнизон Самары в XVII в. Главной опорой местного администра-тивно-полицейского аппарата выступало самарское дворянство. Всего в городке насчитывалось не более 20 семей дворян и детей боярских. Помимо службы в самарском гарнизоне, дворяне выполняли многочис-ленные разовые поручения администрации, занимали конкурсные должности.

На протяжении всего XVII в. Самара была прежде всего стороже-вой крепостью на юго-восточных окраинах русского государства. Наи-

более значительную роль в ее жизни играли служилые люди — гарнизон крепости. В 1610—1620-е годы численность его составляла около 300-350 человек, к середине—концу века выросла до 500 и более⁴. На исходе столетия из стрельцов крепости составили особый приказ во главе с головой. Первоначально гарнизон Самары состоял в основном из служилых людей Казани, Свияжска, других городов. Отслужив положенный срок, обычно равный году, почему и пошло название “годовальщики”, гарнизон крепости сменялся почти полностью. Это было неудобно и для ратных людей, годами не видевших семьи, и для государства. В конце XVI — первой четверти XVII в. порядок службы изменился. Только в экстренных случаях правительство решалось отправлять местных стрельцов в другие города.

Как и в других пограничных крепостях, в Самаре начало складываться свое местное, обросшее дворами и семьями население. Этой категории жителей приходилось довольствоваться денежным и хлебным окладом да подработками от промыслов, торговли, ремесла. Разница в жалованье различных групп служилых людей была весьма значительна. В последней четверти XVII в. сотнику конных стрельцов полагался годовой оклад в размере 15 руб. денег да “хлеба 15 четвертей ржи, овса тож”. Пеший же стрелец получал в год “денег по 3 рубля, хлеба по 7 четвертей ржи, овса тож”⁵. Трудно судить, насколько состоятельны были эти люди. Стрельцы, как правило, жаловались на свое положение, на то, что в дальних походах “оскудали”. Посадские жители, напротив, отмечали более привилегированное положение хозяйственных, предприимчивых людей из служилого сословия, подчеркивая их благосостояние. Данные чрезвычайных сборов первой половины XVII в. также свидетельствовали о выделении даже среди рядового состава воинских людей зажиточной верхушки.

Элиту Самарского гарнизона, по данным росписи 1681 г., составляли 18 дворян и детей боярских. Они занимали высшие командные должности, как правило сотников, получая весьма значительный по тем временам оклад. Имена многих из них известны. Например, в 1646 г. в городе несли службу сотники Семен Тимофеев, Федор Раздеришин, Степан Корчемкин и Семен Олонисев⁶.

Многочисленную — около 70 человек — и хорошо оплачиваемую часть гарнизона составляли “иноземцы”: мелкая шляхта и “приборные люди” из недавно присоединенных городов и местностей Речи Посполитой. При городской артиллерии состояла команда пушкарей — около 10 человек⁷. Служба их оценивалась также весьма высоко.

Основной военной силой крепости были стрельцы: около трех сотен пеших и сотня конных. К особой группе служилых людей следует отнести яицких юртовых казаков, живших под стенами крепости в отдельной слободе.

Состав большинства категорий служилых людей практически не менялся на протяжении 20—90-х годов XVII в.

Самара находилась в более благоприятном военно-стратегическом положении, чем соседние Саратов и Царицын, служба ратных людей менее подвергалась опасностям. Лишь несколько раз самарцам при-

шлось участвовать в серьезных военных действиях. В начале XVII в. в поволжских степях появились воинственные орды калмыков, которые в 1639 г. пытались осадить Самарскую крепость. Гарнизон успешно выдержал осаду 10-тысячного войска, а в 1644 г. самарцы вместе с отрядами, присланными из других городов, ходили в специальный “калмыцкий” поход. После разгрома кочевников отношения между ними и воеводами пограничных поволжских городков нормализовались. Но достижение зыбкого мира не создавало прочных гарантий для спокойной жизни в селениях уезда, самом городке-крепости. Небольшие разбойничьи отряды калмыков и башкир то и дело появлялись под Самарой, отгоняли скот, жгли укрепления, порой захватывали в плен зазевавшихся горожан и селян и продавали их в рабство. Сторожевая охранительная служба, предупреждение возможных нападений являлись важнейшей заботой как самарской администрации во главе с воеводой, так и немногочисленного гарнизона. Воинские люди должны были охранять волжский торговый путь, рыболовецкие станы и ватаги, стоять на заставах вокруг Самары и в наиболее опасных местах уезда, сопровождать посольские и торговые караваны, участвовать в многочисленных “посылках”. Недаром в жалобах приборных людей постоянно звучала просьба облегчить им изнурительную службу.

Оборонительные сооружения Самары и уезда в XVII в. Система оборонительных сооружений Самары в XVII в. претерпела изменения. В стенах крепости-ostroга места уже не хватало. Если проплывавший по Волге в начале 1620-х годов русский купец Ф.Котов писал о том, что “посады и ряды в городе, а около степь”⁸, то в более поздних описаниях Самары А.Олеария, Я.Стрейса, К. де Бруина, в сообщениях документальных источников упоминаются строения и слободы за “городом”, в относительно незащищенных местах. Например, в одном из документов 1651 г. читаем: “... за городом за Вознесенскою слободою за огороды на кабацкое яитье место под погреб и под избы отвесть”⁹. Увидевший в 1703 г. Самару голландец Корнилий де Бруин писал: “Город занимает всю гору, а предместье тянется вдоль речного берега”¹⁰.

Как уже отмечалось выше, во второй четверти XVII в. изменилась топография местности, где располагалась крепость. Волга пробила новое русло ближе к городу, между ней и рекой Самарой, также под стенами крепости, возникла протока — “перебоина”. Крепость с посадами и прилегающими слободами оказалась вытянутой точно вдоль Волги с юга на север.

Изменение топографии Самары, появление в заволжских степях калмыков способствовали созданию в середине 40-х годов еще одной системы укреплений. В 1645 г. государевым указом было велено “у Самарского городка, со стороны, защищенной реками, устроить дополнительные земляные укрепления в виде рва и вала со сторожевою высокою деревянною башнею”¹¹. Кроме находившихся под стенами острога ближних “надолб”, появились “дальние”. Новые оборонительные сооружения отстояли настолько далеко от городка — “дальние надолобы недоходя Студеного оврага”, — что смогли защищать даже “конские и скотские выпасы”.

Время от времени производились ремонт самарских укреплений и их частичная реконструкция. В 1681—1682 гг. воевода И.С.Нестеров писал: "...на Самаре надолобы около города и башни и с раскаты старые починил и вновь многие зделал"¹². На дальних подступах к Самаре уже в первой половине XVII в. устроили небольшие укрепления — заставы, куда посылали служилых людей для оберегания городка от неожиданного нападения, проверки торговых обозов и речных караванов. Одна из таких застав находилась на волжском берегу, другая — в степи за рекой Самарой, в "Осинниках"(?).

От внезапного появления "воинских людей" приходилось защищать и подступы к Самарскому уезду. На переволоке между Волгой и Усой самарские воеводы вынуждены были держать караулы. В 1673 г. воевода Самары А.Фонфисин построил здесь три небольших острожка, в которые посылалось "самарских служилых людей по пятидесяти и больше"¹³. Немногочисленные отряды стрельцов должны были нести караульную службу в крупнейших селениях Самарского уезда. Для "оберегания" в Рождествене, Подгорах, других селах устроили простейшие оборонительные сооружения в виде "заборов с боями", надолоб и т.д. По описанию начала 1670-х годов, "в селе Рождественном да в Ильинском у церковей огады загорожены забором и от приходу воинских людей на заборах по одному бою. Да в селе Рождественном от поль около дворов загорожено забором на заборе два боя, на углу струб дубовый две сажени с облами. В деревне Выползове двор осадной огорожен забором, на четыре угла два боя, кругом надолобы..."¹⁴.

Кроме того, Самарский уезд и прилегающие к нему крупные владения оберегали достаточно хорошо укрепленные и вооруженные городки-крепости в Надеинском Усолье (рядом с Усольскими слободами), в вотчине московского Вознесенского монастыря (село Городище-Костычи и рыбная ватага на Сокском устье) и в других местах.

Строительство Сызрани и начало государственного освоения Сызранского правобережья. Сооружение в середине XVII в. Симбирско-Корсунской и Закамской оборонительных линий, основание Симбирска, постепенный переход селений Симбирского уезда "за вал", ближе к Самарской Луке — все это в известной мере сняло изоляцию Самары и образовавшегося вокруг нее уезда от основного ареала земель Среднего Поволжья, освоенных земледельческим населением. Завершило этот процесс строительство Сызрани и отдельных сооружений Сызранской линии. Видимо, первоначальная идея и проект сооружения новой засечной черты возникли в недрах Разрядного приказа (а возможно, и приказа Казанского Дворца) в конце 70-х — начале 80-х годов XVII в. Однако правительственный указ вышел значительно позже, 23 декабря 1685 г., после основания Сызрани, Печерской, Усинской слобод, Подвалья и других пунктов, основным населением которых являлись служилые люди.

В указе говорилось: "...по досмотру и по описи и по чертежу стольника и воеводы Матвея Головина за старою Синбирскою и Корсунскою чертою за новопостроенные села и деревни для оберегания от приходу воинских людей строить новую черту ему стольнику и воево-

де от Казачьих гор до Туруева городища и до речки Суры на 70 верстах 342 саженьях и по той новой черте сделать 4 городка, чтоб старая Симбирская и Корсунская черта тех городков и пригороды и... пашня и села и деревни, которые за старою Симбирскою и Корсунскою черты стали в черте. И служилые и всяких чинов и уездным людям было бесстрашно. И по Волге всяким людям от приходу воинских людей разорения не было”¹⁵. Новая черта должна была строиться на территории, подведомственной симбирским воеводам. Для ее сооружения и заселения выделили служилых людей Симбирской и Корсунской черт, ясачных чувашей и мордву, государственных крестьян. Дело, однако, так и не сдвинулось с места. 13 апреля 1686 г. последовал новый правительственный указ, отменивший прежний. Для обеспечения безопасности края, дальнейшего его освоения московское правительство считало достаточным наличие Сызрани, нескольких казачьих и солдатских слобод. Вдобавок на южных подступах к Сызрани в 1687 г. отстроили Кашпирскую крепость, соединенную с волжским побережьем земляным валом. Крепость поставили в обычной для того времени манере — на высоком мысу, образованном Волгой и впадающей в нее небольшой речкой Кашпиркой.

Устраивая чуть раньше, в 1683 г., Сызрань, ее обнесли семиугольной деревянной стеной с башнями общей протяженностью 290 сажень. Одну из башен, Спасскую, сделали позднее из камня. Посетивший город в 1765 г. подполковник А.Свечин так описывал крепость: “На углу оной Крымзы — неравнобочная четвероугольная крепость, окопана немалой вышины валом, на коем с трех сторон сделанная из соснового лесу стена с обыкновенными по тогдашнему времени пятью башнями, а с четвертой, по утору от реки Сызрану палисадом, кроме сего вверх по оной же реке и окружа форштет закрыт был таким же палисадом, а в приличных местах ворота и башни поставлены были”¹⁶.

Кашпир представлял собой в плане почти квадратную деревянную крепость с восемью башнями. Стены с трех сторон окружали земляные рвы и надолбы, с четвертой, восточной, хорошо защищал крутой спуск к Волге.

Для заселения новых крепостей и слобод переводились казаки, солдаты и стрельцы из расположенных севернее городков и крепостей. На территории края оказались весьма значительные по тем временам воинские силы: в Сызрани около 500 служилых людей, в Кашпире 188, в Печерской слободе не менее 50 и т.д. В отличие от самарских воинские люди правобережья предпочли денежному и хлебному жалованью земельные наделы. Край оказался в относительной безопасности от кочевников, правительственная колонизация в конце XVII в. ушла далеко на юг, к Царицыну, волжско-донской переволоке, и заниматься земледелием оказалось более выгодным.

Несмотря на то что в некоторых документах конца XVII в. Сызрань называли уездным городом, собственного уезда у крепости не было. Сызранские воеводы подчинялись симбирским, а “их” владения входили в Симбирский уезд.

Таким образом, вся территория Самарского края в конце XVII в. числилась в составе нескольких уездов. Правобережье, исключая Самарскую Луку и Надеинское Усолье, подчинялось симбирским воеводам; Самарская Лука — самарским; все левобережье — казанским и отчасти самарским воеводам. Владельцы Надеинского Усолья добились полной независимости своей вотчины от местных властей.

Несмотря на первостепенную важность военно-административных проблем, значительное место в деятельности местных властей занимали административно-полицейская, финансовая и хозяйственная функции. Территория края интенсивно обустраивалась, появлялись все новые селения, феодальные вотчины. Приказные избы местных городов должны были оперативно проводить сыск и выдачу беглых, вести постоянный учет населения, предупреждать возможные социальные столкновения, заниматься распределением земельных и водных участков, разрешать поземельные споры. Как и во многих пограничных уездах, в Самарском решили завести десятинную пашню. Надзор за работами на пашне входил в сферу государственной деятельности администрации. Сюда же относились организация дворцового рыбного промысла, поиск полезных ископаемых и т.д. Финансовая сфера деятельности местных властей включала сбор налогов, откупных платежей, таможенные пошлины на транзит товаров.

Городские укрепления и гарнизоны в первой трети XVIII в. От предшествующего столетия Самара начала XVIII в. унаследовала функцию военной крепости на Волге. Старые городские укрепления здесь погибли в большом пожаре 1703 г., после которого в течение трех-четырёх лет возвели новые военно-инженерные сооружения, более соответствующие времени и нуждам растущего города¹⁷. Основным узлом обороны стала земляная крепость, поставленная на свободном месте к северо-востоку от сгоревшего старинного кремля. Цитадель (“замок”) располагалась на территории нынешней Хлебной площади и завода клапанов, имела в плане форму ромба площадью более чем в 3 га. Земляной вал обнесли рвом, а со стороны степи две восточные стены дополнительно укрепили и дефилировали сосновым забором с бойницами. В крепость можно было попасть через двое проезжих ворот или через “тайнишние” ворота-калитку. По углам ромба были насыпаны четыре бастиона (“болворика”) со срубами артиллерийских казематов и бревенчатыми накатами на трех из них, обращенных к степи. Внутри “замка” возвышалась восьмиугольная башня (“раскат”), крытая тесовым шатром и предназначенная для ведения артиллерийского огня.

От одного из бастионов цитадели в сторону Волги отходила деревянная сосновая стена с “перерубами” — клетями, или заполненными землей, или оставленными пустыми для бойниц нижнего боя. Такие комбинированные деревянно-земляные стены назывались “тарасы”. Для размещения караулов и ведения фланкирующего огня на тарасах были возведены две глухие четырехугольные сосновые башни без верха. “Тарасы” кончались у проездных Вознесенских ворот, через которые шла дорога вдоль берега Волги. Ворота были укреплены еще одной

башней. От Вознесенских ворот к Волге тянулась стена без “тарас”, на ней стояли еще две башни, последняя называлась Волжской. Далее по затопляемой части Волги поставили в два ряда деревянные надолбы — “рогатки”. Такие же рогатки преграждали проход между земляным “замком” и рекой Самарой.

Сложные и достаточно протяженные (1320 м) общегородские укрепления должен был оборонять, а при необходимости и вести активные боевые действия в поле, значительный гарнизон: 2 пехотные роты по 115 солдат и офицеров, 8 пушкарей, 100 казаков, 150 отставных солдат, 369 малолеток (детей служилых людей), 46 иностранцев. Всего в 1728 г. гарнизон насчитывал 912 человек. На его вооружении находилось 42 пушки разного калибра с 2355 ядрами, 77 фитильных мушкетов, свыше 73 пудов пороха, а также холодное оружие. Такие укрепления и такой гарнизон были совершенно необходимы из-за постоянной угрозы набегов кочевников.

Новые пограничные линии. В XVIII в. Самара из изолированного опорного пункта на волжском пути становится частью системы пограничных укреплений, прикрывших от набегов степняков обширные районы на левобережье Волги. Крепости и укрепленные линии, возводившиеся на осваиваемых землях, все дальше продвигались в глубь Заволжья. В 1700 г. был заложен укрепленный пригород Самары Алексеевск, а спустя три года началось строительство Сергиевска. Впрочем, отдаленные друг от друга городки не могли достаточно надежно охранять районы освоения.

До начала 1730-х годов городки Закамской линии, построенной еще в 1650-е годы и выдвинутые немного от нее на юго-восток форпосты по Черемшану оставались реальным охраняемым рубежом российских владений. Отдельные поселения Казанского, Симбирского и Самарского уездов за этим рубежом не меняли общей ситуации в регионе и жили под постоянной угрозой со стороны степняков. В соответствии с указом Сената от 14 февраля 1731 г. по инициативе и под руководством тайного советника Ф.В. Наумова начались крупномасштабные работы по строительству “по реке Соку и по другим до реки Ик” новой Закамской укрепленной линии “вместо черемшанских форпостов”. В первую очередь она предназначалась “для лучшего охранения” уже освоенных районов, но под защиту новой линии переходили и новые обширные территории. Земли, прикрываемые линией, стали активно осваиваться служилыми людьми, крестьянами, помещиками. Новая Закамская линия должна была протянуться на 240 км. Промежутки между старыми пригородами (Алексеевском и Сергиевском), двумя новыми крепостями (Красноярской и Черемшанской), несколькими фельдшанцами и редутами около 175 км прикрывал сплошной вал, а остальное расстояние — лесные засеки¹⁸.

Службу на этой линии должны были нести четыре специально учрежденных полка ландмилиции, которая существовала в 1713—1769 гг. в качестве специфической части вооруженных сил России, предназначенной для охраны южных и юго-восточных границ от кочевников. Рекрутов в ландмилицию и средства на ее содержание предоставляли од-

нодворцы, пахотные солдаты и другие потомки служилых людей старой, допетровской армии, а также отставные солдаты новых регулярных войск, поселенные на свободных землях у степных границ.

Новая Закамская линия осталась недостроенной, поскольку в 1736 г. началось сооружение Самарской укрепленной линии, которая протянулась от Самары до Оренбурга цепочкой крепостей: Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская и Новосергиевская. “С проведением новой Самарской линии крепостей... решено было Закамскую линию оставить, полки Закамской ландмилиции поселить на Самарской и Оренбургской линиях. Так в пределах нашего края река Самарка, вдоль которой протянулись новые крепости, стала границей русских поселений”¹⁹. На земли, находившиеся вблизи укрепленных пограничных “дистанций” и оказавшиеся под их защитой, переселялось население, определенное к содержанию ландмилиции. Так появились слободы Кондурча, Аманакская, Сарбайская, Саврушская, Криволицкая, Кувацкая, Бугурусланская, Бугульминская и др. Сыновья переселенцев “по возмужании и поспевании на службу” пополняли пограничные гарнизоны. На реку Кинель перевели с Яика украинских казаков (“черкассов”), размещенных здесь в особой слободе. В Самаре, Алексеевске, крепостях Самарской линии были расселены и несли службу русские казаки, а в Мочинской слободе под Самарой — казаки из татар. Самарские казаки входили в состав Оренбургского казачьего войска, созданного в 30—40-е годы XVIII в. из “сходцов” (самовольных переселенцев), основная часть которых пришла из уездов Среднего Поволжья. Подавляющее большинство “сходцов” являлись беглыми крестьянами. Между ними встречались также горожане и только 1/6 часть составляли потомственные казаки²⁰.

Несмотря на строительство укрепленных линий по реке Яик далее в глубь степей, Самарская “дистанция” не утратила своего значения до последней четверти XVIII в. Левобережье Самары оставалось небезопасным. Так, в 1764 и 1766 гг. кочевые калмыки угоняли пасшийся на том берегу скот горожан. А в 1774 г., пользуясь внутренними неурядицами в России, отряды киргиз-кайсаков (казахов) предприняли несколько неудачных попыток прорваться через Самарскую линию, в том числе и в непосредственной близости от города, для грабежа сел и деревень.

Утрата Самарой военного значения. В общей системе пограничных укреплений Самара заняла наиболее безопасный фланг, что быстро отразилось и на состоянии крепости, и на численности гарнизона. Еще в 1731 г. ставился вопрос о ремонте в городе земляных и деревянных укреплений, два года спустя Военная коллегия издала соответствующий указ. Однако дело не сдвинулось с места. Самарские власти не отыскивали подрядчика на поставку леса, а столичным учреждениям было не до городской крепости, поскольку забот хватало с новыми укрепленными линиями. В 1739 г. в Военную коллегию было внесено представление, в котором говорилось, что с “построением разных городов [крепостей] Самара стала в закрытии и опасности нет”²¹.

В 1742 г. Правительствующий Сенат рассмотрел вопрос о городских укреплениях Самары, которые к тому времени пришли в плачевное состояние: земляной вал осыпался, забор на нем повалился, да и осталось от него “малое число” бревен, потому что остальные растащили на разные надобности. Никакого строительного леса там, где находились тарасы, вообще не обнаружили, сохранились только две обветшалые глухие башни. Ничего, кроме двух башен, не осталось и от стены между Вознесенскими воротами и Волжской башней. От степи город “ненадежно” ограждали лишь рогатки. Сенат отдал распоряжение уточнить количество материала, необходимого для ремонта крепости в Самаре, и выяснить возможность его заготовки. Но дело вновь заглохло, теперь уже окончательно. В конце 1760-х годов путешественники видели лишь остатки земляных валов без стен на месте бывшей Самарской цитадели²².

Самарские казаки в 1743 г. были переведены в Оренбург, составив ядро тамошнего казачьего войска. Вместе с ними туда же вывели образованную в Самаре дворянскую роту, набранную из здешних недорослей. Правда, в Самаре вскоре пришлось набирать новую казачью сотню, так как преследовать степных грабителей без легкой конницы было невозможно. В 1738 г. самарские казаки разбили и переловили волжских калмыков, ограбивших купеческий обоз, шедший из Самары в Яицкий городок, в 1750 г. отбили у калмыков между Красносамарской и Борской крепостями обоз с товаром на 70 тыс. руб., в том числе с 57 пудами серебра²³.

Кроме казаков, в составе самарского гарнизона полагалось находиться двум ротам солдат под началом коменданта. На самом деле их наличный состав заметно уступал штатному. В 1742 г. в гарнизоне числилось 97 солдат, в том числе престарелых и раненых, употреблялись они не столько к военной службе, сколько к разного рода посылкам от местных властей. После утраты городом значения крепости служба самарских казаков и солдат продолжалась в конвоях при казенных грузах и людях, в разъездах вдоль пограничной линии, в дальних походах.

КАЛМЫКИ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ. ОСНОВАНИЕ СТАВРОПОЛЯ

Калмыки в волжско-яицком междуречье. В начале XVII в. в пределах Самарского Поволжья появились калмыки. Предки калмыков, ойраты, или западные монголы, отделились от основного ядра, кочевавшего в Джунгарии — Западной Монголии, и в XVI — начале XVII в. стали продвигаться на запад. Самоназвание *хальмг*, видимо от тюркского термина “остаток”, по наиболее распространенной версии, обозначало ойратов, не принявших ислам. Впервые это название упоминается в арабских источниках XV в. В конце XVI в. этноним “калмыки” становится практически единственным для обозначения этого народа в русских официальных источниках, а с конца XVIII в. его начинают использовать как самоназвание сами ойраты, или, как они еще

именовали себя исходя из племенного деления, торгуты, дербеты, хойты и т.д.

По своему антропологическому типу и языковой принадлежности калмыки наиболее близки к тем монголам, которые вместе с Батыем в середине XIII в. завоевали русские земли. Они принадлежали к центральноазиатскому типу большой монголоидной расы и говорили на языке, входившем в западную группу монгольской ветви алтайской языковой семьи. По внешнему облику калмыки — это люди среднего роста, в основном безбородые, с сильно уплощенным лицом, широкими скулами, темными прямыми жесткими волосами, преимущественно карими глазами²⁴.

Первоначально при общем направлении движения калмыцких орд на запад они оказались на границах сибирских уездов и Башкирии. Однако здесь калмыки не нашли безопасных и богатых кочевий. Поворот на юго-запад привел их в степи Эмбинско-Яицкого бассейна, а затем и Волжского. В 1608 г. произошло первое столкновение между калмыками и ногаями на Эмбе, а в 1613 г. калмыки перешли Яик. В 10—20-е годы XVII в. они лишь эпизодически появлялись в волжско-яицких степях, нападали на ногаев, а затем вновь уходили за Яик. В 1630-е годы начинается массовое переселение кочевников в Заволжье. В конце 1630 г. они разгромили ногайские орды и окончательно вытеснили их за Волгу, на правобережье. Попытки астраханских воевод вернуть ногаев в волжско-яицкие степи и защитить с помощью русских военных отрядов оканчивались неудачей. Сильнейшая из двух кочевых орд — калмыцкая никак не желала делить с противником богатейшие пастбища волжско-яицкого междуречья. Все попытки ногайских мурз договориться с противником не приводили к успеху (1634 г.). Калмыки фактически становятся полными хозяевами региона.

Характерно, как сами калмыки оценивали свое место в новом регионе. Например, в 1641 г. тайши заявили: “Волга место ваше (т.е. России), а Яик кочевные наши места. И будет учнут кочевать на ваших местах наши люди у Волги, и вам бы их отгонять, а будет которые ваши люди учнут кочевать к Яику, и мы также отгоняти их станем”. Однако буквально через 2—3 года калмыки нарушили свое обещание. В 1643 г. тайша Урлюк избрал местом для своих кочевий окрестности Самарской крепости, к югу от Самары расположились орды его сыновей. При этом Урлюк высказывал самые миролюбивые намерения. Он направил своих послов к самарскому воеводе и обещал подтвердить свое подданство России²⁵.

На протяжении всей первой половины XVII в., начиная с 1608 г., калмыки неоднократно давали шерти о верности русскому царю, однако столь же часто их нарушали. Историки считают, что важнейший шаг в признании кочевниками своего подданства России был сделан в шертях 1655, 1657 и 1661 гг., из которых обычно выделяют шерть 1557 г., данную всеми калмыцкими тайшами. В ней было провозглашено “вечное подданство и послушание” русскому царю и обязательство служить в русской армии. Взамен за калмыками были закреплены обширные кочевья (по правобережью — “крымской стороне” — Волги до

Царицына, а по левобережью — “ногайской стороне” — до Самары). Их тайшам из Москвы начали выплачивать регулярное жалование²⁶.

Как и у ногаев; южная часть Самарского края считалась только крайней основных кочевий калмыков. Численность новых хозяев Поволжья и Приуралья составляла примерно 280 тыс. человек, из них около 80 тыс. были воины.

Окончательная территория калмыцких кочевий оформилась в середине — второй половине XVII в. Она охватывала все междуречье Волги и Яика от Каспийского моря примерно до течения рек Самары и Большого Кинеля на севере; на правобережье Волги тянулась полосой вдоль берега, прилегая к среднему течению Дона в районе междуречья, а затем, захватывая низовья Хопра и все течение Медведицы, возвращалась к Волге у южной оконечности Самарской Луки. На востоке кочевья занимали огромный район между нижним и средним течением Яика и Эмбой. Таким образом, калмыки практически заняли всю территорию кочевий ногаев и со второй трети XVII в. являлись важнейшим кочевым соседом России на юго-востоке.

Сословная структура общества и государственность у калмыков. Калмыки пришли в Сибирь и в волжско-яицкие степи, “имея вполне сложившуюся и довольно сложную феодально-иерархическую структуру, сословный строй и традиции, которые на новой территории, в новых исторических, географических и социально-политических условиях получили дальнейшее развитие применительно к изменившейся обстановке”. В целом калмыцкое общество можно охарактеризовать как патриархально-феодальное (часто употребляется термин “кочевой феодализм”), в котором вполне отчетливо наблюдалось социальное неравенство между знатью и основной массой кочевников. Население улусов делилось на “белую кость” (цаган ясн) и “черную” — (хар ясн). Отношения собственности распространялись прежде всего на право владеть угодьями и скотом, причем право распоряжаться кочевьями являлось важнейшим признаком принадлежности к знати — “белой кости” — нойонов. Среди знати — нойонов существовала своя иерархия, верхнюю ступень в которой занимали большие тайши, затем шли младшие тайши, еще ниже — зайсанги и т.д.

Все калмыцкое общество делилось на большие группы — улусы, а улусы — на аймаки. Каждый аймак имел общее кочевье. Его правителем был зайсанг, власть которого являлась наследственной.

Очень сильны были позиции общины. Община содержала нетрудоспособных, в ней весьма велика была роль женщины. Рядовые общинники платили особый налог — албан. Судя по калмыцкому своду законов “Великое уложение” 1640 г., их положение приближалось к крепостному. Рядовые общинники имели скот, но не владели угодьями. В обмен на пользование пастбищами они должны были пасти стада знати.

Существовало и рабство, нойоны получали значительный доход от работорговли.

В середине 1640-х годов у калмыков постепенно начинает складываться единое государство — Калмыцкое ханство. Его основателем был сын погибшего в походе на Северный Кавказ Урлюка — Дайчин,

к которому перешло звание главенствующего тайши. С одной стороны, он пытался собрать в своих руках власть над всеми улусами, подавляя сопротивление непокорных тайшей, с другой — делал все, чтобы добиться у русской администрации Астрахани и Уфы разрешения на право кочевий в междуречье Волги и Яика, а затем и по обоим берегам Волги. Именно при нем и при его сыне Мончаке (верховный тайша с 1661 г.) окончательно определились границы кочевий калмыков и завершился процесс вхождения Калмыцкого ханства в состав России. Время его существования обычно определяют периодом с 1664 по 1771 г., когда значительная часть калмыков попыталась вернуться назад в Джунгарию. В новом территориально-политическом объединении — Калмыцком ханстве возник собственный административный аппарат. Самого Дайчина первоначально подданные именовали “царем, калмыцким, татарским самодержцем и многих людей государем и обладателем”. Однако вскоре против такого титула выступила русская администрация, добившаяся его отмены. При правителе возник совещательный орган, в состав которого входили его родственники, знать и чиновники (в русских источниках — думчие тайши). Решения этого совещательного органа считались принятыми после их утверждения правителем. В улусах и аймаках сложилась своя система чиновников, сборщиков податей, старост, гонцов, которыми руководил особый начальник — дарга при ставке улусного князя или зайсанга.

На основе монголо-ойратских законов 1640 г. в Калмыкии сформировалась своя система судопроизводства и общего управления — зарго.

В военное время собирали ополчение, которое состояло из улусных отрядов во главе с правителями улусов — хошучи. Калмыки были прекрасными воинами, о чем имеются многие свидетельства, и Москва постоянно использовала их отряды в военных конфликтах. Характерно, что, несмотря на все попытки крымцев склонить во второй половине XVII в. калмыков на свою сторону, те остались в подданстве России. Пожалуй, у Крымского ханства не было более непримиримого врага, чем калмыки²⁷.

В начале XVII в. большая часть калмыков приняла новую религию, разновидность буддизма — ламаизм, который вытеснил старую — ойр-шаманизм. Калмыки-ламаисты поддерживали прямую связь с Тибетом — Лхасой, где находился верховный глава секты — гелукпа да-лай-лама и откуда к ним присылали лам — первосвященников. В отличие от общемонгольского ламаизма у калмыков было сравнительно немного монастырей и монахов.

Хозяйственные занятия. Калмыки были прирожденными наездниками. С огромными стадами скота, со всем имуществом их орды медленно перемещались по просторам Дикого Поля.

Как и у ногаев, хозяйство калмыков прежде всего зависело от кочевого скотоводства. Они пасли лошадей, овец, крупный рогатый скот, верблюдов, которые круглый год находились на подножном корму. Существовали летние и зимние пастбища. Скот являлся всеобщим эквивалентом денег и главным богатством (в совокупности с пастбищами). Широкое распространение получили рыболовство и охота.

Домашние промыслы прежде всего основывались на переработке продуктов животноводства. У небольшой части калмыков определенное развитие получило земледелие, но роль его была незначительна.

Необходимым условием для стабильности калмыцкого хозяйства была торговля. Первоначально, в начале XVII в., русская администрация позволяла калмыкам беспрепятственно заниматься торговлей с сибирскими городами и Уфой. Затем в связи с обострением отношений последовал ряд запретов, которые, в свою очередь, весьма болезненно воспринимались калмыцкой знатью и приводили к новым столкновениям. Непременным условием при переговорах о шертных грамотах являлось разрешение торговли в поволжских городах, в том числе и в Самаре. Во второй половине XVII в. эта проблема была в основном урегулирована.

Переселение крещеных калмыков. Особое место в мероприятиях российского правительства по освоению Заволжья отводилось в XVIII в. калмыкам. Чтобы обратить их в лояльных подданных и надежную военную силу для охраны рубежей империи, власти пытались привлечь на помощь религию. Православная церковь, начав в XVII в. миссионерскую деятельность среди кочевников, достигла в следующем столетии значительных успехов. Часть рядовых калмыков и некоторые их правители — тайши переходили из ламаизма в православие. Желая устранить поводы к религиозным конфликтам и возможность возвращения окрестившихся в прежнюю веру, правительство решило изолировать крещеных калмыков и передать их под управление княгини Анне Тайшиной. Для нее на левом берегу Волги выше города Самары была построена в 1738 г. крепость, названная Ставрополем. Именно сюда переселялись из астраханских степей крещеные калмыки.

Руководитель Оренбургской экспедиции Татищев и генерал Соймонов, ответственные за переселение калмыков, отвели им наделы “по Волге от земель села Царевщина и до Черемшана, а вверх по Черемшану до земли деревни Челнов, а по Кондурче до Сергиевской дороги” на Казань. Они же решили “в тех местах никаким помещичьим дачам не быть, а дворцовым, яшашным и монастырским и иноверцам жить в своих деревнях и с ними, с калмыками, селиться оставить свободно”²⁸.

Чересполосное расселение калмыков и государственных крестьян задумывалось как средство постепенного приобщения кочевников к земледелию и оседлости. Под этим же предлогом княгиня Тайшина попыталась обзавестись крепостными крестьянами, утверждая, что в случае передачи “ей, княгине, поблизости определенного ей с калмыками места деревень из Усольской волости... калмыки могли обучиться к пашне и домоводству, и к русскому обычаю”. Но Правительствующий Сенат решил, что “оной княгине деревень давать не надлежит, понеже калмыки к содержанию тех деревень необыкновенны и могут оныя привести до разорения, а довольствоваться оную княгиню определенным жалованием”²⁹.

Благодаря этому решению жители сел и деревень на Самарской Луке и в Заволжье не стали крепостными новокрещеной княгини, по-

мочь же с переселением калмыкам помогли. По распоряжению властей они предоставили работных людей на строительство крепости, города при ней, других поселений. Часть скота переселенцев зимовала в 1737/38 г. в селе Рождествене, и для него сюда свозили сено, собранное от здешних крестьян³⁰.

Ставропольское калмыцкое войско. Калмыки-переселенцы были организованы в войско наподобие казачьего. Управление крещеного калмыцкого войска постоянно находилось в Ставрополе. Название это в переводе с греческого означает “город святого креста”, поэтому на городском гербе была изображена “треугольная крепость, в середине которой водружен черный крест в золотом поле”³¹.

В 1745 г. после смерти княгини Тайшиной был учрежден особый калмыцкий суд, наделенный военно-административными функциями. В нем по штату заседали войсковой полковник, войсковой судья, войсковой писарь, надзиратель за улусами, войсковой есаул, два войсковых хорунжих. В 1770 г. в Ставрополь из Гурьева был переведен гарнизонный батальон, переименованный в ставропольский. Он находился под командой коменданта, на которого также возложили обязанности по управлению калмыцким войском. Но через десять лет вице-президент Военной коллегии Г.А. Потемкин “повелел, чтобы то ставропольское калмыцкое войско препоручить оного войска полковнику, от армии секунд майору Болоткову и быть сему со всем тем войском под собственными оренбургского губернатора повелениями, не завися уже ни в чем от ставропольского коменданта; а от нево, господина губернатора Рейнсдорпа, калмыцкой суд переименован ставропольскою канцеляриею”³².

Из городов Самарского края Ставрополь один сохранил до конца XVIII в. в целостности свои крепостные сооружения, представлявшие шестиугольник, образованный земляным валом с палисадом. В крепости находилось четыре батареи и трое ворот: Оренбургские, Симбирские, Водяные. Город был окружен “с трех сторон горами, а с четвертой заливом Куньей Волошки”. Одновременно с укреплениями в 1738 г. в крепости возвели деревянные постройки, занятые под дом батальонного командира, войсковую, комендантскую и батальонную канцелярии, склады провианта, амуниции, вооружения, школу для обучения калмыцкому и русскому языкам. В 1747 г. построили две церкви, каменную и деревянную, в 1760 г. — деревянный комендантский дом, в 1766 г. — деревянный же “выход” — погреб для хранения денежной казны, а в 1770 г. — каменный, для казенного вина. В 1775—1777 гг. добавились деревянные, частью на каменном фундаменте, здания гауптвахты, больницы, гарнизонной школы, трех городских цейхгаузов, а также “сарай для поклажения разных баталионных вещей”. На территории крепости располагались жилые дома калмыцких и русских командиров, казенные соляные амбары³³.

В самом Ставрополе численность калмыков оставалась незначительной. Здесь постоянно пребывали “только составляющие суд их старшины с протчими нижними начальниками, как-то хорунжими и есаулами... Для оных начальников отведены в городе жилища. Но из тех простых калмыков, которые здесь и в других городах находятся для

мехового торгу и для других причин, живут там же в обыкновенных своих войлочных палатках”³⁴.

Настойчивые попытки правительства сделать калмыков оседлыми, приучить их к хлебопашеству и стойловому содержанию скота имели мало успеха. Хотя зиму крещенные калмыки проводили в постоянных поселках с запасами сена, накошенного ими самими или наемными работниками из соседей-крестьян, но по весне они вновь уходили кочевать “в степь в кибитках”. Свои пахотные угодья кочевники сдавали в аренду земледельцам из русских крестьян или поволжских народов.

Зимние поселки калмыков находились вблизи или непосредственно на территории селений оседлых хлебопашцев. Три таких поселка Сусканской роты калмыцкого войска стояли на речке Сускан и по обе стороны столбовой дороги из Ставрополя в Симбирск, неподалеку от мордовского села Благовещенская Слобода (современный Верхний Сускан) и деревни Чувашский Сускан. Калмыки Курумоченской роты располагались на зиму в селе Богоявленском (Курумоч), где на 75 крестьянских дворов приходилось 113 калмыцких кибиток. Калмыцкое население Курумоченской роты состояло из 21 начальствующего чина (старшина, ротные, зайсанги) с их сыновьями, 174 рядовых (44 служилых, 42 отставных, 88 малолеток) и 130 женщин.

О занятиях калмыков Сусканской роты сообщалось, что они “в хлебопашестве не упражняются. Податей государственных не платит, а отправляют ежегодно службу для содержания караула на киргизской линии [границе с Казахстаном], а в военное время бывают в походах. Скотоводства имеют в большом количестве, как-то конская и рогатая. И продают рогатый скот разным закупщикам на месте. А лошадей гоняют для продажи косяками на Макарьевскую, Карсунскую и другие ярморки, в чем и состоит главный их промысел к содержанию себя...”³⁵. То же самое можно повторить и о других ротах калмыцкого войска. Этих рот в ставропольском войске было поначалу 8, а в последней четверти XVIII в. — 11. Кроме них, роты (улусы) располагались при следующих поселениях Самарского края: Ягодное, Аврали, Красноярская крепость, Раковка, Чекалино, Кобельма, Красное поселение, Кошки, Тенеево³⁶.

Исход калмыков со Средней Волги. К югу от реки Самары продолжали кочевать некрещенные калмыки. Земледельческое освоение Заволжья и Нижнего Поволжья приводило к сокращению территории их кочевий, а значит, к конфликтам и взаимным обидам земледельцев и скотоводов. В 1765 г. наместник Калмыцкого ханства Убуши обратился с жалобой на то, что “выше г. Саратова в луговой стороне по Иргизу и другим рекам населились новые поселения русских, от которых чинятся калмыкам крайние обиды”³⁷. А на калмыков спустя два года жаловались сызранские государственные крестьяне: “В состоящих же наших сызранских дачах за Волгою-рекою каждый год выезжают из дальних мест многими партиями тысячи по 2 и более с их скотом с немалым числом и кочуют июля с 20 по 1 число сентября и далее и сенные покосы все вытравливают и лес рубят и выжигают и тем нам разорение и обиду чинят”³⁸.

Но не только конфликты из-за сокращения кочевых пастбищ, траву крестьян лугов, полей и угона их скота, других взаимных обид определяли отношения кочевников с оседлым населением. В этом соседстве были и положительные стороны, проявлявшиеся в активном обмене продуктами ремесла, земледельческого и скотоводческого хозяйства. Во многих районах Самарского Заволжья, как отмечалось представителями российских властей, “ныне взаимных жалоб не слышно, хотя также калмыки иногда и до тамошних мест доходят”³⁹.

Известный государственный деятель, публицист и историк XVIII в. М.М. Щербатов так указывал на пользу, которую извлекала Россия от своих калмыцких подданных: “...не одна губерния за дешевую плату от них лошадьми довольствовалась, так же и скотиною, которой сало знатной торг Российской составляло”. Высоко оценивал Щербатов и военную службу калмыков, которые “великую часть Российских границ” защищали “от набегов других диких народов”⁴⁰.

Ситуацию в калмыцкой степи обострило переселение сюда иностранных колонистов. Весьма выгодные условия переселения привлекали в Россию массу иностранцев, в основном немцев. Начиная с 1767 г. ими было основано 57 колоний на луговой стороне Волги и по ее левобережным притокам.

Щербатов был среди тех, кто в начавшихся конфликтах калмыков с немцами встал на сторону степняков, как более полезных подданных империи, нежели выходцы из-за рубежа, от которых “токмо разве чрез несколько веков” может последовать польза для Российского государства. Окружение же императрицы Екатерины II, затеявшей устройство колоний на местах калмыцких пастбищ, водопоев и торговых скотопронесных путей, пыталось найти собственное решение проявившихся здесь конфликтов. Однако Сенат непростительно затянул обсуждение вопроса о размежевании калмыцких владений и угодий оседлых жителей, которое продолжалось с 1767 по 1770 г. В свою очередь, кочевая знать и буддийское духовенство, раздраженные усиливавшимся вмешательством царских властей в калмыцкие дела и не дожидаясь компромиссных предложений из Петербурга, приняли трагическое для судеб народа решение об откочевке на родину предков, в Джунгарию. В 1771 г. почти все некрещеные калмыки громадной массой — 33 тыс. кибиток, до 170 тыс. человек — двинулись через уральские и киргизские степи в пределы Китая, куда дошли, выдержав изнурительный путь и уцелев от нападений других кочевых народов, лишь немногие из них.

Образную картину исхода калмыков из России нарисовал в поэме “Емельян Пугачев” Сергей Есенин:

Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.
От Российской чиновничьей неволи,
Оттого, что как куропаток их щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.

Численность оставшихся в пределах России некрещеных калмыков и ставропольского калмыцкого войска еще более сократилась в годы Пугачевского восстания (1773—1775), в котором калмыки принимали активное участие и понесли большие потери убитыми, умершими в плену от голода, а также бежавшими за русские границы. Если с начала переселения калмыков под Ставрополь и до конца 1760-х годов численность их там выросла с 2,4 тыс. до 8,2 тыс. человек, то к 1777 г. она сократилась до 5,2 тыс., а в конце века составляла 4,7 тыс. человек⁴¹. В XIX столетии ставропольское войско крещеных калмыков было упразднено, а сами они переведены (1842 г.) на жительство в оренбургские степи.

ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ

Население Самарского края в XVII в. Долгие годы после присоединения Среднего Поволжья к России на территории края существовали только летние кочевья степняков, редкие казачьи стоянки, в укромных местах прятались ватажные строения русских рыболовов да за сотни верст приезжали сюда “наездом” в свои уголья мордва, чуваш и татары.

Лишь после строительства Самары, под ее защитой, в конце XVI — начале XVII в. на Самарской Луке появились первые постоянные селения. Основывали их беглые русские крестьяне, мордва и чуваш, уходившие на Волгу от тяжести феодальных повинностей, малоземелья и бедности центральных уездов страны, Нижегородского и Казанского Поволжья.

Первые деревни и села устраивались, как правило, под эгидой крупных собственников: церковных феодалов и “гостей”-промышленников. Трудности обживания совершенно неизведанного места, без подмоги со стороны соседей или богатого покровителя выпадали чрезвычайные.

В Самарском крае в первой трети XVII в. появилось два крупных центра формирования постоянных поселений. Один занимал всю восточную часть Самарской Луки; второй, так называемое Надеинское Усолье, располагался на западе “большой” Самарской Луки.

Подгорная восточная часть Луки была очень удобна для расселения. Со всех сторон этот равнинный район защищали широкая акватория волжской излучины и труднопроходимые, поросшие лесом горы. Местность находилась “под Самарой”, под защитой гарнизона крепости. Здесь возникли древнейшие селения Самарского края — Рождествено, Подгоры, Ильинское. Первое упоминание о деревне “под Лысой горой”, т. е. о Подгорах, относится к концу 20-х годов XVII в. Для того чтобы защитить, предупредить жителей этих селений от внезапного прихода “воинских людей”, к западу устроили караулы. Под защитой одного из таких караульных острожков возникло еще одно селение — деревня Ново-Подкараульная. По соседству с Подгорами жители из уже возникших селений основали деревню Выползово. Так сложилось

начальное ядро старейших русских селений края. Они лежали на открытом месте, рядом с пашнями, а появившиеся почти одновременно маленькие деревеньки мордвы и чувашей — Шелехметь, Борковка, Торновое — прятались в укромных местах за лесами и буераками, среди гор, занимали неудобья. В конце 30-х — начале 40-х годов во всех этих селениях насчитывалось 210 дворов⁴².

Костяк самарских сел и деревень составляли бывшие беглые. Численность населения росла достаточно быстро. По переписи 1646 г. только русское население восточной части Луки составило более 300 дворов⁴³.

По мере роста селений в них обустроивались владельческие дворы, примитивные оборонительные сооружения, храмы. Деревня Подгоры по названию церкви получила новое название — Ильинское, по той же причине Ново-Подкараульная стала селом Архангельским.

В западной части Самарской Луки, рядом с соляными источниками, в 30-е годы XVII в. возникли хорошо укрепленный городок, слободы Верхнеусольская, Нижнеусольская и Усольская. Здесь обосновались работные люди из Соли Камской Костромского уезда; крепостные крестьяне, слуги и прислужники гостя Надеи Светешникова. Большинство жителей слобод составили беглые, “гулящие” люди, пришедшие в Усолье “своей охотой”. В середине 40-х годов занятых на промысле, в сельском хозяйстве, в обороне насчитывалось более 100 человек⁴⁴.

В 1640-е годы в центральной, до этого неосвоенной, части Самарской Луки появилось несколько небольших помещичьих деревень: Моркваши, Осиновый Буерак, Ширяев Буерак. Они располагались в укромных, защищенных местах волжского побережья.

Возникшие в первой половине XVII в. селения оказались в уникальном положении. До начала 1680-х годов они находились как бы на острове, отделенном от основного ареала оседлого населения России кочевьями степных народов.

В 50-е — начале 80-х годов Самарская Лука оставалась основным и единственным районом формирования оседлого населения Самарского края. Наиболее активно начала осваиваться центральная часть полуострова, т.е. земли, принадлежащие государству. Народная колонизация самотеком пробивала все запреты, сыски и розыски, представляя основного “поставщика” населения. Попытки феодалов организованно переводить своих крестьян из других вотчин случались редко. Наибольшее количество переселенцев в эти годы давали близлежащие уезды — Симбирский, Алатырский, Свияжский, Казанский. Миграционные потоки из дальних районов, из центра страны резко сократились.

Наряду с русскими значительными группами переселялись мордва и чуваш.

Переселенцы, как правило, не меняли статус, оставались крепостными, государственными, ясачными, дворцовыми, но на какой-то период улучшали свое положение.

В подгорной восточной части Самарской Луки поток переселенцев оседал в старых селах — Рождествене, Подгорах и др.; в центральной и

западной частях — основывал новые деревни. В последней четверти XVIII в. на востоке Самаролучья начинается аграрное перенаселение, итогом которого явились резкий отток жителей, массовое их бегство.

Значительный рост населения и возникновение новых поселений — Жигулевки, Переволок и др. наблюдались в Надеинском Усолье. Помимо русских, здесь начали селиться чуваша, основавшие деревни Старый Теплый Стан, Новый Теплый Стан на Ногайском ключе и пр. По писцовым книгам 1686—1687 гг., население Усолья составляло около 2 тыс. человек⁴⁵.

Наиболее интенсивно осваивалась в эти годы центральная часть Самарской Луки, где возникло около десятка чувашских и мордовских поселений: Березовый и Сосновый Солонцы, Старая Аскула, Бахилев Буерак (Бахилово), Винная на Ключе (Винновка), Мордвина, Карамол (Кармалы) и др. О времени возникновения некоторых из этих селений можно сказать более точно. Так, 22 мая 1652 г. самарскому воеводе были челом “черемисины” с просьбой разрешить им поселиться “за государем на оброке в Самарском уезде на диком поле в Бруснянских вершинах у ключа”. Им разрешили “дворы поставить и под пашню залежные земли распахать”. В 1660—1661 гг. “чуваша” уже существовавшей к тому времени деревни Аскулы получили грамоту “на новую пустошь землю, на Сосновый Солонец”⁴⁶. Так возникла одноименная деревня. Определить, кто жил в этих “чувашских”, “мордовских”, “черемиских” селениях, довольно трудно. Местная администрация учитывала прежде всего податное население, его социальные категории, а уж напоследок этническую принадлежность. Мордву записывали чувашами, чувашей — черемисами, а то и скопом: “мордовские и чувашские деревни”.

Мордовскими были прежде всего деревни, расположенные на востоке Самарской Луки, немногие — в ее центральных районах — Яблонная, Винная. Чуваша основали все деревни Надеинского Усолья и большинство селений центральной части Луки.

Мордва и чуваша Самарского края продолжали оставаться язычниками. Какой-либо целенаправленной политики христианизации среди них в XVII в. не проводилось.

Селения, принадлежавшие помещикам, хотя и несколько разрослись, все же оставались малонаселенными, занимая тесные поляны и межгорные урочища по волжскому побережью. Ни одно из них не стало селом, ни в одном не было выстроено в XVII в. храма.

Новый этап складывания населения Самарского края, освоения ранее пустынных пространств начался в 1680-е годы, когда после строительства Сызрани сравнительно безопасными для обустройства стали земли за пределами Самарской Луки, на правобережье Волги.

К концу XVII — началу XVIII в. оказалось заселенным все Сызранское правобережье. Кроме слобод приборных служилых людей — Печерской, Усинской, Подвалья, Губино и др., на волжском побережье оказались такие крупные монастырские поселения, как Новодевичье, Городище (ныне г. Октябрьск); в глубине района, западнее Сызрани, — Кузмодемьянское (ныне с. Старая Рачейка) и Студенец, помещичьи села и деревни — Дмитриевка, Троицкое, Богородское.

Новые селения возникли в западной части Самарской Луки: Кольцово, Валы, Большая и Малая Рязань.

На правобережье, и в первую очередь на Самарской Луке, становилось “тесно”. Приходившие в конце века чуваш и мордва вынуждены были устраиваться “за валом” Старозакамской черты, на левобережье. Так сложился комплекс левобережных селений на землях Новодевичьего монастыря: Хрящевка, Сускан и др. Когда у игумены монастыря спросили грамоту с подтверждением старинных прав на переселенцев, та не смогла ее представить, отговорившись, что грамота сгорела⁴⁷.

Вольная крестьянская колонизация края продолжалась, но ее темпы резко упали. Изменилась общая ситуация в стране. Правительство жестче контролировало розыск беглых, что весьма затрудняло нелегальный уход населения. К тому же Самарский край, его освоенные территории наконец-то вошли, слились с основными районами земледельческого расселения в Среднем Поволжье, и на новых землях в полной мере начали проводить все крепостнические мероприятия правительства.

Тем не менее поток вольного народного переселения оставался весьма значительным, вырос по своим абсолютным размерам. Например, в конце XVII в. старцы только одного костромского Ипатьевского монастыря обнаружили в “низовых городах” около 500 беглецов из монастырских вотчин Владимирского и Костромского уездов “от хлебных недородов”⁴⁸.

Наезды сыщиков превращались в настоящее бедствие и для хозяев вотчин, и для жителей. В 1699 г. власти Надеинского Усолья жаловались, что от сыска “промысел разорился вконец... а крестьяне и бобыли... разбредаются”⁴⁹.

Значительное распространение в конце XVII в. приобрел перевод крупными феодальными владельцами своих крестьян из центральных уездов страны в новопожалованные приволжские вотчины. Спустя полвека крестьяне рассказывали: “...напредь сего деды и отцы их, также и из них некоторые, но самые престарелые уже имели жительство во Владимирском, Верейском и Углицком уездах, в разных того Новодевичьего монастыря селах и деревнях, а потом, в прошлых давних годах... несколько числом душ, переведены и поселены... в Ново-пречистенской волости...”⁵⁰.

Участились массовые переселения крестьянских семей их владельцами, и тогда беглых чужаков в селениях по сути не встречалось. Например, при основании сел Городище (Костычи) и Кузмодемьянское (Старая Рачейка) власти Вознесенского монастыря перевели на Самарскую Луку и в Сызранское Поволжье более 200 крестьянских дворов⁵¹.

Так сложилась в XVII в. система сельских поселений Самарского края: крупные, хорошо устроенные, с храмами, промысловыми заведениями и дворами местной администрации русские монастырские и дворцовые села: небольшие, прячущиеся в укромных местах, между лесами и горами чувашские и мордовские деревни, как правило ясачные или частновладельческие; также сравнительно малочисленные, расположенные в урочищах и на полянах волжского побережья помещичьи

селения. После 1683 г. прибавилась категория слобод служилых людей, как правило крупных, с большими земляными наделами, быстро обзаводившихся своими церквями. Темпы роста населения края к концу XVII в. значительно выросли, но все же плотность его заметно уступала ранее таковой освоенных уездов Среднего Поволжья. На протяжении всего XVII в. край оставался заселяемым регионом, и только к концу века начался некоторый отток населения.

Вольные переселенцы на землях Заволжья. К началу 1700-х годов просторы Самарского Заволжья еще не освоили земледельцы, здесь велось исключительно кочевое скотоводство. Постепенное освоение земель осуществлялось в основном беглыми помещичьими, государственными и дворцовыми крестьянами. В этом процессе принимали участие также вольные люди, но их количество по сравнению с XVII в. значительно сократилось из-за проведения подушных переписей (“ревизий”) населения и введения паспортов.

Бегство крестьян в Поволжье, начавшееся в XVII в., продолжалось и все следующее столетие, но районы притока беглых изменились. Теперь их основная масса направлялась на юго-восточную окраину Поволжья и в глубь Заволжья. Уходили из центральных районов страны и с уже освоенной горной стороны Волги в надежде найти спасение от малоземелья, налогов и поборов, барщины и других повинностей.

Своеобразием освоения Самарского края являлось то, что оно по-прежнему осуществлялось как русскими людьми, так и народами Поволжья — мордвой, татарами, чувашами. Национальные особенности групп переселенцев сказывались при выборе ими мест под жилье. Русские крестьяне всегда обустраивались на открытой местности, в низине, удобной для земледелия. Выходцы из поволжских народов — вблизи лесов, а нередко даже в самих лесах, где они, помимо земледелия, могли заниматься бортничеством и охотой. Положение первых поселенцев в Заволжье было тяжелым. Крестьянские жилища, пашни, скотные дворы часто подвергались набегам кочевников.

К середине века по России в бегах числилось свыше 200 тыс. помещичьих крепостных. Значительная их часть бежала на Волгу. Беглых преследовало правительство, и на протяжении XVIII в. против них издавали более 100 указов. В 1733 г. в Среднее Поволжье была направлена Сенатская экспедиция, получившая задание водворить всех беглых на прежнее место жительства, “а оставшее строение после всех тех беглых крестьян... разорить и жечь, дабы впредь никакова пристанища быть не могло”. Во второй половине XVIII в. действовала “Комиссия сыскных дел от Казани до Саратова”, основной задачей ее являлись “сыск и искоренение воров, разбойников и беглых людей”⁵².

Однако эффективность борьбы с беглыми была не очень высокой. В 1736 г. в Самаре, Сызрани и других городах Среднего Поволжья было указано учредить заставы и разъезды для задержания их и возвращения владельцам. “...Токмо известно, что таких застав поныне нет”, — официально рапортовали об исполнении данного указа несколько лет спустя местные власти. По Сызрани известны случаи, когда сам воевода укрывал таких крестьян (и монастырских, и дворцовых, и поме-

щичьих) или же высылал их из города, чтобы не выдавать приезжавшим переписчикам и сыщикам. Подобные случаи в городах и деревнях на Волге не были случайностью или плодом бюрократической неразберихи. Фактически здесь поощрялся прием беглых из внутренних губерний страны в качестве рабочей силы и служилых людей.

Преследуя беглецов, правительство было вынуждено в отдельных случаях идти на легализацию их проживания в крае. Например, не высылали беглых крестьян, обнаруженных в крепостях Самарской линии. В качестве компенсации их бывшие владельцы получали рекрутские квитанции в счет будущих наборов в армию. В новые поселки Заволжья и Приуралья принудительно высылались из всех губерний России “непомнящие родства”, т.е. беглые, чье происхождение и чьих владельцев власти в ходе следствия не могли установить. “Непомнящие родства” являлись одним из разрядов государственных крестьян. Их селили, как правило, в одни слободы вместе с “содержащими ландмилицию”.

Считаясь по необходимости с вольным освоением новых земель, государство предпочитало все же такие формы переселения, которые позволяли контролировать этот процесс. Для заселения малообжитых районов Заволжья по инициативе властей перемещались не только “непомнящие родства”, но и другие категории государственных, а также дворцовых крестьян.

Первый комендант Ставрополя полковник Змеев хлопотал, чтобы тех жителей правобережного села Новодевичьего, которые самовольно пришли из Нижегородской, Пензенской и Тамбовской губерний, из городов Темникова, Вязников и других отдаленных мест, а потому оказались непереписанными и не платящими податей, расселить между калмыками, а не высылать на прежние места жительства. Сами эти беглецы охотно предпочли переселение на другой берег Волги, почти прямо напротив Новодевичьего, принудительному возвращению в родные края, удаленные за сотни и даже тысячи верст. Кабинет министров малолетнего императора Ивана Антоновича в 1741 г. удовлетворил просьбу Змеева и указанных жителей Новодевичьего об их перекочевании на левобережье Волги. Им отводились земли и угодья как государственным крестьянам и накладывались соответствующие подати. Одновременно давалось указание выяснить, нет ли в вотчине Новодевичьего монастыря или в других местах людей, которых тоже можно переселить на калмыцкие земли. В результате возникли три новые слободы казенных крестьян: Курумоч (Богоявленская) на одноименной реке, Преображенская (Кошки) на Кондурче, Воскресенская (Ягодное) при Волге⁵³.

Все же гораздо чаще инициаторами переезда выступали сами казенные крестьяне, но во избежание конфликта с властями они ставили местную администрацию в известность о своем намерении. Чиновники были вполне удовлетворены этим, так как при таком варианте переселенцы не терялись из виду налогового ведомства и других государственных органов. Заложив село, поселенцы припускали, как правило, к себе новых жителей.

В октябре 1764 г. новокрещены из мордвы нескольких деревень Пензенского уезда подали прошение о том, что “отпущены они от мирских людей для прииску и поселению за малоимением при тех их жителях земли, естли где они отыскать могут... Они и отыскали в том Самарском уезде при деревне Семейкиной, ибо де той деревни новокрещены и все обыватели на свою крепостную землю принять к поселению и пожелали”. В подтверждение своего согласия с этой просьбой старожилы деревни Семейкиной обратились в самарскую канцелярию: “Всепокорно просим, дабы поведено было вышеписанных новокрещен из мордвы к нам в подушный оклад определить, ибо мы желаем в той нашей деревне построить вновь церковь божию”⁵⁴.

Земледельческое освоение происходило главным образом путем мирного расселения русских крестьян и представителей народов Поволжья на свободных и купленных у башкир землях. Поселенцы разных национальностей жили в добром соседстве друг с другом, постепенно возникали села и деревни со смешанным национальным составом. Все это способствовало взаимообогащению культур всех народов.

В северных и центральных уездах будущей Самарской губернии сложились сплошные массивы мордовских поселений, перемежающихся русскими и чувашскими селами и деревнями. В северных и восточных уездах компактными группами оседали татары.

Названия многих существующих донныне сел и деревень донесли до нас имена первопоселенцев из XVIII в. В Шенталинском районе Подлесная Андреевка названа по Андрею Лукоянову. В Похвистневском районе Ибряйкино, Аверкино, Ганькино сохраняют память о Борисе Алексееве (языческое имя Ибряй Избеков), Аверьяне Андрееве (Аверка Фединкин), Гавриле Степанове (Ганик Яшкин). Селу и райцентру Клявлино дано имя от Клевле Чюрекеева (Василия Иванова в крещении), а селам Исаклинского района Саперкино и Большое Микушкино — Сапера Тоимекеева (Савелия Борисова) и Микушки Охонкина (Ивана Семенова). Современное село Самсоновка Исаклинского района в старину имело второе название — Иштулкино, по имени Иштула Ахметева. Старое Якушкино Сергиевского района названо по имени не самого первопоселенца Яниша Якушина, а его отца⁵⁵. Перечень этот можно продолжить...

Для хозяйственного освоения заволжской степи, лежавшей к югу от Самары, правительство Екатерины II разрешило переселяться возвращавшимся в Россию из Польши эмигрантам-раскольникам. Этим старообрядцам были отведены в основном земли по течению Большого Иргиза. Вместе с выходцами из российских рубежей здесь обосновалось и значительное число беглых из внутренних губерний страны. Именно последние заселили одно из первых иргизских селений — “Овсяный Гай, что у мостов на Яицкой дороге” (ныне с. Мосты Пестравского района).

Иргизские переселенцы поступили в дворцовое ведомство, пополнив тем самым число крепостных душ, принадлежавших лично императрице. Росло число дворцовых крестьян не только на юге, но и на севере Самарского края. Так, на земле ставропольского калмыцкого вой-

ска, которую калмыки сдали дворцовым крестьянам 29 марта 1776 г. сроком на 60 лет, возникла деревня Ташолка⁵⁶.

Дворяне и их крепостные в освоении края. До 1736 г. действовал закон, запрещавший покупать и продавать башкирские земли. После его отмены земледельческое освоение северо-восточных и восточных районов Самарского края пошло быстрее. Башкиры уступали земли своих дальних охотничьих угодий, ограничившись пределами внутренней Башкирии. Часть была продана государственным крестьянам, но в основном эти земли скупались у башкир за бесценок помещиками. К примеру, в 1755 г. капитан И.П. Толстой приобрел у башкир Уфимского уезда земли по реке Кинелю и ее притокам окружностью в 250 верст всего за 40 руб. В 1766 г. он перепродал из нее только часть (22 300 дес.) уже за 1 тыс. руб. семье помещиков Хилковых, поселивших там свое село Архангельское, Хилково тож (в современном Красноярском районе)⁵⁷.

Дворянское землевладение в крае расширялось также в результате царских пожалований, распродажи участков вдоль потерявших свое военное значение укрепленных линий и засечных черт, признания за помещиками самовольно занятых угодий. В свои новые земельные владения помещики активно переводили крепостных из менее плодородных и малообеспеченных угодьями районов страны.

“В новопоселенном сельце Успенском, Кротовка тож” надворный советник И.Е. Кротков разместил 29 душ мужского пола из Пензенского уезда, полученных в приданое за его женой. Недалеко, “в деревне новопоселенной Липовке”, обосновались сразу девять мелких помещиков (отставные сержанты, капралы, гренадеры, драгуны), переведя сюда каждый от двух до семи душ мужского пола из уездов Симбирского, Казанского, Ряжского, Ярославского; в той же Липовке с ними соседствовали однодворцы из Симбирского, Пензенского, Казанского, Алаторского уездов. У некоторых из них были собственные дворовые люди и крепостные крестьяне, которых поселили здесь же⁵⁸.

Не останавливались дворяне и перед незаконным приемом беглых. Большинство поселенцев Старого Буяна, владения майора Г.Я. Дмитриева, составляли крестьяне разных помещиков, ушедшие от своих хозяев. Последние, даже разыскав их, предпочли не возвращать ненадежных подданных на прежнее место жительства, а оформить их продажу Дмитриеву; беглые вновь стали крепостными, но другого хозяина. Таким образом, помещичья колонизация, поощряемая правительством, сопровождалась распространением и укреплением крепостничества.

Некоторые помещичьи селения возникали на землях, захваченных дворянами у государственных крестьян. В середине XVIII в. обидчиком жителей деревни Саперкиной оказался князь Дадиян, занявший часть их земель под угодья двух своих новых селений — Исаков и Багряша (в современном Исаκлинском районе). В 1762 г. С.Е. Кротков отнял у крестьян из Староганькина их “купленной и ограненной земли с лесом и с санными покосы ... длиною пятнатцать верст”, в том числе “распаханой... триста пятнатцать загонов, сена накошенова пятьсот стогов”. На этой земле “реченой помещик Кротков поселил... крестьян своих

деревню дворов до тридцати” (современное Кротково в Похвистневском районе)⁵⁹.

Участие в освоении и заселении Заволжья принимали также монастыри и дворцовое ведомство, через которое осуществляли свои вотчинные права крупнейшие землевладельцы России — царь и члены его семьи. В 1733 г. управляющим Усольской вотчины Савво-Сторожевского монастыря М. Богдановым по указанию архимандрита Симона была поселена “деревня Красноборская, что при Куньей Волошке”. Деревня эта “первоначально было не что иное, как хутора нескольких богатых крестьян из Усолья, Жигулей, Валов, разбросанные по берегу Волги” на довольно значительных расстояниях друг от друга. Хутора валовских переселенцев стояли именно на том самом месте, что было отведено под новый город Ставрополь. “Когда это место нужно было правительству отвести под поселение калмыков, тогда одни из крестьян приписались к городу, а другие соединились в один нераздельный хутор”, образовав деревню, за которой закрепилось название Русской Борковки⁶⁰.

Накануне крестьянской войны 1773—1775 гг. процесс освоения Самарского края охватил немалую территорию, за исключением его окраинных южных и юго-восточных районов, где земледельцев еще почти не было. На освоенных землях проживало уже около 100 тыс. человек. Дворяне и чиновники составляли 1% населения, горожане — 2, военно-служилые сословия (казаки, калмыки, черкасы и др.) — 20, крестьяне — 77%. Очень пестро выглядел национальный состав жителей: русские 44%, народы Поволжья (татары, мордва, чуваша) 46, калмыки более 8, украинцы более 1%⁶¹.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Волжские промысловые воды и их владельцы. В основе экономики и социальной жизни любого средневекового общества, в том числе и российского, лежит право собственности на землю и на людей, ее обрабатывающих. Однако на окраинных пограничных землях складывание феодальной собственности имело отличия от ранее освоенных районов страны.

Эта специфика наблюдалась и на территории Самарского края, где в XVII в. появление феодалов-землевладельцев сдерживалось постоянной опасностью нападений кочевников. Единственным более-менее безопасным местом являлась Самарская Лука, с ее весьма ограниченными равнинными пространствами. Потому-то в Самарском Поволжье до середины 1680-х годов внимание крупнейших собственников страны прежде всего было обращено на распределение волжской акватории с ее богатейшими рыбными ловлями. Местная администрация не сразу смогла контролировать рыболовные угодья, эффективно распределять их. На волжские рыбные богатства претендовали многие — жители местных городков, крестьяне, посадские люди, богатейшие предприниматели-купцы из городов Верхней Волги и Центра, крупнейшие

монастыри, Патриарший Дом, Дворец. Среди этих промышленников, как ни странно, практически не было светских феодалов. Развернувшаяся между представителями отдельных сословий борьба за лучшие угодья завершилась к концу XVII в. почти полной победой церковно-монастырских предпринимателей. Относительно небогатые крестьяне и посадские люди верховых городов не смогли конкурировать с ними. Жители окрестных городков-крепостей были удовлетворены тем, что к середине XVII в. получили фиксированные подгородные рыбные ловли. Значительно дольше длилось соперничество между богатыми купцами-промышленниками и монастырями. Ярославский гость Надея Светешников, нижегородцы Задорины, люди гостинной сотни Киприан Климшин, Яков Шустов и другие обладали едва ли меньшими состояниями, чем их основные конкуренты. И все же купечество проиграло. Главной причиной нестабильности, слабости представителей светского предпринимательства – гостей, членов гостинной и суконной сотен была двойственность их положения: “выходцы из торгово-промышленной среды не попадали в лоно господствующего класса”, не пользовались его льготами и в то же время “не становились настоящими капиталистами”, не могли создать производство на новых основах⁶².

Фиксированные, строго ограниченные волжскими водами владения начали складываться с начала XVII в. В это время “в Самарском городе на реке Волге воды... с верхние изголови Тушина острова до... нижнего устья Самары реки...” получил нижегородский Печерский монастырь⁶³. В 1606 г. право на безоборочное владение рыбными ловлями “в самарских водах... от Черного затона [ниже возникшей позже Сызрани] до устья реки Елань Иргиз” досталось московскому Чудову монастырю. Вслед за этими монастырями крупными владельцами вод волжской акватории стали в первой четверти XVII в. самарский Спасо-Преображенский и нижегородский Благовещенский, в начале 30-х годов московский Новоспасский и в начале 60-х годов звенигородский Савво-Сторожевский монастыри. Новая волна раздач последовала в последней четверти XVII в.: крупные рыболовецкие участки оказались в руках московских Новодевичьего и Вознесенского монастырей, существенно расширили свои владения Савво-Сторожевский и Чудов монастыри. Раз “зацепившись” за волжский участок, монастырские власти, как правило, уже не отпускали его. К концу XVII в. в Самарском Поволжье от устья Большого Иргиза и до устья Большого Черемшана сложился огромный промысловый район, основными владельцами которого были богатейшие центральные монастыри: московские Новоспасский, Чудов, Вознесенский, Новодевичий, подмосковный Савво-Сторожевский. Их вотчинные владения охватывали десятки километров, занимая не только волжскую акваторию, но и прилегающие реки и озера.

Первоначально все волжские воды считались государственной собственностью и передавались частным владельцам только в оброчное пользование. В оговоренные сроки в волжских городах проводились специальные торги, на которых “с наддачей” производилось конкурсное распределение участков волжской акватории. Оброчные воды

имели четкие границы, раздавались на срок от одного года до трех-пяти лет. Специально оговаривались условия промысла, порой даже до количества вылавливаемой рыбы, ее размеров. В отношении светских предпринимателей, мелких монастырей эти правила действовали неукоснительно. Однако богатые монастыри, близкие к царскому двору, обретали ряд льгот. Постепенно оброчные владения превращались в вотчинные, монастыри получали на них жалованные грамоты, освобождались от контроля со стороны местных властей.

Феодальная собственность на рыболовные угодья была по своему статусу гораздо ниже, менее устойчива, чем на земельные владения. Неразработанным являлось правовое обеспечение этого вида собственности, на него распространялись нормы сервитутного права. Закрепить за собой рыболовные угодья удавалось только владельцам земельных участков на волжских берегах. Однако сделать это было не так-то просто. Селиться на опасном побережье находилось мало охотников. Правительство же препятствовало появлению в Симбирско-Самарском Поволжье крупного вотчинного землевладения светских и церковных феодалов из центральных районов страны с помощью норм законодательства о заказных городах, распространявшихся практически на все приграничные районы юга и юго-востока страны⁶⁴.

Возникновение крупного землевладения. Монастыри – собственники. Широкое распространение феодальной земельной собственности на землях Самарского Поволжья можно отнести к концу 80—90-х годов XVII в. Однако крупное землевладение на территории края появилось значительно раньше: первое упоминание о пашнях и селениях самарского Спасо-Преображенского монастыря, занимавших всю восточную “подгорную” часть Самарской Луки, относится к первой четверти XVII в. Небольшой провинциальный монастырь не смог бы освоить столь значительную территорию, населить ее своими крестьянами, если бы не являлся домовым Патриаршего Дома. Крестьяне и работные люди монастыря сеяли на старцев хлеб, делали “изделия”, работали на монастырском рыбном дворе и на ватагах. Судя по данным переписных книг 1646 г., эта вотчина занимала основную часть населенной территории Самарского уезда, концентрируя большинство его жителей⁶⁵. В неизменных границах вотчина просуществовала до 1670 г., когда Спасо-Преображенский монастырь приписали к Самаре, его владения передали Дворцу, а патриарх получил компенсацию в Нижегородском уезде⁶⁶. Длительное время монастырские владения на Самарской Луке являлись центром складывания в районе феодального землевладения, формирования населения. Несколько позднее, в 1631–1632 гг., другой такой же центр появился в западной части Самарской Луки, где громадный земельный участок с примыкающими к нему рыболовными угодьями получил ярославский гость Надея Светешников⁶⁷. По его имени вся местность получила название “Надеинское Усолье”. В новоприобретенном оброчном владении предпринимателя прежде всего интересовал соляной промысел. Природа хорошо защитила Надеинское Усолье от нападений кочевников. Кроме того, там находился хорошо укрепленный городок с мощным вооружением. По-

тому-то в окрестностях промысла безбоязненно начали селиться беглые русские, чувашки. Сам Надея Светешников за неуплату государственного долга в 1646 г. был поставлен на правежи и умер. Владение перешло в казну, но вскоре сын Надеи Семен выкупил промысел. Семья Светешниковых владела Надеинским Усольем до 1658 г., потом его выкупило государство и в 1660 г. передало в оброчное владение Савво-Сторожевскому монастырю. Элитное положение монастыря, близкого к царскому дворцу, сказалось и на Надеинском Усолье. В начале 70-х годов оно из оброчного стало вотчинным владением. Усолье вывели из-под контроля местных симбирских воевод и подчинили сначала казанским, а затем вообще передали в ведение московских приказов. Экстерриториальность вотчины дополнили рядом налоговых льгот и иммунитетных прав. По площади — около 1500 кв. км, численности населения, доходности Надеинское Усолье стало крупнейшим и наиболее значительным владением монастыря.

Как отмечалось выше, после строительства Сызрани на территории правобережья селиться стало относительно безопасно. В 1683 г. небольшой земельный участок на правом берегу Волги получил московский Новодевичий монастырь, а в конце XVII — начале XVIII в. на месте скромного пожалованья возникла огромная вотчина с многочисленным населением. Центром владения стала Новопречистенская слобода (село Новодевичье). Немногим позже земли южнее Сызранки, примыкающие к старинным рыбным ловлям, получил московский Чудов монастырь, а еще южнее — московский Новоспасский. Крупная вотчина возникла рядом с Кашпиром. Ею завладел домовый монастырь казанского митрополита — кашпирский Вознесенский. И наконец, владельцем еще одной крупной вотчины края оказался московский Вознесенский монастырь. Земли его располагались в нескольких местах: между Сызранью и Печерской слободой (села Костычи — Городище), несколькими десятками верст западнее Сызранки (село Кузмодемьянское, ныне Старая Рачейка). Феодальное законодательство середины — второй половины XVII в. пыталось сдерживать рост церковной собственности, ограничило источники его увеличения⁶⁸, но эти препоны легко обходились. Церковные феодалы получали землю в пожалованье, как это было с Чудовым монастырем, в “указное число” (московские Вознесенский и Новоспасский), путем обменов, а то и прямых захватов. Наиболее “удивительный” случай произошел с владениями Новодевичьего монастыря. Первоначально его старцы получили к рыбным ловлям под рыбный двор место на волжском правобережье размером 500 на 500 сажен. Через 15—20 лет монахи распорядились огромной территорией, площадью никак не менее 1000 кв. км. Новые земли монастырь приобрел благодаря неравноценным обменам, замаскированным покупкам, а в основном за счет прямых захватов местных неразмеженных земель.

Таким образом, в конце XVII — начале XVIII в. на территории Самарского края вдоль Волги, от устья Большого Черемшана и почти до самого Саратова, на самых благоприятных для хозяйственной деятельности территориях сложился район церковно-монастырского зем-

ле- и водовладения. Монастыри, ранее занимавшиеся почти исключительно рыболовством, начали все больше внимания уделять сельскому хозяйству, хлебопашеству. На полученные земли переводили крестьян из центральных уездов страны, основывали поселения, из которых впоследствии выросли такие известные города, как Вольск, Хвалынский, Октябрьск, селения Новодевичье, Усолье, Рождествено, Старая Рачейка и др. У большинства монастырей новоприобретенные владения стали крупнейшими среди прочих (до 15—20% населения всех вотчин), являлись поставщиками основных денежных средств и рыбных припасов в метрополию.

Помещичье и дворцовое землевладение. На протяжении всего XVII в., и особенно во второй его половине, землевладение светских феодалов росло значительно быстрее, чем собственность других групп феодальных владельцев, занимало господствующее положение в стране. Однако на территории Самарского Поволжья светская форма феодальной собственности была развита слабо. Первые земельные владения местного самарского дворянства возникли в крае только в первой половине 40-х годов и были крайне малочисленны и невелики. Очевидно, первым помещиком Самарского уезда стал самарец Михаил Филитов, получивший в 1643 г. в счет поместного оклада 30 четвертей земли. В 1644 г. поместный оклад получил еще один самарский дворянин, Василий Порецкий⁶⁹. По данным переписи 1646 г., на землях этих помещиков были уже устроены селения: у Филитова — деревня Ширяев Буерак, у Порецкого — Моркваши и Осиновый Буерак (по всей видимости, село Осиновка). Дворянское землевладение Самарского края не могло идти ни в какое сравнение с монастырским или дворцовым. Земли и деревушки, принадлежавшие помещикам, занимали неудобные окраинные территории — межгорные урочища, поляны, жались к волжским берегам, были оторваны от основных массивов расселения. Наследники Филитова и Порецкого, с одной стороны, за счет новых пожалований значительно “округлили” земли своих отцов, с другой — разделили их между многочисленными братьями и сестрами. К концу XVII в. владельцами вышеуказанных деревень числились Порецкие, Филитовы, Алампеевы, Сафоновы, Алферьевы, Ярцевы и др.⁷⁰

У самарских дворян и детей боярских особый аппетит к поместьям на Самарской Луке проснулся с конца 50-х — начала 60-х годов XVII в. Свободных земель в уезде было не так уж много, и помещики начали буквально подбирать “клочки” у Брусянского оврага, устья пересыхающей речки Мордовы, на Ермаковой Поляне, по Аскульскому оврагу и т.д. Так появились поместья, а затем и маленькие деревушки самарцев А.Я.Короткова, Ю.Шейна, А.Я.Алампеева, И.Чижова, М.Перфильева, С.Исакова и др. Всего к концу XVII в. на территории уезда насчитывалось около полутора десятков помещичьих владений.

Пожалование в конце 1680-х годов Самаре огромного массива пахотных земель и сельскохозяйственных угодий на левобережье, вокруг города, не дало желаемого эффекта. Занятию земледелием в Заволжье, а тем более поселению на новых территориях крестьян и основанию деревень препятствовали нападения кочевников.

Земельные владения самарского дворянства в XVII в. были невелики и насчитывали от нескольких десятков до сотни, в редких случаях до двухсот четвертей. Однако нельзя забывать, что дворяне и дети боярские имели поместья и вотчины в других районах страны. Во время земельных споров обиженная сторона зачастую пыталась обратить внимание правосудия именно на это обстоятельство.

В 80-е годы XVII в. началось массовое распределение земель на территории современного Сызранского и части Шигонского района. Крупных поместных и вотчинных владений, таких, например, как у С.К.Дмитриева, получившего и захватившего несколько сот четвертей пахотных земель и угодий и основавшего на них ряд поселений, было сравнительно немного. В основном же земли на поместном праве получали многочисленные приборные люди. Казаки, стрельцы, солдаты стали владельцами сравнительно небольших земельных наделов — от 10 до 40 четвертей в одном поле. В ряде случаев, за “дальностью”, за какие-либо заслуги давались дополнительные наделы. Так как свободной земли было достаточно, поселенцы добирали еще себе “примерные” земли. Большинство приборных людей к концу XVII — началу XVIII в. растеряли свои привилегии и пополнили ряды государственных крестьян, но некоторые из них влились в сословие помещиков.

Служилые люди “по отчеству” получили гораздо большие наделы земли — от 50 до 400 четвертей в одном поле. Они-то и составили массовый слой мелких и средних землевладельцев Симбирского уезда, как правило имевших от 5 до 30 крестьянских дворов.

В последней трети XVII в. крупным собственником на территории Самарского края стал Дворец. История появления его владений довольно любопытна. В конце 30-х годов дворцовому ведомству была отписана большая часть вотчины Спасо-Преображенского монастыря. У церковной братии осталось только крупнейшее из селений вотчины — село Рождествено с прилегающими к нему пашнями и угодьями. Однако вскоре, в 1648 г., ранее взятые на государя земли были возвращены патриаршему монастырю. В начале 70-х годов все монастырские владения в восточной части Самарской Луки вновь, и теперь уже окончательно, отошли к Дворцу, овладевшему действительно богатой вотчиной, включавшей старейшие селения края, подавляющее большинство людских ресурсов уезда. В 80-е годы XVII в. только при селе Рождествене государева десятинная пашня составила во всех трех полях 120 дес., за крестьянами четвертной пашенной земли насчитывалось 904 четверти в одном поле, в усадьбы была отведена 71 дес. да кроме того, имелось много так называемого “пашенного лесу”, “дикого поля”, “сенных угодий” и т.д.⁷¹ Управление дворцовой вотчиной сосредоточивалось в приказной избе в Самаре. Местные уездные власти посылали в Рождествено, где находилась дворцовая “контора”, дворян и детей боярских, чтобы те лично досматривали за ведением дел.

Итоги развития феодальной собственности в крае в XVII в. Вотчинное хозяйство. К концу XVII в. картина феодального землевладения на территории Самарского края выглядела следующим образом. Большинство наиболее удобных для эксплуатации земель принадлежа-

ло церковно-монастырским феодалам. Светское землевладение получило широкое распространение в последние 15—20 лет на правобережье, в районе Сызрани. Дворцовые владения занимали локальную территорию в восточной части Самарской Луки. Ситуация изменилась в начале XVIII в., когда в ходе проведения секуляризационной политики управление бывшими монастырскими вотчинами взяло на себя государство.

Организацию хозяйства крупной феодальной вотчины лучше всего рассматривать на примере монастырских владений. В источниках достаточно полно освещены системы хозяйствования двух монастырей — звенигородского Савво-Сторожевского и московского Вознесенского. В обеих вотчинах были устроены городки с довольно мощным вооружением, здесь жили управляющие вотчинами — старцы, промышленники, приказчики, подьячие, слуги. Земельные угодья монастырей были неразрывно связаны с крупными рыбными ловлями и соляным промыслом. Если рыбные промыслы удовлетворяли в первую очередь внутренние потребности монастырской братии, имели потребительский характер, то соляной промысел давал в казну Савво-Сторожевского монастыря значительные суммы денег. В последней трети XVII в. до половины ежегодного монастырского бюджета покрывалось за счет средств, полученных от продажи соли. С течением времени все большее значение в хозяйствах с промысловым уклоном обретало земледелие. Получать все необходимое на месте — вот девиз феодальных предпринимателей. Обеспечивать население привозным хлебом оказывалось дорого и невыгодно, поэтому монастырские власти давали переселенцам землю. Особенно последовательны в переселении своих крестьян были власти Вознесенского монастыря. Все переведенные монастырем крестьяне наделялись землей, для собственных нужд им прирезался приусадебный участок. Население Надеинского Усолья было более разнородным: в основном бобыли и работные люди, кроме них — крестьяне, мастеровые, слуги, чуваша. Большинство пользовалось наделами земли.

Жители вотчин несли самые различные повинности. Почти во всех владениях получили развитие основные формы ренты. Однако к концу XVII в. начала преобладать барщина. Монастырская запашка распространилась в хозяйствах как с промысловым уклоном, так и с аграрным. В промысловых владениях широко распространилась феодальная повинность в виде оплачиваемого принудительного труда в рыболовстве и солеварении.

Несмотря на проникновение в поволжскую деревню товарно-денежных отношений, их развитие не выходило за рамки феодального уклада. Формирование крупного феодального хозяйства в период начального складывания всероссийского единого рынка, несомненно, должно было порождать фрагменты товарного производства, крупного предпринимательства, порой со значительным разделением труда. В целом же это формирование мирно вписывалось в структуру феодального способа производства. В отношениях между феодальной администрацией и зависимым населением получили развитие самые гру-

бые методы внеэкономического принуждения. Например, в грамоте жителю Надеинского Усолья говорилось, что в случае непослушания их старцу Л. Моренцову “быть им в жестоком наказании без всякой пощады”⁷². Приказчики, старцы, промышленники выступали полновластными хозяевами в феодальных владениях, могли творить любой произвол.

Вотчины и поместья в XVIII в. В первой трети XVIII в. распространение помещичьего землевладения в Среднем Поволжье происходило относительно медленно. В Самарском крае оно сосредоточивалось в его крайних северных районах и на Самарской Луке. На 1719 г., по данным первой ревизии, крепостных помещичьих крестьян не отмечено даже в правобережном Сызранском уезде⁷³, тем более их не могло быть в степных просторах Заволжья. Начиная со второй трети XVIII в., а главным образом во второй половине столетия, помещичье землевладение интенсивно расширяется в центральных районах края и на левом берегу Волги к югу от Самарской Луки.

В крае увеличился удельный вес крупных вотчин. Если в самом начале XVIII в. большинство помещичьих крестьян проживало в небольших владениях, то затем концентрировалось в крупных, среди которых выделялись вотчины князя А.Д. Меншикова в первой четверти века и графов Орловых во второй половине столетия.

В Среднем Поволжье А.Д. Меншиков имел вотчины в трех уездах: Казанском (Черемшанская волость), Саратовском (Новоспасская или Малыковская волость) и в Симбирском (Новоалександровская слобода, Новопречистенская, или Новодевичья, и Усольская волости в районе Самарской Луки). Эти вотчины были отписаны на его имя в 1705—1710 гг. преимущественно из владений разных монастырей и находились в его собственности до 1728 г. По сведениям первой ревизии, они включали 31 село и деревню, а в них 9402 души мужского пола.

Расчетливый и прижимистый хозяин, Меншиков чутко и гибко реагировал на новые веяния в экономике страны. Земли в его вотчинах активно включались в хозяйственный оборот. В поволжских владениях сохранились все прежние повинности крестьян, но общая доходность возросла. Например, возникали новые села и деревни, в которые переводились крестьяне из центральных губерний, что позволяло более интенсивно использовать природные богатства края. Крепостные Усольской, Новопречистенской, Новоалександровской волостей (6088 душ мужского пола) в 1727 г. должны были внести оброк на сумму 3739 руб., вспахать на барщине 706 десятин, скосить 1359 стогов сена. Кроме того, крестьяне обязывались выставить значительное число конных работников для конюшенного двора князя. Немало повинностей было связано с рыбным промыслом, имевшим важное хозяйственное значение. Например, к Усольской вотчине прилежали рыбные ловли “по Волге и Усе рекам и в озерах и в заливах”, которые давали в год доходу приблизительно 4,6 тыс. руб.⁷⁴ Князь Меншиков обложил оброком торговлю и промыслы своих крестьян. Развитие товарно-денежных отношений сказывалось и в замене натуральных повинностей и оброков денежными. Вотчинная администрация Усольской волости пря-

мо предлагала вместо отработок на барской пашне и конюшенном дворе ввести дополнительные денежные поборы с крестьян.

После конфискации имений опального князя в 1728 г. его поволжские вотчины отошли частично дворцовому ведомству, частично старым владельцам — монастырям. Новоалександровская слобода (Маза) была пожалована генералу Левашову в марте 1729 г.⁷⁵ Через 40 лет значительная часть бывших владений Меншикова (Усольская и Новопречистенская волости), а также ряд других казенных и дворцовых селений края оказались у графов Орловых.

В 1767 г. Екатерина II в сопровождении свиты путешествовала по Волге от Твери до Симбирска. Среди сопровождавших императрицу находились Григорий и Владимир Орловы. Из Симбирска Владимир отправился в Астрахань, по пути заглянув в села Новодевичье и Усолье. Здесь к нему присоединился Г.Орлов. “Брат Григорий приехал сюда на шлюпке, — отметил в своем дневнике В.Г.Орлов, — и ездил по полям осматривать места, которые ему очень понравились”⁷⁶.

Самарская Лука привлекала внимание Орловых еще до путешествия императрицы. Усольское имение было рекомендовано здешним помещиком А.Мещериновым как лучшее во всей России по обилию пашенных земель, лесов, лугов, рыбных ловель и прочих угодий. Убедившись в справедливости такой оценки, Орловы стали хлопотать о пожаловании им этих мест. В 1768 г. они выменяли свои разбросанные и малоземельные вотчины в нечерноземных губерниях на громадное компактное владение в районе Самарской Луки. В общей сложности братья получили тут более 300 тыс. дес. земли и 9574 души крестьян мужского пола. Им отошли такие крупные села, как Усолье, Новодевичье, Рождествено, Переволока, Аскула и др., с окрестными деревнями.

Государственные земли. Наряду с помещичьей в Самарском крае в XVIII в. была широко распространена государственная собственность на землю. За пользование казенными землями жившие на них крестьяне платили подати и несли повинности в пользу государства. Селения государственных крестьян встречались повсюду в крае. По данным третьей ревизии (1767), эти крестьяне составляли самую многочисленную группу сельского населения в здешних местах — более 28 тыс. душ мужского пола. Они принадлежали к разным сословным категориям: ясачным и черносошным крестьянам, отписным и “непомящим родства”, однодворцам и пахотным солдатам, новокрещенам и “иноверцам”. Пашни и угодья разных категорий государственных крестьян имели различный юридический статут, неодинаково обкладывались платежами и повинностями.

Одной из форм землевладения государственных крестьян являлись так называемые четвертные поместные земли, данные за службу предкам однодворцев и пахотных солдат — бывшим стрельцам, казакам, рейтарам и другим чинам старой, допетровской армии. На рубеже XVII—XVIII столетий служилые люди в Самарском крае имели до 45 дес. в каждом поле на одного человека, а на двор до 180 дес.⁷⁷

У ясачных мордовских, татарских, чувашских и русских крестьян существовало общинное землевладение. Их угодья, значительно мень-

шие по размеру, в большей степени были обложены различными повинностями. Еще одно отличие ясачных земель от однодворческих заключалось в запрете на их куплю-продажу.

В связи с переводом мелких служилых людей по указам 1718—1724 гг. в разряд государственных крестьян и наложением тяжелых казенных повинностей однодворцы и пахотные солдаты приблизились по своему положению к ясачным людям. Разоряемые многочисленными поборами, они начали распродавать свои земли. Общая площадь их землевладения в течение XVIII в. сокращалась. По Межевой инструкции 1766 г. земельный надел для всех категорий государственных крестьян не мог превышать 15 десятин на душу мужского пола. Часто же они имели наделы еще меньше. Соседи-помещики и напрямую захватывали у государственных крестьян их земли. Так, помещик В.Т.Куроедов отнял земли и угодий у новокрещен деревень Кирюшкиной и Нуштайкиной “вокруг верст на одинатцеть”, Ибрайкиной — “версты на три”, Верхней и Нижней Аверкиных — “верст на семнатцеть”⁷⁸.

В организации мирского самоуправления у государственных крестьян разных национальностей было много схожего, о чем писал современник: “Каждая деревня имеет своих начальников, которые учреждены по обыкновению российских крестьян. У них есть десятские, выборные, сотские и старосты. Десятник, выборный и староста бывают в одной деревне, но сотник иногда в трех или четырех деревнях один начальствует. Старостина и десятников должность состоит в отправлении всяких надобностей проезжающим. В их власти зависит собирать общий совет, собирать подушные деньги, решать неважные между крестьянами споры. Сотники, кроме обыкновенного суда, обязаны в случае надобности стряпать за свои деревни в присутственных местах, отвозить подушные деньги, отдавать рекрут и проч., почему сотники имеют некоторые от миру доходы. За них платят миром подушные деньги, гоняют подвод и делают на пашне помочь”. Крестьянское самоуправление имело парадоксально двойственное положение: одновременно выступало и в качестве низшего звена государственно-фискального аппарата, и как орган защиты интересов общинников от чиновничьего произвола, притеснений землевладельцев-дворян⁷⁹.

В 1764 г. была осуществлена полная секуляризация монастырских вотчин, т. е. переход в собственность государства. Монастырских крестьян передали под управление Коллегии Экономии, назвав “экономическими”, — так появилась еще одна категория государственных крестьян.

Дворцовые владения в XVIII в. Обширные территории в Самарском крае принадлежали в XVIII в. дворцовому ведомству. На правом берегу Волги они располагались в районе Самарской Луки и южнее Сызрани — до Саратова, в Заволжье лежали в нижнем течении рек Черемшан, Сок, Самара. Все эти земли находились вблизи самых удобных путей сообщения, изобиловали пашнями, заливными лугами, строевым лесом, рыбными ловлями и другими ценными угодьями.

В течение первых двух третей XVIII столетия центром дворцовых (собственно царских) владений в крае оставалось село Рождествено.

Под ведением местных властей оказались как близлежащие дворцовые селения — Выползово, Подгоры, Новинки, Брусяны, Моркваша, Царевщина, так и отдаленные — Ключищи близ Симбирска, Черемшанская волость на левобережье. В 1737 г. под ведение местных властей передали дворцовых крестьян, проживавших на территории Новодевиченской и Усольской монастырских волостей.

Возглавлял администрацию дворцовых владений управитель. Чин имел, как правило, невысокий, но полномочиями обладал широкими, причем на дворцовые земли и население не распространялась власть местных органов управления. Уездные воеводы Сызрани и Самары сносились с рождественским начальством как с равным по рангу. Последнее непосредственно подчинялось только Казанскому губернскому дворцовому правлению. Во второй четверти XVIII в. на должность управителя в Рождествено в разное время назначались поручик В.Неклюдов, стряпчий Н.Корякин, подключник А.Борноволоков, сержант гвардии Д.Лодыженский.

Управителю для ведения дел и содержания дворцовой канторы были приданы канцелярист, два “пищика” и сторож. Непосредственное управление осуществлялось через общинные органы крестьянского самоуправления и их должностных лиц — волостного и посольских старост, которых выбирал мир, но выбор этот требовал утверждения управителя.

Как административный центр дворцовой волости, Рождествено отличалось от окрестных селений комплексом казенных построек среди обычных крестьянских домов: “двор ея императорского величества, где жительство имеют управители” и приказная изба⁸⁰. Основное (“хоромное”) строение двора включало две “светлицы”, “черную” избу, амбар, соединенные друг с другом переходами-сенями. “Светлицы”, отведенные под жилье самого управителя, отличались от “черной” избы прислуги системой отопления. В них были сложенные из кирпича печи (одна изразцовая) с дымоходом, а в “черной” избе коптила глиняная печь без трубы.

Вне “хоромного” строения на дворе стояли отдельно кухня, баня, два погреба, двухъярусный амбар с навесом, конюшня, две избы при воротах — караульни. Двор обнесен крепким забором — это была, конечно, не крепостная стена, но достаточно надежная защита управителя от непрошенных жалобщиков или на случай серьезного возмущения здешнего люда. Вне ограды двора находилась приказная изба — сосновый пятистенок. Передняя часть избы называлась “судебной”, так как администрация дворцовой вотчины обладала не только исполнительной, но и судебной властью. “Освящали” это помещение три иконы, а дневной свет шел из трех больших окон с редкими для обычных жилых построек на селе слюдяными окончинами. Приказные служители восседали за двумя большими столами. Дела и прочие бумаги заполняли липовый шкаф и три липовых сундука. Задняя часть приказной избы представляла собой темный чулан без окон и называлась “колодницей”: туда при необходимости сажали арестантов, а принадлежностями ее были крепкая решетка, две железные цепи и кандалы.

Особое положение дворцовых земель влекло к ним беглых людей. Дворцовое ведомство, стремясь увеличить доходность подотчетных имений, что напрямую зависело от количества плательщиков подати, имело возможность укрыть беглецов и тем пополнить число царских крепостных. Иногда так поступало самое высокое государственное руководство. В 1706 г. из пензенских вотчин графа Г.И.Головкина было выслано несколько сот обнаруженных там беглых людей. Перевели их не на прежние места жительства, откуда они самовольно ушли, а в дворцовые села на Самарской Луке.

Приток беглых в дворцовые владения вовсе не означал, что там их ждала вольная и беззаботная жизнь. Эксплуатация здесь была немногим легче, чем в имениях помещиков или монастырях. В начале XVIII в., когда резко увеличился податный гнет в связи с тяжелой и разорительной Северной войной, бегство шло и из самой Рождественской волости. Переселенцы 1706 г. даже не строились, а просто заняли старые пустующие дворы ушедших крестьян.

Особенно сильное недовольство вызывала “государева десятинная пашня”, как называлась в дворцовых селениях барщина. На Рождественскую волость ее приходилось 500 десятин в одном поле при трехпольном севообороте. На каждую семью выпадала обработка одной десятины, отсюда и название “десятинная”. В коллективном челобитии жителей Рождествена, Новинок, Подгор и Выползова указывалось, “что та пашня стала им невмочь, потому что жили на той пашне с женами и детьми без съезду... потому что она земля от их сел и деревень в дальнем расстоянии”⁸¹.

Челобитье возымело действие. Крестьян освободили от отработок, десятинную пашню передавали в их пользование, но с условием уплаты большого дополнительного денежного сбора. Эту землю крестьяне получили не сразу, хотя деньги за нее вносили исправно, “без доимки”. Значительную часть бывшей “государевой” пашни захватили самарские помещики Вотмановы и Тимашев. Многолетняя подача новых челобитен с жалобами на помещиков завершилась в 1723 г., когда симбирский воевода Ф.Ф.Хрущев принял решение о передаче спорных земель “по 100 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по 500 копен с лесы в урочищах” дворцовым крестьянам⁸².

В 30-е годы XVIII в. дворянство добилося от императрицы Анны Ивановны ужесточения крепостного режима. Преследования беглых и их укрывателей перестали обходить стороной дворцовые владения. Так, в 1738 г. из самарской воеводской канцелярии затребовали крестьянина А.Шляхтина из Новинок для допроса и взыскания с него штрафа за держание беглого человека В.Карганова. Последнего в этом селе уже не было, но его владелица Д.М.Дмитриева в соответствии с законом требовала денег с укрывателя. На дворцовую администрацию, даже на соседей не могли теперь положиться ни беглец, ни тот, кто его приютил. Известны доносы, например, из тех же Новинок на своих односельчан, державших в доме подозрительных пришлых людей⁸³.

Недостаток земли и угодий вызывал в XVIII в. постоянные тяжбы между различными владельцами или держателями земель. Одновре-

менно со спором о бывшей десятинной пашне крестьяне Рождественской волости подали в 1722 г. жалобу на жителей ясачных деревень Ширяевские Вершины и Чаракаева, занявших их выпасы и покосы, порубив старые межевые знаки. Еще раньше по поводу тех же сенных покосов и примыкающих рыбных ловель волость судилась с самарскими горожанами. В 1736 г. вновь вспыхнул конфликт с Чаракаевой. Рождественский волостной староста В.Барышников предупредил свое начальство, что намерен сжать хлеб, посеянный соседями на незаконно, как он считал, занятой земле. Дело этим не ограничилось. Рождественские крестьяне захватили в соседней деревне уже собранный со спорного поля хлеб и для острастки даже спалили два двора.

Внутри одной общины-волости подобные споры решались мирским согласием, без вмешательства судебных и административных органов. Не случайно новый волостной староста А.Летин предлагал решить застарелый земельный спор включением ближних ясачных деревень в число дворцовых владений. Объединение этих селений позже произошло, но не по крестьянской задумке, а в вотчине Орловых.

Впрочем, земельные конфликты вовсе не определяли взаимоотношения крестьян Среднего Поволжья, среди которых не существовало вражды по национальному, сословному или религиозному признаку. “Согласие сих различных жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни же за какие-либо дела”, — писал о здешнем многонациональном крестьянстве академик Фальк⁸⁴.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Земледелие и скотоводство в XVII в. На протяжении всего XVII в. территория Самарского края условно делилась на два обособленно развивающихся сельскохозяйственных района. В степном левобережье господствовало экстенсивное животноводство, культивируемое башкирами, ногаями и сменившими их калмыками. На Самарской Луке, а с середины 80-х годов XVII в. во всем Самарском правобережье преобладало земледелие.

Складывание земледельческой области обуславливалось освоением края русским, мордовским и чувашским населением. Первые упоминания о земледелии можно обнаружить в архивных документах, относящихся к 1620-м годам. Однако значительно раньше, уже в XVI в., мордва и чуваша пахали на правобережье землю “наездом”, оставляя после себя многочисленные пустоши.

После неплодородных “серых” земель Центра черноземы Самарского Поволжья казались переселенцам сказочно богатыми. Недаром еще И.Пересветов территории за Казанью называл “подрайскою землецей”. Значительно позднее, в 1664 г., симбирский воевода И.Дашков сообщал в Москву: “...а земли в тех местах [Симбирского уезда] самые добрые”⁸⁵.

К Самарской Луке подобные определения относились в меньшей степени. Слишком много было здесь территорий с каменистыми щебенчатыми выходами, бедными “серыми” черноземами. Недаром даже

межевщики XVII в. называли эти земли “средними”. Более плодородные почвы залегали вокруг Сызрани, в Надеинском Усолье.

Нехватка удобных для земледелия угодий начала сказываться в Самарском уезде уже во второй половине XVII в. В конце столетия ощущалось аграрное перенаселение восточной части Самарской Луки: в среднем на один крестьянский двор приходилось около четырех с половиной—пяти десятин пашни в одном поле, чего явно не хватало⁸⁶. Значительно благополучнее обстояло дело в Сызранском правобережье с его переизбытком свободных земель.

Первые поселенцы, феодальные собственники земель принесли в осваиваемый район старую культуру земледелия, традиционную для природных условий малоплодородного Центра. Власти центральных монастырей пытались жестко регламентировать все сельскохозяйственные работы в своих новоприобретенных вотчинах. Для этого местным управляющим рассылались подробные указы, требовавшие обязательно придерживаться трехполья, следить за тем, чтобы яровое, озимое и паровое поля были одинаковы по размеру. Крестьянам вменялось в обязанность “пахать все три поля сряду, в одном месте”, специально оговаривалось, чтобы они “хлеб сеяли вовремя, средним севом, ни часто, ни редко”⁸⁷. Смысл подобных наказов очевиден: монастырские старцы пытались закрепить веками выработанную практику земледельческих работ в своих новых владениях.

Однако на местах эти требования постоянно нарушались, поскольку сельское хозяйство, естественно, живым порядком приспосабливалось к местным условиям.

Несмотря на то что с самого начала освоения в Самарском крае господствовало трехполье, оно при избытке земель успешно соседствовало с перелогом. Документы того времени пестрят терминами типа “пахотный лес”, “пашня, лесом поросшая” и т.д. При первоначальном излишке свободных земель земледелец, выработав один участок, мог свободно прирезать себе дополнительный “порозжий”. Зачастую не соблюдалось правильное чередование полей в трехполье, не выдерживались размеры отдельных полей.

Для многих жителей края земледелие сочеталось с промысловыми работами. Недостаток хлеба восполнялся другими продуктами, а на вырученные деньги можно было подкупить зерно.

Богатые почвы не требовали такого тщательного ухода, как малоплодородные земли Центра, поэтому значительно упрощалась технология обработки пашни, экономились трудовые затраты.

В новом краю земледелец, особенно из Центра, попадал в совершенно иные климатические условия. Резко континентальные особенности накладывали свой отпечаток. Неурожаи были частым явлением, то и дело земледельцы жаловались: “...ржи не родилось, оборотилась травой метликою да лебедю”, хлеба не было “от великой засухи”⁸⁸. Доныне Среднее Поволжье относят к регионам с рискованным земледелием. Если в центральных районах России настоящей бедой для земледельца были постоянные дожди, заморозки, холодное лето и ранняя зима, то здесь самым страшным врагом считались солнце и устойчивые засухи.

Средневековое русское земледелие во многом зависело от климатических особенностей, причем климат средневековья не совпадал с современным. Ученые-климатологи установили, что в XII—XVIII вв. на всей Европейской равнине было гораздо холоднее, чем ныне. Долше держался снежный покров, более холодным было лето, раньше становились реки. Для климата той эпохи был даже придуман специальный термин “малый ледниковый период”⁸⁹. Русский человек того времени привык жить в более суровых условиях, чем современный...

И все же неурожаи, как правило, выпадали частичными, сезонными. Лишь изредка погибали все высеянные культуры — и озимые и яровые. С частичными неурожаями успешно боролись с помощью взаимозаменяемости основных зерновых культур. Главными из них являлись рожь и овес.

Рожь, составлявшая до половины всего высеваемого хлеба, была единственной озимой культурой. Яровой клин более чем на 50% засевался овсом и значительно меньше ячменем и пшеницей. Все остальные зерновые культуры — полба, просо, гречиха оказывались несущественными в рационе сельчанина.

Упрощение технологии, постоянные недороды влияли на урожайность. Обычно она оставалась на уровне средней по стране — сам-3, сам-4, хотя временами по отдельным культурам достигала сам-8, сам-10 и более⁹⁰. Урожайной на землях Самарского края оказалась рожь: при высеве она составляла около половины всего посевного зерна, при сборе урожая ее доля доходила до 60—70%. Не зря русский человек величал ее ласково и уважительно: “рожь-кормилица”, “рожь-матушка”.

Земледельческие селения, как правило, полностью обеспечивали себя хлебом. Большие запасы зерна обычно накапливались в крупных монастырских и дворцовых вотчинах. Например, промышленники Надеинского Усолья даже к новому урожаю не могли использовать весь хранившийся хлеб, а его в закромах оставалось до 600 четвертей⁹¹. Зерна на продажу хватало даже в неурожайные годы. В голодные 1703—1705 гг. крестьяне Вознесенского монастыря потребовали отдать им овес из амбара, “который почат для продажи прошлые лет четвертей с полтора”⁹². Хлеб этот обычно продавался на Яик казакам или в Самаре и другие понизовые города.

Хозяева владений, где преобладали промысловые отрасли хозяйства, в последней четверти XVII в. большее внимание начали уделять развитию собственного земледельческого производства. Для обеспечения промысловиков хлебом появилось крестьянское население, земледелие для которого выступало основным занятием. Кроме того, пахотные участки раздавались семьям работных людей и бобылей, вводилась собственная владельческая запашка. В результате к концу столетия потребности населения промысловых владений в продуктах земледелия удовлетворялись за счет местных ресурсов.

И все же до самого конца XVII в. земледельческая округа не имела возможности накормить свой уездный центр. Хлебное жалованье в Самаре по-прежнему завозилось сверху, по Волге.

У оседлых земледельцев края животноводство являлось второстепенным, подсобным занятием. Крестьянские и бобыльские хозяйства обязательно держали одну или несколько лошадей, коров, овец, коз. Нередко из-за сенокосов, выпасов, прогонов на водопой между жителями отдельных селений случались споры, так как удобных мест не хватало. В описаниях феодальных владений среди прочих угодий обязательно упоминались “сенные покосы”. Наилучшие выпасы для конских табунов лежали в пойме Волги, на богатых заливных лугах.

В документах о поместных дачах, крестьянских наделах постоянно упоминается приусадебная земля. Однако, какие овощные культуры разводили в XVII в. на этих участках, неизвестно.

В начальный период освоения края, в конце XVI — первой половине XVII в., полупустынные, залесенные пространства правобережья и отчасти левобережья использовались мордвой и чувашами Алатырского, Темниковского и других уездов в качестве бортовых урожаев, бобровых гонгов, охотничьих угодий. Так же использовали левобережье башкиры.

Полеводство и скотоводство в XVIII в. В XVIII в. сельское хозяйство Самарского края развивалось в тесной связи с процессом освоения его территории. В начале столетия пашенное земледелие встречалось лишь на правобережье и в районе старой Закамской черты, а в Заволжье его практически не было. Описания, представленные в 1728 г. Сенату, свидетельствуют о том, что даже в окрестностях Самары, где “к пашне и севу хлеба места весьма удобные, пространные, но хлеба в севе не происходит за частыми набеги неприятельских людей каракалпак и протчего басурманского народа”. По мере заселения Заволжья крестьяне начинали использовать его плодородные земли, и в течение XVIII столетия земледелие в крае распространилось практически повсеместно. Площади под пашней увеличились во много раз.

Ведущее место в сельском хозяйстве края заняло в XVIII в. хлебопашество. Основными зерновыми культурами оставались рожь и овес, но заметно расширились посевы под пшеницей, ячменем, просом, гречихой, полбой, горохом. Из технических культур распространение получили лен и особенно конопля. Урожайность зерновых культур доходила до сам-5, сам-6, на целине же достигала сам-15, да и в среднем держалась несколько выше, чем в центральных районах страны. Объясняется это плодородностью почвы, еще не истощенной многовековой эксплуатацией.

Известный ученый и путешественник П.С.Паллас, посетивший в 1769 г. “Самарскую страну”, неоднократно отмечал “способные”, “преизрядные тучные земли”⁹³. Даже на рубеже XVIII—XIX вв. подчеркивалось, что земля в округе Самары “и без удабривания... производит обильно” разные “произращения”⁹⁴.

Однако и на черноземных землях “выпахивание” земель постепенно, но заметно снижало урожайность. Способом восстановления плодородия почвы там, где не применялись органические удобрения в трехпольном севообороте, оставался перелог. “А случаетца которая земля будет худо родить хлеб, то земледельцы оную на несколько лет

пахать оставляют и пускают в залежь, а вместо той земли распахивают вновь степи, а потом по прошествии нескольких лет ту запущенную залежь по-прежнему распахивают и сеют на той хлеб, и чрез то поновление землям делают”⁹⁵. Это, конечно, не обычная переложная система, так как земли, поднятые из залежи, находились в трехпольном севообороте, что удлиняло срок использования распаханной земли. Залежно-переложная система имела определенные достоинства. При перелогe сохранялась прекрасная структура почв, отсутствовали сорняки. Однако такая система чересчур экстенсивна, поскольку значительная часть земли лежит втуне. При увеличении плотности населения, к чему вели естественный прирост и миграции, залежно-переложная система неизбежно вытеснялась классическим трехполем.

На черноземах Поволжья крестьянин выигрывал не столько за счет повышения урожайности с определенной площади, сколько за счет того, что показывал производительность труда в 2—4 раза выше, чем в районах с менее благоприятными условиями (Север, Нечерноземный Центр и т.п.)⁹⁶. Затраты труда земледельца тут были ниже, потому что не вывозился навоз и применялась мелкая одноразовая вспашка, часто без боронования, против двух-трехразовой при тщательном бороновании в нечерноземной зоне. Поверхностная, “облегченная” обработка имела свои отрицательные последствия: плодородный слой быстро выпаживался.

Тем не менее экстенсивная агротехника являлась неизбежным этапом освоения новых земель на юге лесостепи и в степи. Она соответствовала недостаточной экономической мощности хозяйства крестьян-переселенцев, позволяла получать при минимальных затратах урожаи, обеспечивающие воспроизводство, и даже расширенное воспроизводство этого хозяйства. Сравнительно низкие затраты труда позволяли поволжскому крестьянину вводить в хозяйственный оборот больше земель, чем мог его собрат в центральных районах России. Это было необходимо, так как континентальный характер климата Самарского края подвергал труд земледельца большому риску. Простое увеличение площадей, засеянных одной культурой, или более тщательная обработка почвы под одну культуру не снижали степени риска. Выход состоял в засеве нескольких участков одновременно разными хлебами, по-разному переносящими засуху, заморозки на почве, болезни и т.д. Практическое применение этого способа отмечено И.И.Лепёхиным у крестьянского населения по реке Черемшан⁹⁷. Но это означало, что и потребности в земле у поволжского крестьянства были выше, чем в центре, на севере или западе России.

Основными сельскохозяйственными орудиями в помещичьем и крестьянском хозяйстве оставались соха, борона, серп и коса. Для подъема новых земель использовался плуг или его поволжская разновидность — сабан. Правда, работа с ним требовала от трех до пяти-шести лошадей, что оказывалось под силу зажиточному крестьянину.

Ради справедливости надо сказать, что хозяйств, богатых скотом, хватало в крае, где еще в изобилии имелись пастбища и сенокосы. Местный землевладелец и ученый-агроном П.И.Рычков писал: “О крестья-

янах государственных и помещичьих вообще сие можно объявить, что безлошадных между ними очень немного здесь сыщется, наибольшая часть таких, кои по две и по три лошади имеют, а нередко и такие находятся, у коих от 10 до 20 и больше бывает. Протчей скот и птиц содержат каждой по силе своей и по возможности”⁹⁸.

Не хуже были обеспечены скотом земледельцы из военно-служилых сословий. О черкассах из Кинельской слободы сообщал П.С.Паллас: “Для скотоводства имеют они в степи построенные скотные дворы. Наипаче держат они много рогатого скота и в полевую работу по большей части употребляют быков, хотя иные мужики имеют у себя по 20 и 30 лошадей; также овечьи стада многочисленны, и некоторые хозяева содержат у себя до четырех сот овец”. Он же упоминает о скотных дворах самарских казаков⁹⁹.

Огородничество и другие сельскохозяйственные занятия. Большую роль в сельском хозяйстве края в XVIII в. играло огородничество, которым занимались и в селе, и в городе. “Каждый деревенский житель при дворе своем огород имеет”, — сообщал Рычков¹⁰⁰. Еще в 1728 г., по сведениям симбирского воеводы, в окрестностях Самары, Сызрани, Алексеевки сажали дыни, арбузы, огурцы, тыквы, редьку, морковь, свеклу, капусту, хрен, репу. Этот набор огородных и бахчевых культур был характерен и для других районов Самарского края на протяжении столетия. Впрочем, репа в сельской местности считалась не огородной, а полевой культурой до тех пор, пока ее не вытеснил с полей картофель. Но это время еще не наступило. В 60-е годы XVIII в., как ясно из ответов в Вольное Экономическое Общество, о картофеле в здешних местах было совершенно “не известно”¹⁰¹.

Из теплолюбивых растений, кроме арбузов, самарские жители культивировали стручковый перец, а украинцы Кинель-Черкасской слободы — табак. Во второй половине XVIII в. огородничество в Самарском крае приобрело в значительной мере товарный характер. Гораздо меньше развилось садоводство. Исключением являлась Сызрань, где разводились хорошие яблоневые сады.

В XVIII в. продолжал бытовать бортный промысел, особенно у мордвы. Но он постепенно заменялся пасечным пчеловодством, прежде всего у татарских и русских крестьян, там, где ощущался недостаток “дерев, которые для бортей потребны”¹⁰².

Следует отметить благотворное воздействие на сельское хозяйство края обмена трудовыми навыками между населявшими его народами.

РЫБОЛОВНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Промысловая Волга. Рыбные богатства. Рыбные богатства Волги издавна манили русских людей. Московские рыболовы появились на Нижней Волге уже в XIV-XV вв. Первое по-настоящему информативное сообщение о русском промысловом рыболовстве в Самарском Поволжье встречается в “Казанской истории” и относится к 1521 г., когда бывший казанский “царь” Шигалей бежал в Москву, “ведуща с собой болши 10000 рыболовов московских, ловящих рыбу на Волге под гора-

ми Девичьими и до Змиева камня и до Увека [примерно от Жигулей до Саратова], за тысячу верст от Казани заехавше, тамо живяху все лето, на Девичьих водах ловяху рыбу и в осень возвращахуся на Русь, наловившись и обогатевши... Они же лодии свои, и мрежи, и рыбы, и все свои запасы огню и воде предаша, а сами поидоша полем..."¹⁰³.

Однако широкомасштабное развитие промыслового рыболовства на Средней и Нижней Волге началось только во второй половине XVI — начале XVII в.

Карл Бэр, знаменитый исследователь рыболовства в России, писал во второй половине XIX в.: "Только от Казани Волга заслуживает славу богатой рыбою реки... По изобилию рыбы можно разделить Волгу на 3 части: на верхнюю Волгу, на среднюю (от устья Камы до Царицына) и на нижнюю — от Царицына до впадения ее в море"¹⁰⁴. Волжские воды, лежащие в пределах Самарского края, считались изобильными самыми ценными сортами промысловой рыбы, но, разумеется, уступали астраханским ловлям.

Волга от устья Камы до Каспия, а также Яик во второй половине XVI—XVIII в. считались основными поставщиками рыбы в стране, особенно наиболее ценных сортов. О преобладании волжской и яицкой рыбы в этот период свидетельствуют материалы о коммерческих оборотах крупнейших торговых центров страны: Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Макарьевской ярмарки¹⁰⁵. В Волге из года в год ловилось громадное число осетровых, прежде всего осетров и белуг, чуть меньше севрюг. Их делили на несколько сортов, основным критерием сортности выступали размеры выловленной рыбы. Стандартом считалась так называемая мерная рыба. Отклонение от стандарта в ту или иную сторону оплачивалось очень несоразмерно. Например, полурыбный осетр, хотя бы несколько меньше мерного, оценивался дешевле в несколько раз! Волга давала несметные уловы стерляди, признанной одной из самых вкусных в стране. К лососевым, ныне практически исчезнувшим из волжских вод, относились лосось и белая семга, называемая белорыбицей. Лосось уже в то время попадался довольно редко, как правило, зимой и в начале весны. Уловы белорыбицы, напротив, были весьма богатыми, в отдельные сезоны XVII в. ее добывали на промыслах Самарского Поволжья значительно больше, чем любой другой промысловой рыбы. Вся перечисленная рыба считалась деликатесной, ей придавали особое значение.

Прочая волжская рыба, от сомов, судаков до плотвы с сельдью, ценилась гораздо ниже, звалась частичковой (кроме сомов) и не имела широкого спроса.

Размах рыболовства на Волге, низкие цены на рыбу буквально изумляли современников, и прежде всего иностранцев.

Предприниматели не смогли сразу оборудовать долговременные промысловые предприятия на Волге. Поначалу им пришлось ограничиться сооружением временных построек по волжским островам, использовать для хранения запасов и оборудования рыбные дворы в прибрежных городах, удаленных от районов промыслов. Волжскую рыбу требовалось не только поймать, но и сохранить, переработать, довести,

что называется, до покупателя. С помощью летних времянок трудно было обеспечить все эти операции, не говоря о широкомасштабном производстве. Постройки то и дело сносило во время половодья, их разоряли казаки и кочевники. Только постоянные рыболовецкие центры — рыбные дворы, расположенные рядом с промысловыми водами, на собственной вотчинной земле, поблизости от постоянных селений, позволяли обеспечить стабильный производственный цикл. Именно такие центры создали во второй половине XVII — начале XVIII в. подавляющее большинство крупнейших монастырей России, занимавшихся рыбным промыслом в пределах края.

Наиболее мощной производственной базой обладал Савво-Сторожевский монастырь. В последней четверти XVII в. он владел тремя рыбными дворами: в селе Жигулевка, Переволокской слободе и на Лопатинском острове. Немного позже монастырь основал еще один рыбный двор, расположенный на Васильчиковом острове. Московский Новодевичий монастырь в этот же период построил два крупных двора в Новопречистенской слободе и Белом Яру и два сравнительно небольших рыболовецких стана на Бушуйском острове и на Атрубе¹⁰⁶. Сравнивая рыбные дворы церковных и светских промышленников второй половины XVII — начала XVIII в. с описаниями подобных сооружений XVIII — первой половины XIX в., можно видеть, что они очень схожи. Выросли масштабы производства, количество рабочей силы, но сам технологический процесс, специфика оборудования, профессиональный уровень промысловых работников почти не изменились¹⁰⁷. Развитие производительных сил в этой отрасли народного хозяйства шло очень медленно.

С основанием постоянных рыбных дворов и соседствующих поселений предприниматели смогли организовать добычу рыбы на протяжении всего года, так называемый “повсегодный промысел”. Год делился на несколько промысловых сезонов, или путин. Первая, весенняя путина начиналась сразу же после вскрытия Волги и длилась примерно до середины мая, до половодья. Она приурочивалась к весеннему ходу рыбы на нерест и давала большую часть улова красной рыбы — осетров, белуг, севрюг, стерляди, белорыбицы. Летнюю путину — примерно с середины июля до середины августа — и осеннюю — с середины августа до начала декабря — промысловики не разделяли и считали за одну. Зимой ловили подо льдом лосося, практически весь годовой объем, немного красной рыбы, белорыбицы и частика. Половодье считалось непромысловым.

Рабочая сила и орудия труда. Больше всего людей было занято непосредственно в добыче рыбы, ее ловле. Если на первых порах подавляющее большинство работников нанималось будучи вольными, то впоследствии удельный вес феодально-зависимого населения значительно вырос.

Рабочая сила применялась различно. В основном на ватагах рыбу ловили подрядные рыбные ловцы — свободные вольнонаемные люди, заключавшие с местной администрацией “ряд”, или рядную грамоту. Согласно этому документу, нанимаемый обязывался за определенный

срок выловить обозначенное в договоре в стоимостном выражении количество рыбы. Рыболов-подрядчик брал в аванс значительную сумму денег, как правило превышающую половину договорной. Хозяева промыслов кормили подрядных ловцов, обеспечивали их жильем. Оценка выловленной подрядчиками рыбы производилась по довольно стабильным на всем протяжении второй половины XVII — XVIII в. закупочным ценам. Например, один выловленный мерный осетр стоил 12—15 коп. тогдашними деньгами, мерная белуга — от 17 до 25 коп. Закупочные цены на средневожскую рыбу были гораздо ниже, чем на других промыслах. В основном подрядные ловцы, точнее их можно назвать мелкими ремесленниками, промышляли своими снастями и лодками. Количество подрядных рыболовов в Самарском Поволжье летом составляло несколько тысяч человек. Особого разделения труда между ними не практиковалось¹⁰⁸.

Гораздо реже предприниматели нанимали рабочих людей ловить рыбу с помощью орудий труда хозяина. Власти Новодевичьего монастыря, чтобы обслужить собственные громадные неводы, нанимали для работы с каждым таким неводом целую бригаду от 12 до 22 человек. Наиболее квалифицированными в этих бригадах были неводчики и пятчики (заносившие пятку — конец невода)¹⁰⁹.

В меньшей степени использовался труд наемных людей, ловивших “на песках” из “третьей рыбы”, и крестьян, промышлявших “исполу”. При таком лове часть рыбы отдавалась хозяину, а другую в виде натуральной оплаты за свой труд получал рыбак.

При этом использовались самые различные орудия труда. В отличие от Нижней Волги, и особенно ее дельты с многочисленными протоками, в Самарском Поволжье нерационально было строить учуги и езы — протяженные бревенчатые стены, перегораживающие небольшие протоки и направляющие рыбу в специальные ловушки; крупные учуги представляли собой весьма сложные сооружения с громоздящимися на помостах над водой избами, амбарами и т.д. В Среднем Поволжье основным орудием рыбной ловли являлись невода, стрежневые или частичковые. Первые, их размеры достигали 400 сажен, использовались, “как вешняя вода сойдет” и до поздней осени. Ими ловили осетровых, белорыбицу и стерлядь. Такие же невода, но меньших размеров, около 200 сажен, применялись для добычи белорыбицы. Это были орудия лова с крупными ячеями. Вторые — более мелкочастые, или частичковые, невода, длиной до 200 сажен, применялись для лова частичковой рыбы. Неводами ловили и зимой, подо льдом.

Неводные снасти описанных размеров характерны для Среднего и Нижнего Поволжья и в основном превышали невода, использовавшиеся в других районах страны.

Все прочие средства для лова рыбы были чрезвычайно разнообразны. Могли вести промысел “неводами и оханами, и сетями, и кормачною, и костылевою, и юртовою, и плавными связочными и летними и зимними ловлями и иными всякими снастями”¹¹⁰. Одним из основных орудий в весеннюю путину были оханы (или аханы) — ставные сети, использовавшиеся для лова ценных сортов рыбы. Из сетных сна-

стей применялись также плавные связочные сети. Значительная часть осетровых, лососевых и стерлядей вылавливалась самоловами. По способу лова — в ванды — часть стерляди так и называлась — вандовой. Одну из самых ценных и редких рыб Средней Волги — лосося ловили только зимой и, как правило, на удочки, “кармашной снастью”.

Для передвижения по воде на ватагах имелось множество плавных средств: неводников, романовок, разъезжих лодок и т.д.

Рыбные дворы. Переработка улова. Центрами рыболовецких промыслов были, как уже указывалось, рыбные дворы. На них производилась обработка выловленной рыбы, получение из нее полуфабрикатов и готовых продуктов, хранение, подготовка к продаже и перевозке в другие районы страны. Крупный рыбный двор представлял собой весьма сложный комплекс сооружений. Порой одновременно с производственными он нес еще и оборонительные задачи, поэтому нередко такие дворы называли рыбными городками. Обязательным атрибутом рыбного двора являлся плот площадью до 200 кв.м. Это был дощатый настил, основанием которого оказывались вбитые в речное дно сваи или пришедшие в негодность струги. К плоту причаливали рыболовецкие лодки с уловом, начиналась выгрузка рыбы, ее оценка, распределение по сортам. Крупная рыба разделялась здесь же, на настиле. Все остальные строения рыбного двора были огорожены забором и представляли собой более десятка внушительных сооружений: изб, амбаров, сараев, чуланов, ледников, сушил, поварешен и т.д. В состав очень крупных дворов входили конюшни.

Пожалуй, основной операцией на рыбных дворах являлось соленье рыбы, в основном с использованием астраханской соли. Особого внимания при этом требовала красная рыба, солившаяся при низких температурах в специально устроенных ледниках — чуланах, земляночных или полуземляночных помещениях, где с зимы запасали снег, а по краям ставили большие ящики с хранящейся в рассоле рыбой. Части, не требующий низких температур, хранился в теплых помещениях. Солению подвергалась, как правило, основная доля улова. Немало коптилось — так называемая мтевая рыба — и вялилось. Для вяления традиционно рыбу нанизывали на бечевы и вывешивали в открытых по бокам сараях.

Профессиональных навыков требовало приготовление икры. На астраханских учугах выделялся и высоко оплачивался труд специального икряного мастера. В Среднем Поволжье, где промысел велся в меньших размерах, такая профессия использовалась реже. Наиболее ценные сорта икры добывались из осетра и белуги. Количество получаемой икры исчислялось тысячами пудов. Только на рыбных дворах Новоспасского монастыря в начале XVIII в. было получено за сезон около 700 пудов “икры зернистой черной белужьей и осетровой”. Под надзором промыслового руководства выделялись самые различные сорта икры: зернистая, мешечная, армянская и т.д.

Среди отдельных операций на рыбных дворах следует выделить приготовление клея (клей из волжских осетровых ценился очень высоко во всех районах страны), жира, вязиги, кавардака и т.д. Жир вытап-

ливали из стенок плавательного пузыря; тонкие нити вязиги, собираемые затем в пучки, добывали из хребта осетровых. Кавардак означал мелко нарубленную и сваренную в больших котлах рыбу.

Сравнительно небольшую часть рыбы, так называемую садочную или запорную, выпускали в специально загороженные протоки или озера, а затем, когда требовалось, отлавливали и увозили свежей, живой, либо морозили. Зимнюю рыбу и весь улов лосося, как правило, замораживали.

В отличие от ватажского промысла рыбы, где широко использовался вольнонаемный труд, на рыбных дворах работали в основном подневольные люди. Но эти феодально-зависимые, практически крепостные, работники получали за свой труд деньги.

Профессиональный уровень занятых на рыбных дворах был невысок. В XVII в. среди них можно выделить только одну профессию — рыбного разделщика, в следующем столетии к ней прибавились еще две — копильщика и продельщика, получавших более высокую заработную плату. Переработкой рыбы занималось гораздо меньше людей, чем ее добычей. Рыбные дворы Надеинского Усолья, например, ежегодно использовали труд 25—30 человек¹¹¹. Кроме денежной оплаты, предприниматели должны были столовать рабочих людей за свой счет.

В отличие от ватаг, где для выполнения тяжелой физической работы требовались мужчины в расцвете жизненных сил, на рыбных дворах могли подрабатывать женщины и даже дети.

Промысловое оборудование постоянно требовало ремонта. Закупались неводная пряжа и дели — большие куски уже сплетенной сети, бечева, бочки и лагуны, удное железо. Снасти целиком покупались довольно редко, их старались производить на месте из полуфабрикатов. Большие струги и неводники приобретали в верховьях Волги, а мелкие суденышки изготавливались здесь же на промыслах. Местные плотники, кузнецы, бочкари ремонтировали сараи, ледники, плот, лагуны, якоря и т.д.

Экономика промысла. В конце XVII в. пять крупнейших монастырских промыслов Среднего Поволжья давали рыбы и рыбных припасов в московских и нижегородских продажных ценах на сумму более 10 тыс. руб. По этому показателю они не уступали крупным дворцовым рыболовецким хозяйствам Нижнего Поволжья, значительно превосходили промыслы русского Севера, но не могли соперничать с астраханскими и яицкими учугами¹¹². Чистая прибыль средневожских промыслов составляла 4—4,5 тыс. руб. На один затраченный рубль приходилось от 1,5 до 2,2 руб. прибыли.

Операции по перевозке рыбы, доставке ее к потребителям, продаже рассматривались промысловой администрацией одними из важнейших. Наиболее выгодной для промышленников была продажа рыбы непосредственно на рыбных дворах, и не только для транзитных, проезжавших мимо по Волге торговцев. У каждого промысла, следует предположить, были свои постоянные заказчики — московские, нижегородские и казанские торговые люди, которые прямо на промысле

покупали свежую, недавно выловленную рыбу, мороженую зимнего и осеннего сезонов, практически весь улов стерляди, частик, часть солевой рыбы. Местные цены на рыбу были значительно ниже московских или нижегородских, но, несмотря на это, промышленники, реализуя ее в Самарском Поволжье, все-таки выигрывали, потому что экономили на перевозках.

Все же большая часть рыбы для продажи вывозилась в Нижний Новгород, на Макарьевскую ярмарку, а если и там на нее отсутствовал спрос, то ее везли еще дальше, в Москву. Каждая такая поездка была весьма значительным событием в жизни промысла.

Экспедиции с рыбой в Нижний Новгород отправлялись в конце августа — начале сентября на стругах. Поездки такие окупались сполна: на один рубль затрат приходилось до 2 руб. прибыли¹¹³.

Если закупочные цены на рыбу в течение длительного времени оставались на одном и том же уровне, то продажные постоянно росли, следовательно, возрастала степень эксплуатации рабочих людей.

Порой средневожские предприниматели не удовлетворялись количеством рыбы, выловленной на Волге, и отправляли торгово-промысловые экспедиции на Яик. Поездки к казакам случались, как правило, зимой. Самарские воеводы постоянно жаловались, что к монастырским людям, которые имели право перевозить рыбу беспошлинно, присоединяются торговцы, не имеющие такой льготы. Зачастую обозы насчитывали до 500—600 подвод.

Цены на рыбу, скупаемую у казаков, были еще ниже, чем на Волге, и поэтому при всех дорожных издержках предприниматели получали значительную прибыль.

Промысловое рыболовство на Средней Волге являлось не просто массой разрозненных предприятий. В XVII в. здесь, как и на Нижней Волге, а еще раньше в Поморье, сложился один из крупнейших центров снабжения всей России наиболее ценимой промысловой рыбой, возникли большие по масштабам средневекового общества предприятия, относящиеся к типу крупной кооперации.

СОЛЕВАРЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО СЕРЫ

Соляной промысел. Наиболее крупными предприятиями, организованными по типу мануфактурного производства, на территории Самарского Поволжья в XVII — первой половине XVIII в. являлись соляной промысел и серные заводы.

Соль добывалась на территории Надеинского Усоляя, в нижнем и среднем течении маленькой речки Усолки, там, где из-под гор били соляные ключи. Ее получали здесь на протяжении тысячелетий, начиная с бронзового века, однако по-настоящему крупное производство организовалось ярославцем Надеей Светешниковым в 30-е годы XVII в. Затем промысел перешел к Савво-Сторожевскому монастырю, а в начале XVIII в. заглох, — соляным рассолом для своих нужд тайком пользовались одни местные крестьяне.

Светешников, владелец крупных соляных предприятий во многих соледобывающих районах страны, организовал производство по передовому тогда “пермскому типу”¹¹⁴. Судя по имевшемуся на промысле оборудованию, соледобытчики намеревались бурить в долине Усолки глубокие скважины, до нескольких десятков и даже сотен саженей. С большей глубины добывали обычно более крепкие рассолы. Однако глубокое бурение не дало ожидаемого результата. Залежи каменной соли и линзы, заполненные насыщенным соляным рассолом, находились далеко в стороне от соляных ключей; соленосные же потоки, спускавшиеся под землей параллельно руслу Усолки, имели небольшую мощность. Поэтому после нескольких неудачных забуров в Надеинском Усолье пришлось устраивать неглубокие скважины в местах выхода из-под земли соляных ключей. П.С.Паллас и И.И.Лепехин при осмотре остатков промысла насчитали шесть колодцев-скважин и установленных в них дубовых труб для выкачки рассола¹¹⁵. Однако, учитывая количество имевшихся источников, таких колодцев могло быть значительно больше.

Устройства для выкачки рассола из колодцев, трубы для подачи его в варницы и в специальные лари для хранения практически не отличались от подобных сооружений на других промыслах страны. Крепость добываемого из-под земли рассола составляла около 5% и, хотя значительно отставала от таких же показателей в Соли Камской или Серегове, была значительно выше, чем на промыслах старого центра России. Из-за большого количества примесей рассол выглядел мутным, а качество вывариваемой соли не признавалось высоким.

Главное действо при получении соли происходило на варницах. При Светешниковых на промысле насчитывалось десять варничных мест, хотя одновременно никогда не работало более шести. В описаниях Усолья встречаются упоминания о варницах, “запустевших в степи”, рядом со степным городком. Видимо, одно время промысел велся не под самими горами, а несколько южнее, на большем удалении от Волги. Каждая варница имела свое имя: “Любим”, “Хорошава”, “Волга” и т.д. При перестройке варниц, переносе их на новые места старые названия за ними сохранялись. В последней четверти XVII в. число работающих варниц сократилось до четырех.

Обычным для средневековой русской варницы было размещение ее в одном специально выстроенном помещении. В этом отношении Надеинское Усолье стояло особняком. Все шесть варниц при Светешниковых размещались в трех сараях, каждый из которых делился по середине глухой стеной. Данные о размерах цренов, специальных “сковород” для выварки соли, отсутствуют, но, судя по количеству полиц, специальных железных пластин, употребляемых для их ремонта, они вряд ли уступали пермским цренам — самым большим из действовавших на промыслах страны. Печи, находившиеся под цренами, выкладывались кирпичом, изготовленным здесь же, в Усолье. В работе варниц существовали специальные циклы — “вари”, продолжавшиеся от заливки в црен новой порции рассола до изготовления конечного продукта. За год на одной варнице производилось примерно 42 “вари”. Ка-

жда “варя”, продолжавшаяся от четырех до семи дней, давала 140—150 пудов соли¹¹⁶. Работа варниц постоянно прерывалась из-за прогорания цренов, необходимости их ремонта. Весеннее половодье заливало варничные места и также вынуждало делать длительные перерывы. Кроме современных, передовых для того времени варниц, на промысле имелись более примитивные устройства для выварки соли. Об этом свидетельствует любопытное описание голландца Я.Стрейса, проплывавшего мимо Усолья в 1669 г.: “...мы остановились у соляной горы, где расположились две недавно отстроенные деревни. Мы увидели много соляных котлов и котловин, где под жаркими лучами солнца образуются большие залежи соли, которые отправляют большими партиями вверх по Волге. Добыча соли дает работу многим людям и способствует развитию большой торговли”¹¹⁷.

Судя по данным последней четверти XVII в., средняя производительность каждой варницы составляла до 6 тыс. пудов соли в год, а весь промысел в это время давал около 24 тыс. пудов. Каких-либо изменений в технологии получения соли на протяжении всего периода существования промысла не происходило. Во времена Светешниковых, когда одновременно действовало не менее шести варниц, на них получали около 35—36 тыс. пудов соли в год. По сравнению с другими солеваренными предприятиями страны, вырабатывавшими от нескольких сот до нескольких миллионов пудов соли, Надеинское Усолье было невелико и не оказывало сколько-нибудь существенного влияния на экономику страны.

Одной из самых трудоемких операций при получении соли являлась заготовка дров, ибо соляные варницы можно назвать настоящими “пожирателями лесов”. Потребности в топливе восполнялись за счет богатых местных ресурсов — сосновых и лиственных лесов Самарской Луки. При Светешниковых заготавливались сосновые и липовые дрова, при монастырских властях — только сосновые. По способам заготовки и доставки дров к промыслам их можно разделить на два типа. “Сосновые плавежные заделные дрова” рубили в два задела зимой, затем собирали в плоты на берегах рек и по весенней высокой воде отправляли к варницам. “Сосновые самосушные перелетные дрова” также заготавливали зимой, оставляли сохнуть до следующей зимы в лесу, после чего вывозили на лошадях. Несколько неожиданно для местного солеваренного промысла выглядят данные о количестве потребляемых за год одной варницей дров — от 140 до 150 сажень¹¹⁸. По сравнению с аналогичными промыслами это меньше в 3—4 раза! Скорее всего, длина поленьев, которая в солеварении имеет свои стандарты, на Самарской Луке была значительно больше.

Непрерывная работа варниц, постоянная эксплуатация оборудования промысла требовали частого проведения реставрационных работ. Самым уязвимым местом в варницах являлись црены, капитальный ремонт которых производился не менее одного раза в год — полтора, текущий — гораздо чаще. На восстановительные работы тратились значительные средства: до 15—20% от годовых затрат на содержание промысла. Монастырские промышленники пытались как можно больше

запасных частей для ремонта — полиц, цренных гвоздей, кирпича, драниц на крыши — производить на месте. В Усолье устроили несколько кузниц, где из старого железа делали запасные части для цренов. Однако немало металла и готовых изделий приходилось закупать. Прочие ремонтные работы: починка зданий варниц, крыш, колодцев, печей и т.д. — требовали гораздо меньше усилий и проводились время от времени.

Первые хозяева предприятия Светешниковы использовали в солеварении труд как своих крепостных людей, так и вольнонаемных работников. После перехода Усолья к монастырю резко возросла доля крепостного труда, а в последние десятилетия XVII в. крепостные монастырские работные люди, бобыли и мастеровые окончательно заменили вольнонаемных. За работу на промыслах и крепостные и вольнонаемные получали денежное жалованье и “хлебное довольствие”. Как и на других промыслах страны, в Надеинском Усолье наиболее важные производственные операции проводили специалисты высокой квалификации: трубные мастера, повара, цренные и поличные мастера. Были и менее квалифицированные работники: водоносы, сливальщики, перетрухи, дровяные задельщики и т.д. Основную массу работников промысла составляли неквалифицированные бобыли и работные люди, “делавшие всякую работу”. Трудно судить о количестве людей, занятых в волжском солеварении, обслуживавших отдельные операции. Точные сведения известны только по собственно варничному производству: каждую варницу обслуживали 11 человек, работавших в две смены.

Труд людей, занятых вываркой соли, был необычайно тяжел. Варничные печи топились по-черному, для выхода дыма, вентиляции помещения под потолком устраивались специальные отверстия — продухи, двери варниц постоянно открывали настежь. Полутемное, наполненное дымом и туманом от испаряемой влаги, жаркое, с сильнейшими сквозняками помещение — вот что представляла собой варница. Люди надрывались в этом аду, часто простывали и болели. Физически тяжелым был труд заготовщиков дров, но они все же работали на свежем воздухе, “на подряде”, т.е. имели возможность планировать свой трудовой распорядок.

Общие доходы от солеварения существенно превышали расходы. В середине 80-х годов в среднем за год на работу одной варницы затрачивалось 185—190 руб., а доход от нее составлял 396 руб. На один вложенный в промысел рубль владельцы получали более двух.

Хозяева Усолья для внутреннего потребления использовали незначительную часть продукта. Около половины соли реализовывалось в самом Надеинском Усолье, остальное вывозилось на Макарьевскую ярмарку (например, в 1678—1679 гг. — около 20 тыс. пудов), в Москву, в Шацкий, Звенигородский, Рязанский, Тамбовский, Юрьев-Польский, другие уезды и через монастыри, приписанные к Савво-Сторожевскому, продавалось. На месте производства цена за один пуд соли колебалась от 5,7 до 7,3 коп., в центральных районах составляла 9—12 коп. за пуд, иногда и выше. Однако выигрыш в цене был кажущимся. Разницу

в стоимости съедали транспортные расходы. Сохранился текст договора между возчиками, подрядившимися перевезти соль из Нижнего Новгорода (от Усолья до Нижнего Новгорода соль доставляли обычно в стругах, что обходилось сравнительно дешево) до Савво-Сторожевского монастыря, и приказчиками. Согласно “ряду”, стоимость транспортировки одного пуда составила “по девяти денег с полушкою”, задаток “по десяти алтын на всякую подводу”. Если извозчики простоят, не получив денег, более двух дней, то “нам извозчикам имати... на слуге Якове по 2 алтына на сутки на всякую подводу”. В свою очередь, наемные возчики обязывались доставить весь груз в целости и сохранности. Неустойка на каждый пуд утерянной или испорченной соли составляла по 0,5 руб.¹¹⁹

В целом соляной промысел можно охарактеризовать как предприятие со значительным разделением труда, высоким профессиональным уровнем руководителей основных производств, с отличным для того времени техническим уровнем и товарностью производства.

Погубили Надеинское Усолье возросшая конкуренция со стороны более дешевой астраханской соли, нехватка дров из-за истребления близлежащих лесов и введение государством в начале XVIII в. монополии на продажу соли. Новые хозяева промысла, власти Монастырского приказа, а затем приказчики А.Д.Меншикова, решили его законсервировать. Однако память о Надеинском Усолье сохранилась. При Екатерине II среди прочих центров солеварения, которые следовало восстановить, упоминался и наш, правда, дальше правительственного указа дело не сдвинулось...

Серные “заводы”. К крупным предприятиям Самарского края типа мануфактуры, кроме соляного промысла, следует отнести серные “заводы”.

Добыча серы на реке Сок русскими людьми началась еще в конце XVI—XVII в. В “Книге Большому Чертежу” говорилось: “...а по правой стороне р.Сока от города от Самары 90 верст озеро, а в нем емлют серу горячую”¹²⁰. О качестве добываемой серы писали, что она “самая чистая, подобно камню янтарю”. Крупное производство серы началось в начале XVIII в.

На рубеже XVII—XVIII в. Россия начала ряд изнурительных войн с Турцией и Швецией. Для изготовления пороха срочно понадобилась масса серы, заводы, находившиеся в центре и на юго-западе страны, не могли в достатке обеспечить армию. Тогда-то и вспомнили о самарской сере.

По указу Петра I вся местность по реке Сок была обследована, и в местах выхода на поверхность наиболее богатых серой ключей в 1703 г. устроили три “завода”, а для их охраны рядом zaloжили небольшую крепость Сергиевск. На строительство крепости и “заводов” мобилизовали 4 тыс. крестьян из близлежащих селений, для производства серы выписали одного мастера, 15 подмастерьев из Симбирска и переселили около 500 крестьян дворцовых сел.

Один завод находился у пригорода Сергиевска, второй, Новосергиевский, от него в шести верстах, а третий на реке Сургут. Архивные

источники позволяют восстановить внешний вид сокских заводов. В копии с памяти из Приказа артиллерии к боярину князю Б.А.Голицину говорилось о том, что “радетельством князя Голицына тщанием в низовых городах сера добрая сыскана и промысел тому начался... в сергиевских заводах под горою для переплавки серы построен анбар мерою в длину 20, поперек 8 сажень, 2 анбара кладовых мерою первый 3-х, второй 4-х сажень для сущения руды, четыре творила, две избы с сенми, а какой меры не показано. У серных ближних ключей зделан ларь... ниже того края припружен пруд плетнем... Вкруг тех серных ключей построен земляной вал, на валу острог, в длину того острогу восемьдесят сажень без аршина, поперечив верхнюю сторону до надолб тридцать девять с половиною сажень. 3 другой стороны по надолбом же пятьдесят одна сажень без аршина. От острога по валу и низью круг ларей обведены надолбы... У дальних серных ключей, которые приисканы в 1703 г., а текут те ключи в реку Шурму ис котловин зделаны два ларя... У серных же ключей, которые текут в реку Сургут зделан ларь... Да по тем же вышеозначанным речкам — по речке Шундуту по осмотру, где начались небольшие серные ключи для серной садки построен пруд, да по реке Соку вверх по правую сторону приискана серная руда... В дальних ключах серы садится малое число, а разстоянием от Сергиевска в двадцати пяти верстах”¹²¹. Дополняют это подробное описание материалы осмотра сокского промысла, произведенного в 60-е годы XVIII в. И.И.Лепехиным. В местах выхода из-под подошвы Серной горы четырех серных ключей были устроены деревянные спуски, направлявшие поток воды в прямоугольный пруд размером 20 на 20 сажень. Дно пруда устлано дубовыми досками, и “поделаны в нем перегородки, наподобии ларей; однако сии лари не так глубоки, какие мы видели на молошной речке. Самое глубокое место не более трех четвертей имеет”¹²². В ларях при отстаивании насыщенного раствора выделялась самородная сера. Через пруд был проложен мост. По мере накопления сера вычерпывалась из ларей и подвозилась к заводским печам для очистки переплавкой, так как содержала до 25% примесей.

Руководство завода пыталось найти залежи самородной кристаллической серы. Вся Серная гора, по наблюдениям Лепехина, была изрыта глубокими ямами — штольнями, однако поиски оказались тщетными.

После недолгой эксплуатации месторождения выяснилось, что сокские серные заводы невыгодны казне, так как требовали значительных денежных затрат при низкой производительности (до 100 пудов серы в год). Поэтому, как только правительству стало известно, что на Самарской Луке в районе Серной горы имеются богатые запасы самородной кристаллической серы, оно решило сконцентрировать силы на новом месторождении. В 1720 г. Новосергиевский завод на Соку закрыли и перенесли на Самарскую Луку. Судьба остальных двух заводов неизвестна, но, скорее всего, их постигла та же участь. Паллас и Лепехин обнаружили на Соку давно заброшенные отдельные сооружения этих заводов и окружавших их укреплений.

Позже вода из серных ключей нашла другое применение. До Петра I дошли слухи, что рабочие заводов и местные жители лечатся целебной водой из серных источников. Посланный по личному указанию Петра I лейб-медик Шоберг подтвердил лечебные свойства вод и рекомендовал открыть в районе Сергиевска лечебницу.

Начало промышленного серного производства на Самарской Луке было заложено мастерами Новосергиевского завода. Несмотря на богатые залежи самородной ископаемой серы, поначалу заводское начальство испытывало серьезные затруднения. Петр I в 1722 г. совершил поездку по Волге и специально сделал остановку для осмотра завода в Жигулях, после чего указал из Астрахани Правительствующему Сенату: “Серы на Волге зело много, а мастеров нет, для того старатца, чтобы выписать компанию мастеров”¹²³. Год спустя специальным правительственным решением из-за границы пригласили мастера и подмастерьев, которым вменялось осмотреть казенные заводы и месторождения серы на Средней Волге.

В отличие от прежнего, когда серными заводами заведовали в местной воеводской канцелярии, с 1720 г. промысел под Жигулевскими горами Канцелярией артиллерии и фортификации был поручен надзору майора И.Молостова. В 1757 г. из казны завод передали во владение петербургского купца Ивана Мартова. Его наследники запустили промысел, пришедший в полный упадок: И.И.Лепехин лицеизрел уже его развалины. Разработка серы на Самарской Луке прекратилась в 1764 г. и более в XVIII в. не возобновлялась.

По описанию П.С. Палласа, серное производство на Самарской Луке включало небольшой поселок, плавильный цех, каменоломни на Серной горе, очистной цех. Призаводской поселок состоял из деревянного конторского здания, двух заводских и 40 “мужицких” дворов, в которых жили работные люди. Он располагался на узкой полосе высокого волжского берега, между подошвой Серной горы и пойменной приволжской низиной. Численность рабочих составляла около 600 человек, из них 22 относились к мастеровым высшей категории (по другим данным, в 1725 г. на заводе было занято 38 мастеров и их учеников). При заведении завода большинство работников перевели из Сергиевского промысла. Труд по добыче серы был крайне тяжелым, поэтому каждый месяц рабочих меняли таким образом, чтобы одновременно в производстве принимали участие не более 120 человек наемных и “небольшое число крепостных людей”.

Сама добыча производилась на обрывистых лесистых склонах Серной горы высотой около 200 м. От ям-штолен вниз к заводу вели крутые каменистые тропинки, хорошей дороги не было, и работники более километра несли на своих плечах тяжелые корзины с породой. Ямы, в которых добывали “гипсовый камень, содержащий горючую серу”, называли развалами. Обычная глубина таких развалов составляла от 10 до 15 м.

Значительную часть серы получали в виде самородков — до 400 пудов в год. Такая сера не требовала последующей очистки. Помимо ее на горе в гипсовом камне добывали большие плиты “се-

литной” слюды. Во многих домах окрестных сел такой слюдой стеклились окна.

Плавильный цех на южной окраине Серного городка представлял собой строение длиной около 100 м с 51 печью. Они стояли в один длинный ряд на небольшом расстоянии друг от друга и соединялись длинным очагом “с прорезом в длину, в котором положены поперечные кирпичи, разстоянием один от другого на вершок”. Для плавления серы использовались сделанные здесь же из местной глины горшки, называемые булакрами. Их наполняли добытой из “развалов” Серной горы “грязной” серой или серным камнем. Крышки у горшков замазывали раствором глины с песком, затем горшки ставили на очаг и разводили огонь в печах. Под воздействием высокой температуры легкоплавкая сера становилась жидкой, поднималась над всей остальной породой и из глиняных носиков, расположенных в верхней части сосудов, вытекала наружу. Для сбора растопленной серы использовались специальные сосуды, поставленные вдоль глухой стены плавильного цеха, на приступах, в наполненных водой корытах. На этом процесс первичной обработки полуфабриката завершался. Полученная таким образом сера содержала много примесей, считалась “грязной” и требовала второго плавления.

Очистной цех находился в небольшом строении рядом с конторским домом. В нем стояли три печи, сходные с обычными крестьянскими, в каждую ставили до 15 горшков-булакр, второй раз перетапливали серу, а затем выливали ее в специальные формы, стоявшие поблизости в наполненных водой корытах. Печи с “продушинами” были устроены далеко не сразу после основания завода. Паллас писал, что при работе на прежнем, более примитивном оборудовании, без вытяжки “много работников умирало чахоткою и долговременною горячкою”¹²⁴.

Для своего времени завод на Самарской Луке являлся одним из крупнейших в России, на нем ежегодно добывалось до 1500 пудов “чистой горючей серы”, а на заводах Ярославля, Кадома и Елатьмы, для сравнения, добыча не превышала 500 пудов в год. Запасы серы казались неисчерпаемыми, ее добычу можно было резко увеличить. Стоимость пуда чистой серы составляла в ценах того времени от 50 до 60 коп.; за провоз зимним путем от Москвы с одного пуда платили по 12 коп.

Заккрытие завода под Серной горой произошло потому, что он не смог выдержать конкуренции более дешевой иностранной привозной серы. Технический уровень волжского производства был гораздо ниже, и даже дешевизна крепостного труда не смогла искупить этот недостаток¹²⁵.

В начале XIX в. сделали попытку возобновить серный промысел на Самарской Луке. Отвечая на запрос Горного департамента о прежних серных заводах, самарский городничий указал на бывший Серный городок. В сентябре 1808 г. сюда направили мастеров для осмотра бывшего завода. Пробные шурфы дали обнадеживающие результаты. Однако на разведочной экспедиции дело и закончилось.

Городское население. Посад в XVII в. Возникнув первоначально как пограничные военные поселения, Самара, а век спустя Сызрань и Кашпир постепенно обросли посадами и слободами, превратились в промышленно-торговые центры. Сколько-нибудь значительное посадское население в Самаре образовалось, по-видимому, только после событий Смутного времени. В “городе”, за стенами острога, где и без того тесно служилым людям, не могла сложиться многочисленная посадская община. “Тишина”, наступившая после тревог Смуты, способствовала разрастанию приволжских городков, приливу в них беглых, вольных людей.

В начале 30-х годов XVII в. уже упоминалась Рыбная слобода за пределами самарской крепостной стены. При проведении переписи 1646 г. в Самаре подьячие записали в свои книги многочисленную Болдырскую слободу, а еще через пять лет в одном из документов появились сведения о Вознесенской слободе. Начиная от посада, огороженного стеной с башнями, стоящего на возвышенной стрелке между Волгой и Самарой, далее к северу шла цепочка слобод: Рыбная, Болдырская, Вознесенская; за последней лежали огороды, кабацкое место, погреб и избы. К началу XVIII в. город приобрел ряд черт торгово-промышленного поселения, в известной степени утратив первоначальный воинственный облик. На Корнилия де Бруина, голландского путешественника и живописца, видевшего Самару в 1703 г., общий облик города произвел смутное впечатление: “...город довольно обширен, весь деревянный, и домишки в нем плохие”¹²⁶.

Сказывались окраинное положение, оторванность от основных, давно освоенных территорий Российского государства. На всем протяжении XVII столетия большинство населения Самары составляли служилые люди. И все же это обстоятельство не является достаточным свидетельством в пользу чисто военного или военно-административного значения Самары. Начиная с 20—30-х годов XVII в. положение и характер деятельности служилых людей в городках-крепостях типа Самары постепенно изменялись. Они в большинстве своем стали постоянным коренным населением, между “приборными” и посадскими людьми исчезли непроходимые границы. В Самаре стрельцы, казаки, иноземцы жили на посаде и в слободах вместе с посадскими, чересполосно. Нередки случаи, когда в состав гарнизона рекрутировалась молодежь из местной посадской общины, а отставные служилые переходили в состав посада.

В середине XVII в. в Самаре насчитывался 121 посадский двор, в которых проживали немногим более 600 мужчин и женщин¹²⁷. Трудно судить, насколько стабильно было посадское население: большинство жило своими дворами, однако не так уж мало насчитывалось соседей, “подсоседаков”, “захребетников”.

После сооружения в середине XVII в. Симбирска и заселения его округа значение Самары несколько снизилось. Еще более ослабились позиции города после строительства Сызрани. Численность посадско-

го населения в городке по сравнению с серединой века начала постепенно уменьшаться. В 70—80-е годы XVII в. насчитывалось всего 70 дворов, в которых жило 196 человек “мужеского пола”, в 1722 г. — 204 человека¹²⁸. Самара постепенно теряла свое торгово-промысловое значение на волжском пути, так и не став перерабатывающим и распределяющим центром сельскохозяйственной округи.

В посадскую общину входили жители посада и слобод, свободные от государственной службы, но обремененные посадским тяглом. Самарский городской мир был невелик и небогат. Пятинный сбор 1616 г. по городку (налог, собираемый с торгово-промышленного населения в размере $\frac{1}{5}$ всего имущества) составил всего 700 руб., в то время как в Нижнем Новгороде подобные сборы равнялись 12 тыс. руб.¹²⁹ Управлялась община выборными людьми. На сходе жители избирали старосту и его помощников — сотских и десятских. Мирские старосты и выборные не только занимались регулированием внутренней жизни общины, но прежде всего разрешали взаимоотношения посада с администрацией города. На мирские должности старались выбирать людей обстоятельных, способных защитить интересы мира. Однако плотников выполнять эти службы находилось не так уж много. Руководители общины оказывались меж двух огней: с одной стороны, посадские люди требовали от них твердости и самостоятельности в отношениях с городской администрацией, с другой — сама эта администрация заставляла неукоснительно выполнять все государственные повинности. Нередко выборные попадали на правеж, за недоимки посадского мира у них отнимали “животы” — личное имущество.

Если в Западной Европе звание горожанина давало человеку свободу, то в России посадский человек оставался крепостным феодального государства, под страхом смертной казни не имеющим права покинуть свою общину. Комплекс феодальных повинностей “черных” людей, так зачастую называли посадских, заключался прежде всего в “государевом тягле”, состоявшем из денежных налогов, исполнения утомительных “земских служб посадских людей”. К ним относились ремонтные и строительные работы, подводная повинность, руководство кабаками, кружечными дворами, торговыми экспедициями. Головы и целовальники избирались всем миром и отвечали перед воеводами за правильно и полностью взимаемые денежные и натуральные сборы.

Мирские люди имели отдельные льготы: монополию на торговлю в городе, право иметь свои лавки и торговые места, промысловые воды и пригородные земли. Городскими торговыми местами, мостами, общественными заведениями также пользовались служилые люди, торговцы и предприниматели из других городов, имевшие в Самаре свои дворы. Нередко местные посадские люди били челом властям с просьбой включить в посадское тягло того или иного стрельца, иноземца или промышленника, слишком рьяно занявшегося местными промыслами и торговлей, забросившего государственные службы.

Господствующей в Самаре была усадебная застройка. Дома, окруженные дворами, зачастую с огородами, стояли просторно. Сохранилось описание одного из типичных самарских дворов конца XVII в.: “...а

на дворе ...хоромы, изба липовая бревенчатая, да повалошца сосновая бревенчатая с чердаком, да сени, да погреб, печь надворная, баня осокоревая бревенчатая, да хлев, двор в городьбе и с ворота. Дворовое место против государевых размерных книг, а в межах тот... двор подле двора Чудова монастыря, а по другую сторону двор Кирилы часовника, а против через улицу, городской острог”¹³⁰. Едва ли не в каждом дворе держали лошадь, а то и две, коров, овец, коз, кур.

Вся жизнь средневекового горожанина проходила под сенью церковных куполов и крестов. На известном рисунке Адама Олеария в Самарском городке прежде всего выделяются звонницы и купола церквей и монастырей; К. де Бруин также изумился количеству самарских монастырей и церковных зданий. Соборной церковью города считалась Троицкая. Она была построена из дерева, имела “предел Николая Чудотворца”. Некоторое время храм Николая Чудотворца существовал обособленно, самостоятельно¹³¹. В Болдырской слободе находились дворы троицкого и никольского попов, дьякона, пономарей и дьячка. В 1685 г. в Самаре появилась первая каменная Преображенская церковь¹³². Ее построили сами самарцы, а кирпич для храма обжигали местные кирпичники в специальных “кирпичных сараях”.

По-видимому, уже в конце XVI – начале XVII в. появились самарские монастыри. Первым — мужской Спасо-Преображенский, позднее с тем же названием женский. Мужскому монастырю посчастливилось: он вскоре был приписан к Патриаршему Дому, стал домовым. Под столь высоким покровительством, фактически руководством, монастырские власти смогли обзавестись богатейшей вотчиной на Самарской Луке. Старицы женского монастыря жили на государево жалованье — ругу и на подаяния прихожан. Монахи и монахини подавали пример святой жизни, отправляли религиозные потребности горожан, а в мужском монастыре еще и активно занимались хозяйственной деятельностью. Монастыри также должны были служить приютом для немощных посадских и служилых людей. С такой целью создавались монастырские обители при многих новопостроенных крепостях, в том числе при Сызрани и Кашпире.

В Самаре практически не было белопоместного населения, а тем более белых слобод. Местные феодалы, на протяжении всего XVII в. насчитывавшие не более 20 семей, не обладали достаточным богатством, чтобы селить в городе своих крепостных отдельными дворами. Крупнейшие монастыри-промышленники Средней Волги — Чудов, нижегородский Благовещенский и др. заводили на посаде свои подворья, но в них жили только приказчики и сторожа.

Помимо постоянного населения Самары, в ней ежегодно с открытия навигации и до глубокой осени скапливались многочисленные работные люди, беглецы, “вольные” из верховых городов и уездов. Население еще по-зимнему сонного городка сразу вырастало едва ли не в 2—3 раза. Постепенно эти толпы рассасывались, нанимаясь на ватаги, волжские караваны, отдельные суда, но на смену ушедшим приходили все новые и новые люди. Недаром в это время родилась пословица: “Нечем платить долгу — дай пойду на Волгу”.

В 1688 г. Самара царским указом получила официальный статус города. Но и до этого указа во всех документах крепость именовалась “Самарским городом”, “городком”. Однако в течение всего XVII в. “Самарский город” вряд ли подходил по своим основным характеристикам под это определение.

Торговые пути. Транзитная торговля и хозяйственные занятия горожан в XVII в. В промышленно-торговой жизни первоочередную роль играл поток транзитных грузов, шедших по Волге. Только в составе осенних караванов вверх и вниз по реке проходило до 2 тыс. крупных судов¹³³. Грузоподъемность некоторых из них составляла от 500 до 1 тыс. т. Волга выступала звеном в торговле и дипломатических отношениях с Ираном и Закавказьем, Средней Азией. Вниз везли хлеб, оружие, лес, меха, промышленные товары. До 1—1,5 млн пудов соли ежегодно, или около $\frac{1}{5}$ всей добываемой в стране, громадное количество красной рыбы шло вверх по Волге. Весь этот грузопоток стимулировал посредническую торговлю и предпринимательскую деятельность жителей Самары. Первоначально торговые караваны, отдельные суда останавливались у пристани-“зимовья” “в Шелехметских горах”, в основном устье реки Самары. Затем, в середине XVII в., пристань перенесли под город. Самарский торг волжскими товарами не получил значительного распространения, но все же часть грузов, особенно сверху (хлеб и оружие для яицких казаков и т.д.), сгружалась в Самаре и отсюда яицкими “охотниками” вывозилась. Кроме пристани, на волжском берегу, “против города” была устроена застава. Служба на ней приносила немалый доход. Недаром должность ее руководителя (из дворян или детей боярских) замещалась по конкурсу. Застава была нужна не только для бережения караванов и отдельных судов, на ней производились досмотр товаров и сбор пошлин.

Крупным торговым сухопутным путем являлся среднеазиатский, шедший в Москву через яицкие степи и Самару. Он получил известность уже во второй половине XVI в. Караваны проходили Самарский городок и переправлялись через Волгу у Овечьего Брода. Это был путь восточных товаров, редкостей. Восточные купцы, их называли “тезиками”, имели в городе свой “тезиков” двор. В 1676 г. самарский воевода А. Шель писал: “...в прошлых... и в нынешних годах те купчины приедучи на Самару продавали всякие товары: киндяки, шелк, сафьяны, выбойки, соль, а пошлины в нашу великого государя казну в таможе с тех товаров и с продажной соли не платили, учинились сильны”¹³⁴. Жалоба воеводы, видимо, относилась и к купцам, везшим свои товары по Волге.

Яицкая дорога связывала земли яицких казаков с Самарой, а через нее с центром страны. Это был прежде всего зимник: с Яика шли вдоль Самары обозы с красной рыбой и икрой, в обратный путь их наполняли хлебом, боеприпасами, промышленными товарами. На подходах к городу, в “Осинниках”, была устроена специальная застава — “пропуск с Яика рыбного и икряного промыслу”. Она выполняла те же функции, что и застава на Волге. Извоз на Яик и обратно, скорее всего, был делом самарских посадских людей, так называемых “яицких охотников”.

О размерах перевозимого с Яика потока рыбы и рыбных припасов свидетельствуют данные о величине платежей с предпринимателей, бравших за откуп государственный десятинный сбор ($1/10$ со всего грузопотока). В конце 70-х годов XVII в. с них собиралось до 1,5 тыс. руб., сумма по тем временам значительная¹³⁵.

Таким образом, вокруг городка существовало несколько военноконтрольных пунктов-застав, через которые шел поток транзитных грузов. Так же не в самом городе, а за предпольными укреплениями — надолбами было отведено специальное место для торга с кочевниками. Из степи на продажу шли огромные конские табуны, отары овец, а в степь — продукты земледелия и промышленности. Эти торговые сношения были настолько важны для кочевников, что в случае отказа от торговли со стороны русской администрации они начинали активные военные действия.

Еще один, сравнительно небольшой, торг был устроен за стенами кремля, на торговой площади посада.

Весь хозяйственный уклад, вся экономическая жизнь Самары вращались вокруг транзитной торговли. В документах пятинных сборов по городу, относящихся к 1634 г., среди почти 200 самарских торговцев и промышленников указано только 27 ремесленников¹³⁶. Основным источником доходов остальных выступали торговые посреднические операции с транзитными грузами. Крепость жила, что называется, от одного торгового каравана до другого. Сама Самара потребляла не так уж много: до конца XVII в. в город ввозились хлеб для гарнизона и посадских людей, трудоемкие промышленные товары, боеприпасы да металл. Все остальные нужды покрывались за счет местных производств. Потребности местных служилых и посадских людей были невелики, а местное купечество не обладало настолько значительным капиталом, чтобы всерьез заняться крупными посредническими операциями. Самым богатым человеком в Самаре среди простолюдинов слыл “торговый человек” Козьма Щепкин, его имущество оценили в 500 руб. Состояние по тем временам немалое, но его обладатель ни в коей мере не мог тягаться с людьми гостиной сотни, тем более с гостями. Перекупкой товаров в Самаре в основном занимались приезжие купцы — гости Светешниковы и Никитниковы из Ярославля, Задорины из Нижнего Новгорода, Калмыковы и др.

Весьма значимым для самарских жителей являлся рыбный промысел. В 1655 г. подгородные волжские рыбные ловли приписали к городу, и в них безобразно могли ловить рыбу все жители. Крупное промышленно-ремесленное производство в Самаре было развито слабо. В списке ремесленников города, относящемся к середине 30-х годов XVII в., перечисляются следующие специальности: бондари, иконники, камышники, кирпичники, кузнецы, плотники, портные, сапожники, серебряники, солоденники, сырмятники, рыбники, харчевники, часовники, шапочники, калачницы, хлебницы и молочницы. Всего можно насчитать 18 профессий, но вряд ли некоторые из них действительно ремесленные. Наибольшее число “ремесленников” составляли рыбники и казенные кирпичники — по пять человек каждой специальности.

Все эти люди обслуживали в основном потребности городского населения. Их деятельность не распространялась на сельскохозяйственную округу. Наиболее широко вели дело и одними из самых состоятельных среди “ремесленников” были два плотника.

Многие служилые и посадские люди пытались заниматься подсобным сельским хозяйством. Земледелие вокруг городка, как уже говорилось, начало развиваться только в XVIII в. Огородничество в небольших размерах и на ограниченных площадях появилось значительно раньше. В частности, самарские огороды упоминаются на северной окраине Вознесенской слободы.

Большее развитие получило животноводство, и прежде всего коневодство. Конские табуны пасли на волжских островах, в пойменных лугах “Самарского урочища”, в междуречье, у “надолб”. Неоднократно эти табуны подвергались нападениям кочевников, порой их воровски отгоняли.

В отличие от Самары в Сызрани и Кашпире гораздо быстрее появились свои посады и слободы. Крепости построили в районе, который очень активно осваивался земледельцами, в округе сразу же начало складываться многочисленное сельское население. Сызрань (Кашпир не выдержал конкуренции со своим близлежащим соседом и вскоре захирел) оказалась не только военной крепостью, не только перевалочным пунктом для переброски транзитных грузов, но и центром обширного, тяготеющего к ней района. Уже к началу XVIII в. по количеству посадского населения Сызрань догнала и перегнала Самару. Удобной пристани рядом с Сызранью не было, и долгое время суда причаливали под Кашпиром, где возникли крупная, соляная и рыбная пристани. Описаний сызранского посада в конце XVII — начале XVIII в. не сохранилось. А вот о Кашпире К. де Бруин писал: “Городок этот невелик, окружен деревянной стеной, деревянными же церквами. Предместье его или слобода находится подле же города...”¹³⁷

Промышленность, товарное производство и торговля в XVIII в. В XVIII в. более быстрыми темпами стало развиваться промышленное производство, в том числе Самарского края. В экономике страны вообще выделялся рост мелкого товарного производства, т.е. изготовления продукции на рынок не только в городах, но и в государственных и помещичьих селах. Крестьяне нашего края занимались столярным, гончарным, скорняжным, портняжным, кожевенным, шорным, колесным и другими промыслами. Большим спросом в России пользовались мерлушковые тулупы, сшитые в калмыцких селениях под Самарой и Ставрополем.

Основными центрами промышленного производства все же выступали города. В Сызрани были развиты портняжное, плотницкое, шапочное, рукавичное, калачное, хлебное, сапожное, кузнечное, серебряное, маслодельное, красильное, прядильное, шерстобитное, овчинное, скорняжное и переплетное ремесла. Ремесленники различных специальностей, как уже говорилось выше, жили и в Самаре. В Алексеевске добывали белый известковый камень и изготавливали из него различные подделки.

Под воздействием новых веяний в экономике России оказался и традиционный волжский промысел — судоходство, где в XVIII в. более широко стал применяться наемный труд. К концу века на речном транспорте Волжского бассейна было занято около 210—220 тыс. судорабочих¹³⁸, большинство вольнонаемных. В судовые работники, главным образом в бурлаки, подавались крестьяне приречных сел и деревень, бедные горожане, а также беглые крепостные из различных районов страны. Практически все волжские города являлись пунктами найма рабочих на суда. В Самарском крае выделялся рынок труда в Сызрани, где в городской крепостной конторе оформлялось большое количество сделок между судовладельцами и работниками.

В XVIII в. в Самарском Поволжье начался переход от ремесла к мануфактуре, т.е. крупному товарному производству. Мануфактура еще не могла преодолеть конкуренцию мелкого производства продукции на рынок, так как сама основывалась на ручном труде. В нашем крае мануфактуры возникали преимущественно в помещичьих имениях, где применялся подневольный труд зависимых крестьян. Они назывались вотчинными или крепостными. Чаще всего это были винокуренные заводы. В дворянских имениях также существовали текстильные и химические предприятия мануфактурного типа, небольшие заводы по переработке сельскохозяйственного сырья: кожевенные, салотопенные, мыловаренные, овчинные, свечные и т.п. Так, в селах Успенское и Михайловка Самарского уезда работали суконная фабрика и “красочный завод” подполковника О. Зубкова, их обслуживали два мастера, два подмастерья, 36 работных людей¹³⁹. Мануфактурной стадии достигли и некоторые казенные предприятия.

Увеличение товарного производства как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции, развитие водного и сухопутного транспорта стимулировали торговлю. Центрами ее в крае, как уже отмечалось, выступали города, в них постоянно рос купеческий слой. На 1767 г. в Самаре и ее пригороде Алексеевске проживало 437 купцов (взрослых и сыновей), в Сызрани — 1194, в купеческой слободе Ставрополя — 129 человек мужского пола из этого сословия.

Наряду с городами торговля велась в больших селах и деревнях. По сведениям, сообщенным Сенату в 1765 г., в селе Новодевичьем ярмарки проходили в мае, июне и июле. Ежегодно собиралась июньская ярмарка в селе Липовка Самарского уезда. В селе Николаевское Сызранского уезда устраивались еженедельные торги, в селе Доможировка того же уезда один раз в неделю велся хлебный торг. Своей хлебной пристанью славилось село Хрящевка Ставропольского уезда¹⁴⁰.

Две важнейшие торговые дороги, по Волге и через степь на Яик, создавали благоприятные условия для втягивания Самарского края в орбиту всероссийского рынка. Здешние крестьяне и горожане поставляли на него хлеб, рыбу, скот, птицу, овощи, сукно, холст, кожи, сало и другие товары. Причем крестьяне не только продавали свою сельскохозяйственную продукцию и изделия домашних промыслов, наиболее зажиточные из них занимались также скупкой и перепродажей. Появление на рынке торгующего крестьянства вызывало неудовольствие

купцов, опасавшихся за свои сословные привилегии. В 1767 г. сызранское купечество жаловалось, что прежде “хлебную и протчую продажу производили больше... купцы”, а теперь многие крестьяне, пахотные солдаты и казаки “вступили в ту же купеческую торговлю” и обходятся без посредства купцов¹⁴¹.

Предметами ввоза были шелк, чай, кофе, сахар, виноградные вина, промышленные изделия. Эти товары обычно закупались местными купцами на различных ярмарках, чаще всего на Макарьевской и Карсунской. Порой самарские купцы доставляли “знатные товары” и из других мест, более отдаленных. В 1753 г. самарский купец Данила Рукавкин совершил поездку в Хиву. Многие промышленные изделия и прочие товары восточного происхождения покупались жителями с судов, причаливших к местным пристаням, или у купцов, следовавших через Самарский край с Яика и из Оренбурга.

Продолжала играть свою роль меновая торговля с калмыками, которые испытывали постоянную нужду в промышленных изделиях и другой продукции оседлого хозяйства. В обмен они предлагали скот и продукты животноводства, пригоняя к Ставрополю, Сызрани, Самаре большие табуны лошадей, стада крупного и мелкого скота. Кроме того, привозили шкурки красных лисиц, корсачьи, бобровые и другие меха, мерлушки, овчины, тулупы, кожи. Изделия для продажи калмыкам доставлялись главным образом из Москвы: разные полотна и ткани, в том числе сукно и бархат, готовая одежда, дешевая галантерея, бакалея, металлы и металлические изделия, среди которых особым спросом у кочевников пользовались чугунные котлы. Из собственных товаров Поволжье предлагало калмыкам зерно, муку и другую сельскохозяйственную продукцию.

Русские купцы и сами ездили с товарами в калмыцкие улусы, получая большие барыши. По свидетельству академика Лепехина, местное купечество, торговавшее с калмыками, было “не беззащитное”. Надеясь поощрить кочевников к укреплению торговых связей с земледельцами и горожанами, правительство предоставляло калмыкам некоторые льготы. Когда те продавали лошадей, с них не взимались предусмотренные законом специальные “конские пошлины”, платеж которых перекладывался целиком на покупателей¹⁴².

Жизнь города и занятия горожан. По объему торговли, разнообразию ремесленных специальностей и количеству самих ремесленников Самара в XVIII в. уступала ближайшим городам на противоположном берегу Волги: Саратову, Сызрани, Симбирску. Это объяснялось уже отмеченным выше фактом: левобережная Самара долго не имела собственной сельскохозяйственной округи, которая бы стимулировала рост товарного производства и давала сырье.

Земли, отведенные городской общине, в основном использовались в качестве выгонов, пастбищ, сенокосов. Разведение скота и торговля продуктами собственного животноводческого хозяйства на протяжении всего века оставались главным занятием для значительной части горожан. Более богатые содержали скот на хуторах за городом, где было больше кормов. “От Самары верст за 20 находится уже везде вы-

сокая степь с черноземом, на котором растет трава почти с человека вышиною”, — удивлялся современник в конце 60-х годов XVIII в. Изолированные на хуторах стада оказывались менее подвержены болезням¹⁴³.

Наряду с продажей животноводческой продукции не меньшую роль играл рыбный торг. Хотя у самарских жителей были собственные рыбные ловли по Волге, Моче и Иргизу, в основном они торговали рыбой, привезенной с Яика. В первой половине XVIII в. рыбу доставляли отсюда только зимой. На специальном дворе рыботорговцы сдавали в казну “десятую долю” своего товара, которая тут же поступала в продажу, а вырученные деньги — в казенный доход: от продажи “тое десятой доли” казна выручала “до осми тысяч руб. в год”¹⁴⁴. С середины века сухопутной дорогой на Яик пользовались и летом. После паводка ежегодно наводился мост через реку Самару, а при необходимости и через Мочу, Иргиз, другие реки. На самарских горожанах лежала ответственность за содержание шести “уметов” — постоянных дворов на дороге до Яицкого городка.

..В обмен на рыбу и икру яицкие казаки получали прежде всего хлеб. По мере освоения плодородных земель левого берега Волги, в междуречье Самары, Сока, Кинеля и Черемшана, излишки хлеба стали вывозиться не только в уральские степи, но и в другие районы страны. Рост хлебной торговли постепенно отодвигал на второй план сбыт продуктов животноводства и рыболовства.

Продажа соли, которую везли посуху с Южного Урала или водою из Нижнего Поволжья, являлась казенной монополией. Для пресечения контрабандной торговли солью и другими товарами с Яика в 1750 г. возле Самары пришлось установить заставы.

Из всего объема торговли лишь ее малая часть оставалась для удовлетворения потребностей немногочисленных горожан. Об объеме торговли обычных городских лавок дают представление данные 1765 г. по Самаре. В щепетильном ряду две лавки купца Д.Рукавкина вместе давали самый высокий доход для данного ряда — 2 руб. 40 коп. Три лавки купцов Аникина, Выдрина, Шерстобитова приносили общий доход всего в 90 коп. Более прибыльным был мясной ряд, там три лавки того же Рукавкина приносили общий доход в 9 руб. 50 коп. за год, а четыре лавки бургомистра И.Халевина — 11 руб. Но рядом торговали лавки, ежегодная прибыль которых не превышала 1 руб. 25 коп.¹⁴⁵

Во время пребывания в Самаре В.Н.Татищева им было начато строительство большого гостиного двора. На казенный счет поставили четыре амбара для хранения товаров. Оправдываясь позднее перед правительством, ставившим эти действия ему в упрек, Татищев заявил, что строительство затеял потому, что дорога в Оренбург оставалась небезопасной и купцам негде было хранить товары в ожидании поездки. После того как пограничную линию укрепили и дорога стала надежней, строительство гостиного двора было прекращено. Упреки Татищеву вызывались тем, что товары, предназначенные для торговли с восточными купцами в Оренбурге, не подлежали таможенному досмотру в Самаре, поэтому в ней и не следовало находиться казенным

складским помещениям. “И для того б гостиная двора строить не надлежало, — выговаривалось Татищеву, — понеже город Самара зделан давно, она же внутри [укрепленной границы] и строения в ней умножено, в котором купеческим товарам для поклажи места в обывательских дворах имеется довольно”¹⁴⁶. Действительно, содержание на своих дворах проезжающих и хранение купеческих товаров составляли обычный промысел и источник дохода для жителей города. В 1765 г. свои дворы для этих целей предоставляли 27 горожан, еще 25 содержали четыре городских постоянных двора вскладчину¹⁴⁷.

Распространенным промыслом, связанным с обслуживанием торговли, являлся гужевой извоз. “Обыватели нанимаются к развозу товаров на собственных лошадях до Москвы, Казани, Урала и Оренбурга, а сложив товары берут в Москве щепетильные, в Казани — сафьяны и конские приборы, в Урале — рыбу и в Оренбурге — соль, поставляемую в магазейны”, — сообщалось о самарцах. Но извозом промышляли и многие сельские жители. Еще в 1733 г. для сбора необходимых сведений в самарскую уездную канцелярию вызывались “Рождественской волости от каждого жительства по два человека добрых людей таких, которые в прошлых годах для покупки рыбных припасов и для подряду на Еик хаживали”. В 1737 г. той же волости крестьяне подряжались на доставку серы с казенного завода на Самарской Луке в Москву¹⁴⁸.

Рост городского населения. На побывавшего в Самаре в 1769 г. путешественника она произвела впечатление “города, от часу в большее приращение ныне приходящего”¹⁴⁹. Наблюдение было справедливым. К началу 80-х годов XVIII в. торгово-ремесленное население, теперь именовавшееся купцами и мещанами, насчитывало здесь уже 512 душ мужского пола, не учитывая казаков и других неподатных служилых людей¹⁵⁰.

Около половины посадских жителей Самары составляли лица, не имевшие собственных мастерских или лавок, работавшие в основном по найму. 30 % посадских занимались ремеслом, 20% — торговлей, причем крупных торговцев практически не было¹⁵¹.

Посадское население городов Поволжья постоянно увеличивалось не только за счет естественного прироста, но и в результате приписки к городским общинам новых членов из других сословий, поселившихся “своими дворами и при домах хозяйских” в городской черте. Обязательным условием “приписки” выступало участие в торговле или промыслах. По этим признакам городские сословия пополнялись из отпущенных на волю помещичьих крестьян и дворовых людей, из крестьян государственных и дворцовых разных национальностей, из отставных служилых людей, из “не знающих своих помещиков”, т.е. беглых.

11 февраля 1764 г. в Самарский магистрат поступило прошение ясадного крестьянина села Аскулы Т.А. Шишова о принятии его в число цеховых мастеров города Самары. Просьба обосновывалась тем, что “жительство де он по кожевенному своему ремеслу имеет в городе Самаре, ради чего необходимо принужден он купить свой дом”. К прошению было приложено “отпускное письмо”, которое дали “села Аскулы ясадных крестьян сотник Григорей Афонасьев, староста Арте-

мей Федосеев с согласия всех мирских того села людей” Шишову, “живущему в городе Самаре своим двором, у коего имеется рукодельное кожевенное ремесло... ибо он, Шишов, в селе Аскуле крестьянской на пашню земли и прочих угодей не имеет”¹⁵².

По тем же признакам места жительства и владения ремеслом решался вопрос о причислении к посадской общине “Самарского уезда села Винновки ясачного крестьянина Савелья Васильева сына Дудинцева... обще з братьями и з детьми их”. Воеводская провинциальная канцелярия в Симбирске поручила рассмотрение этого дела Самарскому магистрату: “Естли подлинно... жительство имеют в городе Самаре своими домами и подлинно, как оной Дудинцев при деле в самарской канцелярии скаскою показал, что имеет рукавишное и овчинное ремесло, освидетельствовать обще со определенными от того магистрата алдерманы. И буде по свидетельству точно окажется, також и дома свои имеет, то их определить в цехи”¹⁵³.

Самарские казаки также занимались хлебопашеством и скотоводством, промыслами и торговлей, мало отличаясь по своим занятиям от посадских людей. Некоторые из них переходили в городские сословия. Так, 24 сентября 1768 г. оренбургский губернатор подписал “ордер” (приказ), по которому “самарский казак малолеток 15-ти лет Алексей Хопрянинов” переводился в купеческое сословие, так как “обращающегося в торгу капитала имеет слишком на тысячу рублей и желает устроить мыльный и кожевенный заводы”, а потому “купцом Хопрянинов будет более полезен, чем казаком”¹⁵⁴. Численность находившихся на службе казаков в Самаре во второй половине XVIII в. составляла около 100, а вместе с отставными и малолетними до 300 человек мужского пола.

Помещики-дворяне, чиновники, офицеры являли немногочисленные группы постоянных жителей городов Самарского края. Невелика была и принадлежавшая им дворня. Небольшое число крепостных дворовых людей имелось у богатых купцов и казачьих командиров. У купца Д.Рукавкина было трое дворовых слуг из пленных башкир, атаман самарских казаков А.П. Углицкий в 1763—1764 гг. купил семь дворовых, один из которых, правда, сразу же сбежал. Но среди слуг и работников во дворах, мастерских, лавках зажиточных посадских и казаков преобладали, конечно, нанятые из городской бедноты и крестьян.

Органы власти. Городская застройка. С 1708 г., когда было введено новое административное деление страны, Самара значится уездным городом Казанской губернии. В 1717 г. ее уезд переводится в Астраханскую губернию, а со следующего года числится в составе Симбирской провинции (промежуточного звена местного управления между губернией и уездом). Вскоре эта провинция была передана вновь в Казанскую губернию.

Во главе самарских властей оставался воевода, наделенный очень широкими полномочиями. Так, в законе было установлено право воевод брать под стражу неплательщиков подати. В 1731 г. воевода Кушников принудил самарских купцов взять на себя выплату завышенной суммы кабацкого сбора — казенного дохода от продажи вина, а недо-

вольные этим решением “держаны были и морены в тюрьме в цепях и в колодках”¹⁵⁵.

В первой половине XVIII в. в городе действовали следующие правительственные учреждения: воеводская канцелярия, магистрат – орган городского самоуправления, крепостная контора по оформлению различных актов и сделок (“крепостей”), таможня для сбора торговых пошлин. Для управления непосредственно городом и гарнизоном вводились должности городничего или коменданта. Им могли поручаться обязанности воеводы, и последняя должность в таком случае упразднялась.

Вместе с обычными для уездных городов учреждениями в Самаре в первой половине 30-х годов XVIII в. находилась команда тайного советника Ф.В. Наумова, руководившего строительством новой Закамской линии, а с 1736 г. разместился штат Оренбургской экспедиции, на которую возлагались задачи закрепления под властью российского монарха обширных территорий Заволжья и Южного Урала, земледельческого и промышленного освоения этих земель, развития торговых и политических связей с народами Казахстана и Средней Азии. Сложность поставленных задач потребовала и достаточных воинских сил, и опытных инженеров, геодезистов, переводчиков, коммерсантов, и решительных, гибких, разносторонне образованных руководителей. По своим рангам и положению командиры Оренбургской экспедиции входили в число высших администраторов государства наравне с губернаторами. За время пребывания штата экспедиции в Самаре ее последовательно возглавляли видные государственные деятели из младшего поколения “птенцов гнезда Петрова” — сподвижники и последователи царя-реформатора: И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, В.А. Урусов, И.И. Неплюев. При Неплюеве подразделения экспедиции переводятся из Самары в утвержденный на современном месте Оренбург, который стал в 1744 г. центром новой обширной губернии, а сам Неплюев – ее первым губернатором.

О внешнем виде города в то время можно судить по уникальному свидетельству, оставленному художником-очевидцем. Облик Самары конца 30-х годов XVIII в. был запечатлен сотрудником Оренбургской экспедиции Джоном Кэстлем¹⁵⁶. Сделанная по его рисунку гравюра превосходит по достоверности более ранние изображения этого города из книг А. Олеария или К. де Бруина. Дело в том, что Дж. Кэстль – первый из художников, который видел и рисовал Самару, не просто проплывая мимо нее по Волге, а прожив здесь несколько лет.

На гравюре среди рядовой тесной жилой застройки бросаются в глаза традиционные для любого старинного русского города строения, не связанные напрямую с пребыванием Оренбургской комиссии. Это прежде всего каменные и деревянные храмы, а также крепостные сооружения начала XVIII в. Гравюра дает единственную на сегодняшний день возможность представить себе храмы Самары тех лет, поскольку из них ни один не сохранился до настоящего времени. Ни одной из изображенных здесь построек не существовало уже в XIX в., кроме церкви Спасо-Преображенского женского монастыря. Этот храм, просто-

явший с конца XVII в. до 1952 г., находится в правой части гравюры ближе всех к реке Самаре и представляет собой каменную центрическую постройку популярного в русском барокко типа “восьмерик на четверике”.

Небольшой храм слева от него и выше на холме является каменной Никольской церковью, где был похоронен в 1737 г. И.К. Кирилов. Для этой же “церкви святителя Николая” в 1739 г. был отлит “по усердию тайного советника Татищева” колокол. В 1741 г. возле той же церкви был погребен В.А. Урусов, преемник Татищева на его должности в Самаре. В 1744 г. Никольский храм стал приделом нового Казанско-Богородицкого собора (на гравюре его еще нет), который своим типом “восьмерика на четверике” походил на Спасо-Преображенскую церковь. Внутри этого собора оказались и упоминавшиеся могилы выдающихся государственных деятелей России. Эти могилы оказались утрачены вместе с разрушением собора в XX в.

Остальные церкви Самары были деревянными и весьма разнообразными. На переднем плане близ берега Волги можно увидеть все основные распространенные на Руси типы деревянных храмов: клетский, шатровый, многоярусный. К первому типу относится древнейшая соборная церковь Самары – Троицкая, что стоит ниже всех по Волге в древнейшей части города, там, где когда-то находился кремль XVI–XVII в. Похожей клетской постройкой с легкой шатровой колокольней является и одна из церквей мужского Спасо-Преображенского монастыря, помещенного художником почти в центр рисунка. Рядом с ней возвышается другой монастырский храм, который увенчан очень высоким деревянным шатром. В левой части гравюры видна ярусная (два уменьшающихся кверху восьмерика на четверике) Вознесенская церковь и при ней еще одна шатровая колокольня. Церковь расположена почти на самом краю жилой застройки в пределах одноименной Вознесенской слободы.

Из крепостных сооружений особенное впечатление производит возвышающаяся над городом сторожевая башня, названная художником “Wachthurm”. Ее можно сопоставить с известной по описаниям Самары “обвахтой” (от немецкого “обервахта” или “гауптвахта”), стоявшей у проезжих ворот крепости. Действительно, за этой башней-караульней на гребне холма виден земляной вал городской цитадели, поставленной за пределами жилых кварталов. Над ним выглядывают кровли находящихся внутри вала строений. От вала влево тянется и спускается к Волге цепь деревянных построек, промежутки между некоторыми забраны оградой. Эти защитные сооружения закрывают подход к городским улицам и слободам со стороны степи между цитаделью и рекой. Известно, что ближайшая к берегу башня называлась Волжской. От нее “палисад” – частокол поднимается к еще одной безымянной башне и продолжается далее до городских проезжих Вознесенских ворот, которые на рисунке проглядывают за Вознесенской церковью.

Подтверждением достоверности рассмотренного изображения является краткое описание Самары, сделанное буквально в те же годы. Оно вполне подошло бы в качестве подписи к рисунку Кэстля: “Город

Самара. На берегу Волги и Самары реки. У Волги влеве, у Самары вправо на самых вилах, где впадает в Волгу Самара, с восточную сторону имеет вал земной и была деревянная городьба, коя почти уже рассыпалась. Церковь Николая чудотворца каменная, соборная (Троицкая – Ю.С.) и одна приходская (Вознесенская – Ю.С.) и два монастыря, мужской и женской; канцелярия и воеводской дом деревянные... Ныне в том городе оренбургского командира дом и прочаго строения канцелярия, сарай, служительские казенные дома, школы немалым числом построены”¹⁵⁷.

В отличие от церквей и укреплений гражданские строения общественного назначения или отдельные жилые дворы на гравюре никак не обозначены и графически ничем не выделяются из рядовой застройки. Можно сделать вывод, что особым размахом казенное и частное строительство в Самаре не отличалось. Оно исходило из узких практических нужд. Излишних усилий на придание представительности и выразительности зданиям даже общественного назначения, за исключением культовых, не предпринималось.

Все жилые дома в Самаре XVIII в. оставались деревянными, что требовало постоянных забот о противопожарной безопасности. В 1765 г. вспыхнул третий по счету с 1745 г. большой пожар, унесший “церквей каменных две, деревянных две же, магистрат, воеводский дом и все тамошняго купечества лавки, два кабака, да обывательских 418 дворов, людей женска пола 2 человека”. От огня “с великим трудом” были сохранены соборная церковь, пороховой погреб, склады казенного продовольствия, водки и соли, ведавший сбором податей комиссариат и всего лишь 170 “обывательских дворов”. После этого пожара из города вывели кузницы и скотобойни, опасные в пожарном отношении. Жителям рекомендовалось увеличить расстояния между постройками и строить дома каменные или на каменном фундаменте, но эти рекомендации не помогли, и постоянная угроза пожаров продолжала преследовать горожан. В 1772 г., например, в одну ночь сгорело 76 домов¹⁵⁸.

Городские власти наблюдали также за соблюдением чистоты и уборкой мусора с улиц и дворов. Сор первоначально свозился в яму около Убогого дома (богадельни) на окраине города, в 1741 г. ее засыпали и отвели новое место под свалку в нескольких верстах от города¹⁵⁹. В конце XVIII в. отмечалось, что в Самаре “воздух всегда чистый, благотворный и для жития весьма здоровый”.

Самара постепенно утрачивает свое административное значение. Более молодые соседние города становятся выше нее по рангу, превращаясь в центры провинций (Симбирск, Ставрополь) и даже губерний (Оренбург). Уездный статус Самары оказался под вопросом.

Город Самара и пригород Алексеевск формально находились в пределах Симбирской провинции Казанской губернии. Однако они и их округа оказывались в сильной зависимости от оренбургских властей. Лишившись собственного воеводского управления, которое было одновременно военным и гражданским, Самара попала в двойное подчинение властям разных губерний. Гражданскую власть в городе, распространявшуюся на купцов и прочих посадских людей, представляли ко-

миссариат и магистрат, зависимые от Казани. Военная власть вместе с заботами об оборонительных укреплениях и гарнизоне, включая управление той частью города, которую занимали солдатские и казацкие дворы, сосредоточивалась в руках коменданта, назначаемого Оренбургом.

В 1768 г. Сенат представил доклад императрице об окончательной передаче города Самары в Оренбургскую губернию “для того, что жительствующие в нем почти все оренбургской команды”, который, однако, не был утвержден. После повторного обращения Военной коллегии и Сената в 1773 г. был все-таки издан указ о переводе Самары в ранг приписанной к городу Ставрополю слободы. Села и деревни бывшего Самарского уезда передавались в Сызранский. Реализовать это решение не успели. Крестьянская война 1773–1775 гг. заставила правительство для укрепления власти на местах провести масштабную административную реформу и вернуть Самаре статус уездного города¹⁶⁰.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ (XVII – XVIII веках)

АНТИКРЕПОСТНИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

Развитие крепостничества. В конце XVI – XVII в. в России окончательно оформляется система крепостного права. Феодально-крепостнические отношения проникают в новоосваиваемые районы, вовлекая в свою сферу население территорий, недавно вошедших в состав Российского централизованного государства. Именно в это время начинается складываться система “государственного феодализма”.

Оформление крепостничества вызвало резкое обострение взаимоотношений между крестьянством, средними и беднейшими слоями посадского населения и феодалами. Это нашло отражение в усилении социальных противоречий, перераставших в XVII в. в мощнейшие выступления эксплуатируемого населения. Характерная особенность массовых антикрепостнических движений в России состояла в том, что первоначальные очаги их возникновения и территория наибольшего распространения приходились на окраинные районы, население которых более обостренно реагировало на усиление феодального гнета. Самарский край входил в ареал этих земель. Его население формировалось в основном из беглых людей, уходивших за “волей”, подальше от крепостнического центра. В Среднее и Нижнее Поволжье со всех концов страны стекались бездомные люди, которым нечего было терять. Степень эксплуатации их была чрезвычайно высока. Вся эта масса люмпенизированных работников промыслов и волжского судоходного транспорта была готова вести борьбу против системы насилия, жесточайшей эксплуатации и беззакония. Конкретными виновниками своих бед эти люди считали местную феодальную администрацию, верхушку волжских предпринимателей, приказных людей из центра.

Значительно ухудшилось положение самарского крестьянства. Пришлое население селилось на дворцовых, монастырских, патриарших землях, где ему предоставлялись поначалу значительные льготы. Позже за лес, который они прежде свободно рубили, за рыбные ловли, бортовые урожаи — за все со временем приходилось платить, и чем дальше, тем больше. Постоянно вводились новые налоги, увеличивались старые, появлялись чрезвычайные сборы. Во второй половине XVII в. и особенно к началу XVIII в. наиболее быстро росли государственные налоги, значительно опередившие по своим размерам частновладельческие сборы. Особенно трудны были различные повинности: строительные работы, посылки с обозами и т.д. Постепенно поселенцы оказались втянутыми в жесткую систему крепостнических отноше-

ний. Ухудшилось правовое и социально-экономическое положение служилых людей края. Недаром жители Печерской слободы писали, что за “службой”, постоянными разъездами, бесконечными посылками они не успевают заниматься собственным хозяйством, “совсем оскудали”.

Во второй половине XVII в. быстро росло количество частновладельческих крестьян — монастырских и помещичьих. Их положение также изменилось в худшую сторону: увеличилась феодальная рента, стала преобладать наиболее тяжелая ее форма — отработочная, что вызывалось увеличением барской запашки. В Надеинском Усолье, например, монастырские крестьяне, бобыли и работные люди в 1660 г. пахали на монастырь 30 четвертей в одном поле, а в 1686–1687 гг. монастырская запашка увеличилась до 387 четвертей в поле, “а в два потому ж”¹. Ценность хлеба росла, монастыри и помещики старались увеличить размеры барщины. В частных владениях велось крупное строительство мельниц, хозяйственных и жилых помещений, рыбных дворов. Устанавливалась мелочная регламентация жизни крепостных, сковывалась хозяйственная инициатива людей. Рабочих рук не хватало, поэтому владельцы пытались использовать как только возможно все имеющиеся. Часто встречались случаи грубейшего произвола со стороны местной администрации — обман, насилие, грабеж.

Формы антикрепостнических выступлений. Яркий пример — многолетняя (1673–1684) борьба жителей Надеинского Усолья против произвола монастырского старца промышленника Леонтия Моренцова, известного как своей энергичной хозяйственной деятельностью, так и постоянными злоупотреблениями властью². О последнем обстоятельстве свидетельствует несколько десятков челобитных из вотчины. Они исходили не только от зависимого населения, но и от людей, равных Л. Моренцову по служебному положению. Одного из них, промышленника Г. Черниговца, Л. Моренцов “морил голодною смертью и ставил на правеж”. Случаи угроз, избиений жителей Усолья, насилий, незаконных поборов и отработок, а то и просто ограблений — и все это систематически, из года в год, стало нормой поведения старца. Даже местного священника И. Венедиктова Моренцов “посадил на цепь и бил его смертным боем дубиной и убил до смерти”. Соучастниками своих преступлений, своеобразными телохранителями старец сделал двух усольских жителей из семьи трубного мастера, одной из наиболее привилегированных в Усолье.

Жители вотчины не без основания считали, что подобные злоупотребления и преступления должны быть наказуемы. В своих челобитных они ни в коей мере не пытались выступить против основ феодальных отношений, системы повинностей и т.д. Главная цель челобитчиков состояла в том, чтобы отозвать Л. Моренцова из Усолья, прекратить злоупотребления. Однако добиться справедливости с помощью челобитных даже в самые высокие инстанции — на имя царя, патриарха, властей Савво-Сторожевского монастыря — населению вотчины не удалось. Доведенные до крайности, жители Надеинского Усолья летом

1682 г. решились на открытое выступление. В нем приняло участие большинство населения вотчины. Видимо, это была уже не первая попытка открытого неповиновения, так как Моренцов писал о “прежних мятежниках”.

Спротивление жителей властям не переросло в вооруженное восстание. Крестьяне, работные люди, бобыли прекратили все работы на промыслах, перестали подчиняться старцу: “...от этого соляной и рыбный промысел остановился и рыба в монастырь не идет”. В Москву послали челобитчиков с прошением вывести Надеинское Усолье “из-под монастыря”. Выступление закончилось неудачей. Вотчина осталась за монастырем, промышленника не сменили. Но власти Савво-Сторожевского монастыря поняли, что дальнейшее пребывание Л. Моренцова в Усолье может привести к еще более серьезным выступлениям жителей. Об этом свидетельствовали новые челобитные на имя уездных властей, патриарха и т.д. В сентябре 1684 г. Моренцову все же пришлось сдать вотчинные дела. Так закончилось правление этого жестокого самодура, длившееся более 10 лет.

Подстать Леонтию Моренцову были и другие управляющие феодальными владениями. Вот как образно очертил границы своей власти в Надеинском Усолье бывший там промышленником в 1695 г. старец Анфиноген: “...хто де у меня попросит властиной указ, у меня де указ в палке”³.

Усиление крепостного гнета сказывалось также на положении чувашского и мордовского населения Самарского края: наряду с классовой все более отчетливо выступали национальная и религиозная формы угнетения.

Недолгая “тишина” на Средней Волге, наступившая после потрясений Смутного времени, сменилась в середине XVII в. новым усилением социальных противоречий. Спротивление населения приобретало самые различные формы: уклонение от переписей, налогового обложения, подача челобитных. Одной из форм социального протеста являлось бегство. Уйти с обжитого места, бросив дом, хозяйство, лишиться поддержки общины — на все это могли толкнуть лишь очень серьезные обстоятельства. Например, в Надеинском Усолье несколько семей бежало, исчерпав все легальные средства борьбы с промышленником и не в силах выдержать длительное судебное разбирательство, мытарства, связанные с ним. Жители села Юловское городище Новоспасского монастыря “от всего этого [судебных тяжб]... разорились вконец и многие разбредлись”⁴.

Подобная формула часто встречается в крестьянских челобитных, и за этим протокольным оборотом видится подлинная драма эпохи. Когда в 1723 г. производилась перепись яицкого казачьего войска, выяснилось, что по числу жителей, ушедших к казакам, Самарский уезд при сравнительно немногочисленном населении занимал второе место. О массовых уходах говорит и такой факт: с 1678 по 1719 г. в Рождественской волости запустели 340 дворов⁵.

Говоря о бегстве из Самарского уезда, необходимо учитывать, что самовольный уход населения по своим масштабам ни в коей мере не

сравним с притоком беглых на территорию края. Массовое бегство из Самарского Поволжья началось только в конце XVII – начале XVIII в.

Наиболее распространенной формой пассивного сопротивления хозяевам и властям во второй половине XVII в. была подача челобитных. Чаще всего эти жалобы застревали в самарской приказной избе, но порой доходили до Казани и даже до Москвы. На территории края располагалось много монастырских владений, для населения которых именно челобитье на неправомерные действия вотчинной администрации являлось наиболее типичным способом протеста.

Порой действия крестьян выходили за пределы пассивного сопротивления. Несмотря на то что в самарских селениях и городах уже было известное имущественное расслоение, в борьбе против усиливающейся крепостной эксплуатации, произвола администрации сельские и посадские миры выступали, как правило, заединщиками. Местные власти пытались расколоть жителей, меняли старост, заставляли подавать контрчелобитные, подкупали часть населения, но их посулам и угрозам поддавались немногие. В мирских челобитных, дополняющих и обосновывающих отказ зависимого населения работать на феодальных господ, община просила снизить налоги и дать жителям в голодные годы хлеб из владельческих житниц, отозвать наиболее ненавистных управителей, прекратить злоупотребления, перевести крестьян в разряд государственных. Случаи массового неповиновения значительных групп населения, подобные событиям в Надеинском Усолье, были не так уж редки.

Еще более яркий факт неповиновения произошел в 1704–1705 гг. в вотчине московского Вознесенского монастыря в селе Кузмодемьянском (Старая Рачейка)⁶. Голод поднял крестьян на выступление, инициаторами которого стали бывшие ссыльные Осип Никитин, Василий Муратов, Матвей Делев. Крестьянский мир вместе со старостой Михаилом Назаровым держался твердо и не отступал от просьб, изложенных в многочисленных челобитных. Своих соседей поддержали жители Городищенской слободы (ныне г. Октябрьск) этого же монастыря. Здесь инициаторами выступления были “крестьяне небольшие”. Поддержала их также вся община вместе со старостой. Эти выступления не переросли в вооруженные столкновения, но и в них проступают начала организованности, попытки выработать свою программу действий, использовать все легальные средства борьбы.

Власти, опасаясь последствий такого коллективного протеста, пытались кончить дело миром, шли на малые уступки, отзывали наиболее запятнавших себя управителей.

Однако эти декоративные полумеры приводили только к кратковременному затишью. Социальные противоречия, затухая в одном месте, с новой силой всдыхивали в другом. В той же слободе Городищенской весной 1707 г. произошло убийство приказчика. Новый с помощью местных сызранских властей энергично повел розыск и выяснил, что убийство было совершено в целях грабежа. Вскоре нашли бандитов, за которыми числилось не одно преступление. Однако при расследовании дела выяснилось, что за обычной уголовщиной скрывается

глубокий социальный конфликт. Жители слободы знали о готовящемся преступлении и оказали помощь “грабителям”, поскольку рассматривали этот разбой как акт социального возмездия. В своей челобитной вдова убитого приказчика обвинила общинного старосту Дмитрия Щеку и ряд крестьян слободы в том, что они не раз угрожали ее мужу, отказывались платить налоги, посылали в Москву челобитные с просьбой его отзывать.

По настоянию нового приказчика И. Алемасова на длительный срок посадили под стражу старосту, его жену, нескольких крестьян. Их обвинили в неуплате налога и пособничестве налетчикам. Хозяйство крестьян было подорвано. Д. Щека, только через несколько месяцев отпущенный под поручительство, “побрел к Москве бить челом”.

И. Алемасов, получив из Монастырского приказа указание любым путем собрать непосильный для крестьян оброк и невзирая ни на какие отговорки наказать старосту и выборных крестьян за допущенные недоимки, энергично принялся за дело. Крестьяне жаловались, что он “мирских выборных людей человек 20 бил и увечил батожем... поклялся старосту бить и дом разрушить”. Под грубым нажимом приказчика крестьяне вынужденно избрали нового старосту, С. Зотова. Но и тот не смог собрать недоимки, за что его и выборных Алемасов два дня держал на правеже. Под диктовку приказчика новый староста от лица жителей подневнольно написал челобитную, в которой прежний староста и выборные обвинялись в том, что действовали якобы без согласия мира, что они, “мятежники и плуты”, бежали из-под караула неизвестно куда. В ней содержалась также просьба не разорять вотчину, простить крестьян за волнения. Этим шагом Алемасов пытался обезопасить себя от многочисленных жалоб местных крестьян.

Глухая борьба между приказчиком и жителями вотчины длилась не один год. За это время было подано несколько челобитных, но положение практически не изменилось. Жители вотчины не могли справиться с огромными податями, с недоимками, накапливавшимися из года в год. Значительно позже описываемых событий Алемасов писал, что недовольные крестьяне, среди которых был и бывший староста Щека, подбивают людей, делают сходы у своих дворов, собираются ночью с “небольшими людьми”. Власти Монастырского приказа реагировали на такие донесения однозначно: бунтовщиков наказать кнутом, оброк собрать; у тех, кто не может платить, отнять имущество; если же приказчик не соберет деньги – самого отправить на каторгу. Жители слободы, отчаявшись облегчить свое положение, были готовы на новое выступление. В 1708 г., когда отряды Кондратия Булавина подступали к Саратову, они отказались давать на монастырский двор карульщиков и собирались присоединиться к повстанческому войску.

По меркам средневекового русского правосудия явиться к представителям местной администрации “скопом” и открыто заявить о своих требованиях считалось тяжким преступлением. Но и это не останавливало людей. В 1648 г. самарские жители приходили “скопом” к воеводе в съезжую избу, “невежливые слова говорили... учинились сильны и непослушны”⁷. Как правило, стороны, участвовавшие в конфликте,

пытались изложить события в свою пользу. По содержанию одной из отписок монастырских властей, в октябре 1688 г. жители промыслов Надеинского Усолья приходили “бунтом и скопом” и хотели убить наиболее ненавистных подручных промышленника. По словам же очевидца усольского священника В. Антипова, “переволокские жители приходили к промышленнику с властиной грамотой... и из них вышедший Кондратий Казак в келье стал говорить промышленнику, и говорил много против властиного указа и грамоты, чтобы указ учинил, а бунтом и скопом... они не приходили”⁸.

Таким образом, классовые столкновения были постоянным явлением в социальной жизни крупной вотчины Самарского Поволжья. Основная форма их проявления – подача челобитных. Вспышки активности приходились на моменты нарушения правовых норм вотчинной жизни, резкого ухудшения положения населения. Вполне можно говорить о наличии элементов собранности. Однако организованность крестьян не выходила за пределы одной общины, мира. В ряде случаев наиболее активно выступали беднейшие слои населения, но, как правило, их поддерживал весь мир. Бегство как форма классового сопротивления не получило широко развития. В этом сказалась специфика изучаемого региона⁹.

“Разинщина” в Самарском крае. В документах нет сведений о самостоятельных вооруженных выступлениях населения Самарского края. Сильнейшее недовольство жителей крепостническими порядками, действиями вотчинной администрации могло вылиться в форму вооруженного восстания только при проявлении поблизости крупных повстанческих центров. Ф. Энгельс, анализируя способность немецкого феодального крестьянства подняться на вооруженную борьбу, точно подметил: “Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего согласия. Действовала долгая... привычка к подчинению... жестокость эксплуатации то усиливалась, то ослабевала в зависимости от личности господина — все это помогало удержать крестьян в повиновении”¹⁰. Только размах крестьянских войн, крупные восстания могли вселить в угнетенных уверенность в победе, надежду на освобождение от крепостного гнета.

Это убедительно подтверждают материалы, относящиеся ко времени развертывания в Среднем Поволжье крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Для разрешения назревших противоречий понадобился сам факт появления на территории края повстанческого войска — и в восстании приняло участие большинство населения Самарского края. Столь массовое движение показало, что люди выступали не против отдельных злоупотреблений, не за соблюдение норм феодальной законности, как это может показаться из текста челобитных, а против всей системы эксплуатации.

Тревожные вести о волнениях на Дону начали поступать в самарскую приказную избу уже в конце 1669 – начале 1670 г. По указаниям из Москвы и Казани воевода И. Алфимов должен был послать своих людей на Дон, чтобы проведать о замыслах казаков. По всем поволжским городкам разошлись указы, требовавшие быть настороже, внима-

тельно следить за людьми в гарнизонах и на посаде. Царские воеводы П.С. Урусов и Ю.Н. Барятинский, под Казанью и Саранском собиравшие две правительственные армии, решили в Саратове создать заслон для продвижения разинцев по Волге, послав туда три сотни стрельцов из Казани и две из Самары.

Уход значительной части самарского гарнизона серьезно ослабил вооруженные силы самой крепости. К тому же весной 1670 г. начались столкновения с кочевавшими поблизости калмыками и башкирами. Алфимов писал о том, что в конце мая 1670 г. приходили под вечер к Самаре “многие воинские люди калмыки и изменники башкирцы изгоним и под городком на степи дальние надолбы разломали и многими людьми приехав в надолбы и у города под Вознесенском слободою лошади и животинные стада отогнали, да в полон взяли дву человек пастухов и отогнав те стада в дальних надолбах сожгли две башни и стали в степи от города версты по три и по четыре”¹¹. Однако с внешним врагом, каковым являлись кочевники, самарские воинские люди могли справиться без особых усилий. Главная опасность крылась внутри самого городка. Приборные люди и посадские низы были “шатки” и только ждали прихода разинцев. Такие же настроения охватили сельских жителей. После 15 августа в Самаре появились стрельцы, бывшие на службе в Саратове, и принесли весть о том, как легко сторонникам Разина удалось захватить соседнюю крепость.

По-видимому, восстание в Самаре началось еще до прихода разинских стругов под город. Воевода и небольшая группа начальных людей не могли оказать действенное сопротивление, и Степану Разину с его атаманами открыли ворота крепости. Воеводу Алфимова с немногими сторонниками казнили, в городке устроили самоуправление по типу казачьего круга. Движение низов в Самаре возглавил местный посадский житель “Игошка Говорухин”. В одном из документов того времени читаем: “...всякое бунтовство от них, воров [яицких и донских казаков], да от самаренина Игошки Говорухина”¹². На сторону разинцев перешли не только рядовые приборные люди, но и сотни “Мишка Хомутов” и “Алешка Торшилов”. Разинские отряды недолго оставались в городке, вскоре они двинулись под Симбирск, а с ними “было самарян 50 человек и конных стрельцов 40 человек”¹³.

Активно поддерживала восстание относительно небольшая часть самарцев, готовая идти до конца с Разиным. Остальные, более зажиточные, были не прочь примкнуть к широкому народному движению при явных его успехах, но в случае неудач так же быстро оставить его. Когда после разгрома под Симбирском несколько легких разинских стругов вместе с самим атаманом подошли к городку, взявшая на время верх умеренная часть жителей не пустила разинцев в город, оставив им на разграбление предместье.

После неприветливой Самары струги Разина остановились на недолгое время в Тихих водах у Соснового острова (рядом с современным Хвалынском), где у Разина была назначена встреча с калмыцкими тайшами, но, не дождавшись последних, разинцы ушли по Волге на Дон.

Меж тем Самарский край осенью 1670 г. стал одним из центров сбора мятежных сил, стекавшихся с Яика, из южных городков, крепостей и слобод Симбирско-Корсунской черты. В Самаре появились такие крупные предводители крестьянской войны, как Леско Черкашенин, названный брат Степана Тимофеевича, Ромашка Тимофеев, Михаил Бешеный и др. Тимофеев после разгрома под Симбирском привел в Надеинское Усолье отряд повстанцев численностью около 500 человек. Монастырские жители примкнули к разинскому атаману, пополнив его отряд. Позднее, в октябре, Тимофеев перешел в Самару, забрал продовольствие, снаряжение, “зелье” и скрылся в гуще разворачивающихся в Симбирском крае сражений, под Урень. Правда, после ухода атамана жители Усолия в ноябре послали в Симбирск делегацию, в которую входили промышленник Феодосий, священник и пять крестьян “от всех усольцев, чтоб великий государь пожаловал их, велел вины им отдать, что они были у Стеньки Разина”¹⁴. Однако последующие события показали, что симпатии усольцев все-таки были на стороне восставших.

Громить Белый Яр, одну из крупных крепостей Симбирского Поволжья, ушел второй многочисленный отряд из Самары под руководством “пущего заводчика” И. Говорухина. Отряды повстанцев стояли не только в Самаре и усольских слободах, но и в других крупных селениях края — Рождествене, Выползове, Жигулях, многие жители которыхполнили их состав. Недаром потом, при розыске, население этих селений было причислено к “пущим вора́м” и сослано на Север, а то и повешено.

Зимой 1670/71 г. самарцы, оставшиеся верными правительству, доносили, что настроение в городе меняется, но самарские атаманы, опираясь на отряды яицких казаков, прочно держат власть в своих руках. В декабре симбирские посадские люди М. Левонтьев и Ф. Чебоксаренин повезли в Самару царскую увещательную грамоту. Однако время для сдачи города еще не подошло. Посланцев схватили, посадили в тюрьму “за крепкими караулы скованных” и “к воде их казнить приводили по многое время”¹⁵. Однако самарские “политики” проявили дальновидность: задержанных не только не казнили, но вскоре отпустили.

Долгую зиму и весну 1671 г. Самара не подчинялась правительственной администрации. Все это время самарцы посылали доверенных лиц на Дон прознать, как там Разин. Слухи оттуда обнадеживали: “...крестьянский вождь силен и здоров и вновь собирает силы, чтобы повторить свой поход”. Однако в начале лета под Самарой появились струги не Степана Разина, к тому времени схваченного и отвезенного в Москву, а его верного соратника Федора Шелудяка. У городка армию Шелудяка встретил крупный, в тысячу человек, отряд во главе с атаманом “Бывашкой Константиновым”¹⁶. Откуда пришли повстанцы в крепость, как долго в ней находились, дожидаясь Шелудяка, неизвестно.

После разгрома второго похода разинцев под Симбирском почти две тысячи повстанцев отошли в Надеинское Усолье. Крестьянская война затухала, и, не получив обнадеживающих известий, люди из Усолия перешли к Самаре, а затем “разбредись врозь”.

Новая неудача сломила дух сочувствующих разинцам горожан и сельских жителей. По указанию находившегося в Симбирске боярина П.В.Шереметьева самарцам вновь послали увещательную грамоту. 29 июня 1671 г. город принес повинную. Челобитную с просьбой о царской милости повезли к боярину 10 выборных из лучших и средних людей¹⁷. Так завершилась длившаяся почти год эпопея крестьянской войны и вольной жизни в Самарском крае. Здесь не проводили таких кровавых расправ с участниками восстания, как накануне осенью под Арзамасом, Алатырем, Симбирском. Невелико было число повешенных, больше сосланных на Север – в Двину, Пустозерск. Накал взаимной ожесточенности заметно поутих.

УЧАСТИЕ ЖИТЕЛЕЙ КРАЯ В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ ЕКАТЕРИНЫ II

Обострение социальных конфликтов в XVIII в. и созыв Уложенной комиссии. Бремя налогов, поборов, повинностей в XVIII в. постоянно отягощалось. Система подушного обложения, заменившая при Петре I подворный налог, резко усилила гнет податей ради увеличения государственных доходов. Крестьяне всех сословных разрядов должны были уплачивать в казну по 70 коп. в год за каждую душу мужского пола. Для государственных крестьян установили дополнительный налог, так называемый оброчный сбор, его они платили вместо тех повинностей, которые несли помещичьи крестьяне в пользу своих хозяев. С 1725 г. до конца XVIII в. оброчная подать государственных крестьян выросла в 7,5 раза – с 40 коп. до 3 руб. с ревизской души.

При увеличении оброчной подати правительство каждый раз объявляло, что оно освобождает крестьян от всех других казенных сборов, служб, повинностей. Однако эти обещания не выполнялись. Крестьяне продолжали нести в пользу государства тяжелые натуральные повинности: рекрутские наборы, сопровождение казенных грузов и колодников, войсковые постой и т.д. Эти обязанности раскладывались на все разряды крестьянства, но особенно ими были отягощены крестьяне государственные. Натуральные повинности отрывали крестьян от своего хозяйства, сопровождалась вымогательствами и злоупотреблениями властей, сборщиков податей.

Острые конфликты возникали при наступлении помещиков на земли государственных крестьян. В 1765 г. статский советник Арнаутков попытался согнать с земли жителей новопоселенной деревни Сок Камышлы (Борисовой), “разведав о удобстве мест и что... дикопорослая земля... распахана и ко посеву удобрена”. Будучи на службе в губернской канцелярии, Арнаутков оформил документы, по которым земля, кормившая уже 285 крестьян мужского пола, а еще женщин и детей, была представлена как “пустопорозжая” и передавалась ему. Поддерживая влиятельного в губернии чиновника, власти прибегли к арестам протестовавших крестьян, описи их скота и имущества, фабрикации уголовных дел, но не смогли сломить сопротивление. Крестьянский во-

жак и основатель этой деревни Борис Алексеев скрылся от преследования, добрался до Петербурга, где сумел добиться рассмотрения данного дела в высшем правительственном учреждении – Сенате. Там приняли компромиссное решение о размежевании спорной земли между государственными крестьянами и помещиком¹⁸. Такой, хотя бы частичный, успех крестьян в борьбе с помещичьей алчностью был редкостью, так как аппарат управления стоял на страже интересов прежде всего дворянства.

В комиссию подполковника А.И. Свечина, направленную Сенатом в Среднее Поволжье в 1763 г., подали жалобы тысячи крестьян, в том числе жители Самарского края. Поволжское крестьянство обращало внимание представителей центральных властей на притеснения со стороны помещиков, чиновников, духовенства, купцов. Однако все жалобы и просьбы, поданные Свечину, по указу от 2 июля 1765 г. велено было “оставить без всякого производства”.

Во второй половине XVIII в. в России одновременно продолжается усиление крепостнического гнета и начинает формироваться капиталистический уклад в экономике. Самодержавие пыталось приспособиться к меняющимся условиям путем осуществления политики “просвещенного абсолютизма”. Одним из наиболее ярких проявлений этой политики явился созыв в 1767 г. комиссии для составления проекта нового Уложения (свода законов). Допущенные к участию в работе Уложенной комиссии сословия, в число которых не вошли частновладельческие крестьяне, представили свои многочисленные требования, прозвучавшие в наказах избирателей и выступлениях депутатов. Впервые за всю историю России к обсуждению законов были допущены представители государственного крестьянства.

Общий порядок выборов депутатов в Уложенную комиссию и составления для них наказов определялся двумя актами от 14 декабря 1766 г. – Манифестом о созыве комиссии и Обрядом выборов. Крестьянские депутаты избирались от провинций, являвшихся в то время промежуточной административной единицей между обширной губернией и сравнительно небольшим уездом. Дворяне же избирали уездных депутатов, хотя их численность в уезде была несравнима с массой государственных крестьян, а городское население – от каждого города, даже малонаселенного.

Крестьянские депутаты и наказы в Уложенную комиссию. В названных выше законах закреплялись сословные границы внутри государственного крестьянства. Отдельных депутатов должны были избирать следующие категории: 1) однодворцы, 2) пахотные солдаты, 3) русские ясачные (в Поволжье) и черносошные (на Севере и в Сибири) крестьяне, 4) “некочующие народы” крещенные и некрещенные, каждый народ особо. Всего многообразия реальных сословных групп данное деление не учитывало. В ходе выборов происходило в зависимости от местных условий как объединение крестьян вопреки выделенным в законе категориям в одно избирательное общество, так и появление разрядов избирателей, не упомянутых в законе. Для государственных крестьян Обряд предусматривал “трехступенные” выборы: об-

щина—уезд—провинция. Поверенные, избранные на сельских сходах, выбирали уездных поверенных, а те, в свою очередь, — провинциально-го депутата в Комиссию. Депутатам вручались указы для представления на рассмотрение Комиссии.

Государственные крестьяне Сызранского уезда и слитого с ним бывшего Самарского приняли участие в выборах депутатов от Симбирской провинции. Среди имен выборщиков и составителей наказов упомянуты поверенные общин нашего края: Т. Нефедов из Усинского и А. Бирюков из Подваля (наказ пахотных солдат депутату Е. Ненатурахиному), И. Сидоров из Винновки и Г. Федоров из Соснового Солонца (наказ ясачных крестьян депутату Т. Зотову), Е. Петров из Семейкина (наказ новокрещеных чувашей депутату Т. Васильеву), А. Илдебенев из Кармалов (наказ некрещеных чувашей тому же депутату), а также поверенный из Борковки (наказ новокрещеной мордвы депутату Ф. Алексею) ¹⁹.

В Уложенную комиссию поступило 30 наказов государственных крестьян левобережной Ставропольской провинции. Крестьянин Бугульминской слободы Т. Иванов привез в Комиссию пять наказов от жителей разных слобод, в основном от “непомнящих родства”. В 1768 г. Т. Иванов передал свои депутатские полномочия бугурусланскому крестьянину Г. Давыдову, который участвовал в 1767 г. в выборах в качестве поверенного, а в 1773–1774 гг. стал повстанческим атаманом.

Новокрещен из мордвы Ставропольского уезда К. Федоров представил в Комиссию 18 наказов. В их числе указы от мордовских и чувашских деревень: Подлесной Андреевки, Старой Токмаклы, Якушкиной, Бинаратки, Большой и Малой Саперкиных, Микушкиной, Черемшанских Вершин (Клявлино), Старой Резяпкиной, Ибряйкиной, Верхней и Нижней Аверкиных, Петропавловского (Стюхина), Султангуловой, Баландаева, Семенкиной, Четырлы и др.

Татарин И. Таиров передал Комиссии четыре наказа: общий всех татар ведомства Бугульминской земской конторы, чувашей деревень Ганькиной и Афонькиной вместе с Серешкиной, татар, чувашей и мордвы деревень сотни Абдулы Аитова. Отставной драгун из Сергиевска И. Ахтемиров был выбран в депутаты как от отставных нижних чинов, поселенных в Сергиевске, Кондурчинский и Красноярской крепостях, Криволуцкой слободе, так и от государственных крестьян: однодворцев села Архангельского (Липовки), деревни Талузаковой (Ключищи) и пахотных солдат села Архангельского (Орлянки), деревень Верхней Орлянки, Черновки.

Закон предоставлял местной администрации широкие полномочия по контролю за ходом выборов в Уложенную комиссию. Давление на составителей наказов было весьма ощутимым. Не во всех наказах и не все требования могли быть изложены откровенно. Но крестьяне упорно искали и находили возможности обойти препятствия, мешавшие изложению насущных нужд. Уникальными считаются случаи, когда сохранялся первоначальный текст наказа после его переписки и сглаживания чиновниками. Во всем Поволжье только три крестьянских нака-

за сохранились в двух вариантах – исходном и отредактированном властями. В числе этих трех совместный наказ деревень Саперкиных и Микушкиной, а также деревни Якушкиной. В переработанном варианте исключены всякие жалобы на местную администрацию и даже высказывания, которые можно расценить как намек на такую жалобу. Однако крестьяне сохранили и передали в Комиссию отвергнутые администрацией первоначальные варианты текстов.

Крестьяне нередко открыто проявляли завидную твердость, отстаивая дословность изложения. “Присудствующий в Ставропольской канцелярии” подполковник Пирогов доносил в Сенат о том, что в наказах однодворцев, ясачных крестьян и “непомнящих родства” им были усмотрены “партикулярные дела” — конкретные жалобы на произвол чиновников и помещиков. Заставить крестьян отказаться от своих жалоб не смог ни сам подполковник, ни даже оренбургский губернатор князь Путятин. Крестьяне, сообщил Пирогов, “по неразумному их намерению утвердились непреклонными, почему и в отдаче депутатам тех челобитен [наказов] воспрещения им более не делано”²⁰.

“Непомнящие родства” писали о том, что начальник Бугульминской земской конторы поручик Новокрещенов велел снести дворы крестьян, чтобы очистить приглянувшееся ему место для собственного дома, при этом “некоторые обыватели были немилосердно биты”. Он же неправильно производил отводы земли, отрезая лучшие участки себе во владение, заставлял крестьян бесплатно возить в имение “члену Оренбургской канцелярии Петру Рычкову... сосновые бревна, такие едва три лошади одно бревно могли поднять”. Чуваша деревни Ганькиной выражали недовольство тем, что губернская канцелярия тянет решение дел по их жалобам на обиды со стороны помещиков и только зря шлет следователей, содержание которых обременяет крестьян: “А те следствия происходили все на нашем коште, да и на то... канцелярия никакой резолюцы не учинила”. При попустительстве властей отставной капитан Степан Кротков отнял у жителей деревни “купленной и ограненой земли с лесом и санными покосами... длиною пятнадцать верст, а шириною то ж число”, свез “сена накошенова пятьсот стогов”, сломал на речке Алне пять крестьянских мельниц. Караульщики Кроткова не пускали чувашей в лес, отгоняли их скотину “не токмо что в поле, но под нашей околицы”, а за возвращение ее “выкуп берут дорогой”²¹.

Многие государственные крестьяне имели “утеснение” от совместного проживания с помещичьими крепостными и пользования общими угодьями. В таких случаях помещики отнимали “пашенную землю, санные покосы в самых лутчих угодьях и удобных местах наглостию своею”, а государственные крестьяне вынуждены были довольствоваться землями “в самых худых и неудобных местах и противу помещичьих крестьян самое малое число, разве третью часть”²². Поэтому в крестьянских наказах выдвигалось требование запретить участие посторонних владельцев в земельных дачах государственной деревни. Однодворцы села Архангельского (Липовки) писали: “Поселились с нами разные помещики, нам, нижайшим, чинят великие разные утеснения...

Не поведено ль будет за большинством нас во оном селе их вывесть и поселить особым поселением?"²³

Наказы свидетельствовали, что захватам подвергались и водные угодья: мельничные места, рыбные ловли. Помещик А.Зубов отнял у русского ясачного крестьянина О.Краснова, жителя Сергиевска, мельницу, которую тот поставил по соглашению с новокрещенами мордовской деревни Старые Токмаклы на их земле. В дачах деревни Бинаратки сызранскими купцами были захвачены "рыбные ловли, то есть озера"²⁴.

Наряду с вопросами о земле и угодьях насущной темой крестьянских наказов выступали государственные налоги и повинности. Возражение вызывала раскладка податей на всех лиц мужского пола, учтенных во время ревизии (переписи населения), включая нетрудоспособных (малолетних, престарелых, калек) и "убылых" (умерших, беглых, взятых в рекруты). Крестьяне выражали также недовольство увеличением подушного оклада, натуральными повинностями и казенными отработками: почтовой, караульной, подводной и т.п. С каждой слободы "непомнящих родства" и новокрещенской деревни требовали одного—трех человек на два с половиной месяца "для караулу" и "таскания" казенной соли. Крестьяне выполняли эту повинность как "по очереди", так и по найму. Наем одного караульщика обходился до 10 руб. в год, для чего собирали "с каждой души по четыре копейки... сверх положенного подушного оклада"²⁵. Казенные повинности, как уже говорилось выше, включали содержание путей сообщения и транспортные перевозки. О тяжелой подводной повинности наказы сообщали следующее: "Через... слободу... множество ездят регулярных [находящихся на государственной службе] всякого звания людей из Москвы и Казани с амуничными и мундирными вещами, денежною казною во Оренбург и полки Оренбургского корпуса. Берут подводы некоторые за прогон [плату], а другие без прогон. А хотя и которые прогон дают не против указу, неполную цену. А берут подвод по 50 и более"²⁶.

Депутаты и наказы прочих сословий. Жалобы, схожие с крестьянскими, содержали наказы других сословных групп населения края, близких по своему положению к государственным крестьянам: казаков и отставных нижних чинов армии, поселенных на укрепленных линиях. Казаки, проживающие в Самаре, приняли участие в выборах своего депутата вместе с казаками других крепостей Самарской и Верхнеяицкой линий Оренбургского казачьего войска. Депутатом казаков, "состоящих по Яику и Самаре", стал П.С. Хопренинов, сотник из Самары. Данный ему общий наказ объединял отдельные казачьи наказы городов Самары и Ставрополя, пригорода Алексеевска, Красносамарской и Борской крепостей, Мочинской слободы и других поселений.

Самарское казачество жаловалось на тяжесть службы, которую приходилось нести безо всякого казенного жалованья. Основным источником существования являлось занятие земледелием и различными промыслами, но значительная часть казачьих и лесных угодий, сенокосов и рыбных ловель отошла помещикам, государственным крестьянам, посадским людям. Эти жалобы на тяготы службы и на малозем-

лье в основном исходили от рядового казачества, верхушка же сословия включила в наказ требование о предоставлении ей законом права владения крепостными людьми.

Депутатом от основной части жителей Самары был избран купец Д.Ф. Рукавкин. Ему вручили наказ, подписанный 75 горожанами: 2 чиновниками, 3 должностными лицами местного самоуправления (бургомистр И.Халевин, ратман В.Синицын, словесный судья и купеческий староста И.Малеев), 52 купцами, 10 цеховыми мастерами, 8 отставными военнослужащими.

В наказе с тревогой отмечалось, что количество отведенных жителям города земель и различных угодий постоянно сокращается. При реке Сок и Семейкинском лесе самовольно поселились чувашские и мордовские крестьяне, пришедшие из деревни Ширяевские Вершины Самарского уезда и разных деревень Пензенского уезда; часть земель власти передали помещику П.И. Порецкому и экономическим крестьянам Винновки. Значительное место в наказе занимали жалобы на всевозможные налоги и повинности, отягощавшие городских жителей, прежде всего на содержание постоянных дворов — “уметов” — по дороге “от одного города через немалую дикую степь в казачий городок Яик”²⁷. Тяжелыми налогами были обложены бани и продажа лошадей, причем суммы платежей произвольно, но неуклонно увеличивались сборщиками податей — откупщиками. Через Самару везли сосланных на поселение в Сибирь в сопровождении воинских команд, а на жителей ложилась постоянная повинность: “И так бывает на обывательских квартирах постоя человек по 5 и более, и от того обыватели не без отягощения”. В наказе предлагались меры по упорядочению несения повинностей и по облегчению податного бремени.

Документ сообщал, что “по здешнему гор[оду] Самаре торг и промысел... каждый по состоянию своему имеют и почитают за главное основание и надежду”. Действительно, торговлей и ремеслом занимались не только купцы и цеховые, но и казаки, которые “едва не все... равномерно как купцы, имеют и чинят разные торги, и старшины большие покупки и продажи, и отпуска, и кожевенные заводы, и рыбные промыслы”²⁸. Защищая свои сословные привилегии в торговой деятельности, самарское купечество требовало “старшин и казаков, по явным их торгам и промыслам, написать в купечество; а ежели по каким резонам в купечестве быть не должны, оным торг и всякой промысел иметь, под страхом, накрепко запретить”. Однако в отличие от ряда купеческих наказов других городов в наказе самарцев не ставился вопрос о полной купеческой монополии торговли: “А когда в том запрещения быть не имеет, с того б их торгу и промыслу, по достоверным засвидетельствовании, в пособие гражданству [Городским купцам и ремесленникам] платить определенную часть в магистрат”²⁹.

Очевидна непоследовательность самарского наказа в вопросе о торговых занятиях казаков. Документ механически зафиксировал две точки зрения на этот вопрос, отразившие интересы купечества Самары: одна последовательно отстаивала свои сословные права, ее представителем был депутат Рукавкин; другая группа купцов имела тесные

деловые и родственные связи с казаками, ее возглавлял бургомистр Халевин. Он был двоюродным братом Т.И. Подурова, депутата Уложенной комиссии от оренбургских казаков, а впоследствии сподвижника Пугачева. Другой его родственник, А. Халевин, числился войсковым писарем оренбургского казачьего войска, и его подпись стоит под наказом депутату Хопренинову.

Развитие торговли в Самаре сдерживалось отсутствием системы кредита. В связи с этим наказ горожан содержал просьбу “на счет банковской конторы из определенного проценту... поручить самарскому магистрату до четырех тысяч рублей”.

Наказ заключал также просьбу предоставить купцам и отставным нижним чинам право покупать крепостных. Зажиточная часть горожан стремилась закрепить в законе существующую практику использования принудительного труда.

Посадские люди Сызрани избрали своим депутатом П. Попова. В наказе, данном ему, тоже поднимались вопросы обеспеченности городской общины земельными и водными угодьями, защиты купеческой монополии на торговлю и другие, схожие с самарскими. Большинство сызранских торговцев, как и самарских, были людьми не очень богатыми и подвергались притеснениям со стороны своих состоятельных собратьев и откупщиков. Особо возмущали горожан действия находящегося “в первостатейном исчислении и в немалом капитальном состоянии” Я.С. Петрова. Вместе со своим зятем, откупщиком питейных сборов П.К. Хлебниковым, местный богач считал ненужным отдавать свои иски в суд, а просто “купцов многих захватывает, в дом и усилием своим и самовольно мучит в чепях и прикованных к стене”. Так, “захватя весьма долговременно одного из купцов, Федора Заварзина, бил мучительно плетми неведомо за что, коего увез с собой неведомо куды скована”. Обедневшие горожане вынуждены идти в работники к Петрову, а тот их “держит в работе из сызранских купцов по усилию своему без ведома сызранского магистрата без пашпортов... да с просроченными многовременно”³⁰.

Депутатом горожан Ставрополя стал А. Куприянов. В их наказе главной была просьба о передаче в вечное владение городу ближних рыбных ловель по Волге, сдаваемых от казны на откуп иногородним купцам.

Несмотря на предоставленное право избрать уездного депутата, малочисленное сызранское, самарское, ставропольское дворянство им не воспользовалось. Сызранские помещики приняли участие в выборах симбирского дворянского депутата П.В. Обухова, президента Коммерц-коллегии. В наказе ему симбирское и сызранское дворянство поспешило проявить в первую очередь свои верноподданнические чувства. Своей “первой нуждой” оно объявило “испросить от Ея Императорского Величества нашей Государыни дозволения, дабы в знак нашего всеподданнического усердия дозволено было из собственного нашего иждивения по мере каждого сил поставить такое здание, которое бы в вечное потомство осталось знаком великих дел царствующей нашей всемилостивейшей Государыни Императрицы трудов и беспредельного

нашего ко освященной Ея Императорскаго Величества особе усердия и в таком месте, где самодержавная Ея Императорского Величества власть соблаговолять изволит”³¹. Такой неописуемый восторг и стиль вообще не встречались в крестьянских или городских наказах, крайне редко — в наказах других дворянских собраний. Конкретные предложения наказа симбирских и сызранских помещиков были связаны с предоставлением дворянству дополнительных прав и привилегий совершенствованием деятельности судов, с требованием ужесточить меры по борьбе с укрывательством беглых крепостных в артелях волжских судорабочих.

Оренбургское, ставропольское, самарское дворянство избрало своим депутатом майора И.М. Толстова, имение которого находилось неподалеку от Кинель-Черкасской слободы. Главной просьбой наказа, составленного для него, была передача помещикам земель, отведенных первоначально жителям крепостей и других поселений, по Самарской линии. Причем в отношении самарских казаков дворяне не просто требовали отобрать у них какую-то часть земель, а советовали вообще выселить их всех дальше на восток, “выше по Яику на линию”³².

Депутаты Самарского края в работе Уложенной комиссии ... Уложенная комиссия начала работать в Москве в июле 1767 г. Вскоре один из наказов государственных крестьян края (сызранских и симбирских пахотных солдат) был зачитан в Большом собрании депутатов, вызвав ожесточенные споры между представителями различных сословий. Постановка в этом наказе вопроса о земле повлекла взрыв негодования дворянских депутатов, которые утверждали, что наделы государственных крестьян достаточно велики, и даже требовали сократить их вдвое, а оставшиеся земли раздать помещикам. В поддержку же данного наказа выступили депутаты крестьян из различных районов России, а потому наказ стал как бы платформой, с которой представители государственной деревни отстаивали интересы своих избирателей. Апеллируя к доводам и предложениям наказа сызранских и симбирских пахотных солдат, крестьянские депутаты настаивали на возвращении расхищенных дворянами земель, а для предотвращения таких захватов впредь потребовали генерального размежевания угодий помещиков и государственных крестьян.

Так же бурно проходили прения по другим пунктам наказа сызранских пахотных солдат. В них приняли участие и самарские депутаты Д.Ф. Рукавкин и П.С. Хопренинов. Они выступили против разрешения государственным крестьянам скупать хлеб для перепродажи яицким казакам, поскольку купечество и казачество Самары стремились сосредоточить выгодную хлебную торговлю с Яиком исключительно в своих руках. В то же время Хопренинов согласился с просьбой пахотных солдат разрешить им продажу “съестных припасов” в городах в розницу. Рукавкин же последовательно отстаивал купеческую монополию на все виды торговли, в том числе на розничную на городских рынках.

11 сентября Рукавкин поддержал мнение депутата города Енисейска о запрете крестьянам, не записанным в цеха, заниматься ремесла-

ми, а 19 октября он подал мнение об отрицательных последствиях предоставления крестьянам права вести хлебную торговлю. Во время обсуждения законов о купечестве в октябре—декабре 1767 г. Рукавкин неоднократно присоединялся к тем городским депутатам, которые настаивали на запрещении торговать и иметь промышленные предприятия крестьянам, дворянам, мещанам. Он же занял непримиримую позицию в отношении требований других сословий об ограничении купеческих привилегий в торговле, тем самым отказавшись от возможности компромисса, допускаемого городским самарским наказом. Все же Рукавкин не мог полностью игнорировать нужды казаков, живших с ним в одном городе. Он высказал мнение, что о них, как о военно-служилых людях, должна позаботиться казна, дабы казаки перестали выступать конкурентами посадских торговцев и ремесленников.

Купец Данила Рукавкин проявил себя самым активным из депутатов Самарского края в Уложенной комиссии. Представители дворян и большинство крестьянских депутатов не выступили ни разу на ее заседаниях. Последнее сообщение самарского купца прозвучало в Большом собрании в июне 1768 г., в конце того же года Комиссия фактически прекратила свою деятельность и большинство депутатов разъехалось по домам.

Однако горожане Самары продолжали рассматривать Рукавкина как ходатая по своим делам в правительственных учреждениях, авторитет которого подкреплялся почетным депутатским званием. В 1770 г. по приговору самарского купечества он был отправлен в Петербург просить в Камер-коллегии о сложении с купцов недоимок по кабацкому сбору. Одновременно статус депутата активно эксплуатировался во внутренних купеческих конфликтах. Рукавкин вез с собой еще одно прошение — о снятии И. Халевина с должности бургомистра. Последний не замедлил предпринять ответные шаги по дискредитации Рукавкина. В специальную дирекционную комиссию Уложенной комиссии самарский магистрат и его бургомистр отправили доношение о том, что “города Самары от гражданства выбранный в депутаты купец” пребывает вовсе не в комиссии, где ему положено быть, а в собственном доме, накопил недоимки по платежу податей, “очередных по купечеству не несет служб”, т.е. повинностей, а потому следует “его от депутатства уволить”³³.

Дирекционная комиссия переслала это доношение в Сенат, который в ноябре 1771 г. постановил лишить самарского депутата его звания, отобрав у него почетный депутатский знак. Самарские власти привели это решение в исполнение “с наичувствительнейшим поношением и обидою” Рукавкину, который жаловался: “Как будто я из того депутатства исключен за какое мною преступление, и во всенародное известие при барабанном на рынке бою... письменная публикация выставлена была”³⁴. Оскорбленный купец явился в Сенат и представил доказательства неправомочности принятого по его делу решения. В частности, он предъявил “паспорт” за подписью маршала Уложенной комиссии А.И. Бибикова с разрешением отлучки для “домашних нужд”. Сенат восстановил его в депутатском звании и распорядился вернуть

ему через губернатора почетный знак. Правда, к этому времени звание депутата Уложенной комиссии уже несколько лет было чисто номинальным. Распущенная в 1768 г. якобы временно, она так больше и не собиралась.

Деятельность Комиссии оказалась безрезультатной. Никаких конкретных решений она не приняла. Новое законодательство, на которое рассчитывали представители сословий, особенно низших — горожан, крестьян, казаков, так и не было создано. Наоборот: в стране усиливались абсолютизм, всевластие чиновников и дворян. Крах иллюзий, связанных с надеждами народа на Уложенную комиссию, явился одной из политических предпосылок грянувшей Пугачевщины.

ВОССТАНИЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е.И. ПУГАЧЕВА

Начало восстания. В 1773 г. разрозненные крестьянские выступления и глухое недовольство народных масс переросли в мощное восстание. Его возглавил донской казак Емельян Иванович Пугачев, принявший имя убитого в 1762 г. императора Петра III. Это было совместное выступление всех недовольных крепостническими порядками, дворянскими привилегиями, тяжелыми помещичьими и государственными повинностями, произволом чиновников. Под знамена Пугачева вставали люди разных национальностей, выходцы из крестьян, горожан, военнослуживых сословий, работников и дворовых слуг. В числе территорий, охваченных пламенем восстания, оказался и Самарский край.

При появлении первых вестей с Яика о начавшемся там в сентябре движении Пугачева заволновались села Заволжья, откуда уже в октябре панически бежали помещики. Не успевшие скрыться подвергались нападениям крестьян, причем не раз их лишали жизни. Повсеместно громились помещичьи усадьбы. Захваченное имущество, продовольствие, скот частью делились среди крестьян, частью отправлялись в главную армию Пугачева под Оренбург. Изгнав дворян, крестьяне предпринимали попытки создать свои органы управления, отправляли ходяков в ставку Пугачева. Там 23 октября крестьянам из имения М. Карамзина (отца будущего историка) и соседних сел и деревень был вручен “Имянной указ в Михайлову деревню казаку Левонтию Травкину и казакам, и всякого звания людям”. Этим указом предводитель восстания жаловал их “вечною вольностию”. Дарованная свобода подчеркивала тем, что помещичьи крестьяне и их вожак Л.И. Травкин названы казаками, вольными людьми. Данный указ — самое раннее обращение Пугачева непосредственно к крепостному крестьянству России.

“Вечная вольность” первых пугачевских манифестов и указов не была конкретизирована, но воспринималась крепостными совершенно однозначно — как призыв к полной ликвидации помещичьего гнета. По уверению возвращавшихся из ставки Пугачева крестьян и появлявшихся в Самарском крае яицких казаков, сам “Петр III” приказывал истреблять помещиков и не выполнять в их пользу никаких повинностей. А вот правительственные “объявления” и “увещевания” крепостное

население отказывалось воспринимать как истинные и подлинные. Известны даже случаи убийства чиновников и военных в помещичьих селах, куда они были посланы для обнародования официальных призывов и распоряжений.

Еще в сентябре 1773 г. оренбургский губернатор предупреждал казанского о возможности прорыва Пугачева в соседнюю губернию через “помещичьи жилы”. Учитывая позицию крепостного крестьянства, такая угроза представлялась весьма реальной. Симбирскому коменданту П.М. Чернышеву, находившемуся с карательным отрядом на Самарской линии, в начале ноября удалось подавить первые крестьянские волнения в Самарском Заволжье, но это было лишь временным успехом. 13 ноября под Оренбургом отряд Чернышева оказался разбит главными силами Пугачева. Исход боя предрешил переход на сторону восставших принудительно включенных в отряд ставропольских калмыков, самарских казаков, солдат местных гарнизонов. Известие о победе повстанцев вызвало брожение среди оставшихся в крепостях Самарской линии солдат — бывших крестьян. Не доверяясь своим подчиненным, 19 ноября из Бузулукской крепости бежал тамошний комендант, а в конце месяца туда пугачевской ставкой был отправлен атаман И.Ф. Арапов.

Попытка властей использовать для подавления восстания военно-служилое население края оказалась безнадёжной. Близкое по своему положению и занятиям к крестьянам, подвергавшееся притеснениям со стороны помещиков и чиновников, оно обратило оружие и воинский опыт против дворянского государства.

Уже в начале октября посланцы Пугачева прибыли в Черкасскую слободу на Кинеле, где создали повстанческий отряд. В декабре произошел решительный переход на сторону восставших отставных унтер-офицеров и солдат. Отставные нижние чины армейских и гвардейских частей проявляли также инициативу, выступив в некоторых селах и деревнях помещичьих крестьян и однодворцев. Постепенно к пугачевцам примкнуло самарское казачество. Казаки крепостей Самарской линии способствовали занятию их повстанцами, пополнили отряды пугачевских атаманов и главную армию восставших под Оренбургом. На Яике, в Илецком городке, находился отряд татар-казачков из Мочинской слободы под Самарой. Очень активно участвовали в повстанческом движении в крае и за его пределами ставропольские калмыки.

Пугачевцы в Самаре. В связи с тем что значительная часть гарнизонных войск ушла в поход с Чернышевым, в распоряжении самарского коменданта И.К.Балахонцева оставалось менее 60 солдат и казаков, включая увечных, больных, престарелых и малолетних, а при имевшихся в городе пушках не оказалось ни одного канонира. Казанский губернатор Я.Л. фон Брант успокаивал Балахонцева: “... по всем известиям нет такой опасности, чтоб злодейская толпа могла распространить свои злодейства до города Самары” — и обнадеживал скорым прибытием регулярных войск “в подкрепление”.

Действительно, главные силы пугачевцев не собирались двигаться к Самаре, но фон Брант не учел логики развития событий в условиях

начавшейся гражданской войны, роста стихийного движения вне зоны операций повстанческой армии. Не принимались в расчет и настроения горожан, хотя посланный “для разведывания о злодее” капитан Бутримович предупреждал в рапорте от 4 декабря, что насчет Пугачева в Самаре “самый бедный народ радовался о том, чтоб поскорей пришел, чтоб им грабить богатых”. Не была надежной и верхушка горожан, имевших торговые и родственные связи с восставшими яицкими казаками. Так, близкий сподвижник Пугачева депутат оренбургских казаков в Уложенной комиссии Т.И. Подуров “писал... уверительное о самозванце письмо и к самарскому бургомистру Ивану Халевину”, своему двоюродному брату.

Успехи пугачевцев подогревали симпатии к ним горожан, нежелание последних помогать правительственным войскам³⁵. 12 декабря самарский магистрат отказал коменданту Балахонцеву в предоставлении 60 вооруженных человек для защиты города “от нечаянного нападения”. Балахонцев связывал угрозу для Самары сначала с появлением на реке Кинеле разъездов перешедшего на сторону пугачевцев атамана Тоцкой крепости Н.Л. Чулошникова, а затем с начавшимся маршем И.Ф. Арапова от Бузулука по Самарской линии.

Сведения о численности отряда Арапова и его намерениях комендант имел весьма неточные. Отряд представлялся ему как “пятисотная злодейская армия”, нападение которой ожидалось то в ночь с 22-го на 23-е, то 24 декабря. Чтобы проверить готовность горожан к обороне, Балахонцев утром 24 декабря “вызвал их в едино собрание чрез колокольную тревогу, но и по той для предосторожности противу злодеев ни с каким оружием не один человек не вышел, а вместо того только вышед мужеск и женск пол, стояли на валу и смотрели по дороге в степь, по коей ожидалась злодейская толпа, с одними пустыми руками”. Горожане биться с пугачевцами не собирались: это было очевидно. Еще более определенным было настроение ссыльных, которых в связи с прекращением отправки этапов в Оренбург скопилось в Самаре более 300 человек, и они проявили “склонность к соединению в ту злодейскую толпу”.

Вечером того же числа из Алексеевска к Балахонцеву явился знакомый ему купец А. Коротков и сообщил, что в этот самарский пригород вошли 400 повстанцев с немалым количеством пушек да еще ожидается подход 200 человек, после чего все они двинутся на Самару. Предположения коменданта о подавляющем численном перевесе сил противника как будто бы подтвердились. В шестом часу утра 25 декабря Балахонцев бежал с командой волжских казаков, находившихся в Самаре, и с несколькими солдатами, не предупредив ни жителей, ни даже остававшихся в городе поручика И. Щипачева, двух сержантов и 30 рядовых гарнизонной роты, бросив в городе ссыльных и шесть пушек. Как выяснилось впоследствии, сведения Короткова были намеренной дезинформацией.

И.Ф. Арапов прибыл в Алексеевск ночью 23 декабря, заняв без боя в течение двух дней все крепости и поселения Самарской линии от Бузулука до Самары. Передовые разъезды его отряда вошли в самарский

пригород сутками раньше, опечатали кабак и соляной амбар, выдержали стычку с разведчиками Балахонцева. 24 декабря после торжественного молебна и чтения пугачевского манифеста от 2 декабря 1773 г., в котором “Петр III” жаловал “истинных сынов отечества” — своих сторонников “всякою вольностию отеческой”, атаман обратился к жителям Алексеевска с просьбой, чтобы те помогли убедить гарнизон и горожан Самары добровольно принять новую власть. “Все жители... выбрали посацкого Антона Короткова”, который и выполнил данное ему поручение.

В Самаре после разговора с напуганным Балахонцевым Коротков встретился с депутатами Уложенной комиссии от тамошних казаков и горожан — П. Хопрениновым и Д. Рукавкиным, бургомистром И. Халевным. Собравшейся в доме Рукавкина верхушке посадской и казачьей общин города были переданы предложения Арапова, тексты манифеста и других обращений Пугачева и его Военной коллегии. Короткову пообещали встретить повстанцев “хлебом и солью”, но просили отложить вступление их в город на один день, “дабы не зделалось в городе никакова помешательства”. Зажиточные жители, во-первых, хотели выждать еще какое-то время для окончательного выяснения ситуации, прежде чем принять новую власть, а во-вторых, опасались волнений в городе, которые могли обернуться против них самих.

Однако Арапов решил не откладывать взятия Самары, используя чрезвычайно благоприятную ситуацию для своего сравнительно небольшого отряда, в котором на самом деле было около 200 человек и всего две пушки, захваченные днем раньше в Красносамарской крепости. Это решение было принято даже вопреки полученному им указу пугачевской Военной коллегии, по которому “ему ведено было не в Самару итти, но в Сок Кармалы, забрать с собою из крепостей жителей для нападения обще с есаулом Чулошниковым на находящуюся тамо воинскую команду”.

Утром 25 декабря, через несколько часов после бегства Балахонцева, началось шествие горожан за крепостные валы навстречу повстанцам; в нем участвовали бургомистр И. Халевин, купеческий староста И. Бундов, священники и диаконы всех самарских церквей во главе с протопопом А. Ивановым, многие “первые граждане” и рядовые жители. После встречи на подъезде к городу процессия двинулась в соборную церковь, где был отслужен молебен. По его окончании сам бургомистр, “потому што он читать мастер”, огласил пугачевский манифест, указ Военной коллегии о наборе добровольцев в повстанческую армию и “увещание к народу о поставке в армию в Оренбург провианта... повольною ценою”. Затем палили из пушек, угощали всех казенным вином. Жители единодушно кричали здравицу Петру III “с изъявлением буйной и неистойвой своей радости о восшествии... в город” его сторонников. “Все в городе от мала до велика верили и почитали того самозванца за истинного Петра Третьего и оказывали Арапову совершенное повиновение”.

Должностные лица городского управления сохранили свое положение, казачьи командиры, чины гарнизона оставались при исполне-

нии обязанностей. Так, над солдатами, находившимися в городе, команду принял поручик И. Щипачев, замещавший беглеца Балахонцева.

Пребывание повстанцев в городе не сопровождалось репрессиями. Жители утверждали: “Не видали мы в самом деле никакого ни от кого усилия [насилия]... и не имели в позорище кому-либо какой смертной казни”. Исполнявший при Арапове обязанности палача Н. Курдюков за время похода по Самарской линии и пребывания в Самаре никого не умерщвлял и не сек.

Отряд Арапова в Самаре пополнили прежде всего ссыльные. Оказавшись на свободе, они сами через своего вожак, бывшего сызранского купца С. Володимерцева, выразили атаману желание “послужить”. С проведенного смотра Арапов отобрал из них в свою команду 120 человек, годных к службе, снабдил лошадьми, вооружил солдатскими ружьями и дубинами.

Численно выросший в Самаре отряд Арапова все же не мог противостоять приближавшимся к городу карательным войскам. Атаман обратился за помощью к горожанам и ее в отличие от коменданта Балахонцева получил. Бургомистр приказал “наряжать” на помощь повстанцам жителей с тем оружием, какое у них есть в домах. Среди вышедших по набату утром 29 декабря на лед Волги, чтобы отбить атаку двигавшихся от села Рождествена карателей, было немало самарцев.

Плохо вооруженные и фактически не обученные военному делу пугачевцы не смогли выдержать удар регулярной воинской части — легкой полевой команды майора К. Муфеля. Она насчитывала около 500 опытных солдат и даже численно превосходила собранные Араповым силы. Повстанцы, “хотя оные и сильно супротивлялись”, потеряли много человек убитыми, общее число которых установить не удалось, так как трупы были “обывателями... покрадены” или занесены снегом. Ворвавшись в Самару, каратели, “сыскивая, умертвили” еще несколько “злодеев”. В их руки попали 200 человек пленными и вся артиллерия восставших.

Некоторые из “первых граждан” быстро переметнулись на сторону победителей. Так, “сыскивать злодеев” поспешили священник Вознесенской церкви А. Михайлов и депутат Д. Рукавкин. Однако такие случаи были скорее исключением. К. Муфель доносил, что ему “все в Самаре жители более оказывают суровости, нежели ласки”. Несмотря на его “увещание о сыске злодеев”, их никто не ловил, “и весь народ, разбежавшись, скрылся”. На допросах самарские священники отвечали, что из своих прихожан и сограждан никого в сообществе с пугачевцами не видели, бургомистр объявил, что ему не известны ни “сообщники” Пугачева, ни “колеблющиеся в службе ее императорского величества”. Участники сражения, взятые в плен, не могли вспомнить “по именам” тех, кто был в бою вместе с ними. Более того, несмотря на опасность, некоторые горожане укрывали у себя людей из отряда Арапова, уходили вслед за разбитыми повстанцами из города.

Арапов с остатками отряда отошел к Алексеевску, куда на помощь атаману поспешили другие повстанческие командиры края. Но и к правительственным войскам подошло подкрепление — легкая полевая ко-

манда подполковника П. Гринева с двумя гусарскими эскадронами. К ней был прикомандирован сотрудник секретной следственной комиссии Гаврила Романович Державин, будущий великий русский поэт. 7 января после ожесточенного боя восставшие оставили Алексеевск, исход борьбы за Самару окончательно решился не в их пользу.

Следствие, проведенное Державиным в Самаре, показало, что все жители повинны в переходе на сторону восставших. Поголовное наказание становилось бессмысленным. К ответственности привлекли тех, “которые познатнее в гораде, и которые ежели бы хотя мало хотели показать усердие свое долгу... бы нашли средства показать хороших примеров к подражанию и прочим”. Десять горожан “при собрании протчих сего города жителей наказаны нещадно батоги” и отпущены. В Казань, в следственную комиссию, передали дела бургомистра, священников, военнслужащих, депутатов Уложенной комиссии, купца А. Короткова. Последний был по ее приговору повешен в Алексеевске вместе с другим местным жителем, отставным казачьим писарем А. Горбуновым. В Самаре повесили солдат Н. Курдюкова и П. Волчкова. Среди остальных подсудимых, по мнению комиссии, находились лица, заслуживающие смертной казни, но это наказание им заменили: бургомистр Халевин был высечен плетью и освобожден вместе с депутатом Рукавкиным, И. Щипачев лишен офицерского чина, прогнан 6 раз сквозь строй в 1000 шпицрутен, навечно записан в солдаты Сибирских батальонов, С. Володимерцев приговорен к 50 ударам кнута, наложению клейма и вечной каторжной работе.

События конца декабря 1773 г. в Самаре явились, несомненно, восстанием, но восстанием мирным и до его подавления бескровным. Такой характер событий оказался в значительной мере обусловлен переходом на сторону восставших городских органов самоуправления, превращением их в органы новой власти. Эта ситуация имела сходство с положением в деревне, где также сочетание мирского самоуправления и “царистских” лозунгов не свержения, но “восстановления” законной верховной власти облегчало переход на сторону Пугачева, сотрудничество с военными повстанческими командирами³⁶.

Повстанческие командиры и местное самоуправление. В чиновничье-дворянском государстве общинное самоуправление у крестьян всех сословных разрядов не могло последовательно развить заложенные в нем демократические начала. Однако на территории, охваченной восстанием, деревенские миры выходили из-под контроля государственного аппарата и помещиков, освобождались от навязываемых им фискально-полицейских функций. Из органов самоуправления устранялись пособники дворян и царских чиновников, упразднялась вотчинная администрация, ломались искусственные сословные перегородки. Важной обязанностью общин и их должностных лиц становилось оказание помощи войскам повстанцев.

Известны многие случаи, когда восставшие избивали ненавистных приказчиков, бурмистров, выборных и др., грабили их имущество, часто нажитое за счет сельчан. В декабре 1773 г. в Бузулуке по приказу И.Ф. Арапова были публично казнены приказчик и староста из дерев-

ни помещика И. Племянникова: первый за то, что “за указом нашего государя посылал крестьян на помещичью работу... потому што государь крестьян от господ отнял”, второй за то, что “крестьян разорял и поступал с ними немилостиво”.

На сторонников Пугачева, в свою очередь, нередко шли властям доносы от приказчиков и мирских должностных лиц. Среди доносителей оказался “мирской староста” села Ляхова А. Егоров. Впоследствии ему не удалось избежать “злодейского за то себе отмщения” в виде виселицы.

Другая часть представителей вотчинной администрации и мирского самоуправления крепостной деревни поддержала восстание и способствовала его развитию. В октябре 1773 г. староста деревни Пополотовой выступил среди зачинщиков и исполнителей убийства своей помещицы. В занятую повстанцами Самару в конце декабря из правобережных владений графов Орловых “приехали из села Рождественского земской со крестьянами принесть поздравления”. Это подтолкнуло Арапова на посылку в орловские вотчины и разнопоместные селения Самарской Луки агитаторов с текстом пугачевского манифеста от 2 декабря. По признанию царских офицеров, те взволновали в “окрестности Самары множество деревень, а некоторые и присегаали” Петру III. В Осиновке посланцев Пугачева встретил “прикащик Федор Федоров с хлебом и солью... манифест сам читал всем крестьянам”, даже постригся по-казахьи.

И в государственной деревне известны случаи расправы со сторонниками правительства из деревенских богатеев. У ясачного татарина Утягана Уразметева, ревностно служившего властям во время осады Оренбурга и при поимке спасавшихся после поражения пугачевцев, его односельчане отняли 123 лошади, верблюда, захватили в доме имущества на 6 тыс. руб.

В целом переход на сторону Пугачева органов самоуправления у государственных крестьян происходил чаще и легче, чем у частновладельческих. Достаточно было признать Петра III, объявившегося под Оренбургом, законным носителем верховной власти, ведь этот разряд крестьян находился в ее подданстве, без промежуточного звена в виде конкретного помещика и его вотчинной администрации.

Показательна переписка выборных Саврушинской и Сарбайской слобод по вопросу о том, чьи распоряжения следует исполнять — правительственной ставропольской комендантской канцелярии или повстанческого центра в Бугуруслане во главе с депутатом Уложенной комиссии от “непомящих родства” Г. Давыдовым. Подобные вопросы решались исходя из выгод местного населения и соотношения противоборствующих сил, как правило, в пользу пугачевцев.

Изгнание помещиков ломало сословные перегородки между отдельными группами крестьянства. Так, в селе Липовка вместе с помещичьими крестьянами выступили однодворцы, впервые в селе состоялся общий мирской сход. На нем избрали должностных лиц для всего села, объединившегося в одну общину, — выборного (из крепостных) и его помощника (из однодворцев). В образованный тогда же повстанче-

ский отряд вступили и однодворцы и крепостные, причем не только помещиков, но и самих однодворцев.

Неверно думать, что набор в повстанческие отряды протекал исключительно стихийно. Пугачевское руководство пыталось придать ему определенную организованность. Командиры больших отрядов, в том числе И.Ф. Арапов и Н.Л. Чулошников, снабжались специальными указами Военной коллегии, публикация которых в селениях способствовала увеличению численности повстанческих войск. Предпочтение отдавалось добровольцам (“охотникам”), убежденным сторонникам Пугачева (“ревнителям к службе”), но военная необходимость заставляла расширять права командиров, которым разрешалось требовать от жителей, сколько “потребно для... вспоможения без всякого препятствия людей вооруженных”.

Атаман Г. Давыдов и его помощники сами объезжали селения, на мирских сходах зачитывали указ о наборе, требуя его скорейшего исполнения. Если “охотников” не доставало, использовались традиционные формы раскладки общинных повинностей. Из деревни Кирюшкиной в его отряд посылалось “письменно чрез неделю по десети человек”, не исключая из очередности и местного сотника. В отряд Абдрешита Аитова сотские отдавали на службу по одному человеку с каждого двора. А.И. Сомов, отставной сержант гвардии, имея в отряде достаточно добровольцев, соглашался принимать от общин вместо “казачков” денежные взносы, небольшое количество проводников и переводчиков. В сентябре 1774 г., когда восстание очевидно шло на убыль, в Аделякове для пополнения отряда И. Федорова “своих жители никого не дали, а велели взять пришлых”, находившихся здесь в рабочих. В отличие от ненавистой “рекрутины” служба в повстанческих отрядах воспринималась необходимой, хотя и тяжелой мирской повинностью.

Вместе со снабжением продовольствием и фуражом своих отрядов повстанческие командиры и сельские миры по приказу пугачевской ставки осуществляли заготовки для главной армии под Оренбургом. Для этого в основном использовался хлеб из помещичьих закромов. Его изымали бесплатно, но провоз крестьянам оплачивали.

В Ставропольском уезде ударной силой повстанцев являлась вооруженная легкая калмыцкая конница³⁷. Калмыки, “ездя по дорогам, селам и деревням Ставропольского и других ведомств... всех без остатку дворян разбойнически разбивали и на всех страх такой навели, что ныне Ставропольского уезду как черкаса, так татары, чуваша и мордва и господския крестьяня к таковому же разорению и мятежу согласились”. Восставших ставропольских калмыков возглавил сын их правительницы Ф.И. Дербетев. Он имел чин офицера русской армии, но вместе со своей командой перешел на сторону повстанцев, вел набор калмыков в главную армию Пугачева и командовал калмыцким полком в ее составе.

В январе 1774 г. по поручению Военной коллегии Дербетев в Ставропольском уезде собрал новый отряд из 2 тыс. калмыков, крестьян, отставных солдат и горожан. Отобрав из них 600 человек, знавших

Ставрополь, атаман 18 января выступил на него. С помощью обманного маневра он выманил из Ставрополя большой отряд подполковника Аршеневского, решившего, что повстанцы движутся к Самаре. Дорога на Ставрополь пролегла через мордовскую деревню Узюково, жители которой не только не сообщили в город о появлении повстанцев, но и пополнили отряд Дербетева. В ночь с 19 на 20 января внезапной атакой восставшие овладели Ставрополем. Крепость пала в пять часов утра без единого выстрела. Командование правительственных войск считало, что “без измены и полошности сего случиться не могло, потому что в Ставрополе было гарнизона и всякого звания с ружьями 249 человек и 6 пушек”. Победители находились в городе до трех часов и покинули его, захватив из крепости и домов местного начальства оружие, продовольствие, фураж, одежду. Представители администрации во главе с комендантом были арестованы, а затем казнены на окраинах села Буяна и деревни Каменки.

Последующие столкновения с регулярными частями правительственной армии оказались неудачными, и отряд Дербетева отступил на юго-восток. Сам атаман после боя 23 мая 1774 г. на реке Грязнухе получил тяжелое ранение, попал в плен и вскоре скончался. Еще раньше, 22 марта, в сражении у Татищевой крепости пропал без вести, видимо погиб, атаман И.Ф. Арапов. Г.Давыдов, третий из наиболее авторитетных руководителей повстанческого движения в крае, в феврале отступил со своим отрядом в Башкирию, где продолжал борьбу, но оказался пленен, а затем заколот караульным офицером в казанской тюрьме, несмотря на распоряжение Екатерины II сохранить ему жизнь, уважая его как депутата. В искренности императрицы приходится сомневаться, так как за убийство Давыдова никто не понес ответственности.

Среди командиров повстанческих отрядов в северных и восточных районах Самарского края зимой–весной 1773/74 г. находились люди разной национальности и сословной принадлежности. Под Черемшанской крепостью был взят в плен и казнен 13 февраля в Билярске О.Ф. Енгальчев, крещеный татарин, выходец из княжеского рода, сын гвардейского офицера. Он был старшиной в большом объединенном повстанческом отряде, командир которого пугачевский полковник Аит Уразметев из ясачных некрещеных татар попал вместе с ним в плен и умер через две недели под следствием. Уже упоминавшийся А.И. Сомов возглавлял большой (до 800 человек) отряд, действовавший под Сергиевском и Тиинском. В феврале отряд был разбит карательными командами генерала П.М. Голицына, наступавшими от Казани на Оренбург, а сам Сомов оказался в плену и позже казнен.

Наводнив край регулярными правительственными войсками, царские генералы заставили повстанцев частью уйти на соединение с главными силами Пугачева, частью перейти к партизанским методам борьбы. Небольшие отряды продолжали действовать и в Заволжье, и на Самарской Луке, а также нападали на проплывавшие по Волге суда. Местные власти не раз получали летом и осенью донесения о том, что во многих селениях появляются “частые злодейские артели, прокрававшиеся от воинских команд”, которые “стали в те жительства въезжать

уже не тайно, но явно, а крестьяне, на которых они надеются, снабжают их хлебом, они ж... выпрашивают о помещиках и о дворовых людях, которых не на их руку”.

Разгром главных сил Пугачева позволил властям усилить карательные команды, брошенные на истребление повстанцев. В сентябре 1774 г. через Самарское Заволжье из Яицкого городка на Сызрань под усиленным конвоем, которым лично командовал А.В. Суворов, был провезен пленный вождь восстания, самозванный “Петр III”. Но вооруженное сопротивление удалось подавить в крае только к зиме.

Жестоко расправляясь в боях и после них с теми, кто поднял оружие, проводя публичные казни и экзекуции для устрашения, екатерининские власти не переходили в терроре определенных границ, оставляли возможность “раскаявшимся” и просто отошедшим в сторону от восстания вернуться к прежнему образу жизни и занятиям. Здесь брал верх трезвый расчет на скорейшее восстановление порядка, на более прочное, нежели военное, умиротворение. Такая политика позволяла сбить накал гражданской войны, умерить жажду мести победителей, не доводить до отчаяния побежденных. Она способствовала постепенной изоляции активных пугачевцев в массе разуверившихся и напуганных людей.

Уроки восстания заставили правительство Екатерины II провести реформы, направленные на укрепление абсолютистской монархии и ее органов власти.

ОСВОЕНИЕ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ И ГОРОДА

Административные реформы. Бунт Пугачева, потрясший государство Российское, подтолкнул Екатерину II к проведению реформы административного устройства. Подавление восстания укрепило верховную власть монарха, органы центрального управления делили с императрицей славу умиротворителей мятежа. На местную же администрацию возложили всю ответственность за то, что из искр постоянно тлеющего недовольства разгорелся всероссийский пожар Пугачевщины. Подобные обвинения рождались не только из желания снять эту ответственность с высших государственных учреждений и самого общественного строя, но имели под собой и более серьезные основания.

Среди причин, вызвавших народные волнения, не на последнем месте стояли взяточничество, волокита, произвол местного суда и управления. Для излечения этих хронических недугов еще в дворянских наказах Уложенной комиссии предлагалось создать местные дворянские корпорации и предоставить им участие в органах власти.

Не говоря прямо об уроках пугачевского бунта и о требованиях “благородного” сословия, утвержденные 7 ноября 1775 г. “Учреждения о губерниях” обосновывали необходимость областной реформы тем, что существующие губернии излишне обширны и не имеют достаточного числа учреждений и чиновников, а потому подлежат разукрупнению. Пересматривались границы уездов. Вводились новые штаты должностных лиц.

Реализация реформы происходила постепенно. 15 сентября 1780 г. был издан указ об образовании Симбирского наместничества (губернии). Сюда отошла основная часть Самарского края. Земли на Самарской Луке, по нижнему течению Сока, Кондурчи, Самары, Мочи, Безенчука и далее на запад по левому берегу Волги образовали Самарский уезд. Территории к северу и западу от Самарской Луки вошли соответственно в Сенгилеевский и Сызранский уезды. В последнем также оказались заволжские земли к югу от Луки до реки Чагры. Левый берег Волги к северу от Луки до реки Черемшан и за нее был включен в Ставропольский уезд все той же Симбирской губернии.

23 декабря 1781 г. было образовано Уфимское наместничество (с 1796 г. Оренбургская губерния). Территория Самарского Заволжья вошла в его Сергиевский уезд (вскоре упраздненный), заняла западные части Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского уездов.

Еще раньше, 11 января 1780 г., вышел указ об учреждении Саратовского наместничества (губернии). В его границах находилась еще практически безлюдная заволжская степь к югу от рек Чагры и Мочи.

Система органов местного управления и суда, вводившаяся в этих уездах по реформе 1775 г., была уточнена и дополнена через десять лет в “Жалованных грамотах” дворянству и городам. Исполнительная власть в уезде формировалась дворянским собранием. Дворяне из своей среды избирали капитан-исправника и заседателей нижнего земского суда, которые проводили на местах распоряжения вышестоящих губернских и столичных учреждений, исполняли полицейские функции. Среди последних выделялись меры, направленные на предотвращение новой Пугачевщины. Капитан-исправнику предписывалось, если “окажется в чем ослушание от целого селения”, приложить “старание о приведении ослушных в послушание”. Он же должен был заботиться “о истреблении скопища воров или беглых людей”.

Управление городами и их застройка. Город считался отдельной административной единицей. Его жители также имели свои органы сословного представительства, но в отличие от уездного дворянства не влияли на административно-полицейские учреждения городского уровня. Исполнительную власть возглавлял здесь городничий, назначаемый сверху. Эту обязанность могли также возложить на военного коменданта, как это было в Самаре до 1787 г., когда сюда назначили первого гражданского городничего Г.А.Буткевича¹.

По традиции главные правительственные учреждения и казенные службы располагались на территории городской крепости даже тогда, когда военное значение оказывалось ею утрачено. В Самаре “присутственные места” (органы управления и суда) были открыты 13 января 1781 г. и заняли сначала старые казенные постройки внутри остатков валов старого “земляного замка”, а вскоре там же для них выстроили два каменных здания, причем одно из них, обнесенное каменной же оградой, в два этажа. На верхнем расположились нижний земский суд и городническое правление (уездная и городская администрация), уездный суд и дворянская опека (учреждения суда и опеки для “благородного” сословия). На нижнем этаже — уездное казначейство (касса приема денежных сборов и выдачи денежных сумм по распоряжениям властей), помещения для хранения денежной казны, архива, а также квартира городничего. В одноэтажном каменном здании находились кордегардия караула и тюрьма. Рядом располагались деревянные помещения, где хранились имущество военной команды, казенное продовольствие и вино².

Дом учреждений городского самоуправления был деревянным и стоял на посаде вне крепости. В нем разместились городской магистрат (суд для горожан), сиротский суд (орган опеки для них же), дума, которая осуществляла распорядительные функции и ведала городским хозяйством, благоустройством, защитой сословных прав купцов и посадских людей. “Градское общество” имело статус юридического лица, обладало собственностью, получало доходы со своих имуществ, облагало своих членов специальными сборами.

Основным элементом городского организма являлся двор-усадебка с жилыми, хозяйственными строениями, огородами, садами. В начале 80-х годов XVIII в. в Самаре насчитывалось 634 двора. Они распределялись между отдельными категориями населения следующим образом: 18 дворов дворян и офицеров, 7 подьячих, 15 церковнослужителей, 201 военнослужащих и отставных нижних чинов, 49 разночинцев, 144 казаков, 200 дворов купцов, мещан, цеховых ремесленников³.

В соответствии с количеством дворов устанавливалась численность полицейских чинов в каждом городе. Еще не совсем привычное русскому уху слово “полиция” часто заменялось его отечественным синонимом “благочиние”. В 1782 г. был принят закон, называвшийся “Устав благочиния или полицейский”. Общегородским полицейским учреждением становилась управа благочиния. Ее председателем являлся глава городской администрации (городничий или комендант), а членами – два пристава уголовных и гражданских дел, два ратмана из магистрата. Небольшие города Самарского края имели не более одного полицейского участка во главе с частным приставом, имевшим свою канцелярию, которую в просторечии именовали “частью” или “съезжей”. Помощниками пристава в части были два городских сержанта и один “брантмейстер или огнегасительный мастер”.

Полицейские участки по “Уставу” делились на кварталы из 50–100 дворов. В соответствии с этой нормой симбирский губернатор предложил в 1786 г. поделить Самару на шесть кварталов, Сызрань (776 дворов) на девять, Ставрополь (494 двора) на четыре. Но в столице решили, что число “оных можно, кажется, уменьшить” для экономии казенных расходов, а именно до четырех кварталов в Самаре, до шести в Сызрани, до трех в Ставрополе, в котором к тому же организации отдельного участка во главе с частным приставом вообще не предусматривалось⁴.

В конце XVIII в., когда число дворов в Самаре увеличилось до 707, в ней было уже пять кварталов. В соответствии с этим числом в городе стояло “питейных домов пять, буток для содержания городского караула пять”. Полицейский надзор в каждом квартале осуществляли два штатных чина, квартальный надзиратель и его помощник — квартальный поручик, а также 12 ночных сторожей, “которым плата производится за каждую ночную стражу”.

Полиция обязывалась следить не только за правопорядком, но и за частной жизнью обывателей. В “Устав благочиния” сама императрица включила нравственные руководства для полицейских чинов (“с пути сошедшему указывая путь”, “буде скотина и злодея твоего споткнется, подыми ее” и др.) и горожан (“жена де пребывает в любви, почтении и послушании своему мужу”, “запрещается всем и каждому пьянство” и т.п.).

Все же заметно большее воздействие на нравы и души имела церковь, нежели царицыны указы. В конце XVIII в. в Самаре действовало пять церквей, в том числе два каменных храма – Казанский собор с Никольским приделом и церковь Преображения упраздненного мужского монастыря, обращенная затем в приходскую. Деревянными были при-

ходские церкви Вознесения и Успения (бывшая монастырская), а также перенесенная на кладбище бывшая соборная Троицкая. В 1807 г. Вознесенская и Успенская церкви сгорели и долго не возобновлялись. При церквях числились четыре богадельни, “построенные из церковных доходов для неимущих, в коих число душ неопределительно, и питаются от добрыхотных подаванием”⁵.

В Сызрани, кроме Вознесенского мужского монастыря с каменной церковью, стояли каменные же Христорожественский собор, надвратная церковь Спаса Нерукотворного, приходские храмы Казанской Богоматери, Сергия Радонежского, Успения, Илии Пророка. Приходские церкви Иоанна Предтечи и Троицы были деревянными. Свою церковь имела пригородная Преображенская слобода. Присутственные места здесь были открыты 16 января 1781 г. в здании бывшей воеводской канцелярии на территории прежней крепости.

В Ставрополе в отличие от Самары или Сызрани крепостные сооружения в XVIII в. еще сохранялись, и внутри их находились жилые дворы. В крепости же помещались два собора – каменный Троицкий и деревянный Андреевский, обычные для уездного города присутственные места (открыты 10 января 1781г.), казенные склады. Сохранились в Ставрополе комендантская и калмыцкая войсковая канцелярии, а также открылись две школы и больница. Кстати, в других городах нашего края не было учреждений ни образования, ни здравоохранения. В ставропольских слободах, Купеческой и Солдатской, стояло по одной приходской церкви, соответственно Успения и Рождества Богородицы. Эти храмы, как и Воскресенская церковь на кладбище, были деревянными⁶.

Численность, состав и занятия горожан. Население Самары в начале XIX в. достигло 4 тыс. человек. Здесь проживало (вместе с членами семей) около 30 дворян и лиц офицерского чина, 120 священно- и церковнослужителей, 250 дворовых людей, 60 разночинцев (однодворцев, ямщиков, отставных солдат, ссыльных), 900 служилых и отставных казаков, 2250 купцов и мещан православного вероисповедания и 140 старообрядцев. Еще 100 постоянных жителей — это инвалидная команда, составлявшая самарский военный “гарнизон”⁷.

В это же время население Ставрополя составляло свыше 2,5 тыс. человек, в том числе около 250 дворян и офицеров, 90 церковно- и священнослужителей, 120 дворовых и столько же разночинцев, 940 отставных военнослужащих, более 800 купцов и мещан, а также до 220 калмыцких старшин и рядовых. Одновременные сведения по Сызрани имеются только в отношении податного населения, самого многочисленного среди городов края: 3100 купцов и мещан, более 250 разночинцев, около 70 дворовых.

Города эти были и не очень многолюдны, и не велики по размерам. Территория Сызрани занимала 326 дес., Ставрополя – 178, Самары – 316, из них 93 дес. приходилось на неудобья (овраги, пустыри и т.д.), свыше 200 дес. лежало “под поселением, садами, огородами... под улицами и проулками”, а чуть более 3 дес. “под земляною крепостью”. Еще 9 дес. занимали две самарские торговые площади, которые назы-

вались Верхним и Нижним рынками, “на коих производятся торги только по воскресным дням привозимым из окрестных селений крестьянским разным хлебом и всякими жизненными припасами”. На Нижнем рынке торговали только летом, на Верхнем – круглый год.

Приезжий люд, особенно крестьяне, сбывал свой товар “со стругов”, “с возов”, “с полков”. Городские купцы торговали в лавках. Если не считать тех лавок и амбаров, в которых продавали, скупали, хранили продукты питания (зерно, муку, хлебные изделия, мясо, сало и т.д.), то в Самаре в конце XVIII в. было всего девять “лавок щепетильных”. Общее число торговых помещений в Сызрани составляло 124, в Ставрополе – 31. Все коммерческие заведения в городах края были деревянными.

Особой активностью торговая жизнь Самары конца XVIII – начала XIX в. не отличалась. Лишь малая часть товарооборота приходилась на дорогие привозные шелковые, суконные и льняные ткани, чай, кофе, виноградные вина. В основном торговля велась “мелочными товарами”, как правило закупленными оптом на больших Макарьевской и Карсунской ярмарках. Продукция немногочисленных самарских ремесленников играла в торговле незаметную роль. В обмен Самара поставляла прежде всего хлеб, привозимый сюда крестьянами или скупленный в “окрестных селениях”.

Главный путь привоза и вывоза товаров — Волга, на которой самарская пристань действовала “во все летнее время”. По реке Самаре не было “судового ходу и гонки плотов”, лишь весной, в половодье, пузатые баржи заходили в ее устье и загружались хлебом, свезенным зимой и хранящимся в амбарах на берегу.

Наряду с работой на пристанях и судах многие горожане занимались извозом на сухопутных дорогах и зимниках по льду. Перевозы через Волгу и другие крупные реки сдавались городскими думами в аренду “разным людям и за разные цены”. Самым распространенным видом судна у волжских перевозчиков был дощеник (досчаник) — большая лодка с палубой-настилом, на которой можно было переправлять повозки, телеги, экипажи.

Особенно важными были перевозки в тех местах, где к рекам выходили дороги, имевшие статус почтовых и являвшиеся объектом заботы государства. В селениях Самарского края, через которые проходили пути, соединявшие губернские и уездные центры, устраивались почтовые станции. Тракт из губернского Симбирска в Самару пересекал современные Шигонский, Ставропольский и Волжский районы нашей области. На нем стояли станции в селах Маза, Усолье, Жигули, Аскула, деревне Борковке (где теперь село Новинки). От Жигулей шли ответвления этой дороги на Ставрополь и через Переволоки и Костычи на Сызрань, а от нее на Саратов⁸.

К волжской переправе под Сызранью выходил большой скотопронный тракт из степей Заволжья и Южного Урала, делавший этот город важным посредником в торговле скотом и продуктами животноводства. В Сызрани на рубеже XVIII–XIX вв. действовал 21 кожевен-

ный завод. Такая особенность Сызрани была законодательно закреплена появлением на гербе города черного быка.

Под “заводом” в терминологии XVIII – начала XIX в. подразумевалось не обязательно большое промышленное предприятие, но и сколько-нибудь значительные ремесленные мастерские. Правда, и при таком расширительном толковании описания Самары и Ставрополя утверждали, что в этих городах “заводов и фабрик никаких не имеется”. Даже такой немудреный товар, как посуда, в том числе глиняная и деревянная, покупался у деревенских мастеров или у “пловущих рекою Волгою... промышленников”.

Неудивительно, что города Самарского края сохраняли черты сельскохозяйственного поселения: “Большей частью как купцы, так и мещане сверх мастерств своих занимаются скотоводством и в саждении на дачах им принадлежащих арбузов, дынь, перцу, луку и огурцов”. Обыватели получали также хорошие урожаи капусты, свеклы, моркови, картофеля. В Сызрани, как уже упоминалось, развито было и садоводство. “Собираемые плоды и огородные овощи употребляются для своего домашнего обихода, а частью и на продажу”, включая и отдаленные города, куда их “отвозят по Волге на расшивах”⁹.

Продажа овощей и фруктов свидетельствовала о том, что в городских условиях сельское хозяйство из подсобного занятия превращалось в разновидность промысловой деятельности. При этом горожане все более ориентировались на производство иного товара, чем полеводы-крестьяне. “Можно сказать, что по мере развития городов хлебопашество сокращалось, а огородничество, садоводство и скотоводство не только прогрессировали, но и стали высокотоварными еще до наступления капиталистической эпохи”¹⁰.

В качестве примера для Самарского края можно привести производство стручкового перца. Во многом благодаря жителям именно Самары пошел процесс интродукции этой южной культуры в средней полосе России. Производство перца требовало тщательного выращивания рассады, ежедневного полива до снятия урожая, при неблагоприятной погоде — дозревания снятых стручков в доме, переработки зрелого перца, сушки, толчения в ступах. Сбор перца в Самаре достигал 1500—2000 пудов. Цена была достаточно высокой: пуд перца — 2—2,5 руб. Расходовали перец экономно, не больше стручка в месяц¹¹.

Городские земли. Сельскохозяйственные занятия горожан требовали гораздо большие земельные угодья, чем небольшой участок при усадьбе, и города края имели обширный земельный фонд, являвшийся собственностью “градского общества”. Так, “городские выгонные земли с поселенными на оной хуторами... общего владения... купцов, мещан и... служилых казаков” Самары составляли более 32 тыс. дес. даже после того, как свыше 7 тыс. дес. изъяли в казну, а еще более 0,5 тыс. дес. передали государственным крестьянам ближних селений. По поводу еще 135 дес. велись споры между городской общиной и дворянами, также заведшими свои хутора на самарской выгонной земле¹².

Кроме того, Самаре принадлежали 2,5 тыс. дес. пахотной земли, 3 тыс. дес. степи, 5 тыс. дес. дровяного лесу, 2,8 тыс. дес. солонцов и не-

удобий. Всего сельскохозяйственные угодья самарских жителей достигали 46 тыс. дес. — в 150 раз больше площади самого города. На каждого жителя вне зависимости от пола, возраста, сословия приходилось в среднем более 11 дес.

Горожанам Самары принадлежали также рыбные ловли, важнейшими из которых были Соковские и Подгородные, которые первоначально располагались по обоим берегам Волги. Ссылаясь на преимущественное право помещиков на угодья, которые “прикосновенны” к их вотчинам, граф В.Г.Орлов предъявил претензии на указанные рыболовные места, как прилегающие к его крепостной Рождественской волости. Сенат принял компромиссное решение, разделив эти ловли между городом (по левому берегу Волги) и графом (по правому). Но самарская половина заносилась песком, а в самую богатую рыбой Быстренькую Воложку у села Рождествена городских ловцов не пускали. Самарская городская община стала требовать нового передела угодий по берегам Воложки. Не дожидаясь решения сверху, арендаторы самарских ловель со своими работниками начали явочным порядком добычу рыбы в Воложке, что вызвало столкновения с рождественской вотчинной администрацией. Правда, исправник отобрал и вернул самарским ловцам снасти и улов, захваченные было людьми графа. Городские купцы, в свою очередь, не давали вытягивать из садков наловленную рыбаками графа рыбу, за возвращение своего улова им пришлось поделиться с самарскими уездными властями¹³.

В конце концов город проиграл судебный процесс и потерял наиболее ценные рыболовные угодья. В то же время попытки Орлова занять часть других сельскохозяйственных угодий Самары, например Барбошину поляну, оказались безуспешными. Поверенным графа не удалось разыскать документы, которые позволяли бы на законных основаниях затеять еще одну тяжбу за самарские земли.

Меньше повезло жителям Ставрополя. Нашлись формальные зацепки, позволившие В.Г.Орлову утверждать, что сам город и отведенные ему угодья занимали часть пожалования, которое братья Орловы получили от Екатерины II. Хотя со времени основания Ставрополя прошло 60, а со времени пожалования Орловым 30 лет, тем не менее в 1798 г. эти земли были признаны спорными. За такое решение землемер получил от графского поверенного 2300 руб., а члены губернской межевой канцелярии еще 15 тыс. руб. Около 9 тыс. было истрачено на хлопоты в столичном Сенате, утвердившем прошение графа.

В итоге в 1811 г. Орлову отошло более 1,2 тыс. дес. городских лугов (еще 2 тыс. руб. членам межевой конторы), а позднее такая же площадь богатых поемных сенных покосов. Граница земель графа и города оказалась проложена так (дополнительно 10 тыс. руб. от помещика), что ставропольский выгон фактически отрезали от воды. Горожане не могли оставить свой скот без сена и водопоя и в то же время не собирались платить графским управителям за аренду отнятых угодий. Начались неизбежные столкновения, доходившие до рукоприкладства, недалеко было и до кровопролития. Сенат оказался вынужден взять дело к пересмотру и сделать уступки ставропольцам относительно пе-

решения границы. Однако вернуть уже отошедшие Орлову земли им не удалось, хотя дело тянулось аж до 1833 г.

В начале XIX в. земельные угодья Ставрополя и Сызрани значительно уступали самарским, немногим не достигая 6 тыс. дес.: у ставропольцев 2650 дес. выгона и покосов со степью, 2250 дес. строевого леса (основательно вырубленного крестьянами Орлова во время тяжбы), а у сызранцев 1,5 тыс. дес. пашни и 2,5 тыс. дес. степи с выгоном, покосами, а также 1,2 тыс. дес. дровяного леса. Остальные площади, отведенные горожанам, считались неудобьями¹⁴.

Изменения, внесенные в жизнь городов Самарского края областной реформой Екатерины II, социально-экономическими процессами конца XVIII – начала XIX в., как можно видеть, больше всего затронули деятельность административных учреждений. В меньшей степени перемены коснулись торговли, сельскохозяйственных занятий и совсем незначительно – промышленности.

НАСЕЛЕНИЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ЭПОХУ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ

Проведение Генерального межевания. Крупнейшим мероприятием российского абсолютизма конца XVIII в. наряду с областной реформой можно считать осуществление Генерального межевания. Целью грандиозной землеустроительной работы было упорядочение казенного и частного землевладения, разрешение споров по поводу сельскохозяйственных угодий, поощрение к заселению неосвоенных земель.

В наиболее благоприятные условия при межевании ставились помещики. За ними утверждались все занятые, “хотя и несправедно”, государственные земли при условии, что они не являются предметом какого-либо спора. Конфликтующим предлагалось, “с соседями своими любовно разводясь... сделать себя достойными к получению в вечное и потомственное за собою утверждение” захваченных у казны земель.

В ходе Генерального межевания за собственниками земли утверждались права на недра, леса, воды на территории их владений. На помещичьих крестьян в случае недостатка земли в вотчине и наличия рядом свободных земель могли бесплатно нарезаться участки пахотных и прочих угодий. Предоставлялось право выкупа в собственность казенных земель, снятых прежде в аренду или просто находящихся по соседству с помещьем. Правительство рассчитывало, что в результате “многим помещикам к размножению экономии прибавятся способы”.

О проведении Генерального межевания объявили еще в 1765 г., но разграничение и обмер всех (!) землевладений Европейской России были делом не простым, долговременным и проводились постепенно. Лишь в 1797 г., когда уже в основном оказались обмежеваны центральные и западные районы страны, объявили о Генеральном межевании в Симбирской, Оренбургской и Саратовской губерниях. Началось оно год спустя.

В течение 5–10 лет землевладения Самарского края были в большинстве своем обмежеваны, хотя формально Генеральное межевание закончилось позже. Определение размеров и границ касалось здесь не только уже сложившихся, но и вновь возникавших имений и дач. Проведение межевания переплелось с процессами продолжавшейся вольной и помещичьей колонизации, ускорившегося заселения и освоения многих районов нашего края.

Отдельные мероприятия из числа предусмотренных Генеральным межеванием начали осуществляться в Среднем Поволжье и до 1798 г. Особый интерес вызвало у помещиков разрешение покупать пустующие казенные земли. Так, в 1776 г. подпоручик С.Д.Стромилов, имевший в деревне Елшанке 50 дес. пожалованной ему земли на 80 душ мужского пола, просил разрешить ему покупку “в смежности” 500 дес. по рекам Соку и Чесноковке “в вечное потомственное владение”, и эта земля была ему продана по 70 коп. за десятину¹⁵. Правда, удовлетворялась далеко не каждая такая просьба. Казенных земель просто не хватало, чтобы продать всем желающим помещикам.

До начала Генерального межевания владельцы могли обмежевать при необходимости земли за свой счет. В 1776 г. об этом просила А.М. Юматова. Ей принадлежали селцо Юматовка и деревня Екатериновка, “которые ограничены... рекою Соком и речками Большой и Малой Боровками... и состоят от смежных дач необмежеванными, а через то с соседственными землями происходят споры”¹⁶.

Подобное, так называемое “своекоштное”, межевание обходилось очень дорого. К нему прибегали, как правило, люди состоятельные. По всей России этим порядком обмежевали только 557 землевладений, в том числе имения графов Орловых в Поволжье. При межевании в 70-е годы XVIII в. Усольской вотчины, южная заволжская граница которой была неопределенной, по распоряжению Екатерины II происходило наделение степных селений Орловых свободными землями по норме Межевой инструкции (8 дес. на крепостную душу мужского пола). Братья поторопились поставить на левобережье Волги и ее притоке Безенчуке новые поселки, куда перевели крестьян из старых сел и деревень на Самарской Луке. Таким образом им удалось получить гораздо больше земель, которые межевщики нарезали в степи к наличному населению новопостроенных Екатериновки, Владимировки, Федоровки, Алексеевки, Ивановки (Никольского), Григорьевки, Александровки. На рубеже XVIII–XIX вв. в них уже числилось 682 двора и 5 тыс. жителей¹⁷.

В отношении казенных крестьян Межевая инструкция устанавливала 15-десятинную “пропорцию” на душу мужского пола, сверх которой угодья из их пользования изымались. Последнее часто происходило во вновь заселяемых районах, где вольные переселенцы занимали большие площади свободных земель. При межевании у государственных крестьян села Титовка с окрестными деревнями и деревни Липяги было отрезано соответственно 11 тыс. и 3,5 тыс. дес. пахотной земли и покосов.

Пострадали и некоторые не очень состоятельные помещики, которые, захватив свободные земли, не смогли их освоить и заселить, а по-

тому вынужденно отдавали казне как 'излишне присвоенные'. Правда, в отличие от упомянутых государственных крестьян, помещики, как правило, теряли уголья, еще не вовлеченные в сельскохозяйственный оборот. В окрестностях Самары подобные потери понесли помещики Молостов и Стромилова. У последней, владевшей деревней Подстепновкой, где числилось всего 2 двора и 20 жителей, отрезали в казенное ведомство более 500 дес.¹⁸

Прежние пользователи земель, изъятых при межевании, могли сохранить их за собой, но теперь на правах аренды и за дополнительную плату. На беду государственных крестьян, осевших в низовьях реки Мочи, их бывшие земли привлекли внимание могучего соседа В.Г. Орлова.

Расширение крупного помещичьего землевладения в крае. По разделу между братьями Орловыми образованная в Заволжье Екатерининская волость (около 33 тыс. дес., из них 26 тыс. удобной земли) досталась Ф.Г. Орлову, а от него по наследству А.Г. Орлову-Чесменскому. Ему отошло в 1796 г. и последнее крупное пожалование императрицы — примыкающий к этой волости участок степи в 39 тыс. дес. удобной земли (43,5 тыс. дес. с неудобьями). Младший из братьев, В.Г. Орлов, вынужден был искать другие возможности приобретения заволжской целины.

Недолгое царствование Павла I (1796-1801) ознаменовалось новой массовой раздачей казенных земель. Многие из помещиков, получившие незаселенные участки степи, продавали эти пожалования тем, кто действительно собирался переселять туда своих крепостных. В.Г. Орлов был одним из таких покупателей.

Земли приобретались не наобум, а с точным расчетом. Поверенные графа объезжали и осматривали уголья в Самарском Заволжье. Затем по их сообщениям велись переговоры в Петербурге с потенциальными продавцами земли, которых убеждали добиваться пожалования конкретных участков, облюбованных орловскими управителями.

В июне 1799 г. Орлову донесли, что графу Гурьеву "пожаловано в Симбирской губернии 20 тысяч десятин на выбор, можно с ним снестись, не продаст ли оную, а для переселения крестьян Вашего Сиятельства очень нужна". В ноябре с Гурьевым удалось предварительно договориться. А в июле следующего года был сделан "заказ" на несколько тысяч десятин "по обе стороны оврагов Теплого Стана и Лопатинских Розсошей и речки Свинухи", куда предполагалось переселить 800–1000 ревизских душ. Поскольку "по сей степи пашни самарцев и обывательской нет, и ныне никем не снимается, а пасут на оной скот", то "споров от обывателей быть не может"¹⁹.

Уверения в беспорности приобретения указанных земель оказались преувеличенными. Ведь речь шла в основном о землях, недавно отрезанных межевщиками у липяговских крестьян и помещика Молостова. Государственные крестьяне ломали межевые знаки, затаптывали саму межу, запахивали на себя отрезанную землю. Самым страшным для них было то, что они лишались выхода к водопою на реке. Закон стоял на стороне Орлова, купившего в феврале 1803 г. эту землю.

Жителям Липягов пришлось не только признать отрезку, но и просить графа об обмене участка лучших пахотных земель деревни на проход для скота к воде.

Формально в указанном месте Гурьев, а от него Орлов получили немногим более 9 тыс. дес., на самом же деле вместе с неудобьями, отдававшимися бесплатно, здесь было 12 тыс. У “хороших” землемеров, которых графские поверенные, как мы уже видели, умело подкупали, в неудобья записывались и некоторые вполне пригодные к использованию угодья. В 1807 г. к купле Орлова было примезжено около 2 тыс. дес. компенсации за якобы обнаруженные на участке новые неудобья.

Излюбленный землевладельцами прием оттеснения возможных конкурентов от водопоя в качестве средства нажима действовал безотказно. Для покупки у жены Гурьева в 1800 г. были подобраны близко “к Сухой Ерыкле за болотом Матугой 5000 десятин, дабы хутор Резанский и другую воду захватить во владение и тем самым весь край степи может остаться без всякого найма” чужими крестьянами и землевладельцами. К указанному хутору Межевая инструкция позволила прирезать более 2 тыс. дес. степи и снять ее в аренду на 15 лет. В 1805 г. через того же Гурьева, а также через тайного советника Попова для округления владения близ Самары прикупили 0,5 тыс. дес., отчужденных у Стромиловой²⁰. В 1814 г. Усольская вотчинная контора В.Г. Орлова на деньги крепостных крестьян выкупила арендованные земли у казны в собственность графа. Позднее здесь возникло село Натальино.

Продавцы пожалованной земли и сами искали покупателей. Приятель и поверенный Орлова симбирский помещик Мещеринов в октябре 1799 г. сообщал, что некий “Порошин был у него. Ему пожаловано в Симбирской и Саратовской губерниях земли 20 тыс. дес... Он много должен, намерен продажей земли долг заплатить. А потому и может продавать за сходную цену”. Предложение Орлова Порошин без проволочек принял. Первоначально пригляделись было к землям по реке Чагре, где межевщики урезали владения помещиков Самарина и Урусова. Но эти двое являлись слишком крупными землевладельцами, чтобы рассчитывать на их быструю капитуляцию перед казной и уступку притязаниям Орлова. Усольский управляющий летом 1800 г. лично осмотрел эти места и убедился, что Самарин заселил своими крестьянами оба берега Чагры, а Урусов перевел в свое поместье еще более 100 семей. Хотя полностью сохранить имевшиеся до межевания земли им не удалось, но лучшие угодья с водопоями оказались заняты, удобных мест для заселения не осталось²¹.

В этот момент на удачу подоспело изъятие земли у титовских крестьян, которую управляющий Орлова оценил однозначно: “Она самая лучшая по Симбирской губернии”. Мещеринов уточнял: “На сей земле можно поселить 1000 душ. Прилегаемая уральская степь будет способствовать скотоводству. За отмежеванием господину Порошину водопой в ней не остается, и в дачах ни у кого быть не может”. Действительно, согласие Порошина на продажу полученной им основной части бывших титовских земель (более 8 тыс. дес.) заставило и других вла-

дельцев, которым отошли остатки этих земель и расположенные рядом участки, уступить свои пожалования Орлову. Машинный мастер Петров, член симбирской межевой конторы Плюсков, генерал Опперман продали графу в 1802–1804 гг. по 2 тыс. дес. каждый. Еще несколько более мелких участков общей площадью 1 тыс. дес. до 1814 г. были выкуплены им у разных владельцев и казны²².

Мещеринов, и прежде убеждавший Орлова, что “ежели титовская земля купится, хотя и дорого, но время наградит сугубо”, писал в феврале 1803 г.: “Хотя Ваше Сиятельство и много денег употребили на покупку земли, но не в потерю. Цена на землю каждогодно возвышается... Внутренняя теснота России принудила жителей селиться и в отдаленных степях; Башкирия вся населена, по рекам Кубани, Тереку и Куме отводят землю и селятся большими слободами. Речки Моча и Свиноушка под руками; на землю их скоро цена возрастет...”²³.

До 1805 г. титовские крестьяне пытались отстоять хотя бы часть отмежеванных земель. Но, как и соседи из Липягов, не преуспели в этом. Жалобы на то, “что ежели земля от них отрежется, то им будет жить не при чем”, не помогали, так как нормы Межевой инструкции были соблюдены. Взятки губернским чиновникам от крестьянского мира не могли перевесить подношения от орловских управителей. Задним числом крестьяне оформили сделку на покупку этих земель у башкир, но никакой законной силы она не имела. Даже самовольная распашка ими более 150 дес. не беспокоила усольского управляющего, который заметил: “Сия распашка полезна, ибо сами пахать не будем”²⁴.

Окончательно споры были пресечены переселением крепостных В.Г. Орлова на новые земли. В селениях на Самарской Луке разобрали несколько сот дворов и вместе с обитателями где по воде, где на лошадях перевезли в назначенные под жительство места, заранее спланировав размещение улиц и усадеб. Усольский управляющий рапортовал 1 октября 1804 г. хозяину: “Сей день возвратился с Мочи, где разбил подле Котлобану на полтараста домов места... С первого числа станут рубить [избы]. День основания... Покров Божия матери”, поэтому и деревню называли Покровкой²⁵.

В том же году начали заселять Воскресенку и Преображенку. В 1805–1808 гг. возникли Троицкое, Сретенка, Воздвиженка, Преполовенка. Добровольцев к переселению практически не нашлось. На новые места в первую очередь отправляли погорельцев, безлошадных и прочих бедняков, которые сдавали наделы в своих селах и деревнях более справным соседям, а сами жили работой по найму и лесными промыслами. Было “определено, чтобы их отдалить от города и прервать пропитание их от лесов, а сделать хлебопашцами”²⁶. Всего подверглось переселению до 4 тыс. жителей Рождествена, Новинки, Подгор. Выползовой, Терновой, Шелехмети, Брусан, Вали, Александровки, Аскулы, Кармалы, Большой и Малой Рязани, Соснового Солонца, Тайдаковой и Кунеева. Это явилось самой крупной акцией в истории помещичьей колонизации Самарского Заволжья, по масштабам сопоставимой только с образованием Екатеринбургской волости в 70-е годы

XVIII в. Интересно, что при обоих массовых переселениях Орловы использовали по существу лишь старожилов Самарской Луки.

В.Г. Орлов успешно обратил в свою пользу проведение Генерального межевания в Ставропольском уезде. Начало его позволило поверенным графа возбудить в 1798 г. самую громкую межевую тяжбу в крае против горожан Ставрополя (о чем говорилось выше) и Ставропольского калмыцкого войска. В результате за Орловым утверждалась “поверстная дача” вдоль левого берега Волги площадью 26 тыс. дес., изымавшихся у города, у калмыков Подстепновского улуса, из свободных казенных земель. На “поверстную дачу” были переселены крепостные мордовские крестьяне с Самарской Луки, основавшие деревню Мордовскую Борковку, и часть жителей села Кунеева (Карсунский уезд), которые называли свой поселок деревней Кунеевкой.

Выше по Волге в том же Ставропольском уезде на купленных им же, Орловым, в 1810 и 1813 гг. землях (до 6 тыс. дес.) было основано селцо Анненское. Сюда перевели 277 душ мужского пола из калужских вотчин его снохи А.И. Орловой, урожденной Салтыковой. Бывало, Орлов покупал и обжитые имения, но предпочитал, как и другие помещики в крае, приобретать более дешевые незаселенные земли, признаваясь в письме Мещеринову: “Для меня выгоднее купить землю для переселения оброчных крестьян, нежели покупать деревни”²⁷.

Крестьянское движение на новые земли. Несмотря на преимущества, предоставленные помещикам при получении и освоении новых земель, продолжалась активная вольная колонизация нашего края. Она велась даже в близком к Волге Самарском уезде, столь привлекательном для землевладельцев – дворян, не говоря уже об удаленных на восток степях. В последние десятилетия XVIII в. сложился и при всех земельных потерях сохранился целый куст сел и деревень государственных крестьян. “На левой стороне Волги по реке Моче... сходцами из уездов Синбирского и Пензенского” были населены Титовка, Гусарский Городок, Горки, Глушицы, Губашево, Малое Томилово. В конце века здесь в 320 дворах проживали более 2,2 тыс. ясачных крестьян и пахотных солдат²⁸.

Симбирских пахотных солдат переселяли и в более отдаленные районы. Из Сосновки в 70-е годы XVIII в. 12 семей перешли в будущий Бугурусланский уезд, основав одноименное село. Во время Генерального межевания у этой новопоселившейся общины отобрали значительные участки леса и других угодий в пользу казны и помещиков²⁹.

В некоторых ситуациях межевое законодательство и местная администрация оказывали поддержку казенным крестьянам. В селе Суринском с двумя близкими деревнями на юге Сенгилеевского уезда около 140 дворов пахотных солдат (более 800 человек) заняли свободные казенные земли вместе с проживающими здесь же крестьянами разных помещиков. В ходе Генерального межевания из указанных земель на всех жителей села и деревень (до 400 дворов и свыше 2 тыс. человек) нарежали угодий из расчета 8 дес. на душу мужского пола. Оставшиеся после нарезки 2754 дес. удобной земли (пашня, покос, лес) решением Правительствующего Сената были оставлены “во владении одних па-

хотных солдат”³⁰. Последним по закону полагалось отвести по 15 дес. на душу, но за неимением поблизости других казенных земель удовлетворить это условие оказалось попросту невозможно. В таких случаях государственным крестьянам компенсировали недостаток земли лишь частично.

При более острой нехватке земли и желании занять ее до полной 15-десятинной “пропорции” государственные крестьяне вынуждены были из плотно заселенных уездов правобережья перебираться в Заволжье, располагавшее незанятыми степными участками. В 1801 г. Симбирская казенная палата по прошению экономических крестьян сел Студенец и Рачейка Сызранского уезда определила отдать им свободные земли при верховьях реки Безенчук. Земли отводились по норме Межевой инструкции на 277 переселенцев. Возникла деревня, первоначально названная Новым Студенцом, Безенчук тож (ныне село Студенцы)³¹.

Случаев переселения в заволжские уезды при посредстве казенных палат все-таки встречалось немного, “абсолютное большинство переселений государственных крестьян происходило самовольно”³². Власти и межевщики ставились, как правило, перед свершившимся фактом появления новых поселков на свободных землях. Так, документы очередной 5-й ревизии (1796) и Генерального межевания (1799–1802) зафиксировали существование ряда довольно крупных селений с несколькими сотнями жителей в Бузулукском уезде. Среди них Утевка, сложившаяся из четырех поселков и населенная как выходцами из ближней Красносамарской крепости, так и переселенцами из Пензенской, Тамбовской, Тульской губерний. Недалеко от нее возникла Домашка, основали которую украинские, русские, мордовские крестьяне из Тамбовской, Курской, Орловской губерний.

В 1796 г. 6 крепостей, 28 сел, 4 слободы и 166 деревень Бузулукского уезда насчитывали 29 тыс. душ мужского пола. С 1799 по 1811 г. в этот уезд прибыло из Симбирской, Рязанской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Тамбовской, Пензенской губерний и других уездов Оренбуржья более 14 тыс. душ мужского пола, в том числе 10 тыс. русских государственных крестьян. За те же годы среди переселенцев в Бугурусланский (10,5 тыс. душ) и Бугульминский (19 тыс. душ) уезды было соответственно: русских 6,3 тыс. и 9,1 тыс., мордвы 2,5 тыс. и 4,8 тыс., чувашей 1,7 тыс. и 4,4 тыс., а также несколько сот татар и тептярей.

При преобладании стихийного начала, естественного для вольной крестьянской колонизации, правительство все же пыталось регулировать этот процесс. По именному указу 1797 г. подтверждалось наделение организованных переселенцев из казенных крестьян “пропорцией” Межевой инструкции в 15 дес. на ревизскую душу, предоставлялось пособие (на семью 12 руб.) и освобождение на три года от выплаты податей и рекрутской повинности. В 1805 и 1808 гг. были утверждены правила о переселении казенных крестьян из внутренних губерний на окраины, согласно которым первоочередное правило на переезд предоставлялось жителям малоземельных селений, уточнялись нормы наде-

ления земель, денежных ссуд, налоговых льгот. Однако многие из благих начинаний жили только на бумаге. Крестьяне предпочитали “синицу” самовольного перехода “журавлю” обещаний, терявшемуся в недрах бюрократических учреждений.

Кроме соображений материальных, к перекочевыванию толкало стремление избежать на новом месте религиозных гонений. Вслед за старообрядцами, которым разрешили поселяться на Иргизе, туда же устремились сектанты-молокане. По совету основателя секты Уклеи-на в 1792 г. из Балашовского уезда Саратовской губернии на Иргиз вышли 448 молокан и основали село Тяглое Озеро. Оттуда по мере увеличения числа жителей они расселялись в поселки и хутора по тому же Иргизу (Канаевка, Константиновка), по Чагре (Хворостянка, Острая Лука), по Моче (Сухая Вязовка, Яблоневый Овраг, Богдановка). “Во всех этих поселках уже в конце XVIII века молокан числилось 970 душ об. пола”³³.

Молоканские поселки возникали не только в вышеперечисленных местах будущего Николаевского уезда, но и в южной части Бузулукского. В 1809 г. на реке Съезжей беглые солдаты и крестьяне из молокан поставили первые 10 дворов в Алексеевке (Землянке). “Для избежания преследования со стороны начальства поселенцы старались совсем не делать дороги к своему селению и самые жилища поставили в овраге в далеком друг от друга расстоянии”³⁴.

В течение последней четверти XVIII – начале XIX в. земледельческое освоение нашего края интенсивно продолжалось. Поток вольной крестьянской колонизации направлялся теперь дальше на восток и юг, подготавливая условия для грядущего решительного освоения Заволжья и Приуралья. Генеральное межевание, с одной стороны, стимулировало эти процессы, а с другой — закрепляло результаты заселения и освоения новых земель.

КРЕПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ

Дворянские имения. Одновременно с удовлетворением большинства политических и экономических притязаний дворянства произошло его освобождение от обязательной государственной службы, провозглашенное в 1762 г. и закрепленное “Грамотой на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства” от 21 апреля 1785 г. В этой “Жалованной грамоте” подтверждались и расширялись также другие дворянские привилегии, важнейшей среди которых выступало монопольное право на владение крепостными и эксплуатацию их труда.

Российское дворянство, более не загоняемое властной рукой самодержца в полки и канцелярии, призванное к решению на своих собраниях дел местного самоуправления, закрепившее при Генеральном межевании равно как законные, так и неправомерные земельные приобретения, стало оседать большей частью в собственных имениях. Различные районы Самарского края по мере их освоения покрывались как бы се-

тью таких “дворянских гнезд”, единых по своему крепостному облику, но непохожих друг на друга размерами, населенностью, обустройством.

Крупнейшим земельным владением в крае (и одним из самых крупных во всей России) являлись вотчины графов Орловых в районе Самарской Луки. В 1806–1807 гг. они были размежеваны в соответствии с полюбовным разделом между двумя последними оставшимися в живых братьями – В.Г. Орловым и А.Г. Орловым-Чесменским. В долю последнего отошли следующие имения:

девять сел и деревень Екатерининской волости (Екатериновка, Владимировка, Александровка, Кануевка, Переволоки, Федоровка и др.), насчитывавших 1014 крестьянских дворов, 3708 душ мужского и 3723 женского пола. Площадь имения — около 33 тыс. дес., в том числе 26,5 тыс. дес. удобной земли, из которой половину составляла пашня. К ней примыкали еще 43,5 тыс. дес. степи, пожалованных в 1796 г.³⁵;

три селения Новодевиченской волости (Новодевичье, Кузькино, Камышенка) с 622 дворами, 2092 душами мужского и 2217 женского пола, 37,5 тыс. дес. земли, из которых 34 тыс. дес. удобной, на треть используемой под пашню³⁶;

три селения на самой Луке (Винновка, Березовый Солонец, Кармалы) и ряд отдельных ненаселенных дач там же. Всего более 30 тыс. дес., в основном леса и покосов, пашни с трудом хватало на 2,5 тыс. душ обоего пола, поэтому от малоземелья приходилось избавляться переселением на свободные массивы Екатерининской волости.

В 1807 г. все эти имения наряду с недвижимостью в других губерниях России отошли единственной наследнице — дочери графа А.А. Орловой-Чесменской.

В.Г. Орлову по разделу досталось по Средней Волге около 190 тыс. дес. Ядро его здешних владений составлял компактный массив на правом берегу Волги. Усольская волость как часть этой вотчины занимала 82 тыс. дес., в том числе 74,5 тыс. дес. удобной к хозяйственной деятельности земли, из которых 24 тыс. дес. приходилось на пашню и 7 тыс. дес. на залежь и степную целину. Аскульская и Рождественская волости располагались на площади 96,5 тыс. дес., имели 86,5 тыс. дес. удобной земли, из них 22,5 тыс. дес. пашни и залежи³⁷.

В правобережных волостях В.Г. Орлова лежали 24 селения (Усолье, Жигули, Валы, Аскула, Сосновый Солонец, Рождествено, Подгоры и др.) с более чем 22 тыс. крестьян. Еще до 1,5 тыс. человек составляло население его левобережных имений (Русская и Мордовская Борковки, Рязаново, часть села Майны)³⁸, частью полученных по разделу с братьями, частью купленных самим графом Владимиром.

Владения В.Г. Орлова на горной стороне Волги также увеличивались за счет покупок, среди них были незаселенные участки общей площадью 1,6 тыс. дес. близ Брусян и Морквашей. У помещика Плещева было приобретено село Языково, а у его сына – расположенный поблизости Новый Тукшум. Первое покупалось без крестьян, прежний

владелец свез своих крепостных, а граф Орлов на освободившиеся 3 тыс. дес. перевел собственные 124 души мужского пола. Новый Тукшум был приобретен и с землей (7 тыс. дес.), и с крестьянами (122 двора, 670 человек).

Вместе с землями, купленными в Степном Заволжье и отсуженными по межевым тяжбам, о чем говорилось выше, владения В.Г. Орлова в Среднем Поволжье увеличились до 280 тыс. дес. По данным 7-й ревизии (1815), в Симбирской губернии ему принадлежало 13 385 душ только мужского пола³⁹.

По сравнению с уникальными по своим размерам самарскими владениями братьев Орловых не очень значительно выглядит даже большое Шигонское имение, отмежеванное в 1806 г. из Новодевиченской волости незаконнорожденным детям Федора Григорьевича Орлова. А здесь насчитывалось более 2 тыс. крепостных, земли 12,7 тыс. дес., в том числе 6,2 тыс. дес. пашни⁴⁰.

Вблизи Самарской Луки крупнейшим после орловских вотчин являлось имение братьев В.И. и Ф.И. Левашовых: село Маза, сельцо Горбуновка, деревни Муренка и Климовка – 719 крестьянских дворов, 4,5 тыс. крепостных, до 13 тыс. дес. пашни и сенокосов. А расположенная недалеко земельная дача села Суринского с деревнями Белый Ключ и Доможировка была примечательна тем, что ее владельцами одновременно выступали 20 помещиков и четыре категории государственных крестьян. Как правило, в таких случаях внутреннее пространство дачи делилось чересполосно в соответствии с количеством ревизских душ каждого владельца. Половина помещиков в данном селе с деревнями имела всего от 1 до 4 дворов, треть 6–12 дворов, и лишь у троих числилось 39–45 дворов⁴¹.

Внутри таких разнопоместных дач встречались и довольно значительные доли крупных землевладельцев, владевших имениями и в других местах. В 20 верстах от Сызрани располагалась дача села Репьевка с деревнями Ратовкой, Матруниной и Васильевкой. Из 425 дворов и 3 тыс. крепостных, принадлежащих здесь 14 помещикам, на долю статского советника В.Б. Бестужева приходилось 166 дворов и 1,1 тыс. крестьян. Фамилию Бестужевых носили еще трое владельцев, да и среди остальных были также, кто состоял в разных степенях родства и свойства. В соседнем Сенгилеевском уезде уже одному В.Б. Бестужеву принадлежала деревня Старый Тукшум: 190 дворов, 1,1 тыс. жителей, до 5 тыс. дес. пашни и покосов. На другом берегу Волги им же были поселены деревни Бестужевка и Якобьевка, в которых находилось 30 дворов и более 200 крестьян⁴².

В сравнительно более поздних поселениях волжского левобережья “дворянские гнезда” еще не успели так расплодиться и переродниться, как в Сызранском и Сенгилеевском уездах. Большой разнопоместной чересполосицы здесь не наблюдалось. Так, ближайшими соседями борковского имения Орловых были два владельца деревни Зеленовки, где Д.В. Чирикова имела 11, а В.С. Милькович 60 дворов, пашни на двоих 1,2 тыс. дес. Сельцо Федоровка у берега Волги и село Новый Буян с деревнями Сергеевкой и Николаевкой принадлежали Е.А. и С.Г. Мельгу-

новым: 179 дворов всего, крепостных 2,5 тыс. человек, всей земли 18,5 тыс. дес., в том числе пашни 2,7 тыс. дес.⁴³

Постепенно возникали крупные имения на востоке и юге Самарского края.¹ В Бузулукском уезде из 100 помещичьих семейств большинство владело от 100 до 500 душ крепостных. А у знаменитого и видного государственного деятеля Г.Р. Державина в этом уезде на землях, пожалованных его отцу и купленных им самим у башкир, в четырех селах и деревнях по реке Кутулуку насчитывалось около 900 крепостных. На северо-востоке Самарского уезда в девяти селениях помещика Зубова (Зубовка, Озерки, Краснаяриха, Дмитриевка и др.) жило 2,5 тыс. крестьян. На юго-западе того же уезда в пяти селениях по Волге и Чагре помещика Самарина (Владимировка, Озерецкое, Спасское, Васильевское, Аннино) — до 4 тыс. человек⁴⁴.

Помещичьи усадьбы и вотчинное управление. Центром административной и хозяйственной жизни вотчины выступала барская усадьба, включавшая дом помещика и самые разнообразные постройки как жилого, так и производственного назначения. Их количество зависело прежде всего от богатства хозяина.

Не в каждом помещичьем селении ставились господские дома, и не во всяком таком доме действительно жил помещик. Иногда их занимали под жилье приказчиков, управляющих, под вотчинные конторы, и лишь изредка хозяин, проживавший в городе или другом своем поместье, приезжал и останавливался в своей отдаленной усадьбе. Так поступали, как правило, богатые дворяне, особенно находившиеся на государственной службе. Помещичья мелкота, отставные чиновники и офицеры, наоборот, более охотно оседали по своим селам, изредка свержая вояжи в “общество”.

В разнопоместных земельных дачах складывалась любопытная картина, напоминающая скорее не дворянское “гнездо”, а “улей”. В селце Троицком на реке Рачейке в Сызранском уезде, где 69 крестьянских дворов принадлежали 17 владельцам, стояло “девять домов господских, деревянные, средственной архитектуры”. В селе Ивашевка того же уезда на речке Малый Тишерек имелось “господских домов четыре, деревянные, посредственной архитектуры”⁴⁵.

Проявлялась и разница в имущественном положении совладельцев подобных сел. В упоминавшейся Репьевке, поделенной на восемь душевладельцев, было “господских 3 дома, один каменной средней архитектуры и при нем конного и рогатого скота заводы, и два деревянные простой архитектуры”. Богатое кирпичное здание с примыкавшими постройками конюшен и скотного двора принадлежало В.Б.Бестужеву, два строения, напоминавшие крестьянские избы, — его мелкопоместным соседям.

Каменные здания в помещичьих усадьбах Самарского края в начале XIX в. встречались весьма и весьма редко. Так, в Ставропольском уезде на 79 господских домов приходилось лишь два каменных, в Сызранском на 126 деревянных — пять. В Самарском уезде было 76 деревянных помещичьих домов, и только в Екатериновке у Орловых-Чесменских имелся один “в двух корпусах каменной изрядной архитектуры

об одних этажах... при них оранжерея с фруктовыми деревьями лимонными, абрикосовыми, дулевыми, вишневыми и сливовыми”⁴⁶.

Один из самых развитых усадебных комплексов располагался в Усолье. Каменного жилого строения, правда, здесь не было до 1817 г. Центром усадьбы выступал двухэтажный деревянный на каменном фундаменте дом о 16 комнатах. По левую сторону от него стоял флигель, где жил управитель, во флигеле по правую сторону находились “застольная” и кухня, для снабжения которых рядом были вырыты три погреба и ледник, поставлен мучной амбар. Поблизости возвели дом, где размещалась школа для крепостных мальчиков. Недалеко от дома помещика топилась баня.

В обособленном деревянном здании действовала вотчинная контора. При ней возвышались двухэтажные каменные хозяйственные постройки под склад вещей, хранение денег и архива, караульное помещение и “заколотная” (вотчинная тюрьма); над каменными этажами в мансарде-“светелке” — жилое помещение “для холостых хорошего поведения конторских писарей”.

В специально приспособленных помещениях располагались столлярная и чертежная, соединявшиеся чуланом, который использовался для хранения сала. Старую деревянную “заколотную” напротив конторы переставили на конный двор и приспособили для жилья конюхам. На том дворе имелись конюшня для верховых и выездных лошадей, сарай для рабочих лошадей, “каретник”, другие подсобные постройки.

Для дворовых людей выстроили около 25 изб в двух слободках при усадьбе. На усадьбе и вне ее также стояли многочисленные амбары и сараи для разных хозяйственных нужд, помещения для содержания домашней живности, строения ткацкой фабрики, салотопни, мыловаренного завода, здание больницы⁴⁷.

Уже сам перечень построек дает общее представление о значении Усольской усадьбы как центра крупного землевладения. Административно-управленческие функции выступали на первый план, так как Орлов лично бывал здесь очень редко, поручив ведение дел доверенным людям, как из помещиков, так и из своих крепостных. Устройство вотчинной конторы напоминало государственные учреждения, она подчинялась “вышестоящему органу” — домовой конторе графа в Москве. Четко распределялись обязанности среди служащих вотчинной конторы, были введены строгие правила делопроизводства, финансовой и материальной отчетности. Родимые пятна любых бюрократических учреждений в виде взяток, казнокрадства, волокиты, произвола чиновников занимали здесь положенное место, невзирая ни на какие строгости.

Дворовый штат Усольской вотчины составлял более 200 человек, а с учетом жен, вдов и других членов семей служителей графа — и того больше. В штат включались служащие конторы (управитель, конторщик, “расходчики”-кассиры, писари и т.д.), учащиеся вотчинной школы — будущие грамотные слуги, повара истряпухи, мастера (кузнецы, столяры, сапожники, шорники и др.) и их ученики, скотники и птичники, медицинский персонал при больнице, а также прочая при-

слуга, просто престарелые и больные дворовые, получавшие “пенсион” от графа. Контора располагала собственной полицией с огнестрельным оружием, а поэтому называвшейся “ружейниками”. У господского дома и конторы всегда стояли караульные с ружьями. Граф имел служителей не только в Усолье, но и в других селах вотчины. Это были начальники и работники на господских мельницах (писари, мельники, засыпщики), смотрители при других господских работах, приказчики, сельские писари – “земские”.

Конечно, другим помещикам Самарского края, даже богатым, было не по карману иметь такие усадебные комплексы и столько дворни, как Орловым. Тем не менее даже самые мелкие землевладельцы не могли обойтись без хозяйственных построек при усадебных домах и без дворовых слуг.

Положение дворовых людей трудно оценить однозначно. С одной стороны, из дворни выходили лица, приближенные к хозяевам вотчин, поставленные над односельчанами. С другой – основная ее часть не имела собственного хозяйства и даже минимума экономической самостоятельности, испытывала наиболее жесткую зависимость от помещиков и их управителей, была низведена до положения абсолютно бесправных барских холопов.

Крестьянские повинности. Костяк населения, чьим трудом обеспечивались и богатства помещиков, и содержание дворовых, составляло в крепостной российской деревне крестьянство. На крестьян-землепашцев возлагались натуральные и денежные повинности в пользу владельцев. Помещики же отвечали за сбор с них государственных повинностей и податей. Екатерина II своим законодательством придала крепостной зависимости крестьян самые жестокие формы. “...В жалованной грамоте дворянству 1765 г., перечисляя личные и имущественные права сословия, она также не выделила крестьян из общего состава недвижимого дворянского имущества, т.е. молчаливо признала их составной частью сельскохозяйственного помещичьего инвентаря”, — отмечал В.О. Ключевский⁴⁸.

Произвол помещика мог поставить крестьян на грань полного разорения. В Новом Тукшуме помещик Плещеев, который “был богат... но все прожил”, решил поправить свои дела за счет непомерной эксплуатации крестьян на барщине. 142 “тягла” – крестьянские семьи обрабатывали в господских полях 845 дес. и “от сей тягостной работы не имели для себя свободных дней”. Даже помещики – соседи Плещеева признавали, что его крестьяне оказались “изнурены довольно”. При этом в вотчинные дела Плещеева никто, конечно, не вмешивался, пока тот, запутавшись в долгах, не был вынужден продать свое имение в 1801 г. Новому владельцу В.Г. Орлову крестьяне пожаловались на то, что “Плещеев многих крестьян обобрал под видом займа и не отдает”, а также обвинили его в присвоении церковных денег. Но прежний хозяин Нового Тукшума, который орловскими служителями характеризовался как “крайне человек неверной и лживой”, заявил, “что он у тукшумских крестьян брал не в долг, а по принадлежности ему”. Закон не предусматривал возможности иска по норме помещичьих поборов

даже к бывшему владельцу, а потому поверенный графа Орлова этот долг “приказал предать забвению”⁴⁹.

Способ хозяйствования Плещеева почитался образцом “непорядочного правления” теми помещиками, которые хотели выступить в роли рачительных, дальновидных хозяев. Сами они старались найти такую норму эксплуатации, которая приносила бы высокие доходы, но не разоряла крепостных. В.Г.Орлов наставлял своего управляющего: “Трешно отягощать подданных излишнею работою, да и на сие никогда воли моей не было...”

Повторяю тебе иметь благосостояние их на сердце. Польза моя, без соблюдения сего, более горька будет для меня, нежели сладка”⁵⁰.

С точки зрения этих помещиков, не “тягостными” для крестьян считались, например, порядки у В.Б.Бестужева в Старом Тукшуме. Из 200 здешних “тягол” 116 обрабатывали 200 дес. господской пашни в яровом и столько же в озимом полях по три дня в неделю. 84 “тягла” направлялись в Репьевку на возку дров для хозяйского винокуренного завода, заготовку сена для конного завода, производство кирпича. Теми же работами занимались и репьевские крестьяне Бестужева (100 “тягол”), которые обрабатывали еще 100 дес. пашни в каждом поле⁵¹.

Трехдневная барщина преобладала и в других имениях, где основной повинностью крестьян были отработки. В отличие от бестужевских вотчин, где натуральных “сборов с крестьян нет никаких, равно и с женок”, большинство помещиков дополняли барщину другими поборами и повинностями. В Зеленовке у В.С.Милюковича “с тягла сбор: баран 1, курица 1, яиц 20”, крестьянкам раздавалась господская пряжа, из которой они ткали холст: “дается 7 фунтов... получают 15 аршин”. В некоторых поместьях сукно и холст собирались “без дачи господской кудели и шерсти”, столовые запасы взимались не по установленной норме, а “по надобности, сколько разойдется при господском доме”⁵².

Основная тяжесть отработок приходилась на производство продукции, имевшей товарное значение, прежде всего полеводческой. Доходными могли быть и такие статьи, как животноводство, рыболовство, лесозаготовки. Например, в Зеленовке крестьяне заготавливали “дрова и лес в продажу на господина до немалого количества”. В Усольской вотчине В.Г. Орлова за 1804 г. получили общего дохода 200 тыс. руб., из них от продажи господского зерна 51 тыс., ржаной муки 72,5 тыс., мыла и свечей 17 тыс., рыбы 9,5 тыс., деревянных изделий 0,5 тыс. руб. Оброку же было собрано деньгами и столовым запасом на 31 тыс. руб.⁵³

Полевая барщина не сводилась только к тому, что крестьяне своим скотом и инвентарем должны были вырастить и собрать урожай на барском поле. Они же вывозили “после жнитвы... с полей хлеб”, “вели во всю зиму молотьбу”, со своими подводами отряжались “на своз хлеба проданного” к хлебным пристаням и винокуренным заводам. В больших имениях типа орловского и бестужевского для обмолота употреблялись специальные машины на конном приводе. Использовать и здесь крестьянских лошадей “по очереди” не удалось, так как

нужны были не сменные, а прирученные животные, которых пришлось покупать за господский счет⁵⁴.

Как на крестьянских наделах, так и на барских полях обработка велась самыми традиционными методами, без каких-либо усовершенствований. Помещики получали больше товарного хлеба не “чрез удобрения полей” и “превосходство урожаев”, а простым увеличением нормы господской запашки “на тягло”. В таких условиях не приходилось ожидать соблюдения помещиком даже им самим установленной меры эксплуатации крестьянского труда. В 1803 г. В.Г.Орлов писал: “Доходят до меня прискорбные слухи с разных сторон, что крестьяне от многой работы на господина обеднели”. Год спустя его сын передал отцу разговор с крестьянами-отходниками, пришедшими из Симбирской губернии в Петербург, которые сказали, что в Усолье “были мужики, да пришел на них гнев божий, разорил их управитель, много больно затей некстати... так обеднели, что вместо 180 тягол вряд и 90 могут выехать на пашню, ибо прочие без лошадей”⁵⁵.

Усольский управляющий попытался было возложить вину на самих крестьян, будто те, “желая отбыть работ господских, не пекутся о своем домоводстве, а сим приводят себя к разорению”, а “паче всех” оказались “беспечными” жители Рождествена и окрестных селений: по своей лени забросили пашню ради лесных промыслов и поденной работы, но и то, что зарабатывают, “проедают на калачах по перекресткам, пропивают и проигрывают”. Последовал запрос графа, нет ли действительно в его владениях “крестьян щеголливых и слаسنоедивых и гулливых, больши празно, нежели работных”. Отвечая на него, волостной правитель из Рождествена дворовый служитель И.Марзавин не смог удержаться от горькой иронии: “В Самаре, однако, пьяных и праздношатающихся по перекресткам и евших калачей запримечено мной не было. А тож о проигрышах на карты известного нет... Что касается до положения крестьян здешних мест щегольства и слаسنоедства, то оную статью... заподлинно утвердить могу. Первое. В щегольстве имевшего ими платья оным должно быть все одинаковы, и мало заприметить у кого было переменное платье из состоящего сермяжного сукна... даже и к празднику. Кроме того в чем на работу, в том и в праздник. А у многих семейств происходит и то, что один, надевши на себя в нынешнее время два или три кавтана без шубы выходит на работы. А протчия оной семьи, особливо женщины, принужденными находятца сидеть в домах. А у коих хоша и есть, то не больши как одного кавтана сермяжного сукна или оренбургского верблюжяго армяка или овчинного тулупа, и то у лутчих и весьма мало. А что из цветных кавтанов и чего другаго и отнюдь не видитца. А о сластоедении их заподлинно знать не можно, но в разсуждении... недородов едва ли кто из конных и семейных накашивает для своего пропитания вдовольствии годовой пропорции аржаного хлеба... А к тому и скотоводства многие не имеют, а кои и имеют, но весьма мало. А потому и пища их должна быть весьма недостаточна”⁵⁶.

В 1805 г. Орлов сместил управляющего и отменил барщину в самарских владениях. На сходах крестьяне приняли мирские приговоры с

обязательством платить оброк по 10 руб. в год с души мужского пола без недоимок дважды, в марте и декабре: “За сей оброк будем всегда благодарны. О сбавке просить не станём. Ежели мы оброку платить не станем сполна, то продать нас или положить снова на пашню”. Сверх оброка они должны были оплачивать содержание дворовых и должностных лиц вотчинной администрации, бесплатно возить дрова для господского дома, конторы, жилищ дворовых, безвозмездно пополнять столовый запас. Таким образом, отработки и натуральные сборы не отменялись полностью, а просто в перечне доходов отступали на задний план по сравнению с денежной рентой. В 1812 г. доходы с Усольской вотчины составили 250 тыс. руб., из них 4/5 приходилось на различные денежные подати крестьян⁵⁷.

Применение подневольного труда на вотчинных мануфактурах и прочие источники помещичьих доходов. Переработка дешевого или просто дарового сельскохозяйственного сырья из собственного поместья трудом подневольных работников также давала дополнительные доходы, а также появление вотчинных мануфактур. Эти предприятия оказывались не всегда жизнеспособными из-за нежелания помещиков вкладывать в них средства на покупку более совершенного оборудования, наем квалифицированных мастеров и т.п.

Показательна судьба подобного рода предприятий в Усолье. Там в 1800 г. были пущены небольшие салотопенный, мыловаренный и свечной заводы. Уже в 1802 г. поверенный Орлова указал на то, что для их содержания придется убавить норму господской запашки, “поэтому надо сделать смету, лучше ли доход с заводов или от хлебопашества”. Этот непростой для помещика вопрос “разрешил” пожар на салотопне, по поводу которого граф писал в 1803 г.: “С сего часа не хочу больше торговать ни салом, ни мылом; продадим которое есть, а вновь отнюдь не покупать. Я и без несчастья хотел сей промысел оставить, огонь намерение мое ускорил”⁵⁸. Примерно тогда же сгорела ткацкая фабрика, прекратилась трехлетняя работа чугуноплавильной домны, граф отказался от предложений завести кожевенное и поташное производство, возобновить существовавший в его вотчине до 1797 г. винокуренный завод⁵⁹.

Ликвидация усольских мануфактур не случайно почти совпала по времени с переводом тамошних крестьян на оброк. Крепостная промышленность, как правило, развивалась в барщинных имениях. Правда, позже вновь начали работать в Усолье полотняная и суконная фабрики. Но предприятия эти были заведомо убыточными. Их устроили в основном для того, чтобы занять делом дворовых девок и побудить их к выходу замуж. Ни крестьянок, ни семейных на них не заставляли работать. Граф писал управляющему: “Похваляю... относительно суконной фабрики, что она будет причиною ста свадебам в вотчинах моих; и с сей стороны фабрика суконная полезна. Пусть выходят замуж все и не платят штрафу, тем лучше для них и для меня”⁶⁰.

В этих рассуждениях отчетливо проявляется помещичье понимание главной своей выгоды, которая заключается не в предпринимательской деятельности, а в увеличении числа крепостных подданных и

крестьянских семей-“тягол”. Фабричные работы усугубляли систему штрафов для неженатых и незамужних, которая существовала в Усольской вотчине. На увеличение браков и рождаемости были направлены и другие меры, например снижение традиционного для народов Поволжья выкупа за невесту “не более как по 5 рублей”⁶¹.

Отдельные помещики имели постоянную вотчинную мануфактуру. Винокуренные заводы в конце XVIII — начале XIX вв. принадлежали Мельгунову в Новом Буяне (100 тыс. ведер водки в год), Бестужеву в Репьевке (60 тыс. ведер), Державину в Смоленском (25 тыс. ведер), Самарину в Васильевке, что ныне райцентр Приволжье (2,5 тыс. ведер). Крестьянам приходилось полностью обеспечивать своим трудом “весь завод и все обстройки, какие встретятся, и на всю пропорцию наготавливать бочки”. Сырье для винокурения давала полевая барщина в собственных вотчинах, в том числе и в удаленных от завода. Так, в Репьевку везли зерно из Старого Тукшума. Недостаток сырья возмещался покупками у соседей. На завод Мельгунова, например, поступал хлеб из ставропольских имений Н.А.Дурасова и других помещиков.

В 1807 г. в Подъячевке на речке Тукшум была устроена довольно крупная суконная фабрика, просуществовавшая более 100 лет. Для нее возвели каменные двухэтажные корпуса, завели чесальные, прядильные, ваточные, скаточные, щипанные, строгальные машины и ткацкие станы. Это оборудование приводилось в действие лошадьми или вручную⁶².

Повсеместно крепостных использовали на работах по возведению господских жилых и хозяйственных построек, по добыче и производству строительных материалов. В Усолье барщинных крестьян “после паровой пашни” определяли “к кирпичной работе”, а также “в кладку каменной работы”. Оброчные же крестьяне осуществляли перевозку сырья для обжига кирпичей. Крестьяне А.Г.Орлова-Чесменского также “кроме пашни делают кирпичу до немалого количества, ежегодно в течении двух лет сложили 2 пары кирпичных риг в Кануевке и в Катериновке дом со всею принадлежностью и погребями, в Новодевичьем купеческие лавки одними тягловыми без найма”. У Чесменского, как и у других помещиков, имеющих во владении сырье, крепостные “бьют известку и алебастр”. Что касается плотницких работ на барина, то их крестьяне выполняли практически во всех имениях.

Помимо крестьянских оброков и отработок, доходными статьями бюджета крупных землевладельцев являлись сдача в аренду угодий и построек разного назначения и заклад крепостных душ. В Новодевичьем, известном своей пристанью и ярмаркой, были выстроены упомянутые выше торговые лавки, а также амбары “в шести линиях числом восемьдесят девять”, которые снимались купцами⁶³. В вотчине В.Г.Орлова в 1804 г. за аренду пяти мельниц, девяти рыбных ловель по Волге и Усе, покосов и пашен было получено 9 тыс. руб., а в 1812 г. за 16 мельниц и семь рыбных ловель доходы от аренды составили более 47 тыс. руб. В Московском опекунском совете было заложено В.Г. Орловым 16 192 души мужского пола, А.А.Орловой-Чесменской 9 тыс. душ, в том числе и крепостные их владений под Самарой.

За каждую ревизскую душу было получено по 70 руб. займа. Деньги эти, пущенные в оборот, приносили помещикам немалые доходы, проценты же по долгу оплачивались трудом крестьян.

Недовольство и побеги крепостных крестьян. Крестьяне пытались уменьшить тяжесть барских податей и работ разными путями: подачей жалоб и челобитных владельцу, отказом выполнять увеличенные сверх обычного уровня повинности, требованиями повышенной оплаты разного рода дополнительных трудов в господском хозяйстве. Крестьянские миры в этих случаях вели себя, с точки зрения помещиков, весьма дерзко. Г.В. Орлов писал в 1809 г. отцу о ситуации в одном из ставропольских имений: “Я мужиками крайне недоволен и кому я не сказывал, все надивиться не могли безстыдному их требованию. В Симбирске на базаре продают сена по 4, а много по 5 коп. пуд, а они с меня требуют по 15 коп. за только, чтобы на моих лугах скосить, и по 5 за солому, каковой цены не слыхано... Я уговаривал их спустить, но они не согласны”. Не подействовала даже угроза перевести их на барщину⁶⁴.

Наряду с тяготами натуральных и денежных повинностей крестьянам постоянно приходилось испытывать собственное бесправие, произвол владельцев и вотчинной администрации; тяжелые наказания часто становились побудительным толчком к побегам. В 1801 г. крепостные братьев Орловых жаловались на жестокость управителя Неустроева, говоря, что многие крестьяне и дворовые бежали от его “неумеренных строгостей”. Дело доходило до того, что другой управитель Орловых укрывал в подведомственных ему селах беглых от Неустроева и не выдавал их, “дабы не подвергнуть” преследованиям⁶⁵.

В 1805 г. управляющий Усольской вотчиной приказал сурово наказывать розгами крестьян, не выполнивших за неимением скота уроки по запашке озимых. Другие служители отказались свершать экзекуцию и предупредили помещика, что чрезмерные требования и расправы могут побудить крепостных к бегству, да к тому же тем “бесславится” имя владельца. Действительно, в Самаре общее сочувствие было явно на стороне преследуемых. Даже городничий высказал удивление тем, что наказанию собираются подвергнуть бедняков и без того оказавшихся в трудном положении. “кои навсегда в Самаре, под окошками стоя купецких и других домов, просят милостины”⁶⁶.

К побегам толкали и время от времени разносившиеся слухи о даровании свободы переселенцам в отдаленные места. Так, в 1801 г. многих помещичьих крестьян средневожских вотчин “смутили” армянские купцы, будто бы получившие привилегии приема всех желающих на свои рыбные ловли в низовьях Волги. Правда, иногда подобные слухи имели под собой некоторые основания. В том же году в Астрахани было разрешено бежавших сюда ранее и уже поселившихся бывших крепостных не возвращать владельцам, а давать последним за них рекрутские квитанции. То есть беглеца-переселенца засчитывали помещику в счет будущего рекрутского набора. Крупные душевладельцы и сами не очень стремились непременно возвращать беспокойных и глотнувших воли беглецов на прежние места жительства. Поверенный

В.Г. Орлова, отправленный на поиски совершивших побег, получил инструкцию “беглых годных отдавать в рекруты и на поселение, а негодных в Томск на работу”⁶⁷.

Беглецов привлекали волжские города, где они пытались раствориться в массе работников, нанимавшихся на суда в бурлацкие артели и рыбацкие ватаги. Из 81 человека, обратившегося в бегство из вотчин В.Г. Орлова на сентябрь 1801 г., “в Саратове поймано” более 20, “а также в Волском, Сызране и Самаре” еще несколько человек. А совсем отчаянные головы, как и в прежние времена, сбивались в разбойничьи станицы, прятавшиеся на Самарской Луке. В 1804 г. усьольский управляющий с тревогой сообщал, что среди объявившихся разбойников есть “отдаточные от нас рекруты, в том числе и ружейник, который искал случая погубить меня”⁶⁸.

Укрепившаяся в результате екатерининских реформ государственная власть на местах, осторожность многих помещиков, помнивших уроки Пугачевщины, несколько пригасили искры социальных конфликтов, не давали им разгореться в пожары больших мятежей. Но слишком расходились интересы обитателей усадеб и рядовых деревенских жителей, чтобы превратить крепостную деревню в России, а с ней и всю страну в обитель мира и спокойствия.

В ЦЕНТРЕ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ЖИТНИЦЫ (САМАРСКИЙ КРАЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века)

ОСВОЕНИЕ ЗАВОЛЖЬЯ

Рост населения. За время, прошедшее от Генерального межевания до середины XIX в., население Заволжья в пределах будущей Самарской губернии увеличилось почти в 4 раза, а именно с 389 360 человек до 1 512 291 человек. Естественно, что такое увеличение обеспечивалось не столько естественным приростом, сколько постоянным притоком переселенцев. Особенно интенсивно заселялись южные степные уезды края (Бузулукский, Николаевский и Новоузенский), остававшиеся в XVIII в. малолюдными и увеличившие за первую половину XIX в. численность жителей в 7 раз. Но и на других территориях, сравнительно более давнего освоения, количество обитателей стало заметно больше: на заволжских землях Самарского уезда и в Ставропольском – в 2,5 раза, в Бугульминском уезде – в 2,8 раза, в Бугурусланском – в 3 раза¹.

При этом заметно возросла плотность населения. Так, по сравнению с периодом Генерального межевания в Ставропольском уезде она поднялась с 7,9 до 17,65 человека на кв. версту. Он оставался самым густонаселенным среди рассматриваемых уездов. Однако по данному показателю к нему вплотную приблизился не только Бугульминский уезд (16,88 человека на кв. версту), не сильно отстававший и при Генеральном межевании (5,6 человека на кв. версту), но даже Бугурусланский и Бузулукский (15,19 – 15,25 человека на кв. версту), которые были весьма редко заселены на рубеже XVIII–XIX вв. (соответственно 4,7 и 1,9 человека на кв. версту). Самарский уезд, даже с учетом жителей административного центра, отставал по компактности населения и от западных и от восточных соседей – 14,22 человека на кв. версту. По-прежнему самая незначительная заселенность наблюдалась в южных уездах – Николаевском (9,17 человека на кв. версту) и Новоузенском (4,33 человека на кв. версту). Но и эти сравнительно невысокие цифры значительно превышают данные Генерального межевания, когда на большей части Степного Заволжья плотность не достигала 0,5 человека на кв. версту.

При сохранении многонационального характера и культурного разнообразия жителей переселения в первой половине XIX в. определили значительное преобладание в Самарском крае русских: Свыше половины жителей они составляли в уездах Бузулукском (89%), Николаевском (77%), Самарском (75%), Ставропольском (74%), Бугурусланском (60,5%). Лишь на северо-восточной и южной окраинах губернии

их было менее половины общей численности уездов Бугульминского (39%) и Новоузенского (38%), но и там русские были самой большой из этнических групп населения.

Привилегированные сословия (дворяне, чиновники, духовенство) составляли менее 1% жителей края, служащие регулярных и иррегулярных войск, члены их семей, отставные военнослужащие и женщины-солдатки, вместе взятые, – 6,4%. На городские сословия (почетных граждан, купечество, мещан, цеховых, иностранных подданных) приходилось 3,5 % населения, на крестьян – 89,1 %. Среди последних в Заволжье традиционно преобладали государственные крестьяне, которые вместе с иностранными колонистами и вольноотпущенниками составляли 2/3 здешних крестьян. Вторыми по численности среди сословных групп крестьян были удельные, и лишь третьими – помещичьи, хотя дворяне продолжали весьма активно переводить своих крепостных на новые земли. Это касалось владельцев разного положения и достатка, включая представителей богатейших родов России.

Помещики в освоении Заволжья. В.П. Давыдов, внук В.Г. Орлова, получивший в 1856 г. императорское позволение принять титул и фамилию деда и именоваться графом Орловым-Давыдовым, стремился к расширению своих владений и заселению их крестьянами. Как и дед, он отличался большой осторожностью в покупке населенных владений и предпочитал другой путь – освоение целинных земель Заволжья за счет перевода жителей из давно обжитых мест в новые селения. Так, на месте хутора Рязанского, который уже давно использовался зажиточными крестьянами Жигулевской волости для выпаса скота, было решено основать новое село Натальино, названное в честь матери и дочери Орлова-Давыдова². Место было хорошо известно крестьянам и пользовалось доброй славой, поэтому желающих переселиться туда было много. Принудительного переселения здесь не было. Более того, новоселов отбирали и ставили им условия, чтобы те не имели на старом месте жительства долгов или недоимок, а при переезде не требовали помощи.

Всего же из Жигулевского имения, во всех селениях которого по 8-й ревизии (1833) числилось 3376 душ мужского пола, перебралось в Натальино 480 душ мужского пола. Переселения затронули жителей и других крепостных волостей Давыдова. Как и прежде, замысел переселения был подчинен задаче увеличения производства товарного хлеба на барской запашке. Для лучшего обеспечения крестьян-переселенцев в заволжском селе Натальине помещик прикупил у двоюродной тетки Орловой-Чесменской более 5 тыс. дес. земли. Но земли эти были в отдалении от селения, поэтому Давыдов променял их на участок казенной земли поближе. Здесь же была получена еще 1 тыс. дес. казенной земли в обмен на дальние луга в Ставропольском уезде.

Вторым направлением переселений при В.П. Давыдове была Борковская волость под Ставрополем, где также появлялись новые селения и административный центр которой при В.П. Давыдове переместился в одно из таких новых сел – Никольское. Там же была основана деревня Тимофеевка. Из одной только Жигулевской волости в Борков-

ское имение переехала 291 душа мужского пола. Сюда в отличие от заселявшегося по добровольному желанию Натальина принудительно отправляли погорельцев и бедняков с помощью мира и помещика.

Если верить народной поговорке, что приравнивает переезд на новое место жительства к пожару, то погорельцам во владениях Давыдова было еще более тяжелее. Толчком к началу передвижки населения в Ставропольский уезд послужил пожар в правобережной деревне Московке в 1834 г. Вместо того чтобы снабжать погорельцев строительным материалом из дальних лесов, было решено перевести их на левый берег Волги, в Борковское имение, где было довольно строевого леса. Погоревшие жители Московки переселились туда в 1835 г., а в 1836 г. на новое место отправилась и другая половина деревни, разобрав свои уцелевшие от огня дворы и перевоза их с мирской помощью.

Несмотря на тяготы перевоза дворов, еще труднее приходилось тем помещичьим крепостным, чьи хозяева от недостатка средств или от жадности предпринимали перевод на новое место жительства без той подготовки, которую осуществляли, например, в Усольской волости. Известный публицист-“западник” К.Д. Кавелин признавался на страницах конфиденциального письма управляющему своего села Константиновского на юге Заволжья в том, о чем никогда не говорил в печати: “Если мужики меня убьют, я буду говорить в минуту смерти: эти люди платят мне за грехи моих предков и они правы... Спросите у старых людей, хоть у Натальи, сколько их перемерло от того, что их переселили, а дворов у них не было!”³

Дочь В.Г. Орлова Новосильцева продала часть своих заволжских земель незаконнорожденному двоюродному брату графу (позднее князю) А.Ф. Орлову. В имении, записанном на его супругу О.А. Орлову, в 1840 г. были поселены деревни Ольгино и Николаевка⁴, которые позднее были проданы владельцами в удельное ведомство.

Число крестьян удельного ведомства росло не только за счет покупки помещичьих имений. Важным источником роста их численности в крае являлись переселения из малоземельных губерний. Одна из таких партий прибыла в деревню Яблоновый Овраг из Моршанского уезда Тамбовской губернии. На прежнем жилье на душу мужского пола приходилось всего по 2 дес. наделной земли, считая усадебные места⁵.

Массовые переселения государственных крестьян в 1825–1834 гг. Наиболее крупные переселения государственных крестьян в Заволжье начались с 1825 г. и продолжались до 1833–1834 гг. Этот всплеск переселений жителей казенной деревни следует связать как с объективными условиями аграрного развития предреформенной России, так и с субъективными факторами. Среди последних на первое место следует поставить энергичную поддержку переселенческому движению, оказанную министром финансов графом Е.Ф. Канкриным. В первую очередь был на деле запущен механизм переселений, предусмотренный действующим законодательством, но пробуксовывающий в реальной практике. Так, с 1815 по 1823 г. в малолюдный и многоземельный Бузулукский уезд прибыло из разных мест всего 454 душ мужского пола,

а убыло в другие уезды и губернии 392 души мужского пола, т. е. прирост за счет переселений составил всего 62 души мужского пола, или 0,2% от численности жителей уезда по ревизии⁶.

6 июля 1824 г. Канкрин специальным распоряжением подтвердил правила переселения крестьян 1805—1808 гг. 11 июля 1825 г. последовало его новое распоряжение о строгом соблюдении казенными палатами 15-десятинной пропорции при наделении переселенцев землей и об освобождении их от платежей и рекрутских повинностей в продолжение трех лет. 7 октября 1826 г. Министерство финансов направило в Департамент государственных имуществ предписание о том, чтобы местные казенные палаты способствовали переезду крестьян. В частности, казенные палаты должны были вести наблюдение за распределением землемерами угодий и наделов, с тем чтобы лучшие из них не отводились только одной партии переселенцев; следить за своевременной выдачей семян для посева; отводить переселенцам безвозмездно лес для построек и предоставлять временные квартиры; принимать меры к сохранению их здоровья. Вторым шагом стало совершенствование законодательной базы. 31 января 1831 г. были обнародованы утвержденные Николаем I Положения Комитета Министров о переселении, которые уточнили все предшествующие циркуляры и предписания на этот счет. В Положениях говорилось, что казенные палаты должны заблаговременно выделять участки земли по 15 дес. на ревизскую душу, обмежевывать и наносить их на планы. На обустройство крестьянам выдавалось пособие от 50 до 100 руб. в зависимости от наличия на местах лесного материала. Специально оговаривалось об их праве на получение в пути следования квартир, пользование пастбищами и на бесплатную медицинскую помощь. Подтверждалось постановление о трехлетней льготе в уплате податей и в отбывании рекрутской повинности.

Успехи в освоении новых земель не замедлили сказаться. С 1824 по 1829 г. в Оренбургскую губернию перебрались или изъявили желание перейти 35 146 душ мужского пола⁷. Если в начале века из уездов губернии по числу принятых переселенцев на первом месте стоял Бугульминский уезд, то теперь самым привлекательным для новоселов оказался Бузулукский. На его земли перешли 15 661 душа мужского пола, т.е. почти половина всех перекочевавших в Оренбургскую губернию. Приток в Бузулукский уезд за 1824—1829 гг. превысил показатели 1815—1823 гг. в 34,5 раза, а податное население уезда за счет переехавших увеличилось за шесть лет почти на 2/3 (против ничтожных 0,2% за предыдущие девять лет). В течение последующих пяти лет в уезде водворилось еще свыше 5 тыс. душ мужского пола.

Активно заселялись земли, некогда отведенные для жителей крепостей пограничной Самарской линии. На бывших отводах Мочинской слободы и семи крепостей по реке Самаре к 1840 г. существовало, кроме старинных поселков при крепостях, еще 56 казенных селений⁸. Из них 50 заняли земли Мочинской слободы и трех самых западных крепостей — Красносамарской, Борской, Елшанской, т.е. в основном расположены на территории современной Самарской области, и толь-

ко шесть были устроены на пространстве от Бузулукской до Новосергиевской крепости.

Любопытна динамика основания новых казенных поселков на отводах крепостей Самарской линии. В XVIII – начале XIX в. (примерно до 1805 г.) появилось 16 из 56 рассматриваемых поселений. Для них характерен пестрый национальный состав: пять поселков имели русское население, пять – русско-мордовское, одно – русско-украинско-мордовское, одно – мордовское, одно – русско-чувашское, одно – чувашское, одно – русско-татарское, одно – татарское. В 1806–1812 гг. возникло еще восемь селений. Почти все они были русскими, и лишь одно имело смешанное русско-мордовское население. Несколько лет, до 1820 г., новых поселков государственных крестьян в рассматриваемом районе не появлялось, и за первую половину 20-х годов XIX в. их образовалось всего три. Все они были русскими. Самая заметная волна переселений поднимается с 1827 г., она до 1832 гг. привела к появлению 27 сел и деревень. Еще по одному селению возникло в 1835 и 1840 гг. Как и в предшествующие два десятка лет, здесь появлялись только русские селения. Лишь в одном из них наряду с русскими поселилась мордва. Особенности динамики переселений во времени и этнической окраски процесса, отмеченные выше на примере 56 казенных селений Бузулукского уезда, отражают тенденции, характерные для Самарского Заволжья в целом.

В среднем в каждом новом селении Бузулукского уезда водворялось свыше 200 ревизских душ, а в некоторые из них прибыло сразу или за очень короткий срок свыше полутысячи душ мужского пола. Самым большим из новых селений уезда (654 душ мужского пола) стала Зуевка. Начало Зуевке было положено при активной личной поддержке самого министра финансов, неоднократно положительно отзывавшегося на просьбы инициатора переселения однодворца Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии Софрона Зуева. Просьбы эти, поданные в 1826–1827 гг., касались наделения землей в выбранном месте, включения в число переселенцев родственников из других уездов, разрешения на прежнем месте жительства собрать озимый и забрать сданный в общественные магазины хлеб, взыскания долгов с оставшихся односельчан⁹.

Произошла окончательная смена главного направления движения переселенцев в наш край. Поволжье, дававшее в XVIII в. основное число сходцев, из которых формировалось население новоприсоединенных территорий, теперь стало одним из второстепенных регионов выхода. Ближние Симбирская и Казанская губернии представлены буквально единицами новопривывших. Почти девять из каждых десяти переселенцев являлись выходцами из сравнительно отдаленных черноземных губерний центра страны и прилегающих к ним центральных губерний, лежащих к югу от Москвы. Особенно бросается в глаза приток государственных крестьян из Курской губернии, давшей 2/5 всех новоселов края и самые большие по численности переселенческие партии. Почти столько же, сколько курян, прибыло жителей Воронежской и Тамбовской губерний, вместе взятых. Любопытно, что из пяти губерний, давших наибольшее число переселенцев (Курской, Воронежской,

Тамбовской, Рязанской, Пензенской), территориально ближе всего к Самарскому Заволжью находится Пензенская губерния, которая занимает в этом списке последнее место, а Курская отстоит на самом дальнем расстоянии. Национальный состав основных губерний выхода определял и окончательно утвердившуюся новую этническую окраску переселенческого процесса. В нем теперь полностью преобладал русский элемент, некоторое разнообразие вносили мордовские и украинские жители перечисленных губерний, практически незаметным стало участие чувашей и татар.

Правительство, несмотря на свое стремление заселить далекий край, все более опасалось, что массовые стихийные переселения государственных крестьян выйдут из определенных законом рамок. Случалось, что переезжавшие самовольно захватывали земли помещиков и других владельцев. Вспыхивали волнения, вызванные недовольством нераспорядительностью со стороны представителей местной администрации. Крестьяне постоянно исчезали из поля деятельности налогового ведомства. Особенно был встревожен оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский. Причины его беспокойства были изложены в письме Перовского Канкрину от 7 августа 1833 г.: “Частью от недостатков удобных к поселению мест, а наиболее по своеволию переселенцев происходит здесь непозволительное неуважение к праву собственности... бывали также примеры, что переселенцы не выказывали уважения ни к какой власти и продолжали упорствовать, вопреки распоряжению вашего сиятельства, как случилось сие с курскими переселенцами, водворившимися на землях адмирала Мордвинова, с коих сведены силою...” В письме Перовского указано, что из-за действий местных властей, которым приходится силой высылать крестьян на новые места, а также из-за нехватки продовольствия среди переселенцев поднимается ропот. Генерал-губернатор предлагал министру финансов запретить переходы до того времени, “пока среди переселенцев не будет наведен порядок”.

Властям пришлось в разгар наиболее массовых крестьянских переселений в Заволжье прибегнуть к усилению мер контроля за их ходом. 12 марта 1831 г. последовал указ, по которому запрещались самовольные крестьянские переезды. Отныне они должны были производиться лишь через казенные палаты, которые с “получением нужных сведений и с приложением заявления просителя и увольнительной от мирских обществ отправляли бумаги в Департамент государственных имуществ, а просители до разрешения Департамента не приостанавливали занятия свои в домашнем хозяйстве”. Для осмотра избираемых участков переселенцам по-прежнему разрешалось посылать своих депутатов в места будущего места пребывания. В 1832 г. последовала целая серия распоряжений Департамента государственных имуществ о запрете переселений без его разрешения. Об этом говорилось и в циркуляре статс-секретаря Министерства внутренних дел Д.А. Блудова от 25 сентября того же года.

С учетом лиц, ускользнувших от точного учета, количество самовольных сходцев, по приблизительным оценкам, составляло в Завол-

жье до 40 тыс. ревизских душ. На последней цифре настаивал оренбургский генерал-губернатор В.А. Пёровский, выступая против продолжения переходов и пытаясь убедить в том же петербургских чиновников. В письме Е.Ф. Канкрину от 3 января 1834 г. он утверждал: “Несмотря на принятые меры, изданные правила и подтверждения, переселения продолжались до сих пор с тем же беспорядком, и крестьяне, оставляя прежние места жительства, не испросив увольнения, прибывали в Оренбургскую губернию и захватывали самовольно несвободные земли”. Не сумев ограничениями свободы крестьянских переходов добиться контроля за ними, власти прибегли уже к откровенно запретительным мерам. В 1833 г. Министерство финансов, а в начале 1834 г. Комитет Министров принимают решения о приостановке всех переселений в Оренбургскую губернию.

Хотя полностью заселение заволжских уездов Оренбургской губернии не прекратилось, но со временем более интенсивно стала заселяться та часть Самарского Заволжья, которая числилась в Саратовской губернии. До середины 30-х годов XIX в. на луговых половинах Хвалынского, Вольского и Саратовского уездов, вместе взятых, в 1826–1834 гг., получив разрешение на проживание и надельную землю, были расселены 15 143 души мужского пола государственных крестьянина, что составляет лишь 3/4 принятых в одном Бузулукском уезде. Тем не менее в ряд слобод, сел и деревень прибыло по несколько сот душ мужского пола. Из уже существовавших прежде селений выделяется Глушица, принявшая в указанные годы дополнительно 760 ревизских душ казенных крестьян. В числе самых крупных новых селений, появившихся тогда же, следует назвать Сухую Вязовку, куда прибыло более 600 душ мужского пола.

Переселения в Заволжье в предреформенные десятилетия. По мере исчерпания свободных казенных земель в западных уездах Оренбургской губернии, включая Бузулукский, основные миграционные потоки устремлялись или дальше на восток, в Приуралье и Сибирь, или в глубь степей. В связи с этим растет притягательность Степного Заволжья для переселенцев и одновременно внимание к этому району со стороны правительства и местной администрации.

С 1837 г. контроль за ходом переселенческого дела был возложен на образованное тогда же Министерство государственных имуществ, возглавленное П.Д. Киселевым. В результате новой волны переселений с 1838 по 1843 г. во всей России было переселено свыше 17 тыс. семей государственных крестьян, из них 4283 семьи, т.е. более четверти, прибыли в новые заволжские уезды Саратовской губернии – Николаевский и Новоузенский¹⁰. Однако продолжалось освоение и тех территорий Самарского края, которые входили в состав Оренбургской и Симбирской губерний. Этому способствовало выселение из Самарского края казаков и ставропольских калмыков, высвободившее значительное число сельскохозяйственных угодий для заселения крестьянами.

В Оренбургскую губернию с начала 40-х годов XIX в. “водворение переселенцев разрешено было снова, только под условием

привода их на участки, уже приведенные в известность". Позиция Перовского в отношении допуска переселенцев тогда смягчилась, поскольку он посчитал, что уже "строгими мерами утушены в самом начале возникавшие между государственными крестьянами и в... войсках неурюстройства и тем указано им, что эпоха своеволия миновалась"¹¹.

Как и Канкрин, П.Д. Киселев не раз лично брал на себя ответственность за отдельные переселенческие партии, оказывая им необходимую помощь и содействие. В 1840 г. около 700 душ мужского пола крестьян Гжатского уезда Смоленской губернии прибыли в Оренбургскую, бежав из родных мест от неурюжая. Но и на новом месте они страдали от болезней, терпели голод, жили в землянках более похожих на обычные ямы. В январе 1841 г. министром государственных имуществ переселение им было разрешено официально. При этом из Смоленска пришло сообщение, что к получившим разрешение на выезд собираются самовольно присоединиться еще несколько сот человек, покинувших дома под предлогом ухода на заработки. В сентябре 1843 г. во время поездки Киселева в Оренбургскую губернию смоленские переселенцы обратились к нему с отказом от предлагаемых им участков и с просьбой отвести им земли, покинутые казаками, выведенными из Мочинской слободы. Министр дал свое согласие на водворение 722 душ мужского пола просителей в этом бывшем казачьем поселке¹².

Во второй половине 40-х годов XIX в. первостепенным объектом внимания киселевского министерства становятся бывшие земли ставропольского войска, куда предполагалось перебираться по особым правилам и где новые поселки должны были стать примером для российской казенной деревни. В каждом сельском обществе, составляемом из нескольких сел и деревень, предусматривалось возведение еще до прибытия крестьян общественных зданий (хлебных магазинов, домов старшины и писаря, сельских управлений и помещений для приезда чиновников, школ, сараев для пожарных инструментов, общественных бань) и восьми образцовых крестьянских изб. На каждое сельское общество выделялось около 10 тыс. дес. удобной земли. Эта земля делилась на семейные участки по 39 дес.: 1 дес. усадьбы, 32 дес. пашни, 3 дес. сенокоса, 2 дес. выгона и 1 дес. леса. Всего было запланировано создание 12 новых сельских обществ в течение 24 лет, т.е. по одному обществу за каждые два года¹³.

Несмотря на то, что доклад Киселева об учреждении семейных участков на казенных самаро-ставропольских землях был высочайше утвержден еще 14 февраля 1844 г., в 1848 г. министр государственных имуществ вынужден был признать: "5 лет тянется это дело безуспешно от того, что не сосредоточено его действие". Только к концу 1848 г. были закончены работы по подготовке к приему первых переселенцев в Николаевское сельское общество по реке Степной Чесноковке, составленное из села Николаевского (Никольского), деревень Александровки, Сосновки, Федоровки, Нижней Константиновки, Верхней Константиновки, Павловки, Алексеевки и Владимировки. Прибытие этих

переселенцев началось в 1849 г. Всего к началу 1853 г. в указанное сельское общество было водворено 204 семьи, а еще в одно, Вязовское общество – 80.

Хотя контроль за переселением на данные земли был, как никогда, строгим, но и здесь не обошлось без самовольных сходцев. В первый же год заселения Николаевского общества в нем оказалось “11 семейств, самовольно туда зашедших, коих впоследствии разрешено было принять”¹⁴. Таким образом, и в этом случае Киселев не отступил от давней традиции и собственной позиции оформления даже незаконных переходов в целях недопущения лишнего отягощения и полного разорения государственных крестьян, решившихся на такой шаг.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Причины перемен в административном делении. Областная реформа 1775 г. оказалась наделенной большой исторической прочностью, определив в основных чертах устройство органов местного управления Российской империи вплоть до преобразований 1860-х годов, а административное деление – до 1917 г. Среди редких исключений из общего правила постоянства губернских и уездных границ внутри государства были передвижки таких границ на территории Самарского края. Несомненно, что необходимость в изменениях здесь числа, статуса, размеров административных единиц обуславливалась быстрым освоением края.

В течение первой трети XIX в. произошло коренное изменение этнической и демографической ситуации в левобережной части Самарского края. Именно к этому времени возникло большинство существующих селений к северу от реки Самары и заметное число к югу от нее. В последующие предреформенные годы проявилось мощное влияние экономического характера в связи со стремительным превращением Заволжья в одного из главных российских поставщиков товарного хлеба. Переломным стал 1833 г., отмеченный высоким урожаем при одновременном подъеме цен на хлеб, особенно на твердую пшеницу – “белотурку”. После него началась, по словам современников, “настоящая белотурочная лихорадка”¹⁵.

Первоначально были пересмотрены административные границы лишь на самом юге Заволжья. Из левобережных половин Хвалынского, Вольского, Саратовского, Камышинского уездов Саратовской губернии в 1835 г. были образованы два новых уезда – Николаевский (в бассейне Большого и Малого Иргиза) и Новоузенский (еще южнее). Северо-западная и северо-восточная части Самарского края по-прежнему входили в состав различных уездов Симбирской и Оренбургской губерний.

На исходе первой половины XIX в. сложился комплекс условий, повлекших принятие решения о создании особой заволжской губернии. В изложении большинства краеведческих изданий история образова-

ния Самарской губернии ограничивается упоминанием указа об учреждении губернии и пересказом газетного сообщения о церемонии открытия губернских присутственных мест 1 января 1851 г. Может сложиться представление, что решение верховной власти было принято внезапно, в одночасье. Впрочем, такое же впечатление было и у недостаточно осведомленных современников из числа рядовых обитателей Самары, до которых доходил лишь “смутный слух о переименовании Самары из уездного города в губернский”. Однако скоропалительно важные дела в государственном аппарате России не делались. У этого вопроса имелась предыстория, он был вызван объективными причинами, прошел обстоятельное обсуждение. К этим причинам относятся: 1) стремление властей одновременно поддержать и удержать под своим контролем переселенческое движение, 2) окончательная утрата краем военно-пограничного значения и ликвидация здесь служилого населения, 3) трудность управления обширными губерниями при резком росте числа их жителей, 4) возросший экономический потенциал территории и ее естественного центра торгово-промышленного притяжения, каким стала Самара.

Ликвидация военно-служилых сословий в крае и ее последствия. В 40-е годы XIX в. впервые за историю Заволжья правительство прибегло к массовому выводу отдельных групп населения (военно-служилых сословий казаков и крещеных калмыков) за пределы данного региона, хотя разговоры об этом велись давно. Еще в 1801 г. землемер В.И. Ильинский сделал представление генерал-прокурору “о положении калмыцких земель и сколь оне выгоды будут иметь, ежели перевести их на другие Оренбургские земли, а сию заселить коронными крестьянами”. В начале 1837 г. еще не ставший министром государственных имуществ П.Д. Киселев дал свое заключение по вопросу о землях ставропольского калмыцкого войска. В нем однозначно утверждалось, что они являются собственностью казны, данной в пользование при условии несения военной службы, а потому правительство вправе по собственному усмотрению отрезать от них необходимые площади угодий под поселение земледельцев. 24 мая 1842 г. высочайшим указом земли ставропольского войска передавались из военного ведомства под управление возглавляемого Киселевым министерства с одновременным выселением с них всего калмыцкого населения. Крайним сроком окончания этой акции была определена весна 1844 г.¹⁶

По Положению об оренбургском казачьем войске, утвержденному императором 12 декабря 1840 г., были упразднены его внутренние кантоны в Заволжье, а казачьи земли при Самаре, Ставрополе, Бузулуке и других крепостях прежней Самарской линии передавались Министерству государственных имуществ. По указу от 8 марта 1841 г. началось выселение казаков бывших внутренних кантонов на восток на новую пограничную линию. Многовековая история казачества в Самарском крае была прервана¹⁷.

Правительство исходило из принципа, что казаком является лишь тот, кто живет и служит на границе. Исход был делом добровольным. Тех, кто не хотел уходить с насиженных мест, переводили в сословие

государственных крестьян и отрешали как от казачьих обязанностей, так и от привилегий.

Выселение не затронуло башкир, которые также являлись служилым сословием, но в Заволжье немногочисленным и обитавшим на его восточных окраинах. Однако самовольно занятые выходцами из внутренних башкирских волостей на рубеже XVIII–XIX вв. обширные места бывших кочевий некрещеных калмыков по южным степным рекам изымались в казну под поселение государственных крестьян и пожалования помещикам¹⁸.

Ликвидация иррегулярных войск на заволжских территориях имела целый ряд последствий. Освободилось значительное число сельскохозяйственных угодий, в том числе в Самарском и Ставропольском уездах, считавшихся до того малоземельными и не подлежащими массовому заселению. Теперь же образовался резерв, обеспечивший здесь новых поселенцев не только до середины века, но и на значительное протяжении его второй половины. Но это порождало проблемы административного порядка.

На левобережье Симбирской губернии настоятельно требовались иные даже органы управления, чем на ее давно обжитой и уже перенаселенной нагорной стороне. Например, в начале второй трети XIX в. на территории Симбирской губернии вообще не оставалось государственных крестьян. Последние по предложению министра Императорского Двора кн. Волконского и согласно мнению Государственного Совета, утвержденному Николаем I, были переданы в 1835 г. в удельное ведомство со своими землями и угодьями. Соответственно в указанной губернии не существовало и учреждений, ведавших казенным землевладением. Но когда ставропольское калмыцкое войско, подчиненное помимо уездных гражданских властей Военному министерству, было упразднено, то его территория перешла под контроль специфического правительственного органа – созданного в 1844 г. Временного управления казенными (ставропольско-самарскими) землями Симбирской губернии при Министерстве государственных имуществ.

В Саратовской губернии также наблюдался контраст между правым и луговым берегами, хотя на ее юге он был заметно сглажен. Одновременно пропал смысл держать под контролем военных властей Оренбургской губернии, озабоченных пограничными и среднеазиатскими делами, ее западные уезды, лишившиеся служилого населения. Да и в целом быстрый рост населения и экономического значения Заволжья делал все более ощутимыми трудности управления существующими обширными губерниями. Все это привело к появлению идеи о создании отдельной губернии на левобережье Волги.

Первоначальные планы изменения уездных и губернских границ. Еще в 20-е годы XIX в. разрабатывался, но не получил хода проект разделения Оренбургской губернии “с прибавками некоторых частей Пермской и Симбирской губерний на две губернии и область”. Выдвигалась, правда, также концепция расширения Оренбургской губернии до Волги за счет Ставрополя и его округа. Это предложение,

сформулированное генерал-губернатором В.А. Перовским, не получило поддержки, тогда как высказывания о разделе данной губернии становились все более настоятельными и обоснованными¹⁹.

В 1842 г. сенатор А.Н. Пенцуров совершил ревизию Оренбургской губернии, результаты которой были сообщены Комитету Министров. В представленном рапорте как раз указывалось на административные затруднения, вызванные тем, что “население здешней губернии быстро увеличивается чрез поселения казенных крестьян, а между тем средства полицейского и судебного управлений остаются без всякой перемены и усиления”. При рассмотрении журнала заседаний Комитета император Николай I 10 августа 1843 г. приказал: “Сообразить и представить проект разделения помянутой губернии на две, с прирезкою Самарского уезда Симбирской губернии”. Министр внутренних дел, получивший это повеление, предложил “по соображению... географических и статистических сведений об Оренбургской и прилегающих к ней Симбирской и Казанской губерний”, составить Самарскую губернию из четырех уездов Оренбургской (Мензелинского, Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского), двух Симбирской (Самарского, Ставропольского) и двух уездов Казанской (Спасского, Чистопольского) губерний²⁰.

Слабая сторона этого плана состояла в том, что в случае его выполнения создавалась очень разнородная по составу губерния, охватывающая и давно обжитое Закамье, и продолжавший осваиваться север Заволжья, и заметную часть собственно башкирских земель, т.е. весьма разнородные территории. На проект министра внутренних дел последовали настойчивые возражения генерал-губернатора В.А. Обручева, среди которых было и указание на то, что “разноплеменность и разноподчиненность”, создающие трудности управления Оренбургской губернией, перейдут теперь и на Самарскую²¹.

Приведенный выше первоначальный вариант состава Самарской губернии не был реализован и из-за слишком тесной увязки с весьма сложным вопросом реорганизации всей Оренбургской губернии. Однако сам замысел не был похоронен, а приобрел новые географические очертания, более соответствующие реальным административным задачам.

Решение об образовании Самарской губернии. 2 мая 1850 г. Министерство внутренних дел довело до сведения разных ведомств новое повеление императора: “Учреждение новых губерний начать с одной Самарской...”, а также собственные предположения об устройстве ее из заволжских уездов Симбирской (Ставропольского и Самарского), Саратовской (Николаевского и Новоузенского) и Оренбургской (Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского) губерний. При этом правобережная часть Самарского уезда на Самарской Луке оставалась в Симбирской губернии и включалась в Сызранский уезд. Заволжские селения последнего (в современном Приволжском районе Самарской области), в свою очередь, передавались Самарскому уезду.

На сей раз вопрос о Заволжье был отделен от остальных административных перемен в Оренбургском крае и Башкирии, что облегчило

его положительное решение. Серьезных же аргументов у оренбургских властей против выключения из состава их губернии самых западных уездов, как указывалось выше, уже не было. Согласия из Оренбурга не спрашивали, а только требовали принятия необходимых мер к открытию новой губернии, которая отдавалась под контроль генерал-губернатору, превратившемуся из просто оренбургского в “оренбургского и самарского”.

Состав Самарской губернии ограничивался в окончательном варианте только теми уездами, которые рассматривались как многоземельные и продолжали оставаться территориями массового заселения. Следовательно, таковой становилась и вся губерния целиком. Некоторым исключением являлся Ставропольский уезд, который еще во времена Екатерины II был скомпонован из двух разнородных по времени заселения и соответственно по степени обжитости половин, разделенных исторической границей Заволжья и Закамья – старой Закамской линией. Но эта особенность не носила принципиального характера, так как и в других заволжских уездах уже имелись отдельные районы с плотным и давним (до 100 лет и более) оседлым населением.

Создание новой губернии выключало из числа многоземельных Саратовскую и Симбирскую губернии, оставшиеся без луговых сторон, тем самым сокращая объем обязанностей тамошних органов управления за счет упразднения функций по организации переселений. Это же позволяло сократить расходы указанных губерний, а освободившимися суммами компенсировать затраты на содержание самарских губернских учреждений.

То, что вопрос об управлении дальнейшим освоением заволжских территорий был одним из важнейших при создании новой губернии, подтверждается следующим обстоятельством. Хотя от имени императора Министерство внутренних дел ставило перед всеми руководителями центральных ведомств единственный вопрос, не встретится ли с их стороны “каких-либо неудобств или затруднений к осуществлению сказанного предположения в настоящее время”, но решающим оказался обстоятельный отзыв Министерства государственных имуществ, ведавшего между прочими делами о переселениях. 10 августа министр внутренних дел граф Л.А. Перовский сообщал управляющему указанным министерством Н. Гамалее, что именно “по всеподданнейшему докладу отношения ко мне Вашего Превосходительства от 22 июня” Николай I “повелеть соизволил приступить ныне же к образованию Самарской губернии и привести эту меру в действие, если возможно, с 1 января будущего 1851 года”²².

Важными обстоятельствами, ускорившими создание губернии за Волгой, были быстрый, если не сказать стремительный, рост Самары и подъем ее экономического значения, что обуславливалось прежде всего развитием товарного производства зерна в крае и хлебной торговли. Если до XIX в. заволжское расположение Самары на границе степи сдерживало ее развитие по сравнению с другими городами на Волге и она заметно уступала Симбирску, Сызрани и Саратову, расположенным на безопасной горной стороне, то теперь та же географическая си-

туация оборачивалась для нее своими выгодами. К тому же выявилось необыкновенное удобство самарской пристани, особенно для сплава хлеба. Через нее в середине века проходило $\frac{2}{3}$ грузооборота (в стоимостном выражении) всех пристаней по луговому берегу Волги ниже устья Камы. В этих условиях получение Самарой ранга главного административного центра Заволжья выглядело вполне естественным шагом, укреплением ее реального исключительного положения на левобережье, а не просто волевым бюрократическим актом.

Ряд вопросов жизни этого города еще в его уездном статусе решались при личном участии Николая I. Уже в 1835 г. был поднят Министерством внутренних дел вопрос об изменении плана Самары 1804 г., поскольку прежде “не существовало еще хлебной пристани и хлебных амбаров на плане назначено не было”. Теперь же число последних достигло нескольких сот, а ежегодные закупки хлеба, вывозимого отсюда, в Самарском и прилегающих уездах Саратовской и Оренбургской губерний простирались до 3–5 млн пудов. В 1840 г. новый план города был подтвержден царем²³.

В 1835 г. император утвердил новые правила сбора здесь городских доходов и расходов, что было опять-таки следствием развития хлебной торговли, а также новые штаты самарской городской администрации, полиции и органов самоуправления. Но уже в 1841 г. срочно понадобилось и было получено высочайшее позволение на изменение этих штатов из-за большого притока людей. Официально постоянное население в Самаре за 30-е годы XIX в. выросло в 1,5 раза (что уже было немало), превысив 13 тыс. человек, а к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей. Но реальная его численность была на порядок выше. С весны до зимы в город и его округу стекалось на заработки около 100 тыс. человек, и даже зимой в Самаре оставалось с учетом приехавших не менее 25 тыс. обитателей²⁴.

Беглые в Самарском крае. В массе приехавшего на время или фактически на постоянное проживание населения скрывались и беглые. Возможностей для их легального оседания в крае на землю в сельской местности практически не оставалось по мере того, как переселенческое движение оказывалось под контролем властей. Однако по-прежнему для беглых служили прикрытием традиционные волжские промыслы, судовые работы, сезонный сельскохозяйственный найм, растущие города. В газетах 30–40-х годов XIX в. постоянно публиковались объявления о задержанных в Самаре и других заволжских городах “бродягах” и “не помнящих родства” с описанием их примет. Как правило, это были мужчины самого рабочего возраста – от 20 до 40 лет. Розыск и поимка беглых оставались одной из главнейших задач полицейских служителей в Самаре.

Более предусмотрительные из беглых старались обеспечить себя требуемыми по закону документами. Изготовление фальшивых паспортов превратилось в настоящее ремесло. За приемлемую плату городские и даже деревенские грамотеи сами предлагали желающим на “материале заказчика” – заранее припасенном листе гербовой бумаги написать необходимый документ и “заверить” его самодельной собст-

венноручно вырезанной печатью. Пришедшую в ветхость фальшивку можно было со временем заменить официальной копией, заверенной в местных присутственных местах настоящими реальными чиновниками.

Обладея упорством и найдя покровителей (по-родственному, а то и за плату), можно было не просто осесть в городе, а добиться житейского успеха. Показателен пример Федора Семеновича Плотникова, бугурусланского ясачного крестьянина, вдовьего сына – начало биографии по социальному и семейному положению прямо повторяло судьбу знаменитого земляка, депутата Уложенной комиссии и пугачевского атамана Гаврилы Давыдова. Сбежав от рекрутчины из родных мест в Самару, он устроился у своего свойственника, самарского мещанина Антона Минаева, и сам записался в тамошнее мещанство. Оренбургская казенная палата в 1816 г. признала эту запись незаконной и указала вернуть Плотникова на прежнее место жительства. Того же добиwasся бугурусланский валовой мирской сход, не хотевший терять рекрута и обращавшийся к самому высокому начальству. Делом Плотникова пришлось заниматься оренбургскому генерал-губернатору и симбирскому вице-губернатору. Они отдавали соответствующие распоряжения о возвращении беглеца, из которых ни одно так и не было исполнено²⁵. Четверть века спустя, будучи уже одним из самых состоятельных здешних купцов-хлеботорговцев, Ф.С. Плотников трижды избирался городским головой Самары: на 1841–1843, 1847–1849 и 1853–1855 гг.

В показаниях многих беглых задержанных в Самаре постоянно упоминаются поборы со стороны чиновников суда и администрации. Как заявлял в 1846 г. на допросе беглый крепостной из Тамбовской губернии С.В. Мельников, “подобных ему бродяг в городе Самаре проживает довольно число и, как думает, более пятисот человек, единственно послаблением полиции, ибо чины оной о всех их знают и берут с них окуп”. Деньги с беглых брались, “глядя по состоянию” каждого. Так, сам Мельников, занимавшийся торговлей и содержанием постоялого двора, откупался в разное время то 12 золотыми полуимпериалами, то 700 руб., то 12 возами сена²⁶.

Симбирская губернская администрация встала на сторону самарских чиновников, заявив, что показания как Мельникова, так и других беглых об их высокой численности в городе являются ложными, а о взятках – недоказанными. Такое заявление выглядело не очень убедительно, но было принято более высоким начальством. Как показали дальнейшие события, и случаи потачки беглым в городе, и нежелание властей по-настоящему расследовать подобные дела имели более глубокие причины, нежели одна чиновная корысть и бережение чести мундира.

Вопрос об изменении уездных границ новой губернии. Сроки, назначенные царем для подготовки к открытию основных губернских учреждений, были выдержаны. 6 декабря 1850 г. император подписал указ об образовании Самарской губернии, который решено было обнародовать 20 декабря. Предусмотренная заранее дата 1 января 1851 г.

действительно стала днем начала существования новой губернии. Однако окончательное устройство выглядело незавершенным, поскольку в указе предусматривалось, что в ее состав войдут не семь, а восемь уездов за счет раздела Николаевского уезда на два.

Первый самарский гражданский губернатор С.Г. Волховской предложил при разделе Николаевского уезда сделать центрами уездов Мосты и Балаково. Сам Николаевск (современный Пугачев) как уездный город подлежал упразднению. Та же участь должна была постигнуть и Ставрополь, выгоревший дотла 27 августа 1851 г. и расположенный, по мнению оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовского, крайне неудачно из-за отдаленности от главного русла Волги и регулярных подмывов водой берега. По получении доклада Перовского Николай I сделал ему запрос: “Не нужно ли будет город Ставрополь, по изъясненному в донесении Вашем неудобству расположения его, перевести на другое место?” В Министерстве внутренних дел заодно вспомнили, что вопрос об упразднении Ставрополя уже ставился в 1840 г., подняли и прислали Перовскому старое дело. Волховской считал возможным перенести уездный город в Мелекес с переименованием его в Новый Ставрополь²⁷.

Возможно, если бы решения по этим вопросам были выработаны сразу, то они бы осуществились. Однако в административном рвении Перовский и Волховской пошли дальше и стали разрабатывать планы передела всех уездных границ губернии. Планы эти не касались лишь самых небольших по площади Ставропольского и Бугульминского уездов, из территории остальных же предполагалось выкроить три новых: Сергиевский, Балаковский и Покровский.

В сентябре 1853 г. министр внутренних дел Д.Г. Бибииков заметил Перовскому на эти предложения, что имеются препятствия в финансовом отношении, и что нужно ограничиться только переносом центра Ставропольского уезда и разделом Николаевского. Но пока шла эта переписка, жители Ставрополя город отстроили заново, и расходы на его возможный перенос возросли. В начале 1854 г. Бибииков высказал Перовскому свое мнение о ставропольском деле министра финансов, “который на сие отзывался, что по случаю предстоящих в нынешнее время (шла Крымская война. - Ю.С.) весьма значительных расходов по Государственному Казначейству, означенное преобразование он признает необходимым отложить до более благоприятных обстоятельств к выполнению его”. Генерал-губернатор заявил, что тогда нет нужды заниматься и разделом Николаевского уезда, чтобы не помешать в будущем общему административному преобразованию губернии. В 1854 г. Перовский с новым самарским губернатором К.К. Гротом вновь вернулись к вопросу о переносе Ставрополя и выделении Балаковского уезда из территорий Николаевского и Самарского, но и на этот раз положительного ответа из столицы не получили. Продолжавшаяся тяжелая война, смена на императорском троне окончательно похоронили мысль о перекройке уездных границ, которые сохранились в прежнем виде с 1851 г.

Волжская навигация – “Юрьев день” губернского масштаба.
С меньшим административным шумом, чем вопрос об уездных грани-

цах, решалась более важная, но и более деликатная проблема жизни молодой губернии. Новый статус губернии, усиление органов власти и правопорядка входили в противоречие с исконной заволжской традицией – приемом и использованием труда беглых.

Одними из первых ведомств, которые были оповещены о предстоящем административном преобразовании Заволжья, были Военное министерство и корпус жандармов. Еще 8 июня 1850 г. дежурный генерал Главного штаба рапортовал шефу жандармов о том, что учреждается Самарская губерния, в которой должна быть сформирована жандармская команда, как только “будет сделано окончательное распоряжение об учреждении Самарской губернии и об открытии в Самаре присутственных мест”. В рапорте Л.В. Дубельта от 11 сентября вопрос об открытии губернии и формировании команды объявлялся окончательно решенным, что получило также одобрение военного министра, распорядившегося 28 октября об усилении в Самаре не только жандармерии, но и гарнизонных войск. 27 декабря, за три дня до официального открытия губернии, в Самару прибыла жандармская команда штабс-капитана Малакеев²⁸. Наблюдался также рост численности полицейских чинов.

Все эти приготовления вызвали опасения у торгового люда, а также у должностных лиц, ответственных за пополнение казны и хозяйственную жизнь края. Эти опасения озвучил лично министр внутренних дел Л.А. Перовский на третий месяц существования Самарской губернии, когда стала приближаться очередная волжская навигация. 29 марта 1851 г. он писал своему брату, оренбургскому и самарскому генерал-губернатору: “В г. Самару ежегодно стекается для закупки хлеба, соли и других продуктов от 160 до 200 иногородных капиталистов, а черного народа для продажи тех продуктов и для работ по заготовлению запасов, хранению и отправлению с открытием навигации судов около 500 тыс. чел. и с ними до 600 тыс. лошадей”. Министр прямо и без обиняков констатирует тот факт, что у пришлых людей паспортов не будет, поскольку те привыкли, что в Самаре их во время навигации не спрашивают. Теперь же власти повысившего свой статус города обязаны будут требовать документы, задерживать беспаспортных, что приведет к вымогательствам и подрыву местной торговли. При этом не приходится ожидать успехов в преследовании беглых и беспаспортных, поскольку те и в качестве продавцов, и в качестве работников потянутся на другие заволжские пристани, где контроль будет гораздо менее жестким: царевкурганскую, екатериновскую, духовницкую и др. В связи со всем вышесказанным Л.А. Перовский предложил, чтобы и впредь полиция не требовала на самарских торгах и пристанях ни от кого паспортов и “чтобы никто из них, кроме лиц, избличенных в преступлениях, не был задерживаем полицией и не терпел со стороны полицейских чиновников каких-либо притеснений”²⁵.

Первый самарский гражданский губернатор Волховской, человек здесь новый, представил 3 июня того же года возражения на мнение министра. Следуя букве закона, а не реалиям жизни, он утверждал, что крестьяне сами понимают необходимость паспортов и всегда их при

отъезде имеют, что с временных работников полиция просто обязана и будет требовать необходимые документы, а начальству вполне по силам пресечь ее возможные злоупотребления. Твердо встав на такую позицию, губернатор высказывал мысли, которые показались бы самарским обывателям, будь они теми услышаны, воплощением самых худших угроз. Волховской прямо заявил, что поскольку губерния открыта недавно, то “крутых и решительных мер по введению строгого торгового порядка не употребляется” пока только “по снисхождению к давним народным привычкам”. Однако он полагает, что уже пришло “время вразумить неопытных и показать, в каких видах сделано преобразование Самары...”. Разговоры о подрыве здешней торговли губернатор считал со стороны торговцев скрытой угрозой, но угрозой пустой, поскольку свято верил, что места торгового и направление движения товара определяются правительством.

Своими “благими намерениями” губернатор мостил подопечной Самаре и ее краю дорогу если не в преисподнюю, то уж наверняка в сторону воплощения наяву города Глухова. Это было настолько ясно, что против Волховского выступила его собственная губернская канцелярия, подавшая 24 ноября доклад на имя генерал-губернатора. В докладе прямо утверждалось, что “при многочисленном стечении народа в г. Самаре во время навигации строгое требование паспортов и видов от крестьян... как это предписывается законом” окажет отрицательное воздействие на торговлю. Приезжающие для торгового и на заработки в Самару “не имеют обыкновения” брать паспорта, а со стороны некоторых представителей власти случаются, мягко говоря, “произвольные стеснения, отвращение которых если не невозможно, то по крайней мере весьма затруднительно”. В противовес идеям административного попечительства над торговлей, высказанным Волховским, его подчиненные здраво считали, что “устранение всякого влияния полиции на дела торговые будет иметь самые благотворные последствия”. Канцелярия посчитала необходимым указать, “что торговые пункты образуются не по одной воле правительства, как утверждает г. гражданский губернатор, но и по местным обстоятельствам, более или менее благоприятствующим выгодам и развитию торговли, что правительство в таковых случаях следует лишь за сими выгодными для жителей края условиями”, а потому опасения за самарскую торговлю являются вполне основательными. Губернская канцелярия обращалась к В.А. Перовскому с просьбой, чтобы тот умерил служебное рвение Волховского и заставил его оказывать прибывающим в Самару “всевозможное – во время навигации – снисхождение и чтобы дело по степени требования законных видов и паспортов оставлено было в том же положении, как оно было до образования Самары в губернский город, внушив исполнение сего, надлежащим образом, чрез секретное предписание г. Самарскому Гражданскому Губернатору”.

Следуя этому совету опытных местных чиновников, сначала министр внутренних дел в отношении оренбургскому и самарскому генерал-губернатору от 4 февраля 1852 г., а затем и В.А. Перовский в секретном распоряжении Волховскому от 24 февраля дали указания. фак-

тически упразднившие паспортный контроль в Самаре. Теперь гражданский губернатор волей или неволей, но обязан был выполнять не требования писаного закона, а негласные приказы вышестоящего начальства. 31 марта он рапортовал В.А.Перовскому, что им отдан устный приказ полицмейстеру о не взыскании паспортов с приезжающих для торговли, если те не вызывают прямых подозрений, и об обращении в сомнительных случаях за разъяснениями лично к губернатору.

Заложенная при основании губернии традиция пренебрежения паспортным контролем оказалась в Самаре весьма живучей. Даже в начале XX в. в ней в отличие от других крупных городов и губернских центров, не имелось паспортного стола, что облегчало проживание здесь “неблагонадежных” лиц.

Конфиденциальные признания и секретные распоряжения министра внутренних дел, администраторов разного уровня дают окончательные положительные ответы на вопросы, направлялся ли в города и торговые села Заволжья приток беглых, принял ли он значительные масштабы, поощрялся ли негласно властями, приводил ли к злоупотреблениям чиновников и, наконец, знало ли обо всем этом правительство. Конечно, далеко не каждый беспаспортный был по-настоящему беглым, но среди 500 тыс. человек, приходивших ежегодно без документов в Самару или следовавших через Самару, таковых было явно немало. Как и сто с лишним лет назад, во имя казенного интереса и ради нужд хозяйственного развития края имперские чиновники самого разного ранга смотрели сквозь пальцы на нарушения крепостнического режима. За эти годы, правда, изменились места привлечения беглецов. Теперь это были не казачьи гарнизоны новых крепостей и не имения первых здешних помещиков, а хлебные пристани заволжской житницы России.

В предреформенные годы XIX в. завершилось превращение Заволжья в одну из коренных российских территорий. Это официально было признано в мнении Государственного совета, утвержденном 14 ноября 1850 г. Николаем I и относившем Самарскую к числу “внутренних губерний Империи” с “нормальными” чиновничьими штатами³⁰.

За внешней оболочкой свершившихся перемен в административном управлении скрывались серьезные сдвиги в численности и составе населения, в уровне хозяйственного и культурного развития Заволжья. Глубинные изменения происходили как в связи с правительственными мероприятиями, так и самостоятельно от них, а иногда и вопреки установлениям, предписанным сверху. Освоение края приняло небывалый до этого размах и проходило в самых разнообразных формах.

МНОГОЛИКАЯ ДЕРЕВНЯ

Русское крестьянство. В результате интенсивной колонизации к середине XIX в. в Самарском крае сложилось чрезвычайное этнокультурное многообразие. В отличие от других губерний Поволжья и Приуралья Самарская не была для большинства населения территорией ис-

конного проживания, поэтому национально-бытовые и хозяйственные уклады здесь были менее ярко выражены, хотя прослеживались довольно отчетливо.

Господствовало аграрное, т. е. земледельческое, освоение края, и становым хребтом аграрно-демографического строя выступало русское крестьянство. Оно численно преобладало — 1 052 013 душ, или 68,8% всего населения, — и оказывало определяющее влияние на аграрный облик района. Особенностью его расселения являлось то, что русские занимали прежде всего открытые, удобные для развитых форм земледелия пространства. “Русское народонаселение Самарской губернии, — отмечали офицеры Генштаба в 1853 г., — сохранило типы наружного вида, характера и быта жителей тех губерний, откуда вышли их предки. Так, тульчане и рязанцы, рассеянные по Самарскому и Бузулукскому уездам, между чувашами и мордвой, сохранили свои костюмы и наречие”³¹.

С продвижением русских крестьян на юг, в степи, уклад их жизни менялся. В лесной зоне они могли сберечь традиционные небольшие поселения, удобно расположенные у водоемов. Возделываемые поля находились рядом, сразу за околицей. Леса хватало в избытке и для построек, и для отопления. На освещение избы можно было заготовить лучину. В лесной зоне края русские крестьяне быстро утвердили трехпольную систему земледелия с привычным набором орудий — соха, борона, серп или коса — и тягловой силой в виде любимой лошадушки. Абсолютное большинство здешних крестьян знали ремесла, необходимые в хозяйстве: плотничали, шорничали, валяли шерсть на валенки...

В степи текла другая жизнь, подчиненная одной страсти — производству пшеницы. Земледелие имело ярко выраженный экстенсивный характер: огромные площади засевались “хлебом по хлебу” до истощения, а затем запускались на много лет ради лежащих по соседству ковыльных просторов.

В рамках одного уезда и даже волости наблюдалась резкая перемена “лесного” и “степного” укладов. Священник села Петровка Бузулукского уезда Г. Грекулов сообщал в 1859 г.: “На правом берегу Самары, где земли уже значительно истощены, родится рожь, овес, греча, ячмень, горох, просо и не в большом количестве пшеница, и то русская. Селения же, лежащие на левом берегу, в особенности ближайшие к Уральским и Оренбургским пределам, изобилуют землями еще не истощенными. Там родится белотурка, посевом которой крестьяне занимаются в обширных размерах”³².

Крестьяне-степняки не отвлекались ни на какие ремесла, считая за грех заниматься каким-либо мастерством. Хозяйство их имело практически монокультурный характер и тем сильно походило на хозяйство фермеров “дикого Запада” США: овес и рожь сеяли только для домашнего рабочего скота, просо — для своей семьи, греча, ячмень, горох встречались редко, а о полбе и “вовсе не слышать”.

Селения русских крестьян степной зоны отличались крупными размерами, дома ставились в одну улицу, тянувшуюся на целую версту и более. Посевы обычно находились далеко от села, и потому практико-

вался своеобразный “вахтовый” метод: крестьяне в страду надолго покидали свой дом и жили неделями на хуторах-временках. Они не имели возможности приглядывать за своими посевами и вообще были намного небрежнее в обработке земли: “При стремлении к обширным посевам, почти никто не обращает внимания на правильную обработку земли. Для каждого хлеба крестьянин вспахивает землю однажды, какого бы она ни была качества, разбрасывает по ней лучшие семена и оканчивает дело бороньбой”³³. Такая упрощенная агрикультура позволяла вовлекать в хозяйственный оборот огромные площади, но не способствовала сохранению плодородия почвы.

Русский крестьянский двор имел три типа планировки. Самый древний, степной тип предусматривал такое расположение построек, чтобы снаружи ни одна из них не была видна: фасад, выходивший на улицу, состоял из высокого забора с тяжелыми одностворчатыми воротами и большим внутренним замком. С улицы невозможно увидеть ни дверей, ни крыльца, ни труб, ни окон. Этот двор-крепость — наглядное свидетельство живучих воспоминаний о прежних небезопасных соседях первых русских переселенцев. Более распространенными были постройки с избой, обращенной фронтоном, обычно глухим, на улицу. Внутренние постройки двора частично доступны взору через ворота с калиткой. Вид с улицы портило то, что изба в фас имела лишь одно окно сбоку, так как другой бок занимала изнутри печь, поэтому изба получалась как бы “кривоглазая”. Значительно лучше смотрелись постройки, когда изба, сени и горница находились на передней стороне двора и на улицу выходили два-три окна избы, дверь с крыльцом из сеней и окно или два из горницы, затем калитка, ворота и амбар. Такую застройку практиковали обычно в больших торговых селениях.

Строительным материалом на юге служили очень дорогой привозной лес и саман. Внутреннее убранство избы русского крестьянина не претерпевало больших изменений, разве что имело более разнообразный вид. Обычный интерьер выглядел так: посредине капитальной стены из сеней входная дверь, налево от нее лавка в виде ларя, вдоль всей левой стены — красная лавка. В переднем углу кивот с иконами, а напротив него по диагонали — печь с челом к двери. Вдоль всей передней стены устроен закут — лавка, служившая кроватью. С нее же ступали на печь, а с печи на полати, устроенные аршином ниже потолка с опорой на специальную матицу. От печи вдоль правой стены располагалась судная лавка для утвари, и над нею — небольшое “волоковое” окно. Два окна прорубались в левой стене над красной лавкой, и одно — над закутной. Стол с табуретками стоял в переднем углу напротив кивота.

На юге избу топили больше соломой, которую хозяйки заранее завивали жгутами, а также кизяком — смесью соломы с навозом. Вместо лучины для освещения использовали “бастыльник” или “царскую свечу”, — траву, известную в народе под именем кулины, предварительно вымоченную и высушенную: она горела даже ровнее лучины, без треска и дыма. Иногда употребляли ночник из сала и жира. Свечи крестьяне отливали сами и экономили для праздника, гостей или другого особого случая.

Одежда русского крестьянина зимой включала овчинный некрытый тулуп или полушубок, иногда кафтан из черного домотканого сукна со сборками назади, теплую шапку с овчинным околышем, валенки; летом — халат, коротайку, шляпу, на севере — высокую поярковую с небольшими полями, суженную кверху, на ногах онучи, лапти, в сапогах щеголяли богатые. Крестьянки при почти той же верхней одежде носили в будничные дни синие холщовые сарафаны с передниками (запон), на голове бумажный платок или набойчатый чехлик, на ногах белые онучи и лапти. В праздники в небогатых глухих селениях наряд крестьянок составляли китайчатые и кумачные сарафаны, иногда с шелковым или мишурным спереди в два ряда позументом, на голове шелковые платки, а у крестьянок удельного ведомства — кокошники, на ногах коты или башмачки. Зимой надевали кафтаны, крытые сукном или дубленые, сапоги. Девушки в русских селениях выделялись непокрытой головой и неподбранной косой с вплетенными лентами. Серьги, кольца, булавки и прочие украшения были по большей части медные.

Пища русских крестьян зависела от достатка, а также от установленного церковного чередования постных и скоромных дней. В первом случае она обыкновенно состояла из щей без приправы с серой капустой, полбенной каши, гороха, рыбы, кислой капусты, кваса, конопляного масла, редьки, репчатого и зеленого лука. Во втором случае — из щей и картофельной похлебки с приправами, говядиной, а чаще с бараниной или свиной, гречневой и полбенной каши с маслом или салом, яиц, молока. В праздничные дни жарили в сале говядину, готовили баранину, свинину, кур, гусей, пироги с кашей, рыбой, курицей (курник), ватрушки или гречневые блины. В страду, отправляясь в отдаленные поля, брали с собой хлеб, пшено. Варили кашу, сливали отвар и хлебали как суп, а потом ели саму кашу. Эти два кушанья составляли обычно весь походный стол крестьянина. С его помощью русский мужик зимой преодолевал сотни степных верст, не потратив ни копейки за обед и ужин на постоялых дворах.

Совершенно особое место в жизни русского крестьянина занимал хлеб: “Господь повелел от земли кормиться”; “Все добро за хлебом”; “Держись за сошенку, сей хлеб — не спи”; “Какова пашня — таково и брашно”; “У кого хлеб родится, тому и веселиться”; “И животное там водится, где хлеб родится”. А.П. Шапов, историк прошлого века, отмечал: «Мясо для русских не заменяло хлеба. Они почти нисколько не ценили естественное изобилие животной пищи и только хлеб считали главизною всего, и “самой животины”. В случае неурожая или какого-нибудь недостатка хлеба русские испытывали страшные бедствия, несмотря на изобилие животной пищи»³⁴.

На севере края материальный быт русской деревни полностью воспроизводился в кругообороте каждого хозяйства, имевшего многоотраслевой характер. На юге крестьяне чаще прибегали к покупкам недостающих продуктов, строевого материала, одежды и обуви.

Русский национально-хозяйственный уклад, оказывая определяющее влияние на аграрный облик края, втягивал в земледельческую сферу новые земли и местные народы.

Другие народы в сельском населении края. Украинцы Самарского края были выходцами из Полтавской и Харьковской губерний. Они насчитывали 45 тыс. человек (2,9%) и расселились на юге, в Новоузенском уезде по Волге и Еруслану, а также на реке Кинель (слобода Кинель-Черкасская) в Бугурусланском уезде, в отдельных селениях Самарского и Бузулукского уездов. Украинцы во многом сохранили чистоту своего наречия и народный характер и жили почти так же, как описал в 1769 г. Паллас: отличались от соседей чистыми дворами, тщательно выбеленными избами, в хатах всегда складывались печи с трубами, полы заливались глиной и застилались досками. Украинцы проявили себя прекрасными земледельцами. В степных уездах многие из них владели также большими стадами и значительными капиталами. Былая казацкая удаль несколько поутихла, и вместо атаманов и есаулов в порядке самоуправления избирали они, как и везде, голов и старост³⁵.

С русским хозяйственным укладом в наибольшей степени сблизилась мордва, пришедшая в заволжский край из Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Нижегородской губерний. Представители мордвы-мокши вышли из Пензенской и Тамбовской губерний и поселились преимущественно в Самарском, Николаевском и отчасти Бузулукском уездах. Мордва-эрзя из Нижегородской и Симбирской губерний освоила Бугурусланский, Бугульминский уезды и часть Ставропольского. Мокша сильно обрусела и почти утратила свой язык, но закоренелую нелюбовь к эрзе сохранила в полной мере, поэтому между ними фактически не было родственных связей. Численность мордвы нашего края в 50-е годы XIX в. превышала 127 тыс. человек.

К середине XIX столетия мордва уже отошла от прежнего обычая строиться мелкими околотками, и ее деревенский ряд вполне походил на русский. Отказались также и от старого типа жилой постройки по татарскому образцу — с широкими лавками, дверьми на восток и печью на юго-запад или глухой стеной вдоль улицы без всяких продушин — в пользу русского избыного зодчества³⁶. В результате длительного соседства с русскими мордва многое переняла из их аграрного строя и быта: “Система хлебопашества, земледельческие орудия, упряжь и небрежность в скотоводстве как у русских, так и у мордвы совершенно одинаковы”³⁷. Много общего и в обыденной одежде: лапти, овчинный полушубок, причем иногда даже в июльскую жару. Правда, мордовские лапти были не в пример прочнее и удобнее русских, а онучи мордвин носил почти всегда белые.

Как свидетельствовал современник, “мордвины между инородцами слывут за самый сильный народ”³⁸. В целом сходство с русскими столь велико, что “если бы было возможно войти в мордовскую деревню с завязанными ушами, то, присмотревшись ко всем подробностям быта, обстановки, деятельности жителей, приемам работ, хозяйству, и в голову не придет, что это не русская деревня”³⁹.

Среди чисто земледельческого населения края важное место занимал хозяйственный уклад чувашей. В губернии их насчитывалось более 60 тыс. Чуваша в отличие от мордвы неохотно селились вместе с

другими народами. Они ставили свои поселения в укромных местах, подальше от больших трактов и открытых пространств, что не в последнюю очередь объяснялось большей приверженностью языческим пережиткам, преследуемым православной церковью.

Тип чувашского поселения отличался от русского разбросанностью в разных направлениях нескольких отдельных групп домов. Каждая такая группа носила русское название “околотка”, по-чувашски — “сирма”. Это имело патриархальное значение: на избранном месте строил дом глава семьи и загораживал обширный двор. Затем дети его, обзаводясь своими семьями, постепенно застраивали огороженное пространство. Со временем появлялся небольшой поселок. По мере увеличения семьи наиболее отдаленный родственник выселялся из заветной дедовской или прадедовской загородки и основывал по тому же принципу собственный поселок. Если он располагался рядом со старым, то он также назывался по имени родной “сирмы”, если же вдалеке, то получал новое название по имени основателя или какой-либо местной достопримечательности с прибавлением слова “касы”, иногда “ял” (выселок).

Полнокровной деревней сами чуваша считали изначальный родовой поселок, поэтому на вопрос: какой деревни? — называли имя не “касы”, а “сирмы”, чем вводили в заблуждение переписчиков, сборщиков податей, чиновников рекрутского присутствия.

Все авторы, наблюдавшие близко чувашей, отмечают их исключительное прилежание к хлебопашеству: “Чуваши хорошие земледельцы. Особенно замечательна их жатва, до того тщательная, что с первого взгляда на сжатые поля кажется, будто на них не осталось ни одного колоса”⁴⁰; “На чувашских землях нигде не встретите пырея... В рабочее время чуваша становятся необыкновенно деятельными, особенно при уборке хлеба...”⁴¹ Чувашскую деревню можно было издали узнать по обилию полных гумен, охватывавших ее плотным кольцом. Другая особенность хозяйственного быта чувашей — ведущая роль женщины. Чувашки участвовали во всех мужских работах — на пашне, сенокосе и др. — и при этом отличались “мускульной силой” и трудились больше мужей.

Большие чувашские селения, душ до 600, встречались только в западных частях Бугурусланского и Бугульминского уездов. В этих деревнях сосредоточилось $\frac{2}{3}$ всех чувашей края. Крупных сел насчитывалось всего четыре: в Бугурусланском уезде на притоках реки Кинель — Ибрайкино (или Рождественское, 723 человека) и Стюхино (или Петропавловское, 791), на Сургуте — Микушкино (или Троицкое, 1220) и в Бугульминском уезде — село Девлезеркино (или Троицкое, 1155 человек) на реке Черной, притоке Черемшана.

Чуваши отличались редкостным миролюбием. Уголовные преступления среди них встречались крайне редко. Многие в то время оставались еще язычниками, скрытно от властей поклонялись священным рощам, добрым (Тора) и злым (Кереметь) духам.

Согласно исследованиям казанского профессора Фукса, чувашский народ делился на два племени — вергали и анатри. В Самарском крае,

надо полагать, жили чуваша-анатри (низовые), носившие белые онучи и портянки⁴². У них были свои аграрные поверья и приметы. Например, не приступали к сенокосу раньше Ильина дня, так как опасались, что поля их будут побиты градом⁴³, испытывали панический страх перед “сухой бедой” (так же как вотяки, они по десятку и более лет хранили немолоченый хлеб). Самой страшной мезтью обидчику считалось самоубийство на его дворе: если повеситься под навесом у врага — тому не миновать “сухой беды”. Никогда не унывающий чуваш не разлучался со своим “чилимом” — трубкой с коротким чубуком, причем курили не только мужчины, но и женщины и дети. Курные избы с их дымом и копотью являлись причиной широкого распространения глазных болезней. Летом чуваша обычно не жили в избе, предпочитая амбары и клетки...

Татары занимали преимущественно северо-восточную часть губернии — Бугульминский и Бугурусланский уезды. Численность их достигала 131 974 человека. Из них 95 454 человека были собственно татарами, ничем не отличавшимися по своему укладу от казанских и нижегородских, а остальные были тептярями, поселившимися среди башкир. К середине XIX в. тептяри вошли в состав башкирского войска.

Современники сдержанно оценили тягу татар к земледелию. “Как земледелец, татарин стоит не очень высоко, ниже русского поселянина, а тем более земледельца чувашского и вотякского”, — отмечал В.Сбоев⁴⁴. Нынешние исследователи придерживаются иного мнения, считая, что “основы традиционного земледелия татарского народа были заложены в глубокой древности, в эпоху Волжской Болгарии и предшествующее время”⁴⁵. Дело здесь, видимо, в особенностях национально-хозяйственного уклада, имевшего свою историю аграрных отношений. В то же время все современники единодушно отмечали, что самарские татары, как и казанские, “оказывают большие способности в торговле”⁴⁶.

Поселения татар застраивались по восточному обычаю: дома не выходят на улицу, но прячутся во дворах за заборами, где выстроены “шишеобразный погреб”, несколько амбаров с классическими деревянными “весьма прочными и хитрыми замками”. В целом же “деревни татарские похожи были на случайно разбросанный табор кочующих народов”⁴⁷.

Очень близко к укладу хозяйственной деятельности татар стояли башкиры, часто соседствовавшие с ними в одних селениях. Это происходило потому, что татары селились на башкирских землях в качестве “припущенников”, а затем большая часть этих территорий перешла в их собственность. Тяжбами татар и башкир по поводу земель были переполнены уездные присутствия. Всего башкир в нашем крае насчитывалось к середине XIX в. 20 934 человека. Они переходили к оседлой жизни и улучшали домостроительство.

В южных степях кочевали также “киргизы”, как тогда называли казахов. В их временном владении находились земли между реками Малая Узень, Торгуй и Горькая, где летом и осенью кочевало до 150

кибиток — около 750 человек. На зиму они уходили на Рын-Пески и к Камыш-Самарским озерам.

Своеобразный хозяйственный уклад создали немцы-колонисты, насчитывавшие в крае 89 134 человека. Их хозяйство отчетливо ориентировалось на выращивание белoturки. На ближайших к селениям полях выращивались корнеплодные — картофель и морковь, тыквы, а также вторая по значению торговая культура — табак.

Поселения колонистов являли образец порядка и опрятности. Они вызывали удивление путешественников роскошными каменными домами, которые могли бы украсить любой губернский город. Это была своеобразная страсть колонистов, тративших на постройки огромные деньги. Русские пересмешники по этому поводу подтрунивали, говоря, что “у немца хоромы велики, да закромы пусты”⁴⁸. Действительно, мебель в доме колониста состояла из стола, нескольких простых деревянных стульев и скамеек, раскрашенного сундука и кровати на высоких ножках с ситцевыми занавесками. Убранство завершали настенные часы, зеркало и “преуморительные произведения малярного искусства”⁴⁹.

Одеждой колонисты походили на зажиточных русских крестьян. Только рубаху они заправляли в шаровары, как украинцы, и почти все носили жилеты синего сукна с медными пуговицами, нанковый или домашнего полотна кафтан. Лаптей никто не носил и уж тем более не ходил босиком. Женщины надевали платья и сарафаны или корсеты из сарпинки и ситца, головной платок завязывали под подбородком, обували синие чулки и башмаки. Синий цвет вообще преобладал в мужской и женской одежде. В путевых заметках М.П. Жданова читаем: “Любопытно видеть колонисток, порядочно одетых, в соломенных шляпках, работающими в поле, думаешь, что это все барышни принялись за грабли и мотыги”⁵⁰.

Надежды правительства на культурный расцвет земель юго-востока России под благотворным влиянием иностранных колонистов не оправдались. В силу замкнутости, отгороженности колоний от окружающего русского населения их влияние сводилось к минимуму. Взрослые колонисты с трудом изъяснялись по-русски, женщины и дети, не выезжавшие за пределы колоний, вообще не знали русского языка.

Таким образом, аграрное освоение Самарского Заволжья — результат совместного труда многих народов. Каждый из них внес свой оригинальный вклад в общую сокровищницу аграрного опыта, нашел в аграрном строе свою, наиболее рациональную и удобную для себя — а значит, и для других — экономическую нишу. В этом заключается секрет исконно мирного и созидательного сотрудничества наших предков, несмотря на все перипетии политической истории России.

Самарская пшеница. Почвенные, климатические и демографические особенности края предопределили резкие контрасты в его аграрном облике. На севере, где уже начинала ощущаться земельная теснота, господствовало трехполье, на юге преобладала переложная система с остатками захватного землевладения.

Южнее реки Иргиз главной зерновой культурой являлась пшеница, причем предпочтение отдавалось улучшенным сортам русской пшеницы и знаменитой “белотурке”, лучшей в России, из которой вырабатывалась великолепная мука-крупчатка. По свидетельству путешествовавшего по краю немецкого барона Гакстаузена, “...здесь сеют на одном и том же поле четыре года сряду белотурецкую пшеницу, которая в хорошие годы дает 25 и 27 зерен; затем земля отдыхает 6–7 лет и первые два–три года, по случаю разрастающихся сорных трав, употребляется под выгон, а остальные три–четыре года, после того, как от пастбы скота выведутся сорные травы, она идет под сенокос. Через шесть лет на ней опять сеют пшеницу, но уже два года сряду; затем опять шесть лет выгона и сенокоса и потом опять сначала: четыре года пшеницы и т.д.”⁵¹.

С берегов Волги твердую яровую пшеницу в середине XIX в. завезли в степную северную полосу Америки. Это относится к известному сорту “файф”, о котором сообщалось в канадском сельскохозяйственном журнале: в 1842 г. некий господин Файф получил из Данцига пшеницу, пришедшую через Польшу из России⁵².

Просо, гречиха, овес, как уже говорилось, играли на юге Самарского края второстепенную роль. На севере, напротив, главенствующее положение в озимом клину занимала рожь, в яровом — овес. Неодинаковая плотность земли требовала применения различных пахотных орудий: на севере была возможность обрабатывать землю легкой одноконной сохой или плугом на три–пять лошадей, на юге соха не подходила — для переложной системы требовался тяжелый плуг, сабан. Кое-где появились у помещиков первые сельскохозяйственные машины, в основном молотилки. Местная газета отмечала, что машины “...требуют значительного ремонта и надзора сведущего машиниста. Удобства и польза их не подлежит никакому сомнению, только они для простого народа недоступны по своей дороговизне. Но пшеница белотурка нечисто вымолачивается на машинах даже высшего достоинства”⁵³.

Хлебная торговля и мукомольное дело. Результаты внутреннего освоения края сказались уже в 40–50-е годы XIX в. Известный статистик того времени Штукенберг отметил, что “Самара относительно пшеницы есть первое складочное и торговое место в России”, ибо сюда за многие сотни верст непрерывно весь год подвозился хлеб из оренбургских, уральских и саратовских степей⁵⁴. По его данным, в 1849 г. оборот в Самаре составил до 5 млн пудов зернового хлеба и около 600 тыс. пудов сала⁵⁵. По мнению офицеров Генерального штаба, подготовивших военно-статистическое обозрение губернии, ежегодный излишек над внутренним потреблением здесь составлял в среднем до 2 млн четвертей разного хлеба, преимущественно пшеницы⁵⁶. Наиболее подробный отчет о хлебных потоках внутри Самарского края и за его пределами оставил кадастровый отряд Министерства государственных имуществ, проводивший обследование в 1856 г. Из него видно, что Самарское Заволжье уже к середине XIX столетия превратилось в район торгового зернового производства, вывозивший хлеб во всех направле-

ниях. Основную массу товарного хлеба переправляли вверх по Волге, частично распределяя между хлебопотребляющими губерниями нечерноземной полосы, преимущественно же через Санкт-Петербург вывозили за границу. В целом выделяются три главных направления хлебопотоков: 1) пшеница всех сортов, а также льняное семя по всему протяжению Самарской губернии стягивались к волжским пристаням; 2) рожь, перемолотая в муку, плюс овес направлялись большей частью на восток, в Оренбургскую губернию и в землю уральского казачьего войска; 3) рожь в зерне, просо, греча и полба двигались к северу, на верхневолжские и камские пристани⁵⁷.

Самый обширный пшеничный район имела Самара. В его черту входили уезды Бузулукский, Бугурусланский, ближайшая часть Бугульминского, почти весь Самарский, южная часть Ставропольского и северная половина Николаевского. Другими выделявшимися центрами притяжения самарской пшеницы в северной части губернии выступали Старая Майна и Екатериновка. Крупнейшей внутренней водной магистралью здесь мог бы служить Черемшан, однако он был загорожен мельничными плотинами. Особенно высокие плотины устроили на двух мельницах ниже Мелекесского посада, владельцы которых резко протестовали против попыток сплавить по реке суда с березовым лесом в конце 40-х годов: при проходе судов и плотов оказались поврежденными узкие мельничные паузы и сами плотины. Поэтому хлеб доставлялся в крупные торговые села и на пристани гужом. В устье Черемшана, с пристани большого села Хрящевка, ежегодно отпускалось в среднем зернового хлеба и гороха до 230 тыс. пудов на сумму до 56 тыс. руб. серебром⁵⁸.

Южные степи, омываемые по северной окраине рекой Самарой, тяготели к волжским пристаням Балаково и Хвалы́нск. На самом юге потоки хлеба стекались также к пристани Екатериненштадт, в слободы Покровскую, Привальную и Ровенскую. Реки Самара и Большой Ирғиз, так же как Черемшан, были лишены серьезного судоходства из-за мельничных плотин.

Крупнейшие на юге края водяные мельницы стояли на Ирғизе. К нему стянулись и крупные населенные пункты — 24 села и 28 деревень, жители которых были зажиточными и засевали огромные поля белотурки: Большая Глушица, Пестравка, Порубежка, Толстовка, Каменка, Березовая Лука (Березовый Яр), Малое Перекопное, Сулак, Кармежка, Красный Яр и др. Большие коммерческие запашки имели жители города Николаевска. Всего на Большом Ирғизе действовало 12 мельниц. Самые крупные принадлежали в Николаевске купцу Волковойнову (13 поставов с обдиркой и толчеей), при селе Березовая Лука — вольской первой гильдии купеческой жене Курсаковой (16 поставов крупчатых и 4 постава молотых), при селе Малом Перекопном — государственным крестьянам (размол и обдирка), между селом Малый Кушум и деревней Быковкой — мельничный комплекс Кудряшиха — владение астраханских купцов первой гильдии Сапожниковых⁵⁹.

Суда с Волги по Большому Ирғизу поднимались до Березова. Ежегодно на мельницу Курсаковой приходило пять-семь расшив грузо-

подъемностью до 25 тыс. пудов; в 1846 г. сюда приходил за крупчаткой небольшой пароход Алабова и К°. Основная же масса пшеницы подвозилась к волжским пристаням гужевым транспортом.

Таким образом, почти вся пшеница стекалась на запад, к Волге. Исключение составляли северные волости Бугурусланского уезда и северо-восточные волости Бугульминского, из которых русская пшеница поставлялась в Чистополь, а оттуда в Елабугу и Мензелинск, да два селения на юге Новоузенского уезда – Александров Гай и Савинка, сбывавшие пшеничную муку низших сортов кочевым казахам⁶⁰.

Главным направлением вывоза ржаной муки и овса было восточное. Центрами притяжения этих потоков выступали Уральск и в меньшей степени Оренбург, Илек. Поездки с хлебом сюда были выгодны извозчикам, так как на обратном пути они принимали кладь (из Уральска преимущественно рыбу) для доставки в Мензелинск, Елабугу. Из Оренбурга возвращались с кожами, овчинами, салом, а из Илека с солью, которую везли в Бугульму, Чистополь, Казань. Часть ржаной муки из приволжских местностей направлялась в Самару, Казань.

Рожь в зерне, греча и полба подвозились к волжским и камским пристаням, на нижневолжских было только просо. В восточном направлении – в Уральск и Оренбург – сбывались в небольшом количестве греча и полба.

Мощные хлебопотоки рождались из мелких и мельчайших ручейков крестьянских поставок по базарным дням в ближайшие к ним центры внутреннего потребления. Здесь хлеб скупался оптовиками всех мастей, хозяйничавшими на внутреннем рынке края. В каждом уезде определились свои центры внутреннего сбыта хлеба (кроме уездных городов): в Бугульминском — деревня Альметьево и крепость Черемшанская; Бугурусланском — слобода Кинель-Черкасская, село Богородско-Пономаревское и пригород Сергиевск с поселением при минеральных водах; Бузулукском — села Борская Крепость, Сорокинское, Тоцкое, Утевка и пригород Алексеевск; Самарском — Красный Яр и Zubовка; Ставропольском — Мелекесский завод.

Часть внутреннего потребления хлеба приходилась на винокуренные заводы, большинство которых располагалось на территории Бугульминского уезда. Четыре завода при селах Петровское, Николаевка, Варваринка, Павловка производили продукции на сумму 140 883 руб.

Неземледельческие занятия. Торговое значение приобретало и скотоводство. По территории Оренбургского края пролегали крупные скотопрогонные тракты. По данным 1840 г., только по Московскому тракту через Самарский край (уезд) прогонялось до 18 тыс. голов скота. А в начале 50-х годов из Буковской орды и Оренбургской губернии ежегодно гнали и проводили транзитом до 200 тыс. голов скота на сумму около 1 млн руб. Преобладающей породой была киргизская, а также помесь чистокровных русских с киргизскими и калмыцкими. Соседство со скотоводческими губерниями способствовало развитию местной скотопромышленности и просольства среди крестьян.

Важное значение имел солевой промысел. Район соледобычи находился в междуречье Урала, Илека и Бердянки, где стояла старинная

крепостца Илецкая защита. С 1806 г. соль добывалась вольным промыслом под руководством особой экспедиции, начальником которой был оберквартирмейстер полковник Струков (позже генерал). В 1810 г. он предложил укрепить Илецкую защиту. Через год провели таможенную границу, отрезавшую илецкие копи от киргизских степей по речкам Курале и Бердянке, и открыли новый путь сбыта на Самару протяженностью 320 верст. Струков стремился к расширению промысла и повел дело очень энергично. В 1816 г. по его проекту перешли на добычу по правилам горных разработок до 4 млн пудов, из которых 3 млн ежегодно доставлялись на самарскую пристань. Сложилось целое сословие крестьян-солевозов, приписанных к Илецкой защите. Их численность должна была составить ни много ни мало 10 тыс. человек. Соляные залежи потрясли Александра I, посетившего промысел 13 сентября 1824 г.: “Боже мой, какое богатство!” – невольно воскликнул государь, впрочем тут же отменивший добычу соли подземным способом. Сопровождавший императора Струков заявил, что “...добыча илецкой соли должна быть упрочена на отдаленные времена, потому что этот источник есть богатейший в государстве и может снабжать наилучшей солью все места верхней Волги, начиная от г. Самары, а также обе столицы и северо-западные губернии и может заменить иностранную соль”⁶¹.

К середине XIX в. сложились все известные в России сферы рынка: ярмарочная, развозно-разносная, базарная и стационарная. Торговые обороты в Самарской губернии достигали свыше 10 млн руб. серебром. Здесь действовало более 200 базаров и ярмарок. Самара выступала ключевым звеном ярмарочной цепи, которая имела вид замкнутого пространственно-временного круга: 6–9 июля Бугульма, 14–21 сентября Белебей, 26 сентября — 3 октября Мензелинск, 1–6 января Симбирск, 9–21 августа Бузулук, 29 июня — 5 июля Самара⁶².

Второй по величине в Самарской губернии была Воздвиженская ярмарка в городе Бугульме. Она имела весьма живописный вид, так переданный репортером губернской газеты: “Здесь видим и русских баб в ярких праздничных сарафанах, и рослых мордочек в их высоких и красивых головных уборах, и чувашин и вотячек в шлемообразных кичках, обвешанных медными бляхами и погремушками, и татарок, завесивших себе лицо красными и белыми покрывалами и обутих в желтые ичиги и черные туфли... Одних татарских харчевен для черного народа и мелочных торговцев на ярмарке устраивается до десяти. В этих харчевнях подают чай, жареную баранину, салму, пельмень и другие татарские блюда... Чай у магометан заменяет водку, все магарычи запиваются чаем и вместе с тем заедаются пельменью. Однако ж значительные купцы из татар, носящие роскошные халаты из одреса, сверху их кафтаны из тонкого сукна, а на голове бархатные тюбетейки, великолепно расшитые золотом, харчевен не посещают. Они ходят в русские рестораны пить чай, а пищей довольствуются на квартирах”⁶³.

В крупный торгово-промысловый центр превратилась к середине XIX в. Покровская слобода. Уже в конце 30-х годов население слободы достигло 6770 ревизских душ. Здесь были волостное правление, три ка-

менные церкви, трактир и еженедельный базар⁶⁴. Спустя 20 лет число жителей уже превышало 10 тыс., сформировалась ярмарка, соперничавшая по значимости с Воздвиженской.

Другой тип торгового села являли подгородние селения, например село Дубовый Умет, жители которого издавна и часто ездили в город, вели дела с купцами. В 70–80-е годы XVIII в. здесь обосновался разбойничий притон беглого арестанта Григория Корцова. Отношения шайки с купцами, следовавшими по уральской дороге, напоминали рэкет и сводились к поборам по 25 руб. с дуги (т. е. с воза в одну лошадь), а с прочих по 5 руб.⁶⁵ Постепенно облик Дубового Умета облагораживался: появилась каменная церковь, украшенная праздничными ризами стоимостью 500 руб. серебром, серебряными под золотом крестами и сосудами, дорогим Евангелием⁶⁶. В середине XIX в. состоятельные жители села занимались перекупкой хлеба, ввозимого в Самару, и получали немалые барыши. Многие из них держали постоянные дворы, сдавали квартиры и амбары, спрос на которые резко возрастал зимой, в ярмарочные дни. В начале 50-х годов в Дубовом Умете открылись свои ярмарка и базар, но больших выгод они не давали, так как рядом с крупной торговой Самарой не могли иметь самостоятельного значения. Жители этого села были “трудолюбивы, бойки, развязны, веселы и благочестивы”, зимой любили потешиться кулачными боями, на масленицу молодые пары, недавно обвенчанные, устраивали шумные катания по улицам. В одежде, разговоре, повадках они старались подражать горожанам. Мужчины носили полукафтанчики из “бумажных материй”, а богатые – из сукна. На женщинах не были редкостью шелковые сарафаны...

Самарский край превратился в район динамичного развития торгового зернового производства, поставлявшего на всероссийский рынок миллионы пудов ценнейших хлебов. Россия обретала новую житницу, экономическое значение которой стало расти с каждым десятилетием. Слава о самарских девственных землях разлетелась по стране. Ежегодно сюда стекалось большое число рабочих-сезонников. По заключению современника, на заработки в Степное Заволжье приходило до 120–200 тыс. человек. На юге края засеивались большие площади, позволившие значительно расширить продажу зерна как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Спрос на самарскую муку-крупчатку был высоким и устойчивым на биржах крупнейших стран-импортеров. Росло число торговых селений, жители которых получали свой доход в сфере рынка. У этих людей вырабатывались иные, нежели у традиционного крестьянства, стереотипы мышления, поведения, быта.

Под скипетром царя. В Самарском крае, как и во всей России, крестьянское население делилось на три основные правовые категории: государственных было в середине XIX в. 390 141 душа мужского пола (62,9%), удельных – 116 744 (18,8%), помещичьих – 113 373 (18,3%)⁶⁷.

Земельный надел государственных крестьян колебался от 6,3 дес. на душу населения в Самарском уезде до 16,3 дес. в Новоузенском, средний надел по губернии составлял 10,6 дес.⁶⁸ Они платили денежные налоги и несли натуральные повинности. Денежные налоги состояли

из подушной подати, земских повинностей, мирских сборов. Кроме того, особые суммы собирались на капитал продовольствия, на оброчную плату. Если подушная подать была единой для всех губерний (она периодически повышалась с 1 руб. ассигнациями в конце XVIII в. до 7 руб. ассигнациями в 50-е годы XIX в., а с учетом изменения ценности рубля в 1,5 раза — примерно до 5 руб.)⁶⁹, то земские повинности и особенно мирские сборы резко различались по губерниям. Они должны были назначаться мирскими сходами и утверждаться казенной палатой. На деле волостные органы навязывали крестьянам без всякой регламентации сборы по любому поводу: содержание мостов и дорог, хлебные магазины, наем квартир для приезда земского суда, жалованье писарям и т.п.

Реформа П.Д.Киселева “оживила” приходившую в упадок государственную деревню. Все денежные повинности, кроме подушной подати, были переведены на земельный надел и промыслы. Размер новых выплат сильно колебался в пределах даже одной губернии. Но по-прежнему тяжело давила рекрутская повинность. Спасая собственного сына от солдатчины, очередник часто подыскивал “охочего парня” из числа общинных изгоев, выполнял все, даже самые дикие, его желания в течение нескольких недель (случалось, что отдавалась в наложницы дочь), лишь бы отвести “жребий” от своего дома. Кроме выделения рекрута, крестьяне должны были собирать еще особые “сдаточные деньги”, свыше 50 руб. Обременительными для крестьян были подводная, дорожная, стойковая (дежурство в присутственных местах) и другие повинности.

Государственная система “непосредственно-ближайшего попечительства”, отлаженная в ходе реформирования, сковывала хозяйственную инициативу крестьян, а создаваемые Министерством государственных имуществ различные школы и учебные фермы не оказывали серьезного воздействия на сельскохозяйственное производство. Например, юго-восточная ферма продала за 1852 г. на весь огромный район торгового зернового хозяйства лишь десять усовершенствованных плугов, две пароконные арбы и несколько мелких предметов на общую сумму 557 руб. 77 коп.

Крайне непрочным был социальный статус государственных крестьян. В любой момент их могли перевести в разряд удельных, как это случилось с крестьянами Симбирской губернии в 1835 г.⁷⁰, приписать к заводам, привлечь к государственным работам либо вовсе превратить в крепостных. Управляли государственными крестьянами в пределах губернии особые палаты госимуществ. Губерния делилась на округа, волости и сельские общества. Главной фигурой был окружной начальник, в ведении которого находились дела, “относящиеся до улучшения нравственного состояния крестьян, до гражданского быта, строительной части, обеспечения продовольствия, хозяйства, податей, повинностей и защиты по судебным делам”⁷¹.

Реформа Киселева упорядочила поземельные отношения, путем переселения в Заволжье на пустующие земли была снята напряженность в малоземельных общинах. Государственные крестьяне облада-

ли определенной хозяйственной самостоятельностью. Чаще всего именно они становились крупными арендаторами казенных земель, а также приобретали земли в собственность. К 1858 г. среди государственных крестьян Самарской губернии насчитывалось 23 084 собственника земли, они владели площадью 159 798 дес., а 5,5 тыс. из этих собственников даже не пользовались казенным наделом, имея в среднем по 14,5 дес. на каждого.

Удельными крестьянами были крепостные царской фамилии, царя, крупнейшего помещика России. Крестьянин удельный вместе со своим хозяйством находился в полной зависимости от Департамента уделов, все движимое и недвижимое имущество его подлежало строжайшему учету. Денежные платежи удельных были выше, чем в государственной деревне. Неплательщики и недоимщики подвергались строгим наказаниям, вплоть до продажи крестьянского имущества. В 1830 г. подушный оброк заменили поземельным сбором: обложению подвергались уже не ревизские души, а количество и качество земли. Идея эта была прогрессивна, ибо смягчалось внеэкономическое принуждение и увеличивалась хозяйственная самостоятельность самих крестьян, но на деле поземельный сбор включал и налог на неземледельческие доходы крестьян, что сокращало возможности накопления капитала. Помимо денежного оброка, удельные крестьяне несли еще земские и мирские повинности. К первым относились дорожная, подводная, рекрутская, устройство водных сообщений, содержание почтовых лошадей и др., ко вторым — содержание писарей, приходских училищ, приказных лошадей, ремонт приказных зданий и церквей, содержание учеников в удельном земледельческом училище.

В 1828 г. началось насаждение так называемой общественной запашки, урожай с которой поступал в хлебозапасные магазины, а оттуда — в помощь крестьянам по случаю неурожая. Под общественную запашку отводились самые лучшие земли, крестьяне обязывались свозить на них удобрения в первую очередь. Хлебозапасные магазины, безусловно, сыграли свою положительную роль, но немалая часть хлеба шла напрямик на рынок, а барыши оседали в карманах чиновников. В 1861 г. общественная запашка была превращена в оброчные статьи, а затем предложена крестьянам в аренду по высоким ценам, в результате удельные крестьяне Самарской губернии лишились 16 822 дес. лучшей пахотной земли.

Изменения коснулись и “попечительной деятельности” удельного ведомства. В 40-е годы оно приступило к созданию так называемых образцовых усадеб и сел удельных крестьян с целью убедить их, что в сельском хозяйстве размеры участков и их плодородие — не главное, “при науке, умении и трудолюбии пески и болота обращаются в пашни и луга”. В 1842 г. в Самарском удельном имении была образована Новомайнская образцовая усадьба. Два ее хозяина занимались выделкой овчины, валянием шерсти, теплой обуви и другими промыслами. Просуществовав девять лет, “образцовое” хозяйство пришло в полнейший упадок. Такая же участь постигла и удельное село Царево-Никольское.

На создание его “образцовости” израсходовали 65 тыс. руб. и немало дарового крестьянского труда. Управляющий Сызранской удельной конторой Каблуков и его приближенные нажили на модном поветрии капитал, а “образцовое” село через пять—семь лет ничем не отличалось от обычных. С 1857 г. было закрыто пять подобных усадеб в Самарском имении, а хозяева их возвращены в родительские дома, да еще с долгами уделу от 100 до 360 руб.⁷² Причина неудачи этих предприятий удельного ведомства крылась как в общей экономической обстановке в сельском хозяйстве (узость местного рынка), так и в самом чиновничьем подходе к делу, с его мелочной регламентацией каждого шага обитателей образцовых усадеб и селений. При отсутствии чувства хозяина у этих крестьян не было ни условий, ни стимула к хозяйственной предприимчивости.

В удельной деревне была более развита аренда, нежели приобретение земель, так как покупать удельные крестьяне могли лишь на имя Департамента уделов. На арендованной земле велось торговое зерновое земледелие. Широкое распространение получили промыслы, в северных уездах — ткачество и деревообделка: крестьяне изготавливали для продажи деревянную посуду и в большом количестве плели лапти, находившие широкий сбыт среди сезонников Заволжья.

В некоторых приказах Самарского имения крестьянки ткали легкую прочную ткань — сарпинку, шедшую на женские платья и мужские рубахи в зажиточных семьях. Получили развитие в самарской удельной деревне обработка и торговля продуктами животноводства, а также скотом. В этой сфере к середине XIX в. из среды удельных крестьян постепенно выделились крупные фигуры. В летнее время богатые крестьяне Самарского и Сызранского имений скупали в степях Заволжья гурты крупного рогатого скота и овец, выдерживали их на пастбищах до осени, а затем пригоняли домой и забивали на мясо. Продукты животноводства находили широкий сбыт на местном рынке, в качестве сырья поступали на предприятия местной промышленности.

Значительную роль в быту удельных крестьян играла торговля. На пристанях удельных сел Балаково Николаевского уезда, Хрящевка Ставропольского, Екатериновка Самарского сосредоточивалось ежегодно немало тысяч пудов хлеба, подсолнечного масла и других сельскохозяйственных продуктов.

Среди удельных селений Самарского уезда находились бывшие государственные, в том числе селения Преображенское и Семеновское. В них жили потомки тех воинских чинов Преображенского и Семеновского полков, которым императрица Елизавета Петровна при восшествии на престол пожаловала в награду земли. До обращения в удельные они не платили податей и не отправляли обыкновенной, очередной рекрутской повинности, лишь время от времени посылая сыновей своих в гвардию⁷³.

Под рукой барина. Помещичьи крестьяне являлись наиболее угнетаемой частью населения России. К началу XIX в. 67,8% крепостных крестьян Самарского уезда находились на барщине и 32,2% — на оброке. Тогда же многие помещики, стремясь увеличить доходность име-

ний, стали переводить своих крестьян на оброк. Однако в начале 30-х годов крестьяне Усольской вотчины были вновь переведены на барщину, которая ухудшила их положение. Помещик ввел в обиход вместо “экономической” десятины в 3,2 тыс. кв. саженей “хозяйственную” в 3,6 тыс. кв. саженей, а в некоторых имениях размер ее достигал и 4 тыс.

Аренда и покупка земли в помещичьей деревне были не развиты, так как крестьяне могли арендовать или покупать землю только на имя своего помещика. Некоторые владельцы намеренно создавали так называемый “вакантный фонд” земель и сдавали их в аренду своим и посторонним крестьянам. Обычно на год, реже — на более продолжительные сроки. Помещик мог в любое время отобрать у крестьянина приобретенную землю. Поэтому покупали те из крепостных, кто имел возможность скрыть от помещика этот факт покупки. Таким землевладельцем оказался управляющий имением графа В.Г.Орлова крепостной Василий Фомин, купивший 50 лошадей, 88 голов рогатого скота, много серебряной посуды, зеркал, мебели, ружей, экипажи, на имя жены было записано еще 105 голов рогатого скота и 249 голов овец. Все это открылось после смерти управляющего в 1824 г. и немедленно перешло в собственность помещика. Сменившие Фомина на посту управляющего крепостные Степан Кольчугин и Федор Усов тоже владели купчими землями. Последний из них за “приобретательство”, а также за подлоги, в которых его уличили, был оштрафован на сумму 3 тыс. руб., снят с должности и исключен из общины с запрещением посещать мирские сходы.

Хозяйственные возможности крепостных крестьян сильно варьировались в зависимости от наклонностей помещика, вотчинной администрации, размеров надела, уроков и т.п. В среднем земельный надел крепостного в Самарской губернии составлял 2–4 дес. на душу. В южных колонизируемых районах он мог быть значительно больше, особенно на первых порах, пока помещик не организовал еще собственной запашки. Важную роль играла также площадь поместья. Так, в селе Воскресенском в 12 верстах от Самары, принадлежавшем графине Новосильцевой, крестьяне сначала платили оброк по 8 руб. серебром, а затем были переведены на барщину: каждое тягло (2–3 взрослых работника, обычно супружеская пара) обрабатывало десятину поля на помещицу. Графиня являлась крупной хозяйкой, собственницей 20 тыс. душ, и на каждое тягло выделила по 15 дес. пашни да по 6 дес. пастбища и леса. Причем крестьяне сеяли исключительно пшеницу⁷⁴.

Имущественное расслоение в помещичьей деревне не приобретало катастрофического характера. В отдельных местностях удельный вес бедноты мог подчас достигать 25 и даже 49%, но это были временные оскудения, вызванные стихийными бедствиями, нерасчетливостью помещика или управляющего, да и просто самодурством барина. Иногда крестьяне сознательно стремились не привлекать внимание помещика слишком справным своим хозяйством. Это подметил А.Заблоцкий-Десятовский: “Бедность и нечистоту жилищ не всегда должно принимать за вывеску нищеты; нередко самые богатые суть

самые неопрятные, прикидываясь и желая слыть бедняками. В Саратовской губернии, за Волгой, в одном имении переселенные за несколько перед сим лет крестьяне живут в землянках, отговариваясь бедностью, между тем как один из них продал в последний год пшеницы на 7 тыс. рублей”⁷⁵.

Исследования историков показывают, что при наличии в помещичьей деревне бедных и богатых слоев преобладал все-таки средний, дееспособный крестьянин⁷⁶. Тяжесть положения крепостного состояла в другом: поместье включало в себя хозяйство крестьянина, отрицая тем самым его самостоятельное значение, высасывая его жизненные соки в виде феодальной ренты точно так же, как помещик отрицал самоценность личности крепостного, видя в нем лишь орудие барской прихоти. Ни удельные, ни государственные крестьяне не ощущали столь тотального хозяйственного унижения со стороны своего начальства, неважно в какой форме оно “попечительствовало”. В то же время особенности барщинного хозяйства вообще требовали наличия собственного хозяйства крестьян, причем в достатке обеспеченного производительными силами. Помещик объективно был заинтересован не в нищем, а в “достаточном” крестьянине, т. е. в рабочем тягле среднего достатка.

Свободнее в своих хозяйственных делах были оброчные крестьяне — 19,6% всего числа крепостных. Правда, с изменением денежного курса в 1810 г. произошло повышение оброка, к тому же помещики считали не ассигнациями, а серебром, но все же оброчный крестьянин жил гораздо справнее барщинного. Главным отличием являлась большая свобода действий и мысли, возможность развивать свои способности: “Предаваясь какому-нибудь ремеслу или промыслу по собственному выбору, а не по произволу другого, он более пользуется опытом, более старается исправлять собственные свои ошибки. Между тем удельный крестьянин все делает механически, но наряду другого и не имеет ни времени, ни возможности испытать какое-либо другое занятие, кроме сохи и косы, и даже не имеет малейшего капитала, дабы на вечном своем поприще попытаться на какие-либо улучшения”, — отмечал современник⁷⁷.

Действительно, в оброчной деревне редкий мужик не занимался каким-нибудь промыслом. Более того, он как бы бежал от земледелия, стремясь в бурлаки, в извоз, в отход, в торговлю — словом, подальше от господской запашки. Если же он был земледелец, то при наличии барской запашки, как правило, привлекался на частичную или эпизодическую барщину. Такое положение особенно часто встречалось в степных имениях, где хлебопашество было единственным промыслом и для оброчных, а в страду ощущался громадный недостаток рабочих рук.

Несмотря на крепостнический гнет, крестьянство Самарского Заволжья сохраняло способность к самостоятельной хозяйственной жизни. И под скипетром царя, и под рукой помещика крестьяне готовились к тому великому экономическому рывку, который предстоял им после отмены крепостного права.

Дворянское землевладение. Помещичье землевладение в крае не занимало господствующего положения. Еще меньшей была роль самарских помещиков в сельскохозяйственном производстве. П.В. Алабин писал, что “вообще для вывоза с местных пристаней несравненно больше доставляется хлеба крестьянами, чем землевладельцами”.

Географически поместья в Самарской губернии размещались большими и малыми островками, окруженными владениями казны, удела, башкирского войска. Большая часть имений располагалась по берегам рек: Волги, Самары, Кинеля, Иргиза и др. В северной части губернии большие группы поместий находились в приволжской зоне Ставропольского уезда вплоть до реки Кондурча, с ответвлениями вверх по реке Большой Черемшан, с концентрацией около города Ставрополя. В Бугульминском уезде они располагались севернее Бугульмы, гранича на севере и юго-западе уезда с башкирскими землями. Полоса помещичьих земель проходила в северо-восточной части Самарского уезда, простираясь до границ Бугульминского и Бугурусланского уездов. Стержнем ее оказывался бассейн реки Сок. Такую же роль играла река Кинель, по правому берегу которой, на границе Самарского и Бугурусланского уездов, располагались поместья дворян. Наибольшее их число находилось на границе Бугурусланского и Бузулукского уездов. В 1840–1853 гг. дворяне скупили здесь 65 тыс. дес. земли у башкир. Концентрация помещичьих дач отмечалась также в районе города Бугуруслана, причем они имели здесь форму длинных участков, вытянутых вдоль реки Кинель на север.

В южной части губернии, по левобережью рек Самары и Кинеля располагались крупные владения Самариных, Урусовых и других помещиков. Сплошной полосой они тянулись по берегу Волги, сливаясь с поместьями Николаевского уезда. Напротив Хвалынска эта полоса прерывалась казенными владениями и продолжалась до удельных земель в районе Балакова, углубляясь на восток вдоль рек Малый и Большой Иргиз. Наконец, помещичьи земли, начинавшиеся в Николаевском уезде от Нижневоскресенского единоверческого монастыря, проходили по границе с Новоузенским уездом до земель Уральского казачьего войска⁷⁸.

Большинство имений (72%) были мелкопоместными — менее 100 душ. Крупных, с количеством крепостных свыше 1 тыс. душ, насчитывалось 15. Улучшение рыночной конъюнктуры с конца 40-х годов стимулировало расширение помещичьей запашки за счет сокращения крестьянских наделов. Началась своеобразная “хлебная лихорадка” — погоня за посевами ценных пшениц. Стремление производить как можно больше хлеба породило новые урочные системы в помещичьих хозяйствах, которые оказались непосильными для крепостных. К середине XIX в. помещик все чаще отбирал землю у крестьянина, а его с семьей сажал на скудный месячный паек либо вовсе переводил в разряд дворовых. Причем наблюдалась закономерность: чем меньше размеры имения, тем больше в нем дворовых. В 93 имениях крестьян не

было вообще, так как все крепостные оказались переведенными в дворовые. Известны примеры, когда помещик применял в целях интенсификации крестьянского труда своеобразный хронометраж отдельных операций, заставляя затем крепостных работать на пределе человеческих возможностей.

Крупная помещичья вотчина являла государство в государстве. Крупнейший латифундист В.Г.Орлов даже выработал специальное "Уложение по Усольской вотчине" из 27 глав, регламентировавшее управление и внутреннюю ее жизнь. В более грубых формах проявлялось господство помещика над имуществом и личностью крестьянина в средних и мелких имениях, где контакт помещика и крестьянина не был опосредован вотчинной администрацией.

Хозяйство помещичьих имений. В большинстве помещичьих хозяйств практиковался трехпольный севооборот. Возделывались пшеница, полба, рожь, овес, просо, горох, лён, конопля. Кроме труда крепостных, помещики прибегали к найму пришлых работников. С увеличением помещичьей запашки в 30–40-е годы XIX в. спрос на наемных рабочих особенно был велик в северных уездах. В некоторых имениях более производительный труд наемных уже в 50-е годы играл важную роль. Помещик Шелашников, например, владевший имениями в Бугурусланском и Бугульминском уездах, из-за отсутствия ближних наемных рабочих нанимал их в Вятской и Тверской губерниях. Во многих крупных и средних хозяйствах имелись промышленные предприятия, как правило связанные с сельским хозяйством и находившие источник сырья в самом имении. Большинство таких предприятий располагались в северной и северо-восточной частях края.

Многие помещики занимались коннозаводством: в 1852 г. губерния насчитывала 26 более или менее значительных конских заводов. Крупными конезаводчиками были помещики Ф.К. Алашеев, А.Т. Аксаков, А.Н.Городецкий, князь Б.А.Голицын, граф Осоргин, тайный советник Г.И. Пыхачев⁷⁹. Разводились главным образом рысистые и упряжные лошади. На некоторых заводах работали придирчивые смотрители из англичан, отличные коновалы.

Нередко встречались приличные скотные дворы, в которых содержался улучшенный продуктивный скот холмогорской, английской или тирольской породы. В Самарском уезде находилась одна из старейших в России овчарен — заведение Ф.В.Самарина в селе Васильевском. Начало заводу было положено в 1809 г. покупкой с помощью правительства небольшого стада мериносов из овчарни Штиглица и Миллера. В 1823–1824 гг. были куплены бараны и матки с Царскосельской фермы завода князя Лихновского и в Саксонии, в королевской Реннесдорфской овчарне — электоральной породы. С этого времени и до 1847 г. каждые три–четыре года для обновления крови выписывались бараны и матки электоральной породы в лучших овчарнях Саксонии — у Шпена в Ошатце, у Штейгера в Ротшенберге и в Меглинской овчарне у знаменитого агронома Тэера. В 1852 г. на выставке Императорского Московского общества сельского хозяйства овчарня Ф.В.Самарина получила за выставленные руна золотую медаль⁸⁰. Наивысшей

численности тонкорунное стадо Самариных достигло в 1850 г. – 21 тыс. голов. Затем последовало сокращение до 13,2 тыс. голов “в видах облегчения крестьян по заготовке зимнего корма для овец”. Кроме Самарина, неплохие овчарни имели: в Бугульминском уезде – В.Д. Давыдов при селе Чиркове (до 4 тыс. голов), в Николаевском уезде – А.Г. Акимов (имение Фелицыно, 8 тыс.), в Бузулукском — А.Н. Челищев при селе Челищеве (8 тыс. голов)⁸¹.

Залог, продажа и аренда земель. Характерной чертой помещичьего землевладения и хозяйства являлась его высокая задолженность. Большинство имений были заложены в дореформенных кредитных установлениях в Санкт-Петербургской и Московской сохранных казнах, Государственном заемном банке, Приказах общественного призрения. Из общего числа крепостных было заложено 63%. Деятельность дореформенных кредитных установлений имела благотворительный по отношению к помещикам характер, но отнюдь не способствовала процветанию хозяйства их имений.

Накануне отмены крепостного права сложилось то различие в социально-экономическом развитии севера и юга губернии, которое затем столь сильно проявилось в пореформенный период. На севере помещичье землевладение сформировалось раньше и имело богатые крепостнические традиции, подавляя хозяйственную инициативу недворянских сословий, прежде всего, конечно, крестьян. На юге владения помещиков появились позже, когда уже сложилась система крупного зернового производства на землях государственных, крестьян и колонистов. Сильную конкуренцию помещикам здесь создавали посеы купцов, практиковавших крупные арендные сделки и засевавших огромные площади новых земель наиболее рыночными сортами пшеницы. Самарский губернатор К.К. Грот в своих воспоминаниях отметил, что полученные дворянами в виде высочайших пожалований в 1854–1860 гг. 142 тыс. дес. земли большей частью вскоре перекечевали в руки купцов⁸². Среди них выделялись владения купцов Мальцева (116 395 дес.), Полеводина (116 011 дес.), Харитонова (98 468 дес.)⁸³.

Большинство купцов прибегали к субаренде, или пересдаче, земли. По старым расчетам одного из самарских купцов можно установить, что с 1830 по 1842 г. он снимал в Бузулукском уезде до 50 тыс. дес. казенной земли по 3 коп. за десятину в год, а затем пересдавал ее крестьянам за 30 коп. и дороже⁸⁴. Особенно усилилась спекуляция землей после введения системы всеобщих торгов на казенные оброчные статьи, которые составляли значительную площадь в Самарской губернии.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДЕРЕВНЕ

Выступления крестьян в первой четверти XIX в. Социальные отношения в деревне на протяжении всей первой половины XIX столетия развивались под знаком растущего стремления крестьянства к освобождению от крепостной зависимости. Крестьянский вопрос в царствование Николая I, как и при его предшественнике, занимал пристальное

внимание правительства. Однако дело не продвинулось дальше создания ряда секретных комитетов и выпуска указов, не внесших коренных перемен в жизнь деревни.

Крестьяне стремились использовать любой повод для достижения свободы легальным путем. Наиболее распространенной формой протеста являлись жалобы на помещика или на управляющего. Крестьяне тратили большие средства на посылку ходоков, ведение судебных дел. Под давлением недовольства крестьян Комитет министров 24 декабря 1821 г. постановил, что в случае основательности жалоб крепостных имение должно браться под опеку, а дворовые отпускаться на оброк. Запрещалось также наказывать жалобщиков, если их претензии подтвердятся. На управляющего крестьяне выражали недовольство обычно самому помещику, но такие сетования очень редко приносили им облегчение. Чаще помещик примерно наказывал своих крепостных.

Социальную активность крестьянства еще больше усугубила Отечественная война 1812 г. Многочисленные злоупотребления властей при рекрутских наборах вызвали волнения в Оренбургской, Пензенской и Симбирской губерниях. Народное ополчение представляло собой нешуточную угрозу для помещичьего сословия. В декабре 1812 г. возникло недовольство ратников Пензенского ополчения в Инсаре, Саранске и Чембаре, в их высказываниях сквозила ненависть к помещикам. Ополченцы потребовали приведения к присяге, так как это по закону освобождало их от крепостной зависимости. Власти жестоко подавили восстание, изменили маршрут следования Симбирского ополчения, чтобы не допустить соприкосновения его с бунтовщиками.

Ропот и волнения вызвали возвращение ратников “в первобытное состояние”, начатое после роспуска Симбирского ополчения в августе 1814 г. “Еще война длилась, — писал декабрист Бестужев, — когда ратники, возвратясь в дома, первыми разнесли ропот в низшем классе народа. “Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас заставляют потеть на барщине. Мы избавили Родину от тирана, а нас опять тиранят господа”. Войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали: “Как хорошо в чужих землях”. Сравнение со своим естественно произвело вопрос: почему же не так у нас?”⁸⁵

Помещичьи крестьяне выступали против увеличения оброков, государственные и удельные — против перевода их в разряд помещичьих, против общественной запашки, принуждения к посевам картофеля и т.п. В январе 1816 г. удельные крестьяне Демидовки отказались повиноваться указу о переводе их в разряд помещичьих и послали ходока в Санкт-Петербург с прошением к царю “о избавлении их от помещичьего владения”. Причем крестьяне заявили, что “до возвращения его из Санкт-Петербурга повиноваться они господину Дмитриеву не могут и никаких работ его производить не будут”. В начале выступления крестьяне держались стойко, но затем четыре семьи, поддавшись на угрозы и угрозы, подчинились помещику. А вскоре подросла и воинская команда.

Наиболее крупными в первой четверти XIX в. крестьянскими выступлениями в нашем крае стали волнения крепостных помещицы На-

умовой в Ставропольском уезде в 1818 г. 29 апреля более 100 крестьян пришли к Симбирскому губернатору Магницкому с жалобами на управляющего именем. Причем в донесении губернатора царю говорилось, что крестьяне “представили двух человек в цепях, заклепанных тяжелыми деревянными стульями и из коих одному была надета на шею железная клеть в 18 фунтов”. Толпа на пути в губернский город прошла через многие селения, а в самом Симбирске вызвала изрядный переполох и стечение зевак. В ходе расследования, проведенного лично губернатором, было установлено жестокое обращение приказчика и десятников с крестьянами. Дело кончилось тем, что с помещицы взяли подписку о прекращении беспорядков и строгом соблюдении трехдневной барщины.

В мае 1818 г. произошли волнения крепостных в селе Репьевка того же уезда. Советчиком крестьян здесь выступил местный священник Спиридон Николаев. Он отменил работу на барщине в воскресенье, назначенную приказчиком. На другой день приказчик не отпустил крестьян обедать. Тогда священник написал для крестьян прошение и посоветовал им идти к губернатору. В Репьевку была направлена комиссия. Священник с причетниками скрылся из деревни, опасаясь ареста. У дома, где остановилась комиссия, “разных барщин крестьяне, собравшиеся во многолюдстве без всяких жалоб и дела, с видимою дерзостью толпились”⁸⁶. Насколько взрывоопасной была обстановка в Репьевке, видно из донесения предводителя: “Буйство народа в с. Репьевке, доходит до высочайшей степени и во всех барщинах собираются потаенные скопища и в следующую ночь, на 30-е число назначено было собрать народу к попу, который их взбунтовал, и всеобщий был разговор, чтоб все стояли крепче и друг друга не выдавали”. Даже после прибытия 50 солдат, 2 офицеров и 4 унтер-офицеров крестьяне не успокоились. На помощь солдатам вызвали калмыков. 9 бунтовщиков посадили под караул, но приказчика все же пришлось сменить. Лишь после этого удалось уговорить крестьян повиноваться. Солдат оставили в Репьевке еще на некоторое время для поддержания порядка. За 1800–1850 гг. в крае было отмечено 46 выступлений крестьян, и в 14 случаях властям потребовалось использовать военную силу для “успокоения волнений”.

Специфической формой проявления недовольства крестьян своим положением были многочисленные слухи о предстоящей воле. Часто они связывались с различными указами и мероприятиями правительства, особенно с набором ополчений, переселенческой политикой.

В новостях, циркулировавших среди крестьян, заключалась одна особенность, которая пугающе действовала на помещиков: крестьяне в своих предположениях, даже самых фантастических, никогда не ожидали освобождения от своих господ. Наоборот, они твердо верили, что воля придет помимо барина и местного начальства. Так, в 1812 г. слухи о скорой воле распространял среди дворовых людей почтовый служащий Симбирска, особо ссылаясь на то, что указ из столицы минует помещиков и будет распространен через почтальонов⁸⁷. Дворовый человек помещика Левашова Федор Леонов донес, что он слышал в лавке

от “грамотного человека”, будто бы “киргизский хан по просьбе своих подданных киргизов сделал представление государю, в котором изъявил желание населить русским народом свою дикопорожную и всем изобилующую землю”. Дальше фантазия крестьян рисовала совещание царя с графом Аракчеевым, в результате которого будто бы уже изданы указы и через Святейший Синод разосланы по епархиям, но губернаторам и другим властям эти указы не посылались, так как у них самих есть крепостные крестьяне⁸⁸.

Волнения в 30–50-е годы XIX в. В южной части края находилось много поселений сектантов, особенно многочисленные — духовных христиан, переселившихся сюда на рубеже XVIII–XIX вв. из Тамбовской и Саратовской губерний. Эсхатолого-хилиастическое движение в этой среде усилилось в 30-е годы XIX в. возникло несколько крестьянских организаций, основанных на идее общности имущества, их идеологами и руководителями выступили М. Попов и И. Григорьев. Они проповедовали “новый порядок”, под которым подразумевались обобществление имущества, кооперирование труда, распределения и быта. Результатом проповеди Попова была попытка 800 семей духовных христиан переселиться в Закавказье, куда незадолго до этого сослали самого Попова. Более опасной и чреватой для правящего класса была признана проповедь И. Григорьева, который в отличие от Попова призывал верующих не ждать наступления тысячелетнего царства, а своими руками создавать лучшее общество. Власти предпочли тайно расправиться с Григорьевым, умертвив его в самарском остроге в конце 1872 г.⁸⁹

Во второй половине 30-х годов XIX в. началось наступление православного духовенства, поддержанное властями, на иргизские монастыри. Ранее, в 1829 г., перешел в единоверчество Нижне-Воскресенский монастырь, в 1836 г. Николай I повелел обратить остальные два монастыря — Верхне-Спасопреображенский и Средне-Никольский. Произошло драматическое столкновение со старообрядцами, сбежавшими из окрестных сел с решительным протестом: “Не дадим правую веру попираť антихристам и табачникам!” В уездный Николаевск прибыл губернатор с вооруженной ротой конной артиллерии, жандармами и пожарной командой. Верующие ударили в набат, народ с ружьями и кольями заполнил Средне-Никольский монастырь. Увидев направленные на них орудия, люди легли на землю на пути солдат. Те замешкались, но вступившие в дело пожарники решили исход, направив на защитников монастыря струи воды. Стоял жестокий мороз. Люди бросились через ограду за территорию обители, где были схвачены. Все клетки, амбары, сараи города оказались забиты раскольниками. Иноки вынужденно покорились и перешли в единоверие... Самый богатый и крупный Спасопреображенский (Верхний) монастырь некоторое время еще сопротивлялся. Уничтожили женские скиты Покровский и Успенский. Особой непримиримостью в борьбе с иргизским расколом отличились епископ Моисей, позднее экзарх Грузии, и епископ Иаков, впоследствии архиепископ Нижегородский⁹⁰.

Более мирно проходило обращение в православие немногочисленных язычников, например чувашей села Ивановка Самарского уезда, основанного на реке Безенчук еще в 1771 г. Хозяйкой села была крупная помещица графиня Анна Орлова-Чесменская, сподвижница известного своими консервативными взглядами архимандрита Фотия. В 1842 г. она посетила новокрещен, в том числе и своего крестника Захара Левкина, который выставил условием своего крещения то, чтобы графиня стала его восприемницей. Крещение жителей Ивановки происходило летом 1830 г. Для свершения таинства на берегу Безенчука поставили походную церковь, которую заполнило духовенство во главе с архиепископом Казанским и Симбирским Филаретом (впоследствии митрополит Киевский). Сбежались тысячи людей из окрестных сел и деревень. Крестившихся разделили на две толпы – мужскую и женскую. У берега построили из досок две купели. Всего было окрещено 750 человек⁹¹.

Новые брожения в умах крестьян вызвала Крымская война, точнее, связанный с ней набор государственного подвижного ополчения. Затронуло Самарскую губернию и “трезвенное движение”. Внешне обстановка в деревне была относительно спокойная, хотя участились поджоги усадеб и более мелкие проявления недовольства крестьян. Чаще всего их провоцировали сами помещики. Архив Самарского дворянского депутатского собрания быстро заполнялся документами, свидетельствующими о жестоком обращении помещиков со своими крепостными. Предводитель дворянства вынужден был разбираться в делах об “отягощении дворянкой Анной Ивановной Быковой своих крестьян работой”, “об удавившемся помещика Шихлинского дворовом мальчике Федоте Лаврентьеве”, “о растлении отставным гвардии поручиком Дмитрием Путиловым дворовой своей Федоровой”, а также многочисленными досье, значащимися в архиве под рубрикой “жестокое обращение”⁹². С приближением реформы число таких дел возрастало.

Взаимоотношения двух главных фигур русской деревни – крестьянина и помещика утрачивали даже внешнее патриархальное благообразие. А.П. Заблоцкий-Десятовский с болью констатировал: “Дворянство сделалось как бы другим народом, удалилось на огромное расстояние от крестьян; утратило всякую моральную с ним связь, место которой заступило равнодушие, отсутствие всякой симпатии, незнание нужд и положения крестьянского. И вот в настоящее время — сущность характера отношений помещика к крестьянину”⁹³.

Со своей стороны крепостные в большинстве не питали особых иллюзий по поводу господ: “С барином водись, а камешек за пазухой горячий держи!” Очень точно крестьянское “разумение” патриархальных отношений с помещиком передает следующий стилизованный современником тех событий диалог:

Помещик: “Знайте, земля моя, не ваша; мое добро для вас чужое; я вам отвел участок из моей земли, так подавайте оброк или ступайте на барщину”.

Крестьяне (вслух): “Вы наши отцы, мы ваши дети”; (*про себя*): “Мы все твои, а все твое — наше”⁹⁴.

Таким образом, за внешне спокойным ожиданием грядущего освобождения в среде крепостного люда крылась сложнейшая гамма чувств и переживаний, выносимых из ежедневного общения с бариним и его временщиками. Это была гремучая смесь священного трепета и жгучей ненависти, способная взорваться кровавым бунтом, сметающим все на своем пути. Однако вопрос о крепостном праве не мог послужить детонатором такого взрыва, ибо абсолютное большинство крестьян ожидало освобождения только от царя. Другое дело — вопрос о земле. В минуту откровенности крестьяне заявляли своим господам: “Мы ваши, а земля, которая кормила наших предков и которой мы всегда были крепки, наша. Мы по воле царя можем быть или барскими, или царскими, но земля, наша кормилица, от нас отойти не может”⁹⁵. В течение первой половины XIX в. это мнение крестьянства вполне сложилось и обозначилось. В последние годы перед реформой все замерло в ожидании...

ГОРОДСКАЯ, УЕЗДНАЯ, ГУБЕРНСКАЯ ЖИЗНЬ

Ополчение 1812 г. XIX век застал Самару небольшим уездным городом. При бытовавших тогда путях сообщения политические новости достигали Самары с большим опозданием. Тем не менее крупнейшие события первой половины XIX столетия нашли здесь весьма живой отклик.

Примером массового патриотизма народа явились мобилизация армии и формирование ополчения в 1812 г. Регулярные вооруженные силы Империи оказались не готовы дать немедленный отпор многоязычной армии Наполеона. Только превращение войны в народную, Отечественную могло спасти страну от порабощения. Правительство Александра I предприняло срочный набор новых рекрутов. В августе 1812 г. было позволено набирать в рекруты даже лиц с телесными пороками, такими, которые не мешали “маршировать, носить амуницию, владеть и действовать оружием”. Рекрутов поставляли все податные сословия — и крестьяне и горожане.

О приближавшейся войне на местах официально никто не был извещен. По городам и селам края ползли смутные слухи о Наполеоне, но среди крестьян уже замечалось патриотическое возбуждение, 82-й рекрутский набор в марте 1812 г. выявил полную готовность населения встать на защиту Отечества, а 83-й набор, проводившийся пять месяцев спустя, дал еще больше добровольцев. Помещики же по-прежнему стремились сократить дачу рекрутов со своих имений, страдавших от недостатка рабочей силы. С этой целью искусственно дробились имения, чинились задержки и т.п. Злостными недоимщиками рекрутов были, например, помещики Страховы из Бузулукского уезда, к которым оренбургские власти применяли даже административные меры за недачу 16 призывников.

Большинство дворян, особенно молодежь, проявляя высокий патриотизм, были преисполнены решимости, “оставя жен и детей своих,

перепоясаться на брань всем до единого, не щадя живота своего”. Однако рекрутский набор длился обычно более полугода — слишком долго для серьезного положения на театре военных действий. Эти обстоятельства, а также требование русского общества заставили Александра I пойти на формирование ополчения, которое собиралось значительно быстрее, так как основной территориальной единицей при этом выступала губерния, исключались длительные марши на сборные пункты. Ратники поставлялись снаряженными и обменными “подручными средствами”, с холодным оружием, снабженными трехмесячным провиантом. Поскольку ополчение — мера временная, чрезвычайная, помещики могли выполнить высокие нормы поставки: до 10 ратников и 100 крепостных душ. При рекрутском наборе такая норма вызвала бы у благородного сословия бурю возмущения.

6 июля 1812 г. в лагере близ Полоцка царь издал манифест с призывом о создании ополчения, а 18 июля, будучи уже в Москве, — манифест об организации округов ополчения. Симбирская губерния была включена в третий округ (округу) вместе с Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской и Вятской. В царском манифесте специально подчеркивался временный характер ополчения: “Каждый из военачальников и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее... и... по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям”.

Рядовой состав ополчения комплектовался главным образом из крестьян, офицерский — из дворянства. Командующим Приволжским ополченским округом был назначен граф П.А. Толстой, а начальником Симбирского губернского ополчения — граф Тенишев. В Симбирске создали комитет попечения о “вооружении, продовольствии людей как будет должно и прилично”. От Самары в состав комитета вошел майор Н.Л. Хардин. В ополчение набиралось по 6 ратников с каждых 100 душ крепостных. Симбирская губерния должна была выставить 9333 ратника, разделенных на четыре пеших полка и один конный. Формирование губернского ополчения закончили к концу ноября.

Ополчению Приволжского округа предназначалось действовать против левого фланга противника, но выход его задерживался из-за нехватки оружия и офицерского состава. Офицерские должности в ополчении не пользовались большой популярностью среди местных помещиков, да и те, кто мог их заместить, давно уже находились в действующей армии. 8 ноября 1812 г., когда последовал наконец указ о выступлении, положение воюющих сторон сильно переменялось. Была изменена и задача Приволжского ополчения. К нему присоединились 16 полков (18 500 сабель) иррегулярной конницы Башкирского ополчения, шедшего из Оренбурга, а также Рязанское ополчение (13 200 штыков) и артиллерия. Соединение направили из Нижнего Новгорода на Муром, Рязань, Орел, Глухов и затем дальше на запад, в Волынскую губернию. 5 сентября 1813 г. Симбирское ополчение форсировало Одер и впервые вступило в бой с неприятелем, а в октябре приняло участие в боях под Дрезденом. Здесь отличился командир полка

штаб-ротмистр гвардии Третьяков, эскадронные командиры майор Астраханцев, ротмистр Бекетов и др. Успешно действовали части Симбирского ополчения в боях под крепостями Глогау и Замостье, под городами Магдебургом и Гамбургом. В рапорте на имя царя командующий армией генерал Беннигсен отмечал особые заслуги волжан: “более других имели трудов и случаев к отличию, которые и действительно во всех противу неприятеля делах оказали”.

Роспуск ополчения третьего округа, сыгравшего заметную роль в ходе войны, начался в августе 1814 г. Именно ополчение, по численности превышавшее регулярную армию, вместе с партизанским движением превратило войну 1812 г. в Отечественную. Немало ополченцев отдали жизнь в боях и походах: число возвратившихся домой не превышало 1/3 вступивших в ополчение. Сохранившиеся документы, за редким исключением, отмечают лишь храбрость офицеров-дворян. Они по праву, конечно, заслужили чины и ордена, но нельзя забывать и о том, что за их действиями стоят героизм и мужество многих тысяч простых русских солдат и ополченцев, которым иногда выражалась благодарность “гуртом” или выдачей наградного рубля. Для нижних чинов, правда, выпустили памятную медаль, точнее, знак “Ополченский крест” — тонкий медный крест с округлыми расширяющимися лучами и надписью на лучах: “За веру и за царя”. Эмблема пришивалась на шапку, что было предметом особой гордости демобилизованных ополченцев, заявлявших своему помещику, что они и перед царем своей шапки с крестом не снимали. Ополченцы награждались еще двумя медалями: очень немногие — “За веру и Отечество. Земскому войску” на александровской ленте, основная же часть участников походов получила самую известную медаль “1812 годъ” серебряной чеканки на андреевской ленте. На лицевой ее стороне помещались Всевидящее око и дата “1812 г.”, а на обороте надпись: “Не нам, не нам, а имени Твоему”⁹⁶.

И.А.Второв и декабристы в Самаре. О положении дел в тогдашней уездной Самаре сохранилось очень мало сведений. Самой заметной фигурой в самарском обществе тех времен был Иван Алексеевич Второв (1772–1844). Он жил в Самаре с перерывами с 1781 по 1835 г. В 1797 г., в свой третий приезд в Самару, Второв занял должность заседателя нижнего земского суда, с 1805 по январь 1816 г. служил судьей в уездном суде, а в самые трудные для Самары 1812–1814 гг. совмещал три должности сразу — судейскую, городническую и уездного предводителя дворянства, не будучи при этом дворянином (!).

Положение с кадрами чиновников было отчаянное. Прежнего самарского городничего перевели в другой город. Власть самарская оказалась резко ослабленной: бывшую прежде в ведении городничего инвалидную команду передали в подчинение гарнизонному офицеру, квартальных надзирателей попросту не было, десятских присылала городская дума из стариков и детей. Один из двух писцов вскоре опился, его обнаружили мертвым у кабака, и Второву пришлось лично заниматься письмоводительством, а второму писцу, Жевскому — занять должность квартального надзирателя. Городничий отдал собственную лошадь для объездов города ночью и днем, нередко сам их совершая.

В докладах губернатору и губернскому правлению Второв слезно просил прислать помощь, наконец, отчаявшись, стал проситься в ополчение, но безуспешно⁹⁷.

Между тем напряжение в городе возрастало. В начале 1812 г. самарское общество сильно взволновано явлением кометы: “Почти все жители Самары предвещали какое-то общее несчастье, как обыкновенно всегда, с самой древности, пугали людей появляющиеся кометы”, — отметил Второв в своем “Дневнике”⁹⁸. В Самаре 1812 г. было многолюдно. Летом гурьбой валили бурлаки, портовые и судовые рабочие, постоянно приставали и отходили суда и лодки, ежедневно случались происшествия — драки, ссоры, воровство, не дававшие покоя местной администрации, беспрестанно приходилось встречать и провожать все новые пешие и конные полки, идущие через город с востока к фронту. В следующем году добавились хлопоты с пленными, первая партия которых из 1706 человек прибыла в Самару уже в конце сентября 1812 г. Конвой возглавлял полковник Языков. Второв поссорился с ним, пожалев пленных, шедших раздетыми и разутыми. “Тогда все состояния озлоблены были до неистовства против врагов нашего Отечества, — писал Второв, — вместо квартир запирали их кучами в пустых сараях и амбарах. Равнодушно нельзя было смотреть на несчастные жертвы властолюбия Наполеона”⁹⁹. С легкой руки какого-то целовальника пошло гулять по городу презрительно-оскорбительное прозвище пленных “Париж-Пардон”.

Сам Второв, как человек кристальной честности, тяжело переживал всю мерзость и делячество местного чиновного мирка. “Мне бы надобно родиться или гораздо прежде, или гораздо после, нежели я произошел на свет”, — горестно заметил он в 1815 г.¹⁰⁰ Один из образованнейших людей своего времени, периодически бывая в Москве, он встречался с Карамзиным, Дмитриевым, братьями Тургеневыми, Дельвигом, виделся с Пушкиным, последний раз в Симбирске в 1833 г. у губернатора Загряжского, знал также будущих декабристов Рылеева, Бестужева, Панова¹⁰¹.

Общественная жизнь уездной Самары первой четверти XIX в. наглядно свидетельствовала о том, насколько призрачным оказалось для провинции “дней Александровых прекрасное начало”. По-прежнему, как и в годы Отечественной войны, внимание правительства поглощали военные нужды. Города, не имевшие оборонительного значения, прозябали в небрежении: “Никакого внимания не обращают на гражданскую часть. Неужели всей империи надобно только стоять во фрунте с ружьем и маршировать? Кровью обливается сердце, видя ужасный разврат и несправедливость гражданского управления”¹⁰².

8 сентября 1824 г. в Самару прибыл император Александр I, который посетил Казанский собор отстоял службу и на следующий день выехал в Оренбург. Государь, остановившись на ночлег у генерала Струкова, “...дурно провел ночь, обеспокоенный шумом сада, красоты города, и соседнего с ним леса от поднявшейся ночью бури”, но поутру довольно приветливо принял представителей городской власти, дворянства и

купечества и щедро одарил хозяина дома, пожаловав генералу бриллиантовый перстень, а дочери его бриллиантовый фермуар¹⁰³.

События 14 декабря 1825 г. в Петербурге, громом потрясшие правительственные сферы, далеким эхом докатились и до Самары. Здесь также были либерально настроенные люди, особенно среди отставных офицеров, участников Отечественной войны 1812 г., а также среди чиновников Илецкого соляного правления. В ходе следствия по делу декабристов распоряжением Николая I из далекой Самары в столицу доставили полковника И.И. Христа, но вскоре отпустили. Сильное впечатление на самарское общество произвел проезд сосланных декабристов в 1826 г. “Более месяца, — отмечал Второв, — общее любопытство занимала участь заговорщиков. Вот уже пять человек из них повешены, и в том числе знакомый мне Рылеев; прочие сосланы на каторгу, а иные в солдаты. Здесь, через Самару, провезли в конце июля следующих в солдаты: Петра Бестужева, Веденяпина и Кожевникова, а до 9 августа — Мусина-Пушкина, Вишневого и Лаппу. Сих трех последних я видел”¹⁰⁴.

Некоторые декабристы были связаны с городом и уездом. Выходцем из Самары был А.А. Жемчужников, близких родственников в городе имели М.А. Назимов, А.Ф. Фурман, Е.Л. Лачинов, братья Беляевы. В Самарском уезде в 1842–1847 гг. жил и работал в качестве управляющего имением декабрист, бывший член Общества соединенных славян А.В. Веденяпин.

После перевода из Самары Соляного правления во главе с энергичным Струковым общественная жизнь в городе затихла. “Самара наша обществом стала хуже деревни. Некуда выйти. Сижу более дома”, — грустно записал Второв в ноябре 1833 г. Лишь изредка сонную атмосферу нарушали громкие скандалы или трагические события. Так, в феврале 1830 г. застрелился городничий И.И. Соколовский, которого обвинил во взяточничестве квартальный надзиратель Яковлев, снятый Соколовским с должности за пьянство. По доносу Яковлева в Самару был послан флигель-адъютант полковник Н.Е. Лачинов. После самоубийства Соколовского взяточничество городских голов расцвело еще более пышным цветом. Городничий Здвиженский за девять месяцев пребывания у власти нагрabил 30 тыс. руб., а его преемник Сеченов открыто провозгласил свою цель — добыть до 50 тыс. да и сгинуть.

Самара и самарское общество 40-х годов XIX в. В конце 30-х — начале 40-х годов Самара стала постепенно преобразоваться. Усилившаяся колонизация края и рост коммерческих посевов пшеницы привлекли сюда многие богатые фирмы. Умножившиеся помещичьи имения дали городу новых обитателей из дворян, строивших здесь свои дома. Явилась целая дворянская улица, которая так и называлась (затем ее переименовали в Казанскую, так как Дворянской стали называть бывшую Казачью — ныне ул. Куйбышева; Казанская — ныне ул. А.Толстого). Помещики съезжались в губернский центр зимой, и общество оживлялось. Уже в 1842 г. Второв, последний раз посетивший Самару, записал в своем дневнике: “Я не могу узнать Самары: увеличение зданий — неимоверное, а общество — бог знает, что это такое”¹⁰⁵. И дей-

ствительно, в 1840 г. был утвержден план города, по которому границы его передвигались до нынешней Ульяновской улицы на север и до ул. Бр. Коростелевых на юг¹⁰⁶. В 1843 г. от самарской пристани отошел первый пароход с грузом, открыв регулярное движение судов пароходного общества “По Волге” (пароходы начали делать рейсы по Волге с 1828 г.)¹⁰⁷. Приняли меры к наведению порядка, усилили гражданскую власть. По указу Николая I от 3 мая 1847 г. из Оренбургского войска в Самару направились казаки для усиления полицейского надзора¹⁰⁸.

Во второй половине 40-х годов самарское образованное общество пополнилось новыми заметными фигурами. В 1846 г. прибыли на жительство декабристы братья Беляевы. Два года спустя поселился Н.В.Шелгунов, направленный в Симбирскую губернию для устройства Мелекесской лесной дачи. В удельной конторе служил будущий академик П.П.Пекарский, ровесник Шелгунова, “молодой, высокий, красивый блондин”¹⁰⁹. В 1848 г. впервые посетил Самару А.Н.Островский в качестве агента Московского коммерческого суда. Самарское общество, для которого он в доме Головина читал своего “Банкрота”, устроило ему восторженный прием. Многочисленные знакомые провожали отъезжающего Островского до села Рождествена. По справедливому замечанию советского литературоведа К.А.Селиванова, “торговая провинция впервые предстала перед Островским в Самаре”¹¹⁰.

Воспоминания А.П.Беляева и супругов Шелгуновых донесли до нас аромат эпохи, имена людей и даже целых семейств, составлявших духовное ядро самарского уездного общества. Самым многочисленным и заметным в городе семейством являлся дом управляющего Самарским удельным округом Н.А.Набокова, отца десяти детей. Подстать честнейшему и добрейшему хозяину была его супруга, А.А.Набокова, урожденная Назимова, “женщина большого ума, очень образованная, начитанная и с твердым характером”¹¹¹. Брат ее, декабрист М.А.Назимов, также приехал с Кавказа вслед за Беляевыми. Декабристы привезли оттуда песню “Ноченька моя, ночка темная”, весьма полюбившуюся местной публике. Семейство Хардиных был заметным в Самаре: сам хозяин — отставной гусар, жена его, Елизавета Николаевна, “прекрасная молодая дама, принадлежавшая по роду и воспитанию к высшему кругу”. Весьма богатые Хардины устраивали танцевальные вечера, на которых глава дома нередко демонстрировал во французской кадрили образцы прежнего, канувшего в прошлое грациозного стиля. Среди самарской молодежи выделялась Ольга Ивановна Котляревская, соединявшая в себе незаурядный ум, прекрасную образованность и воспитание с очаровательной внешностью. Она мастерски музицировала и превосходно пела. К сожалению, век ее оказался короток из-за злейшей чахотки¹¹².

Молодежь часто устраивала пикники. Нанимали лодку с гребцами, набирали различных яств — пироги, шоколад, чай, кофе — и отправлялись на один из окрестных островов. А.П.Беляев вспоминал: “Располагались где-нибудь в живописной местности у пчельника... охотники удить рыбу — по берегу с удочками, а все остальное общество, состоявшее из сонма молодых и, надо прибавить, прелестных девиц и моло-

дых людей, уходило гулять по лесу. В этих лесных прогулках часто встречались большие препятствия в крутых оврагах или в поваленных деревьях, и тут наступало для молодых людей самое приятное наслаждение спускаться, поддерживать и вообще оказывать различные услуги, даже с риском сломать себе шею, милым спутникам. Прелестные эти спутницы с пылающими от волнения, усталости опасных переходов лицами были еще прелестнее. Как приятны были эти гуляния!”¹¹³

С приездом в Самару супружеской четы Шелгуновых в 1850 г. скромная квартирка лесного ревизора стала центром притяжения самарской молодежи, которая “собиралась, рассуждала, спорила, кричала, горячилась и, закусив самым скромным куском, расходилась”. Именно здесь затевались спектакли и благотворительные концерты: Л.П.Шелгунова отваживалась за роялем на концерт Мендельсона, а Н.В.Шелгунов неплохо владел кларнетом.

Парадная часть общества — жены крупных чиновников и помещиков — из всех сил подражала столичным дамам. Одна из таких дам, четырежды в день менявшая туалеты, отправляла белье для стирки в Петербург. Богатые помещицы щеголяли в сотенных кружевах, подобранных бриллиантовыми цветами, не всегда, впрочем, уместных. Для молодой дамы, а тем более для девицы безусловно достаточными считались платье из муслин-вапера да приколотый на голову цветок¹¹⁴.

13 июня 1850 г. в Самаре случился страшный пожар, превративший город в громадную черную площадь с торчавшими кое-где изразцовыми печами. По рассказам очевидцев, поднявшийся сильный ветер “разносил горящие головни на далекие расстояния, и дома мгновенно вспыхивали. В одной улице не успели спастись даже пожарные и все погибли в пламени вместе с трубой. Жители целыми толпами бежали к реке Самаре и стремительно погружались в нее, спасаясь от огня. Несчастливым и там не всегда приходилось укрыться. Вдоль берега реки тянулись настроенные хлебные амбары, которые не замедлили загореться, и пламя быстро перешло на суда, не успевшие заблаговременно выбраться в Волгу: к несчастью, все почти суда были нагружены смолой, которая ярко горела и превратила реку в настоящий ад. Пожар пощадил одну только часть города: расположенный на его пути сад поставил ему непреодолимую преграду и защитил собою постройки”¹¹⁵. Сгорела и квартира Шелгунова со всем имуществом и мебелью. Чудом уцелел лишь гиртовский рояль, приготовленный им для своей молодой жены. Рояль спас скромный немец-аптекарь, принявший его на хранение и ради инструмента пожертвовавший собственной аптекой.

Летом самарское общество выезжало в деревню. Многие отправлялись на серные воды. Сотни семейств дворян, купцов, мещан из Казани, Уфы, Оренбурга, Симбирска, Пензы, Челябинска, Мензелинска и других мест собирались на водах. И.С. Аксаков встречал здесь помещиков Чемодуровых, Чегодаевых, Куроедовых, Кропотовых, Щербаковых, Пальчиковых, “много молодых людей из Казани, одетых по последней моде; почти не слышишь другого языка, кроме французского. Дамы наряжаются взапуски, меняя платье поутру и ввечеру, но... все

это общество как-то врозь, туго знакомится и, как везде почти у нас, выглядит медведем”¹¹⁶.

Самой колоритной фигурой на курорте смотрелся самарский помещик Д.А. Путилов. Он владел несколькими домами со всем обзаведением и даже оркестром из крепостных людей, которым “угощал” отдыхающих. “Богатейший помещик и туз Самарского уезда”, пятидесятилетний Путилов, “дюжий, широкоплечий, толстый, черный, складом похож на Собакевича”. Ходили неясные слухи, что он в молодости еще, “собрав всех горбатых по уезду, приискав им горбатых невест, обвенчал их в церкви и потом сделал им бал”.

О Путилове вспоминал и Шелгунов как о самодуре и оригинале, приказавшем соорудить на крыше своего дома специальные щиты, чтобы закрыть ненавистному соседу вид на Волгу. Любимым развлечением Путилова была “охота за бочками”: стоило ему услышать скрип водовозных дрог, он тут же отдавал приказ: “Смазать!” Послушная дворня по-разбойничьи нападала на водовоза и, невзирая на его вопли и мольбу, принималась смазывать колеса.

Куролесовский дух царил и среди крупных чиновников. Им было мало и без того высокого положения. Они жаждали большего и доходили подчас до гротеска. Управляющий самарской казенной палатой Калауцкий на службе воображал себя помещиком: восседал в кресле, советников и асессора считал своими старостами и бурмистрами, в передней палате велел повесить ямской колокольчик, в который надлежало звонить при появлении там “отца”-управляющего¹¹⁷. Не меньшим “вельможей” любил себя показать управляющий удельной конторой, с которым Шелгунову довелось ехать однажды из села Майны в Самару. “Мы ехали, — вспоминал Шелгунов, — в нескольких экипажах, и это была не езда, а торжественный поезд, напоминавший времена Потемкина. На каждой станции нас ждала толпа народа без шапок: впереди толпы стояли деревенские власти; все это низко кланялось, а управляющий с милостивой улыбкой кивал направо и налево головой”¹¹⁸.

Сочетание в жителях заволжских степей чувства простора со своеволием, выражавшим понятие о личном достоинстве, создавало естественный предел казенному законодательству, именно за этой границей сложилось то “нравственное нутро Самарского края” (по Шелгунову), благодаря которому формировалась традиция истинной гражданственности, столь выгодно отличавшая позднейшее самарское земство.

Новая губерния и ее администрация. Жестокий пожар 1850 г. заставил город быстро отстраиваться. “Дома в Самаре стали расти как грибы, тем более что в воздухе носился смутный слух о переименовании Самары из уездного города в губернский”, — вспоминала Л.П. Шелгунова¹¹⁹. Слух вскоре подтвердился выходом указа о создании с 1 января 1851 г. новой Самарской губернии¹²⁰.

Ее торжественное открытие состоялось именно в этот новогодний день литургией и благодарственным молебном, которые совершил в Казанском соборе преосвященный Феодотий, епископ Симбирский и Сызранский. Он благословил губернскую Самару иконой Святителя

Алексия, небесного покровителя города. Икону вручили губернатору и поместили затем в присутственном зале губернского правления. Перед ней затеплилась лампада и ежегодно 12 февраля совершался молебен. Торжества закончились обедом в помещении губернского правления и подпиской на устройство Алексеевского детского приюта, собравшей 2 тыс. руб. серебром. Почетные граждане Самары Максим Плешанов и его сын Дмитрий пожертвовали 6 тыс. руб. серебром на украшение храмов, вспомоществование духовенству и бедным самарцам, пострадавшим во время пожара 1850 г.¹²¹. В торжествах принял участие представитель правительства тайный советник Переверзев. Он произнес проникновенную речь, но исключительную популярность завоевал совсем другим обстоятельством. После обильного обеда сенатор едва спустился с крыльца и, тут же сев на снег, крикнул: “Пошел!” — Этим он вызвал бурный восторг местного чиновничества, ибо сразу же стал для него вполне своим человеком¹²².

Посмотрим на новую губернию с точки зрения статистики. Площадь ее составляла 14 621 903 дес. казенной меры, или 140 370 кв. верст, жителей числилось 1 529 343 душ обоего пола¹²³. Среди них дворян потомственных 1598, дворян личных 1393, духовенства разных конфессий 10 204, купечества 12 573, мещан и цеховых 40 985, регулярных войск 4055, иррегулярных войск, т.е. казаков, башкир и их семейств 57 454, бессрочно-отпускных и отставных нижних чинов, солдаток, солдатских вдов и дочерей 37 057, иностранных поселенцев, или колонистов, 88 992, исключенных из разных ведомств и вольноотпущенных, не причисленных ни к какому сословию, 3917, иностранных подданных 127. Основной массой населения были крестьяне. По вероисповеданию преобладали православные христиане — 1 283 420 человек, из других конфессий были представлены мусульмане (152 908), лютеране (57 112), католики (31 516), иудеи (125). Сохранялись и язычники (3756).

Всех поселений насчитывалось 2022, из них городов восемь: губернский, шесть уездных и упраздненный город Ставрополь. По данным на 1856 г., городское население составляло 3,19%, сельское — 96,81%¹²⁴. Сельские населенные пункты подразделялись таким образом: сел 437, деревень 1046, селец 203, колоний 70, хуторов и выселков 233 плюс селение (городок) при Сергиевских минеральных водах.

Становление административных органов губернии растянулось на два десятилетия. В июле 1851 г. был изменен старый герб Самары. Его описание стало следующим: “В голубом поле стоящая на траве белая дикая коза; щит герба увенчан золотой императорскою короною”¹²⁵. Уездные города сохранили свои гербы, введенные в 80-е годы XVIII в., лишь в верхней части щита добавилось изображение герба губернского города. О гербе Ставрополя мы уже рассказывали; герб Бугульмы: на голубом поле серебряная рыба с голубыми пятнами — пеструшка; герб Бугуруслана: черная овца на золотом поле; герб Бузулука: серебряный олень на золотом поле. Для более юных Николаевска и Новоузенска гербов еще не создали.

Первым начальником Самарской губернии стал тайный советник Степан Григорьевич Волховской, до этого десять лет возглавлявший Вологодскую губернию. Николай I рассчитывал, что Волховской быстро наведет порядок в бунтарском крае. В сан епископа Самарского первым был рукоположен преосвященный Евсевий. Он прибыл в Самару 28 марта и открыл епархию 31 марта 1851 г. Между ним и губернатором, человеком крутым и властным, видимо, происходило соперничество за влияние, о чем свидетельствует следующий случай: в один из первых престольных праздников губернатор после молебна по обычаю подошел приложиться ко кресту, архиерей протянул не только крест, но и руку. Волховской от неожиданности отшатнулся, но, быстро овладев собой, поцеловал и руку. В дальнейшем такие казусы не повторялись — архиерей вынужден был отступить¹²⁶. Третья виднейшая должность — губернского предводителя дворянства — досталась надворному советнику и крупному помещику Степану Петровичу Шелашникову.

В военном отношении, как, впрочем, и во всех важнейших вопросах, самарская администрация подчинялась оренбургскому генерал-губернатору. Это создавало неудобство, ибо всеми казенными бумагами со столицей приходилось ссылаться через Оренбург. При губернаторе действовала канцелярия, ее первым управляющим стал советник губернского правления А.А. Громов. В распоряжении губернатора находились также два чиновника для особых поручений. Ему подчинялись все административно-полицейские органы губернии: губернское правление, казенная палата, палата государственных имуществ, уездная и городская полиция, рекрутское присутствие и другие учреждения. Он председательствовал в благотворительных обществах и заведениях, надзирал за больницами, почтовыми станциями и дорогами.

Высшим коллегиальным органом управления губернией являлось губернское правление. В Самаре его учредили еще в декабре 1850 г., отнеся ко второму разряду по штатам от 2 января 1845 г., с ежегодным содержанием 27 471 руб. Поначалу штат укомплектовали за счет местных чиновников иных учреждений, привлекли отставников из других губерний¹²⁷. Губернское правление состояло из канцелярии правления и общего присутствия. В канцелярии было четыре отделения, каждое из которых подразделялось на три стола. Первое отделение, ведавшее обнародованием новых законов, наблюдало за исполнением распоряжений губернатора и губернского правления, собирало сведения по административным, полицейским, финансовым вопросам, заведовало штатом чиновников, архивом, типографией “Самарских губернских ведомостей” и газетным столом. В его компетенции находились также расходы на содержание канцелярии самарского губернского прокурора, надзор за делопроизводством в уездах и т.п.¹²⁸ Второе отделение занималось делами “охраны порядка” в губернии, третье — местным судопроизводством, четвертое — финансово-хозяйственными вопросами.

Губернские органы управления становились очень медленно, многие должности советников, столоначальников оказывались незамещенными по полугоду¹²⁹. Вместе с тем администрацию уездов буквально

но захлестнул поток дел, передававшихся из других губерний. Первому вице-губернатору Жданову приходилось нелегко.

Из других основных присутственных мест отметим создание 30 апреля 1851 г. губернской палаты уголовного суда, палаты гражданского и совестного суда. Первым председателем палаты уголовного суда был назначен статский советник Похвалинский, а его товарищем, т.е. заместителем, – статский советник Сырнев. Гражданскую палату возглавил статский советник Билибин (товарищ — коллежский секретарь Геркен). Первыми делами гражданской палаты стали тяжбы самарской мещанки Маткиной и казаков Зориных о сенокосных угодьях, графа Орлова-Давыдова с поручицей Москвитиной о спорных рыбных ловлях, оформление документов на покупку земли купцом 2-й гильдии Шихобаловым и др.¹³⁰ Совестный суд избирался и состоял из судьи и шести заседателей. Его задачей было примирение сторон. В 1851 г. судьей был избран Дейнеке. Но уже в следующем году совестные суды упразднили по всей империи. В губернии действовали сословные суды ратуш и магистратов.

В 1850 г. образовали казенную палату, в подчинении которой находились губернское и уездные казначейства, а также палату государственных имуществ. В ведение последней поступили казенные земли, управлявшиеся ранее Саратовской, Симбирской и Оренбургской палатами. Хозяйственное отделение палаты занималось управлением государственными крестьянами. Имелись также оброчно-межевое, контрольное и лесное отделения. На местах дела государственных имуществ велись окружными начальниками. В Самарской губернии они были во всех уездах, кроме Самарского и Ставропольского. В 1851 г. на основе уездного рекрутского присутствия возникло губернское. Оно существовало при казенной палате и состояло из губернатора (председатель), председателя казенной палаты и советника ее ревизского отделения, а также уездного предводителя дворянства, батальонного командира и инспектора врачебной управы¹³¹.

26 июля 1854 г. в Самаре открылся губернский статистический комитет. В него входили руководители высших губернских органов управления. Первым его начинанием стало составление атласа Самарской губернии, к сожалению не изданного. Лишь в 1860 г. губернский землемер Н.П.Шахларев составил “описание (дач) к карте Самарской губернии”, отпечатанное губернской типографией.

Одним словом, в Самаре складывалась типичная губернская администрация, не представлявшая в этом смысле ничего оригинального.

Иное дело — состав чиновников. Через два года произошли резкие перемены, связанные с именем нового губернатора Константина Карловича Грота. Его назначение состоялось 12 мая 1853 г. в необычно низком чине статского советника. Жесткий и непреклонный администратор и в то же время абсолютно честный, с необычайно развитым чувством внутренней дисциплины и ответственности, Грот нашел полную поддержку со стороны оренбургского генерал-губернатора, знаменитого организатора похода на Хиву В.А.Перовского, чем произвел еще большее впечатление на самарское общество. Эти чувства выра-

зил позднее Петр Владимирович Алабин: “Усилия Константина Карловича имели прямым последствием искоренение взяточничества в Самарском крае”¹³².

Новый губернатор прибыл к месту службы не один, а, как теперь принято говорить, со своей командой. “Немалою заслугою К.К.Грота Самарскому краю, — продолжал Алабин, — было привлечение на службу в его пределы много отлично образованных молодых людей. Затем частью помощью этих вполне свежих сил, частью личным самобытным способом действия К.К. Грот успел положить твердые основы благоустройству вверенного его управлению края”¹³³. Секрет успеха раскрыл Н.В. Шелгунов: «Самарский край в 50-х гг. отличался особенно счастливым составом администрации, какого, конечно, не было ни в одной из губерний России. Тон управлению давала самарская удельная контора, в которой с управляющего до последнего чиновника, все отличались какой-то легендарной, идеальной добросовестностью. Добросовестность эта... была новым общественным чувством, первым выражением тех стремлений, которые в 60-х гг. превратились в общественный энтузиазм. А источником этих новых стремлений были тогдашние университеты: Московский с Грановским во главе, и Казанский, где кумиром студентов был профессор Мейер. В Самаре служила казанская молодежь, были и из Харьковского университета, были и из Петербургского, но казанцы преобладали. Все это были “новые люди”, в которых Самаре посчастливилось. Удельной конторой управлял Манжос, из студентов Казанского университета; казенными землями — Е.Е. Лашкарев, студент петербургский... Товарищ прокурора, губернский стряпчий, даже управляющий откупам были новыми людьми и не только новыми, но и совсем молодыми. Новая молодежь проникала во все управление и давала всему тон. Для Самары это был медовый месяц гражданственности»¹³⁴.

Город разрастался. К 1850 г. в Самаре насчитывалось 316 каменных и 2290 деревянных домов, появились три новых храма. Среди жителей было 709 купцов, записанных во 2-ю и 3-ю гильдии. За рекой Самарой действовали 7 салотопенных заводов, принадлежавших купцам Плешанову, Подсоснову, Ершову, Шонину. В самом городе 8 кожевенных, 19 кирпичных, а также чугунолитейный завод Кузнецова и канатный Пемзина. Вдоль Самары и Волги выстроились 232 хлебных амбара. На Волге вовсю функционировали пристани: хлебная, лесная, щепная и железная. Невдалеке шумел “бурлацкий” базар. Сотни лавок, теснившихся на Алексеевской площади, представляли собой своеобразный гостинный двор. Город тянулся вдоль Волги на три версты и на версту в глубину от нее, оканчиваясь на окраинах хибарами под соломенной крышей. От Сенной площади (Центральный рынок) в сторону реки Самары уходил глубокий овраг. На месте современной площади Куйбышева сохранялись остатки старого крепостного вала, стояли ветряки и добывались песок и глина. В 1853 г. был утвержден новый план города. Площадь его увеличивалась до 10 тыс. дес., северной границей становилась улица Полевая. Появилось уличное освещение фонарями на спирто-скипидарной жидкости¹³⁵.

Самара превращалась не только в экономический, но и в духовный центр обширного края под определяющим влиянием русской православной церкви. В 1852 г. в семи городах губернии находилось 20 церквей, из них 6 в Самаре. Общая конфессиональная обстановка была следующей. Православных церквей в губернии на 1857 г. насчитывалось 478 (145 каменных и 333 деревянные), монастырей 3: мужской и два женских. Кроме того, действовали 50 молитвенных домов и часовен. К православным примыкали 7 единоверческих церквей, 3 монастыря в Николаевском уезде и 1 молитвенный дом в Новоузенском. В этих двух южных уездах располагались 17 церквей и 4 молитвенных дома католиков, 40 церквей и 3 молитвенных дома лютеран. Мусульманских мечетей насчитывалось 217 (каменная одна), большинство действовали в Бутульминском уезде (111 мечетей). Иудейские богослужения производились только в Самаре в специально нанятом верующими помещении. Язычники владели лишь одним святилищем (кереметью) в Ставропольском уезде¹³⁶.

Общественное оживление 50-х годов XIX в. Оживилась общественная жизнь. В середине 50-х годов до Самарской губернии вновь докатились отголоски внешнеполитических событий. В 1855 г. в Самаре формировались воинские части из числа удельных крестьян-добровольцев. Сами крестьяне связывали свои надежды на освобождение с ополчением, в которое вскоре был объявлен набор. Это государственное подвижное ополчение во многом отличалось от народного 1812 г., прежде всего тем, что создавалось на этапе войны, когда народные массы уже были измучены тяготами дополнительных повинностей, да и Крымская война не пользовалась особой популярностью. Тем не менее явилось много добровольцев. В Самаре создали губернский комитет ополчения для руководства и оснащения дружин. Всего их сформировали 12. Ратники обмундировывались по кавказскому образцу, вооружались холодным оружием и нарезными ружьями-штуцерами. Многие самарцы проявили себя активными участниками, героями самого яркого и драматического события Крымской войны — Севастопольской обороны. Матрос Павел Петров был награжден серебряной медалью на георгиевской ленте и бронзовой медалью на андреевской ленте. Денежную награду за усердную службу на береговой батарее, оборонявшей Севастополь, вручили матросам-самарцам Гурьянову, Гитманенко, Неверову, Гудкову, Труфанову и др. Самарцы приняли живейшее участие в денежных сборах на нужды ополчения, которое снаряжалось целиком за счет жителей.

Общественные увеселения приобрели более цивилизованный характер с открытием 16 ноября 1855 г. театра на 550 мест; хотя первые театральные представления в городе начались осенью 1851 г., но театр поначалу не имел постоянного здания. В 1858 г. из кружка любителей музыки возникло филармоническое общество¹³⁷. Время от времени Самару посещали с гастрольями заезжие артисты. В феврале 1856 г. здесь выступал оперный певец Г. Бантышев, вызвавший оживление местной публики. Кроме сольного концерта, он пытался поставить оперу “Аскольдова могила”, но постановка большой оперы в провин-

циальном театре “с комической труппой” оказалась авантюрой чистой воды. Спектакль провалился настолько, что местный критик Самарин первым отказался от какого-либо его разбора¹³⁸. 21 ноября того же года в зале Дворянского собрания выступал соло-флейтист нидерландского короля г-н Совле, поразив местных зрителей большой пьесой собственного сочинения, которую он сыграл левой рукой¹³⁹. В 1860 г. в городе прошли гастролы труппы миланского театра “Ла-Скала”, давшей “Севильского цирюльника”, “Лючию”, “Травиату”. Самарская труппа содержателя Соловьева посещала крупнейшие ярмарки губернии, прежде всего Воздвиженскую в Бугульме. Представления здесь проходили в лубочном балагане, в котором гастролеры нещадно страдали от холода. Скрашивала настроение артистов только популярность играемых ими водевилей. Попытка поставить “серьезную” драму “Рука всевышнего Отечество спасла” не удалась. Театр любили посещать и татарские купцы, которые “при смешных сценах громко и от всей души хохотали”¹⁴⁰.

Традиционными становились самодеятельные спектакли с участием представителей местного света. Еще в 1849 г. распоряжением симбирского губернатора князя Черкасского, посетившего Самару, был превращен в общественный парк знаменитый Струковский сад, конфискованный у начальника соляного правления генерала Струкова. Начало его благоустройству положил лично городничий Якубович. Среди деревьев проложили дорожки, разбили цветники. В мае 1851 г. в Струковском саду, служившем прежде излюбленным местом для пикников, построили палатку с деревянным полом длиной шесть и шириной три сажени, в которой дворянство дало “великолепный бал”. В следующем году губернатор Волховской приказал превратить палатку в “постоянный воксал”, где дважды в неделю устраивать танцевальные вечера. Воксал состоял из трех комнат: танцевальной залы, диванной и комнаты для карточной игры¹⁴¹.

Кроме того, танцевальные вечера устраивались каждую среду в Дворянском собрании, а для “высшего общества” Самары губернатор давал новогодние балы. Здесь собирался узкий круг “лучшего общества”, поэтому вечера эти получили наименование семейных. Особое оживление вносил благородный театр, спектакли которого носили иногда благотворительный характер. Так, 10 января 1854 г. в зале Дворянского собрания был дан “благородный театр в пользу учреждаемого в Самаре детского приюта”. Репертуар состоял из следующих пьес: “Зеленая пыль”, комедия А.Дюма; “Сотрудники и чужие, или Чужим добром не наживешься”, пословица в двух действиях графа Сологуба; “Мотя”, водевиль Тарновского; комедия без названия — сочинение князя Кугушева¹⁴².

Последние новости самарцев накануне отмены крепостного права — открытие постоянных рейсов пассажирского парохода Тверь—Саратов с заходом в Самару, “телеграфической конторы”, первой паровой мельницы купца А.П.Шишкова. На Алексеевской площади взметнулось ввысь невиданное доселе сооружение — деревянная башня с часами, которые отбивали время.

В 1857 г. возвращавшийся из ссылки Тарас Григорьевич Шевченко записал следующее впечатление о Самаре: “Город ровный, гладкий, набеленный, нафабренный, до тошноты однообразный город. Живой представитель неудобозабываемого Николая Тормоза. Огромная хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан и нет порядочного трактира. О, Русь!”¹⁴³

Город действительно производил противоречивое впечатление. В нем как бы сходились два мира: старый – рутинно-чиновный, сонно-мещанский и новый – бурлящий коммерческой предприимчивостью, с растущим словно на дрожжах купеческим слоем, обуреваемым “хлебной лихорадкой”.

Будущее Самары отныне связывалось с обширным краем, окаймленным жемчужным ожерельем великой русской реки. Крупнейшая в Среднем Поволжье, Самарская губерния почти в 5 раз превосходила Московскую и вдвое соседнюю Саратовскую. Она обладала огромным хлебородным потенциалом, использование которого давало России возможность серьезно укрепить свои позиции на мировом рынке.

НАЧАЛА ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, ПОПЕЧЕНИЕ О ЗДРАВЬИ

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первые веяния “века Просвещения”. XVIII столетие и начало XIX часто именуются “веком Просвещения”. Под Просвещением лучшие умы той эпохи понимали не просто развитие образования, но и освобождение с помощью обучения и воспитания человеческого разума от средневековых догм и суеверий¹. Вера в безграничные возможности науки и разума воздействовать на природу, общество, человека породила во многих странах, в том числе и в России, целое просветительское мировоззрение. Даже верховная власть пыталась осенить себя ореолом “просвещенного абсолютизма”. Традиции, заложенные русскими просветителями, продолжали жить и развиваться в изменяющихся исторических условиях предреформенных десятилетий первой половины XIX в.

Отдаленный Самарский край, не отличавшийся высоким уровнем хозяйственной и общественной жизни, представлял собой не очень благоприятную среду для развития культурных процессов. Однако и его коснулись свежие идеи и дела “эпохи Просвещения”. С нашим краем связаны важные эпизоды научной деятельности И.К. Кирилова и В.Н. Татищева. Обер-секретарь Сената И.К. Кирилов, крупный ученый своего времени (экономист, статистик, географ, картограф), явился инициатором Оренбургской экспедиции. С приездом его в Самару город стал не только военным и административным штабом экспедиции, но и центром научных изысканий, которые также входили в число ее задач. Исследования вели инженеры, геодезисты, медики, переводчики и другие специалисты. Среди них выдающийся ученый-самоучка П.И. Рычков, связавший с Заволжьем и Приуральем всю свою жизнь. И даже после переезда со штабом экспедиции в Оренбург П.И. Рычков не раз бывал в Самаре, хорошо знал город, его ближние и дальние окрестности, рассказывал о них в своих сочинениях по истории, географии, экономике. За эти труды он был первым удостоен почетного звания члена-корреспондента Петербургской Академии наук.

Наиболее яркой страницей в культурной жизни Самарского края XVIII в. стало двухлетнее пребывание здесь одного из самых просвещенных людей эпохи, замечательного русского ученого-энциклопедиста В.Н.Татищева. Он возглавил Оренбургскую экспедицию в 1737 г. после смерти И.К.Кирилова. Став фактически наместником огромного малообжитого края, не оставлял научных исследований. Некоторые из них соприкасались с его поручениями по гражданскому и военному уп-

равлению: были осуществлены описание и картографирование Самарской Луки, волжских берегов и других территорий. Но интересы ученого выходили за узкие рамки практических задач. В самарский период Татищев работает над “Общим географическим описанием Сибири”, обосновывает “Предложение о сочинении истории и географии” – анкету из 198 вопросов по географии, экономике, истории, этнографии и начинает рассылать ее по городам страны. Не оставляя он и занятия своей любимой историей. В Самаре он закончил подготовку к публикации Судебника Ивана Грозного и значительной части своего самого главного и знаменитого труда – “Истории Российской”.

Школы Оренбургской комиссии в Самаре. Большое внимание Татищев уделял изучению истории и языков народов Поволжья. С его именем связывается появление в Самаре татарской и калмыцкой школ, где были преподавателями “студент калмыцкого языка” Иван Ерофеев и знаток татарского, арабского, персидского, турецкого языков ахун, т.е. учитель и богослов, Махмуд Абдурахманов. В них соблюдался принцип совместного обучения молодых людей разной национальности. Правда, до конца организовать работу школ Татищеву, отставленному от Оренбургской комиссии в 1739 г., не удалось. По-настоящему работа школ началась уже после назначения руководителем комиссии князя Василия Алексеевича Урусова. В реестре дел Оренбургской комиссии говорится, что именно при нем “во исполнение сего пункта определено завести татарскую и калмыцкия школы, кои и заведены”².

В марте 1741 г., извещая Татищева, озабоченного судьбой своих начинаний, об успехах татарской и калмыцкой школ в Самаре, Урусов писал: “Во всем том старается у меня г. Рычков, и ему оное поручено, которого в том охота и прилежность, надеюсь вашему превосходительству известны”. В свою очередь, Петр Иванович Рычков сообщал тогда же Татищеву: “Я ныне особливо рад, что его сиятельство все заведенные здесь школы, над коими никакого призрения не было, приказал в один... дом собрать и все надсматривать приказал. В высочайший Кабинет не без основания от его сиятельства представлено о распространении здешних училищ: ежели бы милостивая резолюция воспоследовала, то б я надеялся не малому плоду от того произрасти...”

Под “заведением” школ подразумевались придание начатому при Татищеве обучению языкам народов Поволжья более правильной организации, обеспечение учебного процесса постоянным помещением, установление должного контроля за этим делом. В источниках существовавшие при комиссии школы называют то во множественном числе, то одной “комисской” школой. Противоречия здесь нет. В учебном процессе эти школы, или, по-современному говоря, специализированные классы (отделения), были действительно мало связаны друг с другом, но в административном отношении они вместе были особым учебным подразделением Оренбургской комиссии, во-первых, готовившим кадры для нее самой и, во-вторых, дававшим образование детям военных, чиновников, других лиц, состоявших при этой комиссии.

В 1741 г. в Самаре при школе “в разных науках” состояло 52 человека, из которых в трех русских классах, где школьники обучались цер-

ковному пению, грамоте и письмоводству, числилось 37 человек (или 71%), в татарской школе – 10 человек (19%) и в калмыцкой – 5 человек (10%). Не только учителя и школьная прислуга, но и сами ученики считались на государственной службе, за которую получали казенное жалование. Образование, здесь полученное, открывало возможность для дальнейшей карьеры на этой службе. Так, татарскую школу закончил будущий правитель оренбургской губернской канцелярии, “заграничных дел секретарь” Петр Чучалов.

Об уровне преподавательского состава и подготовки учеников в самарской школе говорит и тот факт, что в ней велась работа над татаро-калмыцко-русским лексиконом и переводами книг с восточных языков, ее услугами не раз пользовалась столичная Академия наук. На одном из таких переводов в академическом архиве сохранилась примечательная приписка: “Я, всеижайший и многогрешный раб, ахун Махмут Адрахманов, по просьбе моего почтенного друга... перевел с арабского на татарский язык сию малую книжицу... дабы всенародно татарскому языку оная книжка известна бысть могла. С татарского на русский язык переведена при учрежденной в Оренбургской комиссии татаро-калмыцкой школе в феврале месяце 1741 г.”

Упомянутый знаток языков Востока, до поступления на службу в Оренбургскую экспедицию бывший учителем и переводчиком влиятельного казахского султана Эрали, не был силен в русской грамоте, поэтому переводы осуществлялись в два этапа. Сначала ахун переводил по-татарски, а затем его ученики готовили русский текст. “Почтенный друг”, упоминаемый ахуном, – это П.И.Рычков. В свою очередь, последний так же тепло отзывался о татарском учителе, интересовался системой традиционного мусульманского образования, о чем писал В.Н.Татищеву: “... прилагаю реестр арабским наукам, которые мне ахун, по-татарски записав, дал и сказывал, что некоторые книги о тех науках из Бухар достать можно...” Это вполне соответствовало высказываниям Татищева, что знание татарского языка открывает путь к изучению других восточных языков, прежде всего арабского.

К сожалению, первые зачатки школьного дела в Самаре остались недолговечными. В связи с постройкой Оренбурга и превращением его в 1744 г. в центр новой губернии туда со временем были переведены подразделения и службы Оренбургской комиссии, включая школы. В середине – второй половине XVIII в. в Самаре не было ни учебных заведений, ни понимания их необходимости. В 1764 г. в ответ на указ о посылке купеческих детей на обучение за границу местное купечество заявило, что желающих воспользоваться такой возможностью никого нет.

Калмыцкая школа и другие учебные заведения Ставрополя. Вслед за устройством национальных школ в Самаре при штабе Оренбургской экспедиции было решено завести школу для калмыцких детей в соседнем Ставрополе. Резолюция Кабинета министров об этой школе появилась 6 июня 1741 г. Инициативу проявили сами калмыки, которые, как доносил комендант еще в 1739 г. “желают обучать детей своих русской грамоте и письму”. Их правительница Анна Тайшина понимала

цену знаний и сама была “яко человек между многими в науке превосходная”. Эту оценку ей дал после знакомства в 1738 г. сам В.Н. Татищев в письме в Академию наук. Заслужить такую похвалу из уст человека, знакомого со всеми учеными людьми России и многими западноевропейскими коллегами, женщина-степнячка могла действительно только глубокими познаниями.

В школе шло обучение не только русскому, но и калмыцкому языку. Решение этой задачи облегчалось тем, что преподавание обоих языков взял на себя образованный ставропольский протопоп Андрей Чубовский.

Первый оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев в 1746 г. доносил в Сенат, что калмыки “детей своих русской грамоте и письму охотно обучают, и уже несколько из них говорить, читать и писать нарочито обученных есть, в чем ставропольский комендант и протопоп довольное имеют старание, и он то им особливо рекомендовал”. Калмыцкая школа в Ставрополе продолжала успешно работать на протяжении XVIII – начала XIX в. По описаниям того времени, она располагалась на территории крепости вместе с другими зданиями общественного назначения и представляла собой деревянную постройку на каменном фундаменте. В 1760 г. в ней было 50 учеников. На ее содержание отпускалось ежегодно 620 руб. и сверх того провиант для учащихся. В ней обучались и дети русских солдат “калмыцкому и российскому языкам и арифметике”, пока для них не была устроена в 1776 г. особая гарнизонная школа³.

Еще в 70-е годы XVIII в. продолжал служить учителем в ставропольской калмыцкой школе Егор Ерофеев. Он был “природой калмыцкой нации” и получил образование в Славяно-греко-латинской академии, где в 30-е годы вместе со своими товарищами подготовил первые переводы христианских молитв, символа веры и десяти заповедей на калмыцкий язык.

В 1824 г. произошло “присоединение калмыцкого училища к уездному”, которое сохраняло некоторые традиции национальной школы. Кое-кто из его выпускников продолжали образование дальше и впоследствии возвращались домой учительствовать сами, как случилось с “воспитанником из калмыков” казанской гимназии Чулатовым, которого в 1837 г. определили преподавателем в ставропольское приходское училище. Позднее вновь возникает необходимость в особом “училище для бедных калмыков”, не имеющих возможности и подготовки для занятий в уездном училище. В 1839 г. для такой калмыцкой школы перестраивают один из домов Ставрополя. Однако калмыцкому языку оставалось звучать в Самарском крае недолго. В 1842 г. иррегулярное калмыцкое войско было упразднено. На этом закончилась и история национальной школы в дореформенном Ставрополе.

Изучение края отрядами академической экспедиции. Научное изучение природы, жизни людей и истории Самарского края, начатое трудами В.Н.Татищева и П.И.Рычкова, продолжила академическая экспедиция, организованная по планам великого Ломоносова, отряды которой работали на территории края в 1768–1769 гг. Их возглавляли моло-

дые академики П.С.Паллас, впоследствии всемирно известный биолог, и И.И.Лепехин, выдающийся русский ученый-просветитель. Среди руководителей отрядов были опытный профессор И.П.Фальк и капитан Н.П.Рычков, сын П.И.Рычкова. С ними начинали свой путь в науку в качестве сотрудников экспедиции будущие знаменитые российские ученые Н.П.Соколов, Н.Я.Озерецковский, В.Ф.Зуев.

Лепехин путешествовал с конца августа до начала октября 1768 г. по северным районам Самарского края, в междуречье Сока и Черемшана, а весной 1769 г. по правому берегу Волги. Будучи номинальным руководителем всех академических отрядов, посланных на восток страны, Паллас постарался выбрать наиболее интересный для ученого-натуралиста маршрут по тогда еще мало тронутой человеком территории в окрестностях города Самары и в междуречье Самары и Кинеля. “Самарскую страну описали мне столь изрядную, что я полезнее почитал ожидать там весны, нежели долее медлить в Симбирске”, — пояснил свое решение ученый, приехавший в Самару в начале марта 1769 г. Несколько раз покидал он город для дальних и ближних поездок, но окончательно уехал отсюда только 16 июня. Рассказ Палласа о природе нашего края — это прежде всего яркое повествование о ее весеннем пробуждении и бурном расцвете в начале лета: “В приятное весеннее время имел я... удобный случай осмотреть сию изрядную страну”⁴.

То, что маршруты нескольких отрядов академической экспедиции прошли через Самарский край, было связано не только с интересом научной общественности к его природе, полезным ископаемым, занятиям и быту населения. В прокладке маршрутов большую роль сыграл член семьи богатейших местных землевладельцев граф В.Г.Орлов, занимавший должность директора Академии наук и лично заинтересованный в результатах ученых изысканий. Благодаря его поддержке исследователи не имели недостатка в материальном обеспечении экспедиции, содействии местных властей, публикации научных отчетов. Особенно теплый прием их ждал во владениях Орловых.

А.Мещеринов, графский поверенный, писал: “З господами тремя профессорами по волостям ездил, и они, сколько можно, старались повеление ваше исполнить... При сем присылаю краткую о местах записку, а обстоятельнее господин Паллас намерен к вам писать из Самары и притом хотел отправить... ретких насекомых, кои словлены около Усолья и по другим волостям, а мне обещал прислать десять чучел разных птиц... Во время моей езды с ими, господами, в разсуждении ласкового их обхождения я был весьма доволен, уверен, что и они мною не недовольны, но трудно мне по полям за ними было ходить пешком, и так я с их позволения по большей части ездил в коляске”. В.Г.Орлов отвечал: “Читав, как ты разъезжаешь с учеными, хотелось с вами тогда быть. Не могли иметь сего удовольствия, жду с нетерпением описания от господина Палласа и желаю, чтобы господа Фальк и Лепехин примечания свои ко мне прислали... Ежели они еще у тебя, то поклонися им от меня и скажи им, что я их всех в особливых письмах к ним за труды и старание в проезде чрес наши деревни благодарить буду”⁵.

Развитие народного образования с конца XVIII до середины XIX в.

Глава Академии наук приложил усилия по развитию образования и в своих крепостных вотчинах. В 1770 г. по его предложению крестьянские миры поволжских владений Орловых “согласились иметь училище на господском содержании: в Новодевичьем же не хотели”, но вскоре и его жители “прислали депутатов с тем, что не только согласились, но и выбрали мальчиков для ученья”⁶. Это училище для детей дворовых и крестьян было устроено в Усолье и готовило прежде всего грамотных служащих для вотчинной администрации обширного орловского поместья. При необходимости часть из них получала не только общее, но и специальное образование. Так, в 1801 г. усольская контора заключила контракт с отставным землемером Д.Гавриловым, по которому тот “трех мальчиков обучил как по инструменту, так и в сочинении планов”, за что получал в течение трех лет “столовый припас” и жалованье в размере 80 руб. в год.⁷

В 1825 г. учащихся усольской школы насчитывалось 36 человек. Нелегко было найти опытных и добросовестных учителей. В 1799 г. по личным обстоятельствам из Усожья уехал учитель Подобедов, которого отпустили не без сожаления и по рекомендации управляющего одали от имени графа серебряными часами “за старание и учение мальчиков”. Управляющий доносил, что без Подобедова “не надеется быть хорошим успехам, ибо сын его только и знает, что при Подобедове учил”. В 1800 г. наняли “учителя отставного регистратора Алексея Соболева за 100 рублей в год, стол и квартира господское”. Новый учитель “не хвалил” методику Подобедова и показался сначала “гораздо полезнее”, но затем ударился в пьянство и был уволен. Соображения управляющего, что легче и дешевле найти ученого попа, были отклонены распоряжениями из Москвы, поскольку усольское училище при В.Г. Орлове ориентировалось на светскую образованность, необходимую для делопроизводства. Даже еще не окончивших курс лучших школьников старались использовать в вотчинной конторе. Управляющего предупреждали о том, чтобы к простым дворовым службам “из училища отличившихся не брать”⁸.

После смерти В.Г. Орлова характер обучения в усольской школе несколько изменился. С 1833 г. занятия в течение более 40 лет вел священник Сергей Преображенский. Своих учеников он обучал по модной тогда “ланкастерской системе” чтению, письму, закону божьему, арифметике, церковному пению, основам грамматики и географии. При посредничестве Преображенского новый владелец В.П. Орлов-Давыдов и крестьяне договорились о переводе школы на мирское содержание. На крестьянские же средства в Усолье началось обучение грамоте девочек.

Возникали школы и в других помещичьих селах. С 1840 г. действовало училище в Жигулях. Всего в 17 школах Усольской вотчины в 1842 г. училось 515 детей обоего пола. Позднее появилось еще училище в левобережной Русской Борковке под Ставрополем. В 1850 г. в Рождествене и Новинках “учреждены училища для обучения грамоте крестьянских детей”, через девять лет насчитывавшие соответственно 33 и 25 учеников⁹.

Заботу о развитии грамотности проявляло и удельное ведомство, представлявшее владельческие интересы императорской фамилии. В первой половине XIX в. в каждом удельном имении при управлении-«приказах» устроили сельские училища: «По части учебной, нравственной и хозяйственной управляет училищем учитель под ведением местного Приказа. Число учеников... простирается до 50 мальчиков и 10 девочек»¹⁰. Предметами обучения являлись чтение книг церковной, гражданской печати и рукописей, чистописание, четыре арифметических действия с употреблением счетов, а также Закон Божий, который преподавал священник. В соответствии с такой практикой удельные училища были устроены в бывших владениях графини А.А.Орловой-Чесменской, проданных ею в 40-е годы XIX в. в удел. В Переволоках под школу отвели одну из изб на прежнем господском дворе. Училище в Новодевичьем вначале занимало один этаж бывшего дома управляющего, но к декабрю 1852 г. собрали средства для строительства специального школьного здания, возведенного два года спустя¹¹.

В конце первой четверти XIX столетия появляются первые городские учебные заведения в Самаре. Средства на строительство зданий приходского и уездного училищ (1824) пожертвовала здешняя помещица Е.А.Путилова, урожденная Богданова.

Дворяне и чиновники Самары, владельцы здешних поместий и в XVIII в., и в первой половине XIX в. предпочитали давать своим детям домашнее образование, отправляли их в пансионы, гимназии, университеты столичных городов и Казани. Попытка завести в самой Самаре пансион для девочек оказалась неудачной.

Придание Самаре статуса губернского города дало новый толчок развитию образования. Увеличилось число начальных школ: второе мужское приходское училище появилось в 1852 г., две школы для девочек — в 1858 и 1859 гг. Для детей дворян и чиновников в 1856 г. была открыта мужская гимназия — первое среднее общеобразовательное учебное заведение в городе, а через три года организовано женское училище 1-го разряда (будущая женская гимназия). Для детей лиц духовного звания открывались начальные духовные училища, первое такое появилось в Самаре в 1852 г. Через шесть лет создается духовная семинария — средняя школа, дававшая как общее образование, так и специальную подготовку будущим священникам. В 1859 г. открыта школа для малолетних при тюремном замке, которую позднее было разрешено посещать взрослым.

Начало изучения истории и фольклора родного края. Упоминавшийся выше С.М.Преображенский был увлечен не только распространением образования, но и изучением родного края. Им даже было организовано в Усолье «ученое общество». Однако практические результаты существования последнего сохранились только в виде трудов самого Преображенского, наиболее интересным из которых является «Церковная летопись села Усолья», к сожалению оставшаяся неопубликованной. Еще одна «История села Усолья Симбирской губернии Сызранского уезда», также оставшаяся неизданной, была написана

профессором симбирской духовной семинарии Дмитрием Николаевичем Орловым. Это сочинение было представлено в 50-е годы XIX в. в Русское географическое общество¹².

В 1847 г. корреспондентами научного Русского географического общества, участниками его деятельности по сбору фольклорного и этнографического материала неожиданно для себя стали многие простые жители Поволжья. Отношение из РГО от 22 мая 1847 г. на имя симбирского губернатора с просьбой о сборе необходимых сведений для общества было напечатано для широкого ознакомления в местных “Губернских Ведомостях” и разослано в копиях по разным учреждениям, в том числе и в Сызранскую удельную контору. Последняя 10 июля отправила в подведомственные ей “приказы” (отделения) предписания об исполнении этого отношения. Осенью того же года были получены ответы. Из разных сел были присланы интересные материалы (песни, побасенки, приметы), пусть не очень обширные, но надо все-таки учесть, насколько непривычным было это дело и насколько неподготовленными были “корреспонденты”. Фольклорные записи, собранные здешними крестьянами для РГО в 1847 г., являются старейшими из сделанных в нашем крае¹³.

ЛИТЕРАТУРА, КНИГА, ПЕРИОДИКА

Уроженцы Самарского края – деятели русской литературы. Из среды местного дворянства выходили люди не только образованные, но и лично внесшие огромный вклад в русскую культуру. Достаточно назвать имена выдающихся поэтов Г.Р.Державина и И.И.Дмитриева, чудесного писателя С.Т.Аксакова, снискавших известность также на государственной службе и общественном поприще. Особенно интересны для истории нашего края зарисовки помещичьего и народного быта, природы и хозяйственной деятельности в произведениях С.Т.Аксакова “Семейная хроника”, “Детские годы Багрова-внука” и др. На рубеже 40—50-х годов XIX в. в Самаре служили молодыми чиновниками известный впоследствии историк русской науки и литературы академик П.П.Пекарский и видный общественный деятель, литератор Н.В.Шелгунов.

На фоне этих ярких имен несколько теряется личность Ивана Алексеевича Второва, примечательная тем, что это был первый русский писатель, непосредственно живший и работавший в Самаре. Родился Второв в 1772 г. в Ласкаревке (ныне Борского района). Мать его происходила из самарских помещиков Пяткиных, отец был канцелярским служителем, не оставившим рано осиротевшему сыну ни состояния, ни дворянского звания, но успевшим обучить его грамоте. С шести (!) лет молодой Второв, по его собственным воспоминаниям, зарабатывает на жизнь учителем русской грамоты в татарской школе, а через четыре года начинает чиновничью службу в только что открывшемся Самарском уездном суде. О систематическом образовании не было и речи. “Склонность моя к наукам (то есть к образованию, чтению книг), —

признавался он, — с десятилетнего возраста была непреодолима. Я читал с жадностью всякие книги, какие мне тогда ни попадались, и даже сам собою выучился рисовать”¹⁴.

Благодаря самообразованию, знакомству и дружбе с представителями еще немногочисленной культурной среды губернских городов Симбирска и Казани Иван Второв сам начинает пробовать себя в литературном труде. В 1798-1800 гг. несколько его стихотворных и прозаических опытов печатаются в столичных журналах. Сейчас они интересны разве что историку литературы, но вот неопубликованный дневник Второва, начатый с 1792 г., сохранил ценные свидетельства о нравственных и общественных исканиях его эпохи, о культурных процессах в провинции и столицах, о многочисленных знакомых автора, а в числе последних были и И.И.Дмитриев, и Н.М.Карамзин, и А.С.Пушкин.

Распространение книги и периодики. Второв составил хорошую библиотеку, частью из книг, купленных в ходе поездок, а частью приобретенных в Самаре. Книготорговля в ней, как и в других российских городах, была делом не очень прибыльным, зато довольно беспокойным. В 90-е годы XVIII в. после выхода в свет “Путешествия” А.Н. Радищева и ареста автора, расправы с книгоиздателем Н.И. Новиковым, запрета тираноборческой трагедии Я.Б. Княжнина “Вадим”, правительством вводится жесткая цензура, не без выгоды обернувшаяся для уездных взяточников. Купец Пономарев, торговавший тогда книгами в Самаре, не мог свободно выставить даже незапрещенные издания из-за корыстолюбия духовных чинов, требовавших мзды за разрешение на их продажу. Второву в 1794 г. пришлось вступить за книготорговца, которому досаждали “цензоры”-вымогатели. Второв “не только сам, для своей библиотеки, подписывался на все журналы, петербургские и московские, но для распространения их составлял компании из своих знакомых... которых он неоднократно просит для вербовки охотников на чтение периодических изданий. В одной из таких компаний, устроенной в Самаре, Второв лично принимал деятельное участие; здесь было положено прочитанные книги по окончании года жертвовать в библиотеку уездного училища”. Эта библиотека стала с 20-х годов XIX в. первым общественным книгохранилищем Самары, которое в 1850 г., насчитывая уже 310 названий в 661 томе, погибло при пожаре¹⁵.

Когда в 1835 г. уже стариком Второв покидает Самару и переезжает в Казань, ближе к сыну-студенту, больше всего хлопот причиняет ему упаковка и перевозка книг, потребовавших отдельной комнаты. В Казани Второв и почил в 1844 г.

Если Второв и люди, подобные ему, были искренними любителями и энтузиастами чтения, то купец 3-й гильдии Синягин был обязан заниматься распространением периодических изданий в силу своего должностного положения. Он был городским головой в 30-е годы XIX в. Должность эта была выборной и общественной. Голова представлял интересы купцов и мещан перед правительственной администрацией и был проводником распоряжений вышестоящих властей в торгово-ремесленную среду. Среди многих порученных ему обязанностей

была и такая, которая заключалась в извещении горожан о подписке на центральные официальные и полуофициальные издания и в убеждении жителей принять участие в этой подписке.

Отношение населения к предлагавшимся газетам и журналам было неоднозначным. Давление властей сказывалось, но было не всегда главным мотивом принять или отклонить предложение о подписке.

4 сентября 1835 г. в самарскую городскую думу пришло распоряжение симбирского губернатора о намерении Общества поощрения лесного хозяйства издавать с 1836 г. “Лесной Журнал” и о поддержке этого начинания со стороны Департамента государственных имуществ, который просил “обвести об издании того журнала по Симбирской губернии и оказать содействие к приглашению подписчиков на оный журнал”. Распоряжение губернатора было доведено головой до сведения купцов Самары. На него последовал ответ следующего содержания: «Самарское 3-й гильдии купеческое общество дало сие подписку самарскому купецкому старосте Куполеву в том, что мы объявленное нам предписание... слышали, но подписаться на приобретение лесного журнала никто из нас не желает, о том и подписуемся».

Не было ожидаемого отклика и на следующее обращение губернатора к самарскому голове от 19 декабря 1835 г.: «Милостивый государь мой Петр Сергеевич! Статский советник Воейков доставил ко мне при письме несколько билетов на Литературные прибавления, издаваемые при “Русском Инвалиде”. Уважая просьбу сего сочинителя, действующего по благонадежности своей на пользу изувеченных воинов, и желая по возможности содействовать к подписке на сие его сочинение, я препровождаю к Вам один из означенных билетов, прося покорнейше и Вас со своей стороны принять деятельное в сем участие. О тех, кои изъявят желание к подписке, приняв от них деньги, доставлять ко мне с означением имен, отечеств, фамилий... меня уведомить для извещения сочинителя на высылку журнала». Синягин оказался в затруднительном положении, о чем и сообщил губернатору: “...билет здешнему купечеству предложен был и прошено от них принять в сем участие как действующего на пользу изувечных воинов с изъявлением в том к подписке, но из них никто по убедительной моей просьбе желания к сему не изъявил; почему тот... билет принял на имя свое и представляю при сем... за него деньги ассигнациями 35 руб.”

В оправдание самарского купечества, которое не проявило интереса к “Литературным прибавлениям”, издаваемым А.Ф. Воейковым, заметим, что они вообще не пользовались популярностью в России. Разделы словесности и критики в нем были откровенно слабыми и обходились без лучших российских литераторов. Другие разделы (пересмешник, смесь и моды) также не могли привлечь читателя к журналу. Под редакцией А.Ф. Воейкова катастрофически терял популярность и сам “Русский Инвалид”, к тому же ставший из газеты Комитета по содействию раненым и престарелым воинам коммерческим изданием, у которого благотворительные задачи отошли на второй план. Следует учитывать и то, что частые сборы на благотворительные нужды делали купцов осторожными в отзыве на все новые и новые обращения по

данному поводу, тем более в отношении мероприятий непривычных и непонятных.

Более настойчиво проводилась подписка на официальный “Журнал Министерства Внутренних Дел”. В данном случае необходимость такого издания не ставилась под сомнение, да и отказ от предложенной подписки выглядел бы неблагонамеренным поступком. В апреле 1835 г. Синягин, получив соответствующее предписание губернатора, сообщил: “По таковому предписанию к пользе Отечества, соревнуя пользе Отечества, тот же час распорядился купечеству и мещанству объявить, на каковое мое предписание жители г. Самары, купцы и мещана, положенную сумму 25 руб. пожертвовали”. Подписка на один экземпляр издания, таким образом, была проведена в складчину.

На следующий год ситуация несколько изменилась. Губернатор, ссылаясь на просьбу министра внутренних дел “содействовать успеху того издания, коего польза не может быть подвержена сомнению”, прислал Синягину уже “4 билета на получение журнала Министерства Внутренних Дел, цена годового издания коего остается прежняя, т.е. 25 руб. ассигнациями”. Подписка на сей раз была проведена индивидуально.

Самым большим успехом из официальных изданий пользовалась “Коммерческая газета”, выпускавшаяся Департаментом внешней торговли. Число ее подписчиков в Самаре достигало нескольких десятков человек, хотя цена была достаточно высокой – те же 25 руб. в год с доставкой.

Интересно, что среди подписавшихся на эту газету, выходившую 3 раза в неделю, было немало неграмотных глав купеческих и мещанских семейств. Объяснить данное обстоятельство поможет следующее наблюдение. В материалах ревизий (переписей податного населения) те же самые купцы и мещане не смогли поставить свои подписи “за незнанием грамоты”. Как правило, за них подписывали “ревизские сказки” взрослые сыновья, не отделившиеся от родителей. Эти “купецкие дети” (некоторые уже в возрасте 40 лет и более) не были домовладельцами, потому не считались настоящими членами городской общины, хотя могли иметь собственные семьи, вести отцовское или свое дело. Новое поколение самарского купечества, более образованное и грамотное, и было основным читателем специализированного издания для коммерсантов.

Хлопоты о распространении местной периодики принимала на себя и церковь. В 1850 г. самарское духовное правление было озадачено вопросом “О собрании и представлении в консисторию сведений: в свое ли время и исправно ли получались и получают, как в градских, так и в сельских приходах Губернские Ведомости, чрез кого и как и если нет, то где именно и не было ли доводимо о том до сведения кому следует”. Обычным делом было и обеспечение опекаемых церковью школ учебными пособиями. Но приходили также издания общего просветительского, методического назначения. В том же 1850 г. самарское духовное правление получило 16 экземпляров “книги о всенародном

распространении грамотности в России для раздачи по церквям, преимущественно тех селений, где имеются сельские училища”.

В 1854 г. в Самаре по подписке распространялось 44 наименования периодических изданий в 388-экземплярах. Из них присутственные места получали 58 экземпляров разных изданий, помещики – 95, чиновники – 104, мещане – 23, купцы – 90, духовенство – 10, крестьяне – 8. Самыми популярными среди самарских подписчиков были “Самарские губернские ведомости” (72 экз.), первое местное периодическое издание в нашем крае. Вслед за ними по числу подписчиков стояли столичные “Московские ведомости” (25 экз.) и “Санкт-Петербургские ведомости” (22 экз.), а также “Русский вестник” и “Сын Отечества” (по 24 экз.)¹⁶.

Распространение книги и периодики в самарском обществе конца XVIII – первой половины XIX в. шло различными путями. Литературно-художественные издания приходили через читателей, которые находили в них удовлетворение собственным духовным потребностям и стремились приобщить к ним окружающих. Правительственная администрация, должностные лица местного самоуправления оказывали поддержку официальной печати, а также близкой к ней по духу и содержанию периодике. Появился свой читатель у специальной и научной литературы. Церковь также не оставалась в стороне от распространения светской книги и прессы. Эти еще скромные успехи проникновения печатного слова в провинциальный город дореформенной России готовили постепенно ту среду, в которой будут развиваться просвещение, наука, литературная жизнь, библиотечное дело, журналистика губернской пореформенной Самары второй половины XIX – начала XX в.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Первые медицинские учреждения в крае. В XVIII столетии составной частью государственной политики становится “охранение здоровья народного”. К существовавшим и прежде монастырским больницам, придворным аптекам и врачам, военным лекарям и госпиталям прибавляются аналогичные общедоступные гражданские службы.

Среди административных построек и служб экспедиции в Самаре находились госпиталь, аптека с “огородом” лекарственных трав и лабораторией. Определение об их устройстве Татищев подписал 11 сентября 1737 г.¹⁷, но дело стало за опытным доктором. Хорошего врача для экспедиции нашли в лице Я.Грива, англичанина, которого Татищев очень ценил и просил в 1740 г. отпустить с ним из Самары в Астрахань. Но Самару Грив покинул только спустя два года, получив место главного доктора в Петербургском сухопутном госпитале. К сожалению, эти полезные для Самары начинания В.Н.Татищева в области здравоохранения не получили дальнейшего развития после отъезда из города руководства и специалистов экспедиции. Выстроенная в Ставрополе в 1777 г. “больница для калмык” была единственным лечебным стационаром в городах Самарского края в XVIII в.

В последней четверти века начала создаваться единая во всех губерниях система медицинской помощи населению. Каждая губерния должна была содержать доктора, а уезд — лекаря. Докторами в России того времени называли лишь тех врачей, кто имел ученую степень.

Развитие здравоохранения в России сдерживалось нехваткой медицинских работников различной квалификации, поэтому широко использовались врачи-иностранцы, которые охотно ехали в Россию за богатой практикой и высокими заработками. Некоторые из них постепенно натурализовались на новой родине. Уездным лекарем в Самаре в конце XVIII в. служил немец Баумгартен. Он был женат на русской, “книг русских не читал, но говорить по-русски и писать кое-как умел”, любил побеседовать с людьми образованными о своих любимых писателях, из которых двое, Гёте и Геллерт, были известны в переводах местной читающей публике¹⁸.

Серьезным недостатком системы государственного здравоохранения было то, что она создавалась в расчете на оказание помощи в основном городским жителям, составлявшим подавляющее меньшинство среди населения страны. Только в случае эпидемий губернские власти и уездные медики выезжали в сельские районы. Во второй половине XVIII в. забота о “народном здравии” становится не только государственным, но и общественным делом. В стране открываются больницы, заведенные на частные средства.

Братья Орловы, богатейшие землевладельцы здешних мест, не чуждались как передовых веяний “эпохи просвещения”, так и естественного человеческого участия и благотворительности. Более 20 лет (1771 – 1792), до самой смерти, содержал “гошпиталь для бедных” в своей симбирской вотчине И.Г.Орлов, затратив на него более 20 тыс. руб. Примерно в те же годы были заведены больницы в неразделенном имении Орловых на Самарской Луке, в селах Новодевичьем и Усолье. Для сравнения укажем, что первая государственная больница для гражданского населения появилась в Петербурге лишь в 1779 г., а в губернских городах они открывались начиная с 80-х годов XVIII в. После “полюбовного раздела” между братьями Усолье вместе с заботами о здешней больнице досталось В.Г. Орлову. Для нее продолжали исправно закупать лекарства в Москве. Часть медикаментов изготавливал лекарь, работавший в больнице. В обязанности последнего входили и поездки по селениям вотчины¹⁹.

Осенью 1799 г. из Усо́лья пришли тревожные сообщения, что “больных по вотчине людей много кашлем и головою”. Именно в это время из Сибири до Поволжья докатилась волна мощной пандемии гриппа, охватившей в 1798–1800 гг. Китай, Россию, Западную Европу. От “поветрия”-эпидемии пострадало множество жителей не только Усо́лья, но и других селений, почему и был “отправлен туда лекарь” Лебедев. Квалифицированная помощь врача, наличие стационара для тяжелых больных, запас необходимых медикаментов помогли избежать особо опасных осложнений болезни. Через некоторое время “Лебедев из волости возвратился, донес, что больных стало уменьшаться; а в Усо́лье больные стали выздоравливать”. Был зафиксирован только

один смертельный случай, эпидемию удалось пережить с малыми потерями²⁰. В больших городах в это время грипп уносил ежедневно до 20–30 жизней.

Деятельность А.Гетте в Усолье. В 1802 г. Лебедев в Усолье уже не работал. В больнице не оказалось ни лекаря, ни “подлекаря”-фельдшера. Когда летом “в Валах оказалось много больных ребят горлом”, пришлось послать туда “мальчика лекарского”, т.е. дворового человека, помогавшего Лебедеву и кое-чему от него научившегося. Управляющий не раз напоминал графу “о лекаре, который очень нужен”²¹. Были сделаны распоряжения “об отдаче в ученье 2 мальчиков лекарской науке”²². Ждать, пока выучатся на лекарей свои крепостные, требовалось долго, а нанять опытного доктора все не удавалось. В ходе поисков выяснилось, что легче найти врача не в России, а за границей. В 1804 г. Г.В.Орлов, сын хозяина Усо́лья, заключил в Вене договор с лекарем Гётте, согласившимся отправиться на Волгу. Австрийский медик обязывался “лечить всех вольных из деревень графских и из дому господского”, а “в случае надобности по больным ездить по вотчине”. Под его начало поступала больница. При ней он должен был завести аптеку, куда “собирать все травы и корни, кои можно иметь в той стране”²³.

В помощь Гетте в больнице и по другим лечебным обязанностям предоставлялись четыре крепостных мальчика, которых он должен был обучать своему ремеслу. Лекарю были положены 1 тыс. руб. годового жалованья и квартира при больнице. Для усольской практики Гетте купил на средства графа “разных инструментов и книг медицинских” на 362 руб.²⁴

Приобрели двух крепостных юношей у симбирского аптекаря, обученных тем фармацевтике и медицине. За подлекарей заплатили 2,5 тыс. руб., или в 15–20 раз больше обычной цены за молодых дворовых слуг. Предварительный экзамен устроил губернский врач, оставшийся довольным их познаниями. Венского лекаря встретили в Усолье вполне квалифицированные помощники в лице подлекарей братьев С.И. и Ф.И.Хомутовых, ярких представителей русской крепостной интеллигенции.

Еще до появления Гетте в Усолье В.Г.Орлов в переписке со своим управляющим обсуждал возможность прививки малолетним детям оспы. Просвещенный вельможа, воспитанник Лейпцигского университета, бывший руководитель Академии наук не мог не поддержать дело оспопрививания, которое в конце XVIII в. пропагандировала сама Екатерина II, а в начале XIX в. всячески поддерживало правительство Александра I. В мае 1802 г. Медицинская коллегия начала рассылать по губерниям вакцину и рекомендации, как проводить прививки. Когда часть духовенства попыталась противодействовать вакцинации (1804), правительство потребовало от церковных властей и рядовых священников способствовать распространению оспопрививания. Вместо карикатур на привитых, как это было на родине вакцинации в Англии, по России расходились лубочные картинки, изображавшие спор убогих рябых с теми, кто сохранил здоровье благодаря вакцине. В 1805 г. ми-

нистр внутренних дел вменил оспопрививание одной из главных обязанностей уездных медиков.

В последнюю очередь вакцинировалось сельское население. Исключение составляли вотчины образованных дворян, прежде всего В.Г. Орлова. Уже на третий день после приезда в Усолье в декабре 1804 г. Гетте сделал прививку нескольким усольским ребятишкам. В качестве награды от графа первым шести из них выдали по полтиннику, остальным по 30 коп., а впредь решили одаривать гривенником. Вознаграждение вполне уместное: крестьяне поначалу с опаской относились к этой процедуре. Принудительно же вакцинацию не проводили. Поголовное и обязательное оспопрививание было просто не под силу усольским медикам. Со временем почти в каждом селе и деревне Орловых из местных жителей были обучены “оспопрививатели”. Они могли сами, без врача вакцинировать односельчан. Такая же практика постепенно распространялась и на другие помещичьи, удельные, казенные селения.

Сама больница в Усолье была найдена новым лекарем порядком обветшавшей: “Нужно и скоро построить совсем новую больницу”²⁴. Графу пришлось прислушаться к этому заключению, и Гетте получил приказ сочинить план больницы. Тем временем из симбирской врачебной управы потребовали сведения “по случаю какого-либо заведения больницы и содержании кем оной”. Управляющий не увидел препятствия “делании больницы гласною” и приказал Гетте отправить рапорт во врачебную управу, ибо “по смыслу открытия сей больницы кроме чести помещику и тому лекарю не видится, а посему и не сочли за нужное скрывать оную”²⁶. Но официальное объявление об устройстве больницы накладывало на ее владельца, кроме “чести”, определенные обязанности по соблюдению существующего законодательства. Основные требования к стационарным лечебным заведениям излагались в “Учреждениях для управления губерний” (1775): “Весьма прилежно смотреть должно, чтоб строение было не тесное и не низкое, чтоб покои чисто содержаны были и чтоб в покоях воздух переменялся открытием хотя [бы] на короткое время окон, чтоб больные мужского полу особо содержаны были от больных женского пола, чтоб больные прилипчивыми болезнями особливые покои имели...”²⁷

Закон 1775 г. касался прежде всего государственных больниц, учреждаемых в больших городах, но в нем оговаривалось: “Буде же случится, что частный человек, или какое общество, или город, или селение захотят” устроить больницу, то не чинить “в том никому препятствия, лишь бы установление сходствовало общим для установлений предписанным правилам и оных не повреждало”²⁸. Созданные в 1797 г. врачебные управы как раз и являлись органами медицинского надзора в губерниях. Поставив больницу под контроль этого учреждения, следовало приложить старание о приведении ее в соответствие с законом. Перестройку больницы в Усолье начали в 1805 г. с жилья для медиков и подсобных помещений. В 1806 г. строительных работ при больнице не вслось, а в 1807 г. был заново отстроен новый корпус “в 4 комнатах на каменном фундаменте”. На 1808 г. были отпущены средства на перестройку второго корпуса, где помещались две больничные палаты и

лаборатория. Больничный комплекс приобрел надлежащий вид и стал более приспособлен для содержания больных, изготовления и хранения лекарств. В комплекс, помимо лечебных корпусов, вошли выстроенные или отремонтированные с 1805 г. две комнаты для лекаря и одна для его помощников, три чулана и два чердака, приспособленные к хранению трав, лекарств, другого имущества, кухня и “стряпущая изба”, два погреба и сарай “для экипажу”²⁹.

Содержание больницы с учетом затрат на строительство обошлось только в 1805 г. почти в 5 тыс. руб. За счет графа больных не только лечили, но и кормили. Но самой крупной статьей расхода при больнице была закупка медикаментов. Летом 1805 г. в симбирской аптеке приобрели лекарств на громадную по тем временам сумму — 1775 руб. 50 коп. Симбирская аптека поставляла прежде всего лекарственные растения, распространенные в России, и наиболее употребимые привозные средства, например, хину. Редкие медикаменты везли из Москвы: перуанский черный бальзам, бобровую струю, цвет корицы, миндальное масло, красный сандал, летучую соль из оленьих рогов и др.

Содержание хорошей больницы за свой счет было по карману лишь таким богатым помещикам, как Орловы. Но дело заключалось не только в богатстве или в понимании полезности больницы для нормального функционирования хозяйства. В связи с переводом усольских крестьян с барщины на оброк управляющий в 1805 г. предложил переложить расходы по больнице на самих крестьян. Он мотивировал это тем, что ни у кого из дворян в оброчных владениях вотчинных больниц нет, ведь им не нужно заботиться об обеспечении здоровыми людьми господских работ. На доклад управляющего граф ответил краткой резолюцией: “Больнице быть на моем единственном содержании”³⁰.

С конца 1804 по начало 1807 г. пациентами лекаря Гетте и его помощников в усольской больнице побывало 338 человек (без учета получивших амбулаторное лечение). Из них умерло девять человек, объявлено неизлечимыми четыре, остальные выписаны как выздоровевшие. Гетте оказался хорошим врачом. Этого, к сожалению, нельзя сказать о его человеческих качествах, которые не выдержали испытания действительностью крепостной деревни. С высоты своего общественного положения он постепенно привыкал смотреть на окружавших его жителей Усоля как на людей второго сорта, не стеснялся давать волю языку и рукам, поскольку никто не осмеливался отвечать на лекаревы оскорбления и побои. Вначале грубые выходки в отношении крестьян и дворовых воспринимались даже как дело обычное со стороны персоны столь важной по сельским меркам. Управляющий признавал: “Все шло просто и думалось, что посмотрица и будет лучше, но наконец уж совсем ис повиновения вышел”³¹.

В.Г.Орлов право своей администрации прибегать к физическим наказаниям признавал только при тщательном исследовании обстоятельств каждого проступка и вовсе не собирался делать исключение для чересчур вспыльчивого лекаря. В соседних Самаре, Ставрополе, Сызрани испытывалась, как и по всей России, острая нужда в квалифицированных врачах, и Гетте быстро завел там частную практику. Поездки лека-

ря в эти города не только без разрешения, но даже без уведомления вотчинной администрации являлись грубым нарушением заключенного контракта и давали повод к его расторжению. Осенью 1807 г. Гетте, получив увольнение от графской службы, был отправлен в Симбирск. И все же надо отдать ему должное. Уезжая, он оставлял на Самарской Луке исцеленных людей, построенную при его стараниях лучшую в крае больницу, передал свой опыт другим усольским медикам.

К счастью, на больнице эта неприятная история почти не отразилась. Одновременно с увольнением Гетте граф распорядился, чтобы управляющий поручил надежному человеку “присмотр за больницей”, а тот велел “иметь главное смотрение и попечение над больными” подлекарю Сергею Хомутову. “Эта практика, — пояснял Хомутову свое решение управляющий, — тебе известна, а посему и можешь все, что нужно, делать при усольской больнице из покупных медикаментов и собираемых здешних растений, смотря по обстоятельству больных, кому что следует. Ибо будучи ты и при лекаре Гетте довольно обращался, и все оное у тебя было в виду. Да и сам то, лекарь, в течении своего времени рекомендовал о твоём знании довольно с хорошей стороны”. В помощники Хомутову назначили костоправа Степана Голованова, тоже крепостного Орлова. Он был “хотя и особому знанию учен, но довольно также обращался при Главной в Москве вошпитле [госпитале] и... при усольской больнице, следовательно, видел много до сего относящегося”³².

Больницы и курорты в 10–50-е годы XIX в. Начав перестройку больницы в Усолье по настоянию иноземного врача, ее завершили уже после его отъезда. Здесь теперь могли получить амбулаторное и стационарное лечение больные из многочисленных орловских сел и деревень Самарского края. Для нее продолжались закупки медикаментов в лучших аптеках Москвы. Появилась и своя аптека. В 1822 г. по каталогу усольского аптекаря Бухгольца в московской Голицынской больнице купили лекарств почти на 2 тыс. руб.³³ Больница в Усолье пользовалась известностью. При внуке В.Г.Орлова Владимире Давыдове она была расширена, открыли детское отделение. В отдаленных крупных селах вотчины, Жигулях, Никольском, Натальине, Новом Тукшуме, действовали фельдшерские пункты с небольшими стационарами.

Заводили больницы и в других помещичьих имениях. В Рождестве-не, принадлежавшем дочери В.Г.Орлова Е.В.Новосильцевой, в больнице работали в 40-е годы XIX в. крепостные медики подлекарь Ф.Тугаров, оспопрививатель Морозов и два мальчика в качестве учеников лекаря. Обязанности врача исполнял здесь самарский уездный штаб-лекарь Г.А.Троицкий, получавший от помещицы 1 тыс. руб. в год. В 1859 г. эта больница содержалась “на господский счет”, была рассчитана на шесть коек. При ней имелась аптека.

В Новодевичьем, имении А.А. Орловой-Чесменской, под больницу был выстроен каменный корпус с мезонином³⁴.

В 1828 г. на средства помещицы Е.А.Путиловой наконец и в Самаре устроили больницу на 12 коек, главным врачом которой стал уже упоминавшийся Г.А.Троицкий. О нем самарцы вспоминали так: “Во всем городе был один доктор по фамилии Троицкий, говорят,

очень искусный, но крайне своеобразный: бывало, придет к пациенту и, прежде чем приступить к исследованию болезни, разругает его, на чем только свет стоит”³⁵. Ясно, что у единственного городского лекаря хлопот хватало и помимо контракта с владелицей Рождествена. Ее сын Д.А.Путилов также проявлял интерес к медицине, завел хорошую медицинскую библиотеку, несколько десятков томов из которой до сих пор хранятся в Самарской областной научной библиотеке. Им же было устроено кумысолечебное заведение (1854) с “чисто филантропической” целью, чем оно отличалось от более поздних кумысолечебниц коммерческого характера. Путилов владел шестью домами на курорте Серные Воды под Сергиевском. Сергиевские серные воды и ванны пользовались известностью среди помещиков, чиновников, купцов, интеллигенции Среднего Поволжья с начала XIX в. Сюда съезжалась “благородная”, “образованная”, “чистая” публика из Казани, Симбирска, Самары и других городов, в том числе из Москвы.

Обустройство же курорта оставляло желать лучшего. Одно из самых ранних его описаний, относящееся к началу 10-х годов XIX в., оставлено С.Т.Аксаковым в неоконченной повести “Наташа”, созданной по собственным впечатлениям, а также по воспоминаниям и запискам сестры писателя Н.Т.Карташевой: “По отлогим скатам, в ущельях которых, избитых шахтами, росли разные породы чернолесья, в живописном беспорядке были разбросаны калмыцкие кибитки, палатки, плетневые шалаши и кое-где избушки, перевезенные из ближайших чувашских деревень. Помещики, даже из дальних мест, начинали уже каждое лето съезжаться на воды. Никаких докторов и полицейских чиновников там еще не было, а был некто Петр Андреич Глазов, оренбургский помещик и железный заводчик, открывший эти целебные источники по народной молве, потому что обыватели упраздненного города Сергиевска и окрестные жители, по большей части некрещеные чуваша, не переставали лечиться и вылечиваться от всех болезней питьем прозрачной, холодной, как лед, серной воды и купаньем в ее бассейне. Помещик Глазов, чудесно исцеленный ими от долговременной болезни... сделался ревностным распространителем их славы, приглашая туда словесно всех знакомых и, через письма, даже незнакомых ему людей... Он сделался каким-то хозяином, полицейским чиновником и доктором при Серных Водах: всякий новоприезжий являлся к Петру Андреичу, спрашивал, где ему разбить свой табор, рассказывал про свою болезнь и просил наставления, как употреблять воду?” Кстати, Аксаковы “имели на Серных Водах самую лучшую избу, которую называли дворцом...”³⁶. С.Т. Аксаков позже не раз бывал здесь на водах, как и его сын И.С.Аксаков, писатель и философ, со своими друзьями поэтом В.А. Сологубом и композитором А.Г. Рубинштейном.

В 20–30-е годы XIX в. Серные Воды представляли “уже менее азиатскую картину, чем в десятых годах”. Но кроме нескольких домов добротной кладки, принадлежавших “окрестным богачам”, остальные строения “состояли не более как из 30 жалких лачужек, сырых и холодных. За исключением лазарета, построенного Шалашниковым, каменного здания не было ни одного... Частную предприимчивость убивал на-

туральный постой, который должны были отбывать владельцы убогих хижин, давая у себя безвозмездный приют разным чинам и чиновникам. При таких условиях жизнь на водах была очень дорога: одинокие люди платили за квартиру по 50 руб. за сезон; ванна стоила 1,5 руб.: пуд илу или серной грязи — 2 р.”³⁷. И все-таки, несмотря на эти неудобства, количество съезжавшихся на воды с каждым годом увеличивалось.

С 1843 г. удельное ведомство выстроило в Самаре больницу для своих крестьян, размерами даже поболее городской, на 24 кровати. На ее обустройство пошло 1,5 тыс. руб., а ежегодное содержание обходилось в 1,6 тыс. В августе 1847 г. составили план строительства новой городской больницы, уже на 56 мест, выделив для этой цели 13,5 тыс. руб., но пожар 1850 г. уничтожил как старую больницу, так и строительные материалы, заготовленные для новой³⁸.

В связи с преобразованием Самары в губернский центр от прежнего плана расширения больницы отказались. В городе были созданы врачебная управа (инспектор Э.К.Фишер, врач Г.А.Троицкий, акушер П.А.Агромыченков), больничный совет под председательством А.А.Путилова (брата Д.А.Путилова), исполнявшего обязанности губернского предводителя дворянства. В течение первой половины 50-х годов XIX в. под губернскую больницу были сняты дома поручика Обухова, купцов Шихобалова и Волкова, мещанина Казанцева. Вместимость составляла до 140 койкомест по штату, но реально в больнице содержалось более 200 человек.

Врачом губернской больницы стал Ю.Б.Укке, сделавший немало полезного для развития медицины в городе и губернии и награжденный за свои труды орденом святой Анны II степени. После перевода Укке на должность инспектора врачебной управы старшим врачом губернской больницы оказался Н.В.Постников, выпускник медицинского факультета Московского университета. Под его управлением больница была приведена в порядок, для того времени просто образцовый. Результаты инспекторской проверки в октябре 1860 г. похожи на панегирик: “Больница содержится во всех отношениях отлично... содержание больных превосходно... хирургические инструменты имеются почти для всех операций... старший и младший врачи этой больницы вполне знакомы с современным состоянием науки, они сколько опытные, столько же искусны, деятельны, внимательны к своим больным”³⁹. Н.В. Постников считался также организатором первого частного кумысолечебного заведения под Самарой (1858), где пользование больных было поставлено на научную основу.

Успехи в деле здравоохранения в нашем крае к середине XIX в. были столь же заметными, как и достижения на ниве его научного изучения, народного просвещения, распространения книг и периодики. Если учесть также начало профессиональных театральных представлений, организацию публичной библиотеки (1860)⁴⁰, то положительные результаты развития культуры города и губернии с начала XVIII в. станут еще более очевидными. Самара стремилась приобрести значение не только административного или торгового, но и культурного центра.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- ¹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С.156.
- ² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1965. Т.ХІ. С.44; М., 1963. Т.ХХVІІІ. С.235.
- ³ Там же. Т.ХХVІІІ. С.246.
- ⁴ *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С.181, 185, 212.
- ⁵ *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С.146, 151, 153.
- ⁶ Там же. С.154-156.
- ⁷ Там же. С.158.
- ⁸ ПСРЛ. Т.ХІ. С.125.
- ⁹ Там же. Т.ХХVІІІ. С.250.
- ¹⁰ Казанская история. М.; Л., 1954. С.53.
- ¹¹ Там же. С.66.
- ¹² ПСРЛ. Т.ХІІІ. С.129.
- ¹³ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С.140.
- ¹⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С.167.
- ¹⁵ *Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ Морд. гос. пед. ин-та. Саранск, 1949. С.49.
- ¹⁶ Там же. С.54.
- ¹⁷ *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV-XVI вв. М., 1877. С.303.
- ¹⁸ *Сафаргалиев М.Г.* Указ.соч. С.56.
- ¹⁹ Чтения Общества истории древностей Российских (ЧОИДР). 1896. Т.2 С.27.
- ²⁰ *Середонин С.М.* Известия англичан о России // ЧОИДР. 1884. Кн.4. С.38.
- ²¹ *Сафаргалиев М.Г.* Указ.соч. С.36.
- ²² Древняя Российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1789. Т.9. С.102.
- ²³ *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII-XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С.20-21.
- ²⁴ ПСРЛ. СПб., 1904. Т.ХІІІ, 1-я пол. С.282.
- ²⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127. Оп.1. Кн.2. Л.230.
- ²⁶ *Соловьев В.С.* История России. М., 1960. Кн.4. С.390, 391; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1821. Т.9. С.224.
- ²⁷ *Сергеев В.И.* Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР / Моск. обл. пед. ин-т. М., 1976. С.33-34.
- ²⁸ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и великого княжества Московия // Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С.256-257.
- ²⁹ *Пронштейн А.П.* К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом страны. М., 1967. С.168, 172.
- ³⁰ Сибирские летописи. СПб., 1907. С.276.

- 31 *Мякутин А.* Гнездо Самарских казаков: Очерк из истории Оренбургского казачества // Военно-исторический сборник. 1911. № 4. С.53.
- 32 *Ромодановская Е.К.* Строгановы и Ермак // История СССР. 1976. № 3. С.142.
- 33 *Перетяткович Г.И.* Указ. соч. С.285.
- 34 *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С.384 и др.; *Стрейс Я.* Три путешествия. М., 1935. С.189 и др.
- 35 *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С.188.
- 36 *Карпов А.Б.* Уральцы. Уральск, 1911. С.41.
- 37 *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С.138.
- 38 РГАДА. Ф.127. Оп.1. Кн.10. С.140.
- 39 *Сергеев В.И.* Указ. соч. С.28.
- 40 РГАДА. Ф.127. Оп.1. Кн.10. С.110 об.
- 41 Там же. С.65 об.
- 42 Там же. Л.127.
- 43 Там же. Л.141-142, 147 об.-149, 256-257 об., 269-270.
- 44 Там же. Л.260.
- 45 Там же. Д.13. 1586 г.
- 46 *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С.179.
- 47 *Карпов А.Б.* Указ. соч. С.52.
- 48 Там же. С.75, 356-357.
- 49 *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С.143.
- 50 Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т.3, № 230. С. 443.
- 51 *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI – XVIII вв. Саратов; М., 1923. С.198.
- 52 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). СПб., 1836. Т.3. № 18. С. 21-23; № 25. С.46-54.
- 53 *Дубман Э.Л., Дубинин С.И.* Записки Э. Кемпфера о путешествии по Волге от Казани до Астрахани // Краеведческие записки. Выпуск VIII, посвященный 110-летию музея. Самара, 1996. С.315-317.
- 54 *Пискаревский летописец.* Материалы по истории СССР. Вып. 2 // Документы по истории XV-XVII вв. М., 1955. С.88.
- 55 *Тверской Л.М.* Русское градостроительство до конца XVII в.: Планировка и застройка русских городов. М.; Л., 1953; *Алферова Г.В.* Русские города XVI-XVII вв. М., 1989.
- 56 Фотокопия документа хранится в коллекции самарского краеведа Е.Ф.Гурьянова.
- 57 *Гурьянов В.Ф.* Древние вехи Самары. Куйбышев, 1986. С. 24, 36-42.
- 58 РГАДА. Ф.127. Оп. 1. 1586 г. Стб.11. Л. 6-7 и др.
- 59 Архив Санкт-Петербургского Института истории филиала Института российской истории (А СПб ИИ ФИРИ). Ф.38. Оп. 1. Д. 66. Л. 374; *Дубман Э.* Князь Григорий Засекин: (Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов). Самара, 1995. С. 41-48.
- 60 РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1586 г. Стб.13. Л.38-38 об., 40.
- 61 Там же. Д.10.
- 62 *Карпов А.Б.* Указ. соч. С.859.
- 63 РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1586 г. Стб.13. Л.60.
- 64 *Карпов А.Б.* Указ. соч. С.858.
- 65 *Маржерет Ж.* Указ. соч. С.258.
- 66 *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С.150.
- 67 ААЭ. Т.2. С.175.

- 68 *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С.22-23.
- 69 *Масса И.* Указ. соч. С.153.
- 70 Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1892. Т.ХХI. С.171.
- 71 *Смирнов Ю.Н.* Разгром авантюры И.Заруцкого в Поволжье в 1614 г. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период). Уфа, 1988. С.72.
- 72 Труды Восточного отделения... Т.ХХI. С.241.
- 73 Там же. С.165, 175, 178.
- 74 АИ. Т.3. С.425.
- 75 *Бушуев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613-1621 гг. М., 1987. С.16, 21, 22.
- 76 Там же. С.30, 32-33.
- 77 Труды Восточного отделения... Т.ХХI. С.229.
- 78 АИ. Т.3. С.411-413.
- 79 Там же. С.420, 423, 426-428.
- 80 Там же. С.442.
- 81 Там же. С.25.
- 82 Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933. Ч.1. С.119.
- 83 Там же. С.121.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- 1 А СПб ИИ ФИРИ. Ф.38. Оп.1. Д.67. Л.246.
- 2 Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 год // ЧОИДР. 1893. Кн.4. С.51-65.
- 3 А СПб ИИ ФИРИ. Ф.38. Оп.1. Д.67.
- 4 Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И.Веселовского. СПб., 1890. Т.1. С.220; Книги разрядные. СПб., 1853. Т.1. С.1141-1358; СПб., 1855. Т.2. С.87-931.
- 5 Окладная расходная роспись... С.56-65.
- 6 А СПб ИИ ФИРИ. Ф.38. Оп.1. Д. 67. Л.214.
- 7 Окладная расходная роспись... С.56-65.
- 8 *Петровский Н.М.* Новый список путешествия Ф.Я.Котова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (ИОРЯС). 1910. Т.15, кн.4. С.291-292.
- 9 А СПб ИИ ФИРИ. Ф.38. Оп.1. Д. 67. Л.275.
- 10 *Бруин К.* Путешествие через Московию. М., 1873. С.173.
- 11 ЖМВД. 1850. №32.
- 12 РГАДА. Ф.210. Московский стол. Д.623. Л.475.
- 13 Там же. Ф.281. Оп.16. Д.10845. Л.6-7.
- 14 Там же. Л.4.
- 15 *Лебедев В.И.* Из истории правительственной колонизации Среднего Поволжья в XVII в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С.56-58.
- 16 *Невоструев К.* Сведения о построении города Сызрани // ЖМВД. 1849. № 11. С.471.
- 17 РГАДА. Ф.210. Д.66. Л.853-872.
- 18 *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.312-313; *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России. Самара, 1997. С. 21-22.
- 19 *Преображенский П.А.* Очерк истории Самарского края. Самара, 1919. С.33.

- 20 *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция... С. 122.
- 21 Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ). СПб., 1830. Т.Х, № 7735.
- 22 *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч.1. С.225.
- 23 Материалы по историко-статистическому описанию оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1907. Вып. VII. С.44, 59, 66, 90.
- 24 Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М., 1985. С.271-274.
- 25 РГАДА. Ф.119. Оп.1. 1643 г. Д.1. Л.481-490; *Богоявленский С.К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в.//Исторические записки. 1939. №5. С.81.
- 26 Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М., 1967. С.111-127.
- 27 Там же. С.100-126.
- 28 РГАДА. Ф.248. Д.140. Л.316.
- 29 Там же. Л.314, 331.
- 30 Там же. Ф.396. Оп.1. Д.101. Л.14 об.
- 31 РГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. Л.62.
- 32 Там же. Л.62-63.
- 33 Там же. Л.60, 64-66.
- 34 *Паллас П.С.* Указ. соч. С.175.
- 35 РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1430. Л.82-83.
- 36 РГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. Л.410-411.
- 37 *Беликов Т.И.* Участие калмыков в крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева. Элиста, 1971. С.46.
- 38 РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.242. Л.13 об.
- 39 *Пекарский П.П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1887. С.171.
- 40 *Щербатов М.М.* Статистика в рассуждении России // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. М., 1859. Кн. 3, отд. 2. С. 25, 52.
- 41 РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1410; *Беликов Т.И.* Указ соч. С.28, 155.
- 42 Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода (ОДДАС). СПб., 1907. Т.15. Стб. 955-959.
- 43 РГАДА. Ф.1209. Кн.6468. Л.25-67.
- 44 *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т.2. С.224-255.
- 45 РГАДА. Ф.281. Оп.17. Д.11562. Л.3-86.
- 46 Там же. Оп.16. Д.10845. Л.5-6; Ф.1209. Оп.17. Д.159. Л.83-83 об., 90-90 об.
- 47 Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д.146. Л.134.
- 48 РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.2. Д.2939. 1709 г. Л.295-295 об.
- 49 Там же. Ф.281. Оп.17. Д.11587. Л.1.
- 50 Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д.146. Л.132-133.
- 51 РГАДА. Ф.281. Оп.17. Д.11572. Л.121-142 об., 159-198.
- 52 Там же. Ф.1097. Оп. 1. Д.79-81.
- 53 *Смирнов Ю. Н.* Оренбургская экспедиция... С. 138-139.
- 54 РГАДА. Ф.350. Оп. 2. Д.2899. Л.546, 548.
- 55 *Артамонова Л.М.* Основание селений Самарского края в XVIII веке по крестьянским наказам в Уложенную комиссию 1767-1768 гг. и по устным преданиям // Самарский земский сборник. 1998. № 1. С. 23-26; *Смирнов Ю.Н.* Чувашские историко-топонимические предания о заселении Заволжья в конце XVII – начале XIX вв. // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1997. № 1. С. 30-31.

- 56 РГАДА. Ф.1336. Оп.2. Ч.III. Д.2746. Л.9 об., 46.
- 57 Там же. Д.3750. Л.136, 151, 152 об., 167.
- 58 РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3351. Л.45-50 об., 77.
- 59 *Артамонова Л.М.* Основание селений Самарского края... С. 27-28.
- 60 НА РГО. Раз. № XXXVII. Д.39. С.32-33; РГАДА. Ф.7. Оп.1. Д.611. Л.174 об.
- 61 *Смирнов Ю.Н.* Население Самарского края по III ревизии // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX вв. Куйбышев, 1986. С.16-17.
- 62 *Заозерская Е.И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII вв.: К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970. С.180.
- 63 *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С.509.
- 64 *Новосельский А.А.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. 1938. Т.4. С.21-40.
- 65 РГАДА. Ф.1209. Кн.6468. Л.25-67.
- 66 ОДДАС. Т.15. Стб.955-959; ЦГАДА. Ф.1183. Д.129. Л.4-7, 12-14.
- 67 *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия... С.228-247.
- 68 Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. М., 1985. Т.3. С.188.
- 69 А СПб ИИ ФИРИ. Ф.38. Оп.1. Д.66. Л.99, 188-189.
- 70 Там же. Л.377, 381, 395 и др.
- 71 РГАДА. Ф.1239. Оп.52. Д.1407. Л.26 об.-27.
- 72 Там же. Ф.281. Оп.17. Д.11582. Л.159-198.
- 73 *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII вв. М., 1987. С.181.
- 74 РГАДА. Ф.11. Оп.1. Д.70. Л.74 об.
- 75 Там же. Ф.248. Д.531. Л.319 об.
- 76 *Орлов-Давыдов В.П.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Ч.1. С.47-48.
- 77 Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1869. Т.4. С.94.
- 78 РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.109. Ч.2. Л.293, 294 об., 296 об.
- 79 *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795. Ч.1. С.140.
- 80 РГАДА. Ф.1239. Оп.1. Д.101. Л.2-4.
- 81 Там же. Оп.52/2. Д.1407. Л.64.
- 82 Там же. Л.72 об.
- 83 Там же. Оп.1. Д.101. Л.57 об., 76 об.
- 84 Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т.6. С.175.
- 85 *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С.354.
- 86 РГАДА. Ф.1239. Оп.52. Д.1407. Л.26 об.-28 об.
- 87 АИ. Т.5, № 65. С.95.
- 88 РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.140, 143; Ф.237. Оп.1. Ч.II. Д.255. 1702 г. Л.2 об.
- 89 *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Экстремальные природные условия в русских летописях XI-XVII вв. Л., 1983. С.23-24.
- 90 РГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.2. Д.255. 1702 г. Л.1-3; Оп.1. Ч.1. Д.34. 1701 г. Л.289-289 об. и др.
- 91 Там же. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.1-144.
- 92 Там же. Ф.237. Оп.1. Ч. III. Д.6337. Л.3,5 об.
- 93 *Паллас П.С.* Указ.соч. С.135, 228-229, 242-243.
- 94 РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.10 об.

- 95 РГАДА. Ф.248. Оп.113. Д.16516. Л.350 об.
- 96 Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV— середина XIX вв.). М., 1983. С.59.
- 97 Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795. Ч.1. С.143-144.
- 98 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.91. Оп.1. Д.381. Л.372.
- 99 Паллас П.С. Указ.соч. С.229, 306.
- 100 РГИА. Ф.91. Оп.1. Д.381. Л.379.
- 101 Там же. Л.120, 379.
- 102 Лепехин И.И. Указ.соч. С.148.
- 103 Казанская история // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI в. М., 1985. С.344.
- 104 Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1860. Т.2. С.21.
- 105 Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (по материалам внутренних таможен). М., 1958. С.203-206; Тверская Д.И. Москва второй половины XVII в. - центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С.81-82 и др.
- 106 РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.24. 1687 г.; Ф.159. Оп.1. Д.59; Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.20-31 и др.
- 107 Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке: По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С.41-51; Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1768 гг. СПб., 1775. С.361-362; Исследования о состоянии... Т.2. С.75-94 и др.
- 108 ЦГАДА. Ф.125. Д.323а. Л.2-16, 47-57 об.
- 109 ЦГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.20-31.
- 110 Дополнения к Актам историческим (ДАИ). Т.6. С.304.
- 111 РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.1-144.
- 112 Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т.2. С.242-243.
- 113 РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.58. Л.104-105 об.
- 114 Бахрушин С.В. Указ. соч. С.234-235; Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957. С.65.
- 115 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч.1. С.268-269.
- 116 РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.74, 107.
- 117 Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С.139.
- 118 РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.1-144 об.
- 119 Там же. Ф.1199. Оп.1. Д.7. Л.135 Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение... С.58-60.
- 120 Книга Большому Чертежу. С.140.
- 121 РГАДА. Ф.1335. Оп.2. Д.5195.
- 122 Лепехин И.И. Записки... Т.3. С.150.
- 123 Сб. РИО. СПб., 1873. Т.11. С.491.
- 124 Паллас П.С. Указ. соч. С.283-288.
- 125 Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России. М.; Л., 1949. Т.2. С.418.
- 126 Бруин К. Указ. соч. С.173.
- 127 РГАДА. Ф.1209. Кн.6468. Л.4 об.-24.
- 128 Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв. М., 1977. С.215.

- ¹²⁹ *Воскобойникова Н.П.* К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII в. // История СССР. 1986. № 3. С.158-159.
- ¹³⁰ РГАДА. Ф.281. Оп.16. Д.10841. Л.1.
- ¹³¹ *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV-XVII вв. М., 1973. С.287-288.
- ¹³² *Гурьянов Е.Ф.* Древние веки Самары. Куйбышев, 1986. С.73.
- ¹³³ *Родин Ф.Н.* Бурлачество в России. М., 1975. С.24; *Готье Ю.В.* Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С.237.
- ¹³⁴ *Шефер А.* Город Куйбышев: (Очерки истории Самары-Куйбышева). Куйбышев, 1940. С.20.
- ¹³⁵ А СПб ИИ ФИРИ. Ф.38. Д.67. Л.146.
- ¹³⁶ РГАДА. Ф.396. Д.41162. Л.29-45.
- ¹³⁷ *Бруин К.* Указ.соч. С.174.
- ¹³⁸ *Родин Ф.Н.* Указ.соч. М., 1975. С.82.
- ¹³⁹ РГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. Л.161.
- ¹⁴⁰ Там же. Л.32, 161, 176-177.
- ¹⁴¹ Сб.РИО. СПб., 1900. Т.107. С.610, 612.
- ¹⁴² Там же. СПб., 1903. Т.115. С.345.
- ¹⁴³ *Паллас П.С.* Указ.соч. С.228-229.
- ¹⁴⁴ *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С.233.
- ¹⁴⁵ РГАДА. Ф.263. Оп.1. Ч.II. Д.463. Л.3-4.
- ¹⁴⁶ Там же. Ф.248. Д.308. Л.29, 249 об.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф.263. Оп.1. Ч.II. Д.463. Л.5 и 5 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Ф.1239. Оп.1. Д.101. Л.56 об.; Д.116. Л.6.; РГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. Л.78.
- ¹⁴⁹ *Паллас П.С.* Указ.соч. С.225.
- ¹⁵⁰ РГАДА. Ф.248. Д.4313. Л.120-123.
- ¹⁵¹ *Кизиветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С.139, 160.
- ¹⁵² РГАДА. Ф.350. Оп.2. Ч.2. Д.2899. Л.529.
- ¹⁵³ Там же. Д.2899. Л.519.
- ¹⁵⁴ Материалы оренбургского казачьего войска. Вып. VII. С.144-145.
- ¹⁵⁵ РГАДА. Ф.767. Д.3. Л.57-62. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 113.
- ¹⁵⁶ *Castl J.* Journal von der Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier Chan... Reise// Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaizers Peters des Grossen. Zweiter Teil. 1730-1741. Riga, 1784.
- ¹⁵⁷ *Кирилов И.К.* Указ. соч. С.233.
- ¹⁵⁸ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.913. Л.2 и 2 об.; Ф.248. Д.3930. Л.178.
- ¹⁵⁹ Там же. Ф.767. Д.2. Л.62 и 62 об.
- ¹⁶⁰ *Смирнов Ю.Н.* Политика освоения Зафолжья и организация управления его территориями в XVIII–первой половине XIX веков: (Основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 82-83.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

- ¹ РГАДА. Ф.1199. Оп.1. Д.66; Ф.281. Оп.17. Д.11565. Л.28-29.
- ² РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.29. 1683 г. Л.1-8; Д.2. 1677 г. Л.3-8; Д.54. 1684 г. Л.1-23; ДАИ. Т.10. С.76-79; и др.
- ³ Там же. Ф.1199. Оп.1. Д.71. Л.1.
- ⁴ Там же. Ф.237. Оп.1. Ч.II. Д.2239. 1708 г. Л.1-2.
- ⁵ Там же. Ф.1239. Оп.52. Д.1407. Л.143 об.-157.
- ⁶ Там же. Ф.237. Оп.1. Ч.II. Д.1236. 1705 г. Л.1-15 об.; Д.1983. 1707 г. Л.1-60.
- ⁷ А СПб ИИ ФИРИ. Ф.38. Оп.1. Д.67. Л.214.

- 8 РГАДА. Ф.1199. Оп.1. Д.7. Л.61.
- 9 Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке: По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 78-86.
- 10 Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т.7. С.357.
- 11 РГАДА. Ф.1167. Оп.1. Ч.II. Д.1530. Л.7.
- 12 Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1957. Т.2, ч.1. С.535.
- 13 Там же. М., 1962. Т.3. С.534.
- 14 Там же. С.533.
- 15 Там же. Т.3. С.533; Т.2, ч.1. С.535.
- 16 Там же. Т.3. С.110-111.
- 17 Там же. С.118-119.
- 18 РГАДА. Ф.248. Д.3620. Л.626-632.
- 19 Там же. Ф.342. Оп.1. Д.242. Л.11-14; Д.98. Ч.II. Л.3-6, 8-14.
- 20 Там же. Ф.248. Д.3773. Л.144 и 144 об.
- 21 Там же. Ф.342. Оп.1. Д.109. Ч.II. Л. 276-277, 310, 318 и 318 об.
- 22 Там же. Ч.16. Л.29 об.-30.
- 23 Там же. Ч.11. Л.194 об.
- 24 Там же. Л.303, 304.
- 25 Там же. Л.287, 312 об., 315 об., 315 об., 317.
- 26 Там же. Л.318 об.
- 27 Сб.РИО. СПб., 1900. Т. 107. С.461-462.
- 28 Там же. С.464.
- 29 Там же. С.466-467.
- 30 Там же. С.615.
- 31 Там же. СПб., 1889. Т. 68. С.6.
- 32 Там же. СПб., 1894. Т. 93. С.5.
- 33 Артамонова Л.М. Депутат Д.Ф.Рукавкин // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч.1. С.44.
- 34 РГАДА. Ф.248. Д.3931. Л.337.
- 35 Смирнов Ю.Н. Население г.Самары в Пугачевском восстании // Социально-экономическое развитие и народные движения на Южном Урале и в Среднем Поволжье. Уфа, 1990. С.106-116.
- 36 Смирнов Ю.Н. Повстанческие власти и крестьянское самоуправление в Самарском крае в 1773-1774 гг. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С.48-55.
- 37 См.: Беликов Т.И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И.Пугачева. Элиста, 1971.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- 1 Самара-Куйбышев: Хроника событий. Куйбышев, 1985. С.42.
- 2 РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.4-5.
- 3 Там же. Ф.16. Оп.1. Д.934. Ч.II. Л.25.
- 4 Там же. Л.2.
- 5 Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.6.
- 6 РГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. Л.64-66, 82-83.
- 7 РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1410-1422. Л.1.
- 8 РГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. Л.17-18.
- 9 РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.7 об., 10 об.
- 10 Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С.55.
- 11 Очерки русской культуры, XVIII век. М., 1985. Ч. I. С.122.

- 12 РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.11-24 об.
- 13 Там же. Ф.1273. Оп.1. Д.548. Л.149 об.
- 14 Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1410. Л.1.
- 15 Там же. Ф.1336. Оп.3. Д.46. Л.1, 5.
- 16 Там же. Оп.4. Д.25. Л.1.
- 17 Там же. Ф.1354. Оп.418. Д.Е-3.
- 18 Там же. Ф.1336. Оп.1. Д.1038-1040.
- 19 Там же. Ф.1273. Оп.1. Д.535. Л.60-70 об.; Д.531. Л.87; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.147. Оп.6. Д.8. Л.9.
- 20 РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.531. Л.104 об.; Д.3320. Л.1-5.
- 21 Там же. Д.531. Л.92, 132; Д.535. Л.80.
- 22 ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.8. Л.9 и 9 об.
- 23 Там же. Оп.5. Д.12. Л.37 и 37 об.; РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.558. Л.67.
- 24 РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.558. Л.61 об., 103 об.
- 25 ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.7. Л.417 об.-418.
- 26 Там же. Оп.7. Д.26. Л.28 об.; Оп.7. Д.5. Л.33, 64 об.-65.
- 27 РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.555. Л.10 об.; Ф.1274. Оп.1. Д.3309. Л.3.
- 28 Там же. Ф.16. Оп.1. Д.931. Л.32 об.; Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.72; РГВИА. Ф.ВУА. Д.19023. Л.44 и 44 об.
- 29 *Ендураев В.А.* Из истории Похвистневского района // Краеведческие записки. Куйбышев, 1971. Вып. 2. С.63.
- 30 РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1425. Л.51 об.-56.
- 31 Там же. Ф.1273. Оп.1. Д.558. Л.64 об.; Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.45.
- 32 *Тарасов Ю.М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала. М., 1984. С.92.
- 33 Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самара, 1889. Т. 6. С.10.
- 34 Там же. Самара, 1885. Т. 3. С.12.
- 35 РГАДА. Ф.1354. Оп.418. Д.Е-3.
- 36 Там же. Оп.443. Д.Н-25.
- 37 Там же. Ф.1273. Оп.1. Д.3323. Л.141-142; Д.3333. Л.50 и 50 об.
- 38 ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.7. Л.143-145 об.
- 39 РГАДА. Ф.1274. Оп.1. Д.1216. Л.3.
- 40 Там же. Ф.1273. Оп.1. Д.629. Л.3 и 3 об., 36 об.
- 41 Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1425. Л.51 об.-55, 48 и 48 об.
- 42 Там же. Л.40 об.-42; Д.1432. Л.104 об., 107, 125-130.
- 43 Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1430. Л.98 и 98 об., 117 об.-121 об.
- 44 *Тарасов Ю.М.* Указ.соч. С.53.; *Ведерникова Т.И.* Государственная политика насаждения помещичьего землевладения в Самарском Заволжье в XVII-XVIII вв. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С.64, 67; РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1432. Л.74.
- 45 РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1432. Л.51 об., 148.
- 46 Там же. Д.1422. Л.107; Д.1410.
- 47 ГАУО. Ф.147. Оп.10. Д.43. Л.1-5.
- 48 *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. М., 1989. Т. V. С.132.
- 49 РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.548. Л.31 об.; Д.531. Л.152; Д.535. Л.140; Д.558. Л.67 об.
- 50 ОР РГБ. Ф.219. Карт.90. Е.х.27. Л.10 об.-11.
- 51 ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.7. Л.188 об.-189.
- 52 Там же. Л.187-188.
- 53 В крепостную эпоху на Средней Волге. М; Самара, 1934. С.108.
- 54 РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.535. Л.60 и 60 об.

- 55 ОР РГБ. Ф.219. Карт.133. Е.х.11. Л.1; В крепостную эпоху... С.114.
- 56 ОР РГБ. Ф.219. Карт.133. Е.х.11. Л.1; ГАУО. Ф.147. Оп.7. Д.26. Л.20-23.
- 57 ГАУО. Ф.147. Оп.7. Д.5. Л.146.
- 58 ОР РГБ. Ф.219. Карт.90. Е.х.27. Л.13; РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.548. Л.154а; Д.564. Л.18.
- 59 РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.548. Л.90 об.; Д.562. Л.42 об.
- 60 ОР РГБ. Ф.219. Карт.90. Е.х.25. Л. 3 об.-9.
- 61 Известия общества археологии, истории, этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1906. Т. XXII, вып. 1. С.63.
- 62 РГВИА. Ф.ВУА. Д.19029. Л.234 об.-240.
- 63 РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1425. Л.44 об.
- 64 ГАУО. Ф.147. Оп.11. Д.21. Л.10 об.
- 65 РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.558. Л.34 и 34 об.
- 66 ГАУО. Ф.147. Оп.7. Д.26. Л.23; Д.5. Л.33 и 33 об.
- 67 РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.562. Л.87 об.
- 68 Там же. Д.558. Л.4; ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.7. Л.137 и 137 об., 438.

ГЛАВА ПЯТАЯ

- 1 Здесь и ниже подсчитано по: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1287-1288, 1303, 1316, 1305, 1338, 1348, 1366, 1410, 1422, 1430; *Тарасов Ю.М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала: (Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). М., 1984. С. 52; *Кириков С.В.* Человек и природа степной зоны: Конец X – середина XIX в.: (Европейская часть СССР). М., 1983. С. 69; Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1864. Т. XXXVI: Самарская губерния. С. XXVII- XXIX.
- 2 РГБ ОР. Ф.219. Кар.13. Е.х.11. Л.1об.; РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.3320.
- 3 ОР РГБ. Ф. 548. Кар. 4. Е.х. 29. Л. 40 об. – 41.
- 4 ГАУО. Ф. 134. Оп. 36. Д. 227. Л. 1 и 1 об.
- 5 РГИА. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.
- 6 ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7850. Л. 76-87 об.
- 7 Подсчитано по: РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 867. Л. 68-122.
- 8 Здесь и ниже подсчитано по: РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 330.
- 9 РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 654. Л. 10 и 10 об., 14 и 14 об., 22-25, 30; Д. 1163. Л. 302 об. - 360 об.
- 10 РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 523. Л. 89.
- 11 ОР РНБ. Ф.571. Перовские. Д.13. Л. 42 об.
- 12 ГАОО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об.-28 об.; 203 и 203 об.
- 13 РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 791. Л. 8 об., 12 и 12 об., 14, 17 об.-18 об., 47 об.
- 14 Там же. Д. 943. Л. 7 об.
- 15 НА РГО. Раз.34. Д. 6. Л. 36 об.; Д. 22. С.11.
- 16 ГАОО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 31. Л. 5, 6 об.; Ф.147. Оп.4. Д.11. Л.23 об.; Ф. 167. Оп. 1. Д. 28. Л. 2 и 2 об.
- 17 *Смирнов Ю.Н.* Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX в. и образование Самарской губернии // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 38.
- 18 *Смирнов Ю.Н.* Башкиры Степного Заволжья в конце XVIII – первой половине XIX века // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1997. № 2-3.
- 19 ОР РНБ. Ф.571. Перовские. Д.13. Л.6 об.-7, 39.
- 20 ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.12365. Л.2, 26, 33 и 33 об.
- 21 ОР РНБ. Ф.120. Бычковы. Оп.1. Д.2401. Л.22.
- 22 РГИА. Ф.383. Оп.9. Д.7674. Л.73.
- 23 РГИА. Ф.1287. Оп.31. Д.14; Ф.1290. Оп.1. Д.67. Л.3 об., 5 об., 29 и 29 об.

- 24 *Смирнов Ю.Н.* Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX веков: (Основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 89-90.
- 25 ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 5733. Л. 1-7.
- 26 ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12357.
- 27 *Смирнов Ю.Н.* Причины административного переустройства... С. 41-42.
- 28 ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 142. Л. 98; Ф. 110. Оп. 2. Д. 1418. Л. 1 и 1 об., 3, 16 и 16 об.
- 29 ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.12852. Л. 1-3.
- 30 РГИА. Ф. 1341. Оп. 80. Д. 475. Л. 8,12.
- 31 Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при I отделении департамента Генерального штаба. Т. V. Часть 3. Самарская губерния / Сост. Безносиков. СПб., 1853. С.81.
- 32 Центральный государственный архив республики Татарстан (ЦГАРТ). Ф.422. Оп.1. Д.341. Л.1.
- 33 Там же. Л.2 об.
- 34 *Шапов А.П.* Историко-географическое распределение русского народонаселения // Сочинения. СПб., 1906. Т. 2. С.193.
- 35 Военно-статистическое обозрение... Самарская губерния. С.81.
- 36 Материалы для географии и статистики России. Пензенская губерния. СПб., 1867. Ч.II. С.249.
- 37 Там же. С.252.
- 38 *Благовидов Ив.* Материалы к исследованию здоровья инородцев Симбирской губернии Буинского уезда чуваш, мордвы и татар, собранные посредством измерения роста, окружности груди, емкости легких и веса: Дис. ... д-ра медицины. СПб., 1888. С.18.
- 39 *Змеев Л.Ф.* Медико-топографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии: Дис. ... д-ра медицины. М., 1883. С.63.
- 40 *Овсянников А.Н.* Географические очерки и картины: Т. 1: Очерки и картины Поволжья. СПб., 1878. С. 63.
- 41 *Благовидов Ив.* Указ. соч. С.5.
- 42 *Ляковский Б.* Материалы для статистического описания Самарской губернии // Журнал МВД. 1860. № 7. Отд. 3. С.65-66.
- 43 *Сбоев В.А.* О быте крестьян в Казанской губернии. Казань, 1856. С.25-26.
- 44 Там же. С.23.
- 45 *Халиков Н.А.* Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX – начала XX в. // Историко-этнографическое исследование. М., 1981. С.102.
- 46 *Ляковский Б.* Указ. соч. С.71.
- 47 Там же. С.18-19.
- 48 Там же. С.85.
- 49 СГВ. 1854 г. 31 июля. С.219.
- 50 *Жданов М.П.* Путевые записки по России в двадцати двух губерниях. СПб., 1843. С.70.
- 51 *Гакстгаузен, Август, барон.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870. Т. 1. С.349-350.
- 52 *Макаров Н.П.* Зерновое хозяйство Северной Америки. М., 1924. С.21.
- 53 СГВ. 1854 г. 9 января. С.11.
- 54 *Штуkenберг.* Статистические труды: Самарская губерния. СПб., 1858. С.11.
- 55 Там же. С.7.
- 56 Военно-статистическое обозрение... Самарская губерния. С.110.
- 57 Материалы для географии и статистики России. С.62.

- 58 Ляковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии // Журнал МВД. 1860. № 7. Отд. 3. С. 28.
- 59 Ляковский Б. Река Ирғиз // ЖМВД. 1856. Ч. XXI. Кн. 12. Отд. VI. С. 21.
- 60 Материалы для географии и статистики России. С. 62.
- 61 Леопольдов А. Ф. Исторические заметки о Самарском крае // ЖМВД. 1848. Февраль. С. 118-120.
- 62 Мионов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. М., 1981. С. 222.
- 63 СГВ. 1856. 24 ноября. С. 200.
- 64 Леопольдов А. Ф. Статистическое описание Саратовской губернии: В 2 ч. СПб., 1839. Ч. 2. С. 140-141.
- 65 СГВ. 1854. 27 февраля. С. 58.
- 66 Там же. С. 59.
- 67 Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе, 1861-1880 гг. М., 1978. С. 9.
- 68 ГАСО. Ф. 398. Оп. 1. Д. 195а. Л. 4 об. 44 об.
- 69 Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX века. М., 1987. С. 35
- 70 Там же. С. 107.
- 71 Граф П. Д. Киселев и его время. М., 1882. Т. 2. С. 53.
- 72 Гриценко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: Очерки. Грозный, 1959. С. 464.
- 73 Военно-статистическое обозрение... Самарская губерния С. 81.
- 74 Гакстгаузен, Август, барон. Указ. соч. Т. 1. С. 349.
- 75 Заболоцкий-Десятовский А. П. О крепостном состоянии в России // Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. IV. С. 300.
- 76 Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 133, 150, 156.
- 77 Заболоцкий-Десятовский А. П. Указ. соч. С. 286.
- 78 СГВ. 1858. 17 мая. С. 93-94.
- 79 ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 131. Л. 97.
- 80 Исследование современного состояния овцеводства в России. Вып. V. Тонкорунное овцеводство в Юго-Восточных губерниях. СПб., 1885. С. 32-33.
- 81 Там же. С. 9.
- 82 ОР РНБ. Ф. 226. Грот К. К. Оп. 1. Д. 26. Л. 41 об.
- 83 Там же. Л. 36 об. 37.
- 84 Там же. Л. 46.
- 85 Декабристы: Поэзия, драматургия, публицистика, литературная критика. М.; Л., 1951. С. 510.
- 86 Крестьянское движение в России, 1796-1825: Сборник документов / Под ред. С. Н. Валка. М., 1961. С. 642-643.
- 87 Там же. С. 308.
- 88 Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния. СПб., 1867. Ч. II. С. 33.
- 89 Клибанов А. И. Народная социальная утопия: XIX век. М., 1978. С. 265.
- 90 Леопольдов А. Ф. Исторические заметки... С. 152-154.
- 91 Там же. С. 124-125.
- 92 ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 12, 14, 15, 18, 31, 33, 37, 39, 42, 46, 49 и др.
- 93 Заболоцкий-Десятовский А. П. Указ. соч. С. 315.
- 94 ОР РНБ. Основное собрание рукописных книг (ОСРК). Ф II-264. Л. 6 об.
- 95 Семенов-Тянь-Шанский П. П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857-1861) в воспоминаниях П. П. Семенова-Тянь-Шанского, бывшего члена-эксперта и заведующего делами Редакционных комиссий. СПб., 1911. Т. 1. С. 51.

- ⁹⁶ Всеволодов И.В. Беседы о фалеристике: Из истории наградных систем. М., 1990. С.110-111.
- ⁹⁷ Костин Г. История одного портрета // Орленок. 1984. С.138-139.
- ⁹⁸ Цит. по: Костин Г. Указ. соч. С.138.
- ⁹⁹ Там же. С.140.
- ¹⁰⁰ Там же. С.144.
- ¹⁰¹ Селиванов К.А. Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1953.
- ¹⁰² Второв И.А. Дневник // Путешествие в прошлое: Самарский край глазами современников. Самара, 1992. С.220.
- ¹⁰³ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 г. С.50.
- ¹⁰⁴ Второв И.А. Указ. соч. С.221.
- ¹⁰⁵ Там же. С.222.
- ¹⁰⁶ Самара-Куйбышев. С.44-45.
- ¹⁰⁷ Военно-статистическое обозрение... Самарская губерния. С.67.
- ¹⁰⁸ Самара-Куйбышев. С.45.
- ¹⁰⁹ Шелгунова Л.П. Из далекого прошлого // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. В 2-х тт. М., 1967. Т. 1. С. 52.
- ¹¹⁰ Селиванов К.А. Указ. соч. С.23.
- ¹¹¹ Беляев А.П. Воспоминания // Путешествие в прошлое... С.225.
- ¹¹² Там же. С.226-227.
- ¹¹³ Там же. С.230.
- ¹¹⁴ Шелгунова Л.П. Указ. соч. С.52-53.
- ¹¹⁵ Там же. С.51.
- ¹¹⁶ Аксаков И.С. в его письмах // Путешествие в прошлое... С.236-237.
- ¹¹⁷ Селиванов К.А. Указ. соч. С.29.
- ¹¹⁸ Шелгунов Н.В. Воспоминания. С.69.
- ¹¹⁹ Шелгунова Л.П. Указ. соч. С.52.
- ¹²⁰ ПСЗ. 2-е собр-е № 24 708.
- ¹²¹ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 г. С.6-40.
- ¹²² Шелгунова Л.П. Указ. соч. С.54.
- ¹²³ Ляковский Б. Указ. соч. С.52.
- ¹²⁴ Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1858. С.114-115.
- ¹²⁵ ГАСО. Ф.155. Оп.1. Д.519. Л.1.
- ¹²⁶ Шелгунов Н.В. Воспоминания. С.68-69.
- ¹²⁷ Леопольдов А.Ф. Исторические заметки... С.147.
- ¹²⁸ ГАСО. Ф.1. Оп.11. Д.97-348.
- ¹²⁹ Там же. Ф.3. Оп.1. Д.332. Л.4.
- ¹³⁰ Там же. Ф.155. Оп.1. Д.411, 414, 791 и др.
- ¹³¹ Там же. Ф.3. Оп.1. Д.143. Л.2.
- ¹³² Алабин П.В. Трехвековая годовщина г.Самары. Самара, 1887. С.127.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Шелгунов Н.В. Воспоминания. С.69-70.
- ¹³⁵ Самара-Куйбышев. С.49.
- ¹³⁶ СГВ. 1857. 3 августа. С.139-141.
- ¹³⁷ Самара-Куйбышев. С.48-52.
- ¹³⁸ СГВ. 1856. 25 февраля. С.38-39.
- ¹³⁹ Там же. 1 декабря. С.204-205.
- ¹⁴⁰ Там же. 24 ноября. С.200.
- ¹⁴¹ Там же. 1854. 6 февраля. С.34-35.
- ¹⁴² Там же. 25 января. С.23.
- ¹⁴³ Шевченко Т.Г. Дневник. М.; Л., 1939. С.166-167.

- ¹ Орлов А.С., Смирнов Ю.Н. Предисловие // Жажда познания: Век XVIII. М., 1986. С.11-12.
- ² Смирнов Ю.Н. Изучение языков народов Поволжья в школах Оренбургской комиссии // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. № 2. С. 18.
- ³ Артамонова Л.М. Калмыцкая школа в Ставрополе // Там же. С. 21.
- ⁴ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. I. С.211, 239.
- ⁵ ОР РГБ. Ф.219. Карт.55. Е.х.72; Карт.7. Е.х.6. Л.67-68.
- ⁶ Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Ч.1. С.47-48.
- ⁷ РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.554. Л.52; ГАУО. Ф.147. Оп. 6. Д.7. Л.373 об.
- ⁸ Там же. Д.531. Л.132 об., 159 об.; Д.534. Л.23; Д.967. Л.25-30 об.
- ⁹ Артамонова Л.М. Начало школьного образования и научных исследований в Усольской вотчине в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Самарский земский сборник. Самара, 1996. Вып. 3. С. 52.
- ¹⁰ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Симбирская губерния. СПб., 1853. Т.5, ч.II. С.138.
- ¹¹ ГАУО. Ф.322. Оп.1. Д.287. Л.566 об., 567, 573 об., 574; Оп.5. Д.78. Л.16,153.
- ¹² Артамонова Л.М. Устные предания в записях священников-краеведов как источник по истории заселения Самарской Луки с конца XVII до середины XVIII веков // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1997. № 1. С. 32.
- ¹³ Артамонова Л.М. Сбор крестьянами правобережных селений Самарского края сведений для Русского географического общества в 1847 г. // Там же. 1996. № 3. С. 35.
- ¹⁴ Русский вестник. 1875. № 4. С.497-498.
- ¹⁵ Артамонова Л.М. Книга и периодическая печать в уездной Самаре конца XVIII–первой половины XIX вв. // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 31.
- ¹⁶ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С.272.
- ¹⁷ РГАДА. Ф.248. Д.317. Л.451-452 об.
- ¹⁸ Русский вестник. 1875. № 4. С.514, 527.
- ¹⁹ РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.555. Л.8; Д.534. Л.35 об., 38 об.
- ²⁰ Там же. Д.536. Л.157, 167, 181 об., 182.
- ²¹ Там же. Д.563. Л.33 и 33 об.
- ²² Там же. Д.564. Л.5 об.
- ²³ ГАУО. Ф.147. Оп.9. Д.15. Л.1 и 1 об.
- ²⁴ Там же. Оп.6. Д.10. Л.18.
- ²⁵ Там же. Д.46. Л.7 и 7 об.
- ²⁶ Там же. Оп.7. Д.5. Л.225, 225 об.
- ²⁷ Российское законодательство X-XX веков. М., 1987. Т.5. С.263.
- ²⁸ Там же. С.273.
- ²⁹ ГАУО. Ф.147. Оп.10. Д.43. Л.51.
- ³⁰ Там же. Оп.7. Д.25. Л.19.
- ³¹ Там же. Оп.9. Д.15. Л.9.
- ³² Там же. Д.15. Л.10 и 10 об.
- ³³ РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.942. Л.18 и 18 об.
- ³⁴ Там же. Д.2910. Л.60 об.; Ф.1357. Оп.1. Д.35. Л.142 об.; ГАУО. Ф.322. Оп.1. Д.287. Л.568 об., 569.

- ³⁵ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С.22.
- ³⁶ Аксаков С.Т. Собрание сочинений. М., 1955. Т.2. С.425.
- ³⁷ Русский вестник. 1875. № 6. С.495.
- ³⁸ Шерешевский Г.М. Начало самарской медицины // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч.1. С.49.
- ³⁹ Там же. С.52-53.
- ⁴⁰ Молько В.И. Путешествие по одной улице. Куйбышев, 1987. С.13-14; Завальный А.Н. Книга и люди. Куйбышев, 1988. С.5-6; Самара-Куйбышев: Хроника событий. Куйбышев, 1985. С.51-52.

Научное издание

**ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ**

XVI – первая половина XIX века

*Утверждено к печати
Самарским научным центром
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *Л.В. Абрамова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Е.Л. Сысоева*

Верстка выполнена в издательстве
на компьютерной техники

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 25.01.2000. Формат 60 × 90^{1/16}

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл.печ.-л. 18,0. Усл.кр.-отт. 18,0. Уч.-изд.л. 21,8

Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 1671

Издательство “Наука”
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

ППП Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

